

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ФОЛЬКЛОРУ
И МИФОЛОГИИ
ВОСТОКА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. С. Брагинский

Е. М. Мелетинский

С. Ю. Неклюдов (секретарь)

Е. С. Новик

Д. А. Ольдерогге (председатель)

Б. Л. Рифтин

С. А. Токарев

С. С. Цельникер

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СБОРНИК
СТАТЕЙ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1984

Составление и редакция

Г. Л. ПЕРМЯКОВА

Предисловие
Т. В. ЦИВЬЯН

Сборник содержит статьи и рефераты статей советских и зарубежных ученых, посвященные внешней и внутренней структуре загадок, пословиц и других типов народных изречений, в частности — примет и велеризмов. Книга является логическим продолжением вышедшего в 1978 г. «Паремииологического сборника», который вызвал большой интерес паремииологов, фольклористов, лингвистов и представителей смежных дисциплин. В приложении к книге дается обширный список паремииологических публикаций 1975—начала 1982 г.

Издание рассчитано на специалистов-филологов, студентов и аспирантов, интересующихся современной теорией фольклора, общими вопросами фразеологии и теорией текста.

П $\frac{460400000-001}{013(02)-84}$ 184-83

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока», выпускаемая Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» с 1969 г., призвана знакомить читателей с современными проблемами изучения богатейшего устного творчества народов Азии, Африки и Океании. В ней публикуются монографические и коллективные труды, посвященные разным аспектам изучения фольклора и мифологии народов Востока, включая анализ некоторых памятников древних и средневековых литератур, возникших при непосредственном взаимодействии с устной словесностью. Значительное место среди изданий серии занимают работы сравнительно-типологического и чисто теоретического характера, в которых важные проблемы фольклористики рассматриваются не только на восточном материале, но и с привлечением устного словесного искусства других регионов.

В 1978 г. в серии был издан сборник статей советских и зарубежных паремиологов «Паремиологический сборник. Пословица, загадка (структура, смысл, текст)». Сборник имел положительный отклик специалистов и получил ряд благожелательных рецензий. Предлагаемый ныне сборник «Паремиологические исследования» продолжает и развивает направление исследований в области структурной паремиологии, представленное в предыдущем сборнике.

Книги, ранее изданные в серии «Исследования по фольклору и мифологии Востока»:

В. Я. Пропп. Морфология сказки. Изд. 2-е, 1969.

Г. Л. Пермяков. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клиле). 1970.

Б. Л. Рифтин. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (Устные и книжные версии «Троецарствия»). 1970.

Е. А. Костюхин. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. 1972.

Н. Рошияну. Традиционные формулы сказки. 1974.

П. А. Гринцер. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. 1974. Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В. Я. Проппа (1895—1970). 1975.

Е. С. Когляр. Миф и сказка Африки. 1975.

С. Л. Невелева. Мифология древнеиндийского эпоса (Пантеон). 1975.

Е. М. Мелетинский. Поэтика мифа. 1976.

В. Я. Пропп. Фольклор и действительность. Избранные статьи. 1976.

Е. Б. Вирсаладзе. Грузинский охотничий миф и поэзия. 1976.

Ж. Дюмезиль. Осетинский эпос и мифология. Пер. с франц. 1976. Паремиологический сборник. Пословица, загадка (структура, смысл, текст). 1978.

О. М. Фрейденберг. Миф и литература древности. 1978.

- Памятники книжного эпоса. Стил ь и типологические особенности. 1978.
- Б. Л. Р и ф т и н. От мифа к роману (эволюция изображения персонажа в китайской литературе). 1979.
- С. Л. Н е в е л е в а. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. Эпитет и сравнение. 1979.
- Е. М. М е л е т и н с к и й. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. 1979.
- Б. Н. П у т и л о в. Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. 1980.
- М. И. Н и к и т и н а. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. 1982.
- В. Т э р н е р. Символы и ритуал. Пер. с англ. 1983.
- Готовятся к изданию:
- М. Г е р х а р д т. Искусство повествования (Литературное исследование «1001 ночи»). Пер. с англ.
- Ж. Д ю м е з и л ь. Верховные боги индоевропейцев. Пер. с франц.
- Зарубежные исследования по семiotике фольклора. Сб. статей.
- С. Ю. Н е к л ю д о в. Героический эпос монгольских народов.
- Е. С. Н о в и к. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме (Опыт сопоставления структур).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основанная в 1969 г. серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока» открылась «Морфологией сказки» В. Я. Проппа. Этим был задан один из существенных и плодотворных аспектов исследований, объединяемых серией, — структурный семиотический анализ, предполагающий не только рассмотрение конкретного материала, но и выход в общую теорию. Закономерно и значимо, что вторым выпуском серии стала книга Г. Л. Пермякова «От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише)» (М., 1970). В ней сходные проблемы морфологии жанра решались на материале паремий и ставилась цель «нащупать пути приближения» к универсальной семиотической теории для паремиологии. Здесь в качестве единицы брались минимальные по протяженности тексты, которые служили своего рода ядерными конструкциями для более крупных блоков; введение трансформаций намечало на содержательном и формальном уровне переход от поговорки к сказке. Тем самым формулировались основы структурной паремиологии как самостоятельной дисциплины, с одной стороны, и как составляющей в общей теории семиотики нарратива — с другой.

В 1978 г. в той же серии вышла книга «Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст)». Задачей сборника было ознакомить читателя с «наиболее важными идеями в области паремиологии за последние 10—12 лет», дающими представление о ее современном состоянии. Информативные задачи определили структуру сборника, куда помимо оригинальных работ вошли перепечатка и рефераты уже опубликованных. Структурно-семиотический подход, примененный к анализу пословицы и загадки, раскрыл совершенно новые их свойства, выведя эти два наиболее популярных вида паремий из традиции «сокровищ народной мудрости», образов островия, этнографических наблюдений и т. п. — всего, что избавляет исследователя от строгого анализа, классификации, проникновения в содержательную и формальную структуру паремии. Естественным результатом избранной методики анализа было вскрытие существенных черт, или дифференциальных признаков, паремий. Это, в частности, подвело к разрешению одного из «тупиковых» вопросов — к возможности дать паремиям корректное определение на базе сочетания выделенных ДП. Различные способы монтирования ДП, синтаксические правила их дистрибуции, приложение к анализу правил трансформационной и порождающей грамматик и т. п. помогли выявить лежащие в их основе сложнейшие логические структуры и дать паремиям новую содержательную интерпретацию, уводящую от достаточно несложных и тривиальных (но, к сожалению, распространенных) заключений, что основной смысл паремий в непосредственном отражении опыта и наблюдений человека над окружающей действительностью.

О том, что поднятые в упомянутых работах проблемы и принятый метод анализа оказались актуальными, свидетельствуют прежде всего живой чита-

тельский интерес и многочисленные отклики (см. Приложение в конце сборника).

О том, что необходимость структурного подхода к паремииологии назрела и семя упало на благодатную почву, свидетельствуют многочисленные работы последних лет¹.

Это побудило составителей к публикации следующего выпуска. «Паремииологические исследования» продолжают и развивают программу, объявленную первым сборником, и выполняют некоторые его desiderata. Структура сборника полностью сохранена. Вместе с этим сборник вводит в рассмотрение не только новые работы, но и новый круг проблем, касающихся как теории паремииологии, так и конкретного анализа отдельных жанров и отдельных традиций.

Как и в первом сборнике, здесь большое внимание уделено загадке и пословице — с новыми поворотами темы и техническими приемами исследования. Открывающая сборник статья Т. Я. Елизаренковой и В. Н. Топорова «О ведийской загадке типа *brahmodya*» в определенном смысле содержит и основной стержень рассматриваемой проблематики и выходы к анализу многих затрагиваемых в сборнике тем. На материале одной из наиболее архаичных моделей — древнеиндийской загадки с вопросо-ответной структурой — решаются вопросы строения загадки вообще, ее типология, особенности функционирования, связь с ритуалом (и через это с глубинным мифологическим уровнем; особая проблема — возможность его реконструкции по загадке), наконец, переход от загадки к другим видам паремий (трансформационный уровень). Существенно отметить, что анализ загадки идет в контексте универсальных процессов мышления, что вводит в рассмотрение основные логические операции.

Если в упомянутой статье идет речь об одном типе загадок внутри одной традиции (хотя с широким привлечением иллюстративного материала), то другие статьи этого раздела ставят целью описание всего корпуса загадок данной традиции — прежде всего в лингвистическом аспекте (связь с географической формой, особая роль чисто языкового уровня и т. д.). Это статьи В. П. Мазурика об общем и специфическом в японских загадках и А. К. Оглоблина о типах яванских загадок. Вместе со статьей Э. Кёнгэс-Маранды, где предлагается программа описания корпуса меланезийских загадок, эти работы позволяют высказать ряд соображений о структурной роли загадок в общем паремииологическом фонде.

Раздел «Пословица» отражает теоретическое направление анализа по преимуществу: авторы используют конкретный материал как средство для построения схем общего, если не универсального характера, чтобы потом вернуться

¹ Не перечисляя теоретических работ таких признанных паремииологов, как Н. Барли, Д. Бен-Амос, А. Дандис, А. Крикманн, Э. Кёнгэс-Маранда, М. Кууси, Ю. И. Левин, Г. Л. Пермяков, Ч. Скотт, В. Фойт и др., назовем ряд книг, где к описанию паремий приложена структурно-семиотическая схема: Г. Л. Пермяков. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М., 1968; Осетинские (дигорские) народные изречения. Сост. М. С. Харитонов. М., 1980; Уйгурские пословицы и поговорки. Сост. и перевод М. К. Хамраева и Ю. И. Левина. М., 1981; Корейские народные изречения. Сост. Лим Су. М., 1982; Сомалийские пословицы и поговорки. Сост. и пер. Г. Л. Калчиц. М., 1983. Eesti vanasõnad. 1. Под ред. А. Крикманна и И. Сарв. Таллин, 1980; K a n u ö Z. Sprichwörter. Analyse einer einfachen Form. Budapest, 1981; см. также работы А. Семеркевы, Н. Рошияну и др.

к непосредственно содержательному уровню (уровню лексического наполнения), но уже на других основах.

Ю. И. Левин, вводя понятие провербиального пространства в качестве оптимально-универсального способа описания, предлагает рассматривать пословичный фонд как многомерное пространство и анализирует его локальную структуру в логико-семантическом, эстетическом и некоторых других планах. Статья Н. Барли «Структурный подход к пословице и максиме» посвящена анализу семантических структур с помощью методов математической логики и структурной лингвистики; операции трансформации позволяют установить основные принципы понятийной вариативности при переходе от одной традиции к другой и способы сохранения семантического инварианта. В работе А. Крикманна «Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы» анализ перенесен на уровень текста: устанавливая средства выделения пословицы из речевого потока, выявляя роль контекста и текстовой ситуации в широком смысле, автор приходит к установлению единой процедуры семантико-функционального анализа пословичного текста. В статье З. Каньо «Мыслительно-языковые условия отображения структуры пословицы» рассматривается ее семантическое устройство: наличествующие в пословице кванторы общности и коннективной импликация помещены в круг современной лингвистической теории.

Такой подход к описанию пословицы может быть определен моделью «смысл—текст», предполагающей широкое применение специально лингвистических приемов анализа. В работе Е. Н. Саввиной о трансформации клишированных выражений в речи перечисляются основные типы преобразования клише на уровне речевой реализации; далее устанавливается своего рода алгоритм трансформации исходной формы соответствующих выражений, из чего в дальнейшем можно вывести правила их порождения.

Модель «смысл—текст» открывает широкие конструктивные возможности для анализа и классификации разных видов паремий, для вовлечения в орбиту паремиологии и несколько новых, может быть, более сложных видов текста. В статье Е. В. Падучевой «О семантических связях между басней и ее моралью» разрабатывается процедура вывода морали из текста басни. Речь идет при этом не только о внутритекстовых связях, но и о параметрах, определяющих вариативный выбор морали извне («точки зрения»). Здесь же высказывается ряд замечаний по поводу велеризмов — структурно сходных паремий, в которых прямая речь сопровождается указанием на ситуацию высказывания, причем этот комментарий обеспечивает неожиданную, часто парадоксальную семантическую интерпретацию. Специально этому вопросу посвящена статья А. А. Быковой «Семантическая структура велеризма».

Ориентация на структуру текста определяет статью Е. Г. Павловой «Опыт классификации народных примет». В сообщении Н. В. Барабановой (предваряемом вступительной статьей Г. Л. Пермякова) на материале группы русских загадок вскрываются лежащие в их основе универсальные логические структуры.

Стремясь, как и в предыдущем сборнике, дать максимум информации при ограниченном объеме, составители отвели значительное место рефератам и сообщениям, дополняющим разделы загадки и пословицы, и ввели в сборник новый раздел — обширную библиографию, включающую основные паремиологические публикации 1975—начала 1982 г. В разделе учтены не только теоретические

тические работы, отражающие состояние и уровень современных паремиологических исследований, но и паремиологические собрания максимального числа разных традиций и соответствующие библиографии.

Составители рассматривают настоящий сборник как очередной в серии паремиологических публикаций. Тем не менее кажется целесообразным уже сейчас подвести некоторые итоги, имея в виду как раз перспективы развития паремиологии и специально структурной паремиологии, столь активной и актуальной у нас.

За последние годы необыкновенно прочное место и признание завоевала новая дисциплина — лингвистика текста, или структура текста. Она зародилась в чистой лингвистике, когда было предложено рассматривать единицы текста более протяженные, чем предложение, которое до сих пор считалось верхней границей языкового анализа. Этот один, казалось бы, узкоформальный и элементарный шаг вывел лингвистику текста в пространство с иными измерениями. Оказалось, что любой связный, т. е. представляющий смысловое единство, текст строго структурирован и что его структура имплицитно семантику и имплицитно семантикой. Там, где предполагалась случайность, зависимость от ситуации, требований момента и других внеязыковых факторов, обнаружилась последовательная система. Наличие системы обусловило глобальный подход к анализу текста: каждый элемент на каждом ярусе признавался существенным, значимым в балансе сил, обеспечивающих внутреннее единство и связность текста, его свойство быть текстом, а не механическим собранием разнородных языковых единиц.

Рассматриваемый в таком плане анализ структуры текста потребовал выработки особой методики: только лингвистические приемы или только приемы структурной лингвистики были недостаточны. С одной стороны, их не хватало для выявления всей содержательной глубины и сложности текста. С другой стороны, требовались еще более тонкие инструменты и для проникновения в формальную структуру текста. Эти требования вывели анализ текста на стык наук. Математическая логика, теория множеств, теория игр, эвристика, философия, структурная антропология и этнология, история и теория литературы и т. п. были присоединены к лингвистическому аппарату, чтобы в совокупности выработать семиотический подход к исследованию и описанию текста.

Перечисленные и другие дисциплины, вносящие свой вклад в семиотический анализ текста, не есть при этом чисто технические средства, приемы, оказавшиеся удобными и «подходящими» для прагматических целей. Текст щедро возвращает взятое, внося, в свою очередь, вклад в те же самые дисциплины, обнажая сложные логические структуры, скрытые семантические процессы и т. д. Постоянный обмен, живая связь делают лингвистику текста в каком-то смысле уникальным явлением при условии, что процессы взаимодействия не замыкаются на самих себе, но что их центром и точкой отсчета является человек и его мир, что это — претворение в текст модели мира.

В кругу этих идей совершенно особое значение получает исследование разного рода паремий. Паремии, относимые к малым жанрам, традиционно воспринимались как *dii minores* фольклора, предельно простые, если не примитивные, ценимые за «меткость» и признаваемые дефектными, вырожденными, если они расходились с обиходными представлениями и не менее обиходными эсте-

тическими требованиями. Отсюда, естественно, вытекало ограничение функций паремий орнаментальностью. Если же за ними признавалась консервация жизненного опыта, то опять-таки в той мере, в какой это согласовалось с теми же обиходными представлениями в «окультуренной» модели мира, требующей научной верификации (ср. хотя бы интерпретацию примет, обычно разделяемых на «разумные» и суеверия; при этом не замечают зыбкости границ, меняющихся в зависимости от изменения научных представлений). Можно ли считать этот и подобные критерии удовлетворительными для классификации паремий? Можно ли наконец, считать, что паремии, едва ли не самый ходовой и употребительный фольклорный жанр², играют второстепенную роль необязательного украшения или не вполне точной информации?

Структурная паремиология перевернула застывшие представления о паремиях, указала законное место этого жанра в модели мира, проникла в его внутреннюю, формальную и содержательную структуру. Приносит удовлетворение сознание того, что значительный вклад принадлежит нашей науке, что именно у нас, и в частности на страницах этой серии, выступили инициаторы логико-семиотического подхода к анализу паремий и что их усилия делают возможным подведение представляющихся весьма серьезными итогов.

В лингвистике текста паремии играют совершенно особую роль. Обычно это короткие тексты, нередко ограничиваемые одним предложением (пословицы, поговорки, речения и т. п.) или даже фрагментом предложения (разного рода клише). Иными словами, совпадая формально с элементарными языковыми единицами, которые не квалифицируются в качестве текстов, они тем не менее являются таковыми. Уже это делает их идеальной точкой отсчета.

1. Что требуется для того, чтобы предложение, его фрагмент, элементарная синтаксическая конструкция, наконец, лексема получили статус текста? Ответ на это дает структурный анализ паремий по семантическим компонентам, по функциям внутри более протяженного текста, по внутренним и внешним текстovým связям.

2. Какова структура этих минимальных текстов? Это одна из наиболее интересных проблем, решаемых и отчасти решенных структурной паремиологией, о чем уже говорилось выше, в связи с применением к анализу паремий аппарата математической логики. Сложность этого аппарата соответствует сложности структуры паремий. Парадоксальность, характеризующая паремии в самых разных аспектах — и на уровне непосредственного восприятия («остроумие», «неожиданность» и т. п.), и в сочетании таких оппозиций, как *универсальность/индивидуальность* (национальная специфика), *инвариантность/вариантность* (*устойчивость/вариативность*), *однозначность/многозначность* и т. п., — все это действует как для целого класса, так и для конкретной реализации каждой паремии. Парадоксальность проявляется и в сочетании предельной простоты на поверх-

² Можно представить человека, неспособного воспроизвести сказку, песню и т. п., — нельзя представить человека, который не владел бы хотя бы некоторыми видами паремий. Массовые эксперименты Г. Л. Пермякова показали, что в активном пользовании среднего индивида насчитывается свыше 800 разного рода паремий (см. более подробно об этом в кн.: П е р м я к о в Г. Л. 300 общеупотребительных русских пословиц и договоров. М., 1983).

ности с утонченной сложностью структуры, отражающей самые изощренные процессы мышления.

Паремии — тексты, которые человек воспринимает и усваивает первыми; своего рода тексты для начального обучения, максимально легкие для восприятия и усвоения. Но эти предельно простые, «забавные» тексты, как показывает анализ их структуры, обучают прежде всего основным логическим операциям — утверждению, отрицанию, сравнению, отождествлению и т. п., основным классификационным приемам и т. п. В буквальном смысле слова «шутя и играя», человек еще в детском возрасте усваивает наиболее сложные категории мышления. Не случайно в связи с этим внимание к структурной паремиологии, ее использование в современных науках, изучающих процессы мышления (от психиатрии, изучения нейрофизиологических процессов мышления и речи до синтезирования искусственного интеллекта).

В этом плане особое значение приобретает создание для паремиологического фонда трансформационной и порождающей грамматик. Устанавливая структурные инварианты и наблюдая их поведение в разных речевых ситуациях, подходя к паремиям как к многоуровневым и многоплановым конструкциям, мы тем самым проникаем и в их языковую суть, и в ту сферу модели мира, которая соответствует «грамматике» человеческого мышления, т. е. операционным способам построения его представлений о мире, технике его вживания в мир.

Здесь следует вернуться к собственно содержательному уровню паремий для выяснения вопроса, в какой степени происходит через паремии познание мира. Сложность формально-логической структуры паремий сама по себе свидетельствует о том, что это познание осуществляется не на уровне непосредственного наблюдения, а что усваивается переработанная и пропущенная через сложную классификационную сетку информация представлений о мире, т. е. м о д е л ь м и р а.

Это дает основание считать, что возможна и целесообразна реконструкция модели мира по парадигматическому уровню анализа всего корпуса паремий. Анализ такого рода выявляет универсальный набор семиотических оппозиций и в конце концов приводит к восстановлению ряда мотивов, персонажей, даже сюжетов, т. е. к выявлению глубинного мифологического уровня. В этом отношении особенно показательны загадки, где ответы представляют собой словарь, или алфавит, модели мира, а текст (загадывание) соответствует словарной статье, т. е. дает полную формальную и семантическую информацию для данной лексемы, указывая к тому же и способы связи с другими лексемами или перехода от одной лексемы к другой (кодирование и перекодирование). Перетекание такого рода демонстрирует и взаимосвязанность всех составных элементов в модели мира.

Это теоретическое отступление подчеркивает в данном случае не столько значимость паремий, сколько значимость структурной паремиологии. В самом деле, это резюме, суммирующее данные, сейчас воспринимающиеся почти как общеизвестные и несомненные, возможно только на основе того, что сделано за последние пять-десять лет в области семиотического анализа паремий. Если в 1969 г. говорилось о нащупывании путей к общей теории, то теперь можно констатировать и выработку процедуры анализа (на уровне общей теории и операционных приемов), и приложение этой процедуры к материалу, что, в свою очередь, сочетает практические результаты с вкладом в общую теорию.

Структурная паремиология заняла прочное и значимое место в кругу семиотических дисциплин и, более специально, в структуре текста. Важно не только это, важно, что это только начало. Паремиология — наука с будущим, и особенно существенно, что достигнутые к сегодняшнему дню результаты прогнозируют это будущее, т. е. указывают наиболее перспективные и важные направления и точки приложения сил. Сейчас речь идет о планомерных исследованиях с вполне ясно намеченными целями, с хорошо отработанным техническим аппаратом. То, что наша структурная паремиология достигла этого в такой короткий срок, — успех не меньший, чем ее вклад в освоение паремиологического фонда разных традиций.

Т. В. Цивьян

Часть I

ЗАГАДКА

Т. Я. Елизаренкова, В. Н. Топоров

О ВЕДИЙСКОЙ ЗАГАДКЕ ТИПА *ВРАНМОДУ*

Несмотря на то что ядро ведийской традиции составляют четыре Веды, которые в жанровом отношении, строго говоря, принадлежат к совершенно иным классам текстов, нежели загадка¹, значение ведийских данных для решения общих вопросов структуры загадки, ее типологии, функционирования и особенно происхождения трудно переоценить. Говоря в общем, это значение определяется сохранением в ведийской традиции того исходного локуса, в котором загадка возникла и институализировалась. Прозрачность и очевидность связи всего корпуса ведийских загадок в целом с ритуалом, а через него с прецедентом (т. е. с тем первоначальным событием, которое знаменовало становление ведийского космоса и начало всей соответствующей традиции), как и само соотношение вопроса и ответа (о чем см. далее), предполагающее нахождение искомого звена, не только разъясняющего загадку, но и означающего совершение некоего космогонического (или демидургического) акта, достаточно четко отделяет ведийскую загадку как от вырожденных вариантов загадки, так и от тех загадок, которые в ряде традиций включались в иные контексты и получили новое развитие, несводимое к простой дегенерации (понимаемой как забвение первоначальных принципов, лежащих в основе загадки, и/или нарушение границ той сферы, в которой эти принципы действуют, без формирования новых конструктивных начал, определяющих статус загадки).

Для того чтобы лучше уяснить исходный локус ведийской загадки и основной нерв ее, уместно обозначить некоторые различия между ведийской загадкой и загадкой в некоторых других, сильно эволюционировавших традициях. Ведийская модель мира предполагает, что смысл мира — в нем самом, внутри его. Этот смысл может быть открыт, найден, узан, рожден², в частности, при разгадывании загадки; найденный смысл всегда нов и единствен, он не кроется в вопросной части загадки, или, точнее, он не может быть эксплицирован из нее в соответствии с некоей т и п о в о й процедурой: открытие, обретение смысла всегда нечто сверхъестественное, всегда чудо, доступное лишь для носителя высшей мудрости. Но чудо всегда уникально и

ново, и оно не может связывать тавтологические элементы (например, вопрос и ответ загадки). Следовательно, и загадка строится таким образом, что ни о какой логической тавтологии вопроса и ответа не может быть и речи. Если вопрос загадки всегда сохраняет и свой прямой («не-загадочный») и профанический смысл³ (и, значит, установку на потенциальную тавтологичность), то ответ решительно устраняет такой смысл и ориентирует отгадчика на наиболее глубокие и сакральные смыслы, имеющие отношение к высшим ценностям мира, прежде всего к его происхождению, составу и порядку его частей, к их связи с человеком, иначе говоря, к тому, что проверяется и верифицируется в основном годовом ритуале данной традиции. Смыслы, вскрываемые ответом загадки, всегда интенсивны, миро- и жизнестроительны. Языковая форма этих смыслов, выступающая в ответе, тяготеет к тому, чтобы быть именем собственным («Небо», «Земля», «Солнце», «Месяц», «Год», «Человек» и т. п.), поскольку речь идет не о небе или человеке вообще, а только о том Небе и том Человеке, которые возникли *здесь и сейчас*, т. е. «в первый раз», в акте творения. Лишь в не этой ситуации, в условиях экстенсивного и десакрализованного существования, соответствующие языковые обозначения становятся апеллятивами. Но для того чтобы ответ загадки вскрывал новый ключевой смысл, вопрос должен формулироваться особым образом. Прежде всего он не должен быть необязательным, праздным, экстенсивным, относящимся к сфере бытового, профанического (которое, однако, само может быть — и обычно бывает — материалом формулируемого вопроса⁴); напротив, он должен быть единственно необходимым и достаточным (аспект глубинной интенсивности) вопросом о высших ценностях мира, входящим в цепь иерархически упорядоченных вопросов, которые в своей совокупности исчерпывают смысловую структуру мифопоэтической модели мира. Подобная цепь загадок как бы прошивает весь мир сверху донизу (или диахронически — от начала до настоящего времени), акцентируя тем самым его основную вертикальную ось; горизонтальная же плоскость освещается загадками лишь в той степени, в какой она подключается к разным уровням (срезам) вертикальной доминанты, или же в соответствии с некоторой дегенерацией десакрализующегося корпуса загадок. Иначе говоря, для ведийской и многих других архаичных традиций верно, что любой вопрос может быть поставлен, но не на любой вопрос может быть дан ответ; что загадка предполагает не любой вопрос, а лишь вполне определенный, ограничиваемый сферой сакрально значимого; что загадка существует в том смысле, что ее итог — открытие нового (все же то, что построено в загадке как тавтология, не затрагивает высших сакральных смыслов и ограничивается исключительно внешними уровнями структуры загадки). В такой формулировке архаичная загадка противоположна пониманию загадки в логической семантике, как и всему тому контексту, в котором выступает здесь понятие загадки. В этом легко

убедиться, обозначив ключевые позиции «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна в соответствующих вопросах: «Предложения логики суть тавтологии» (6.1); «Предложения логики, следовательно, ничего не говорят» (6.11); «Теории, в которых предложение логики может казаться содержательным, всегда ложны» (6.111); «Тот факт, что предложения логики — тавтологии, *показывает* формальные — логические — свойства языка, мира. То, что их составные части, будучи *так* связаны, дают тавтологию, характеризует логику их составных частей. Чтобы предложения, соединенные определенным образом, дали тавтологию, они должны иметь определенные свойства структуры. То, что, будучи *так* связаны, они дают тавтологию, показывает, следовательно, что они обладают этими свойствами структуры» (6.12); «Смысл мира должен лежать вне его. В мире все есть, как оно есть, и все происходит так, как происходит. В нем нет никакой ценности, а если бы она там и была, то она не имела бы никакой ценности. Если есть ценность, имеющая ценность, то она должна лежать вне всего происходящего и вне Такого (So—Sein). Ибо все происходящее и Такое — случайно. То, что делает это не случайным, не может находиться в мире, ибо в противном случае оно снова было бы случайным. Оно должно находиться вне мира» (6.41); «Для ответа, который не может быть высказан, не может быть высказан вопрос. *Загадки* не существует. Если вопрос вообще может быть поставлен, то на него можно также и ответить» (6.5)⁵. Указание различий между загадкой в архаичной традиции и в логической семантике имеет целью не только и, пожалуй, не столько подчеркивание оригинальности ведийской загадки, сколько обнаружение некоего инварианта в обеих традициях, помогающего лучше понять некоторые аспекты и собственно ведийской загадки. Дело в том, что логическая семантика, начиная с Фреге («Begriffsschrift», 1879), выработала целую систему понятий и процедур [таких, например, как различие смысла и значения (Sinn — Bedeutung), языка и метаязыка и т. п.], которые позволяют эксплицировать определенные особенности вопросо-ответного диалога, оставшиеся в тени, но имеющие отношение и к загадке, как таковой, хотя внутри ее эти особенности обычно остаются не выявленными в достаточной степени. Достаточно упомянуть две проблемы. Витгенштейновское утверждение о том, что «смысл мира — в н е его» (6.41), действительно и в отношении архаичной загадки в том смысле, что ответы, содержащие высшие смыслы, должны быть принципиально *с к р ы т ы* (и, чем важнее смысл, тем глубже должен быть он скрыт), т. е. находиться как бы в н е мира. Тема тавтологии (6.12 и др.) как характеристики логики составных частей предложений и свойств языка мира, конечно, одна из ключевых и в связи с загадкой. Действительно, вопрос загадки и ее ответ суть тавтологии⁶, но построенные таким образом, что обе тавтологические части разнонаправлены (по крайней мере на поверхностном уровне): разведение этих двух структур на максимально возможное расстояние не только «скрывает»

аспект тождества, но и представляет собой своего рода аналог выведения смысла мира в о в н е или, точнее, удержание предельно большого расстояния между смыслом (ответом загадки) и вопросом о нем, в других терминах — сохранение такого максимального напряжения между тавтологическими членами, когда сама тавтологичность предельно скрыта⁷.

Впрочем, осознание тавтологичности частей загадки или — в несколько иной формулировке — тавтологичности (изоморфности, даже тождественности) ситуации по обе стороны загадки (т. е. до ее решения и после него) присутствует и в ряде мифопоэтических концепций, в частности в идзинистике. Достаточно напомнить такое изречение, как «Великий человек подвижен, как тигр. И до г а д а н и я он уже владеет правдой» («Ицзин»)⁸, не говоря уже о многом другом. Но главное в «Книге перемен», если обратиться к ней в связи с темой загадки, конечно, не в этом. Хотя древнекитайская гадательная книга ориентирована, как и загадка, на вопрос (кодируемый определенной гексаграммой) и на ответ, т. е. на дешифровку, притом что основные смыслы, подлежащие разгадыванию, имеют непосредственное отношение к космогонической детерминированности этого мира и, следовательно, к взаимоотношению мира, его законов (судьбы) и человека⁹, существуют по меньшей мере два весьма существенных отличия «загадок» «Ицзина» от типа архаичной загадки: во-первых, «загадка», которая может быть реконструирована для «Ицзина», растворяется в нем в несравненно более широкой и потому более экстенсивной и менее сакральной сфере гадания с труднее очерчиваемыми границами; вовлекшись в русло старой китайской традиции¹⁰, загадка универсализирует сферу объектов, которые могут выступать как ее ответы, и утрачивает свою исходную целенаправленность, интенсивность и непосредственную связь с ритуалом; во-вторых, вопрос (а часто и ответ) в «Ицзине» утрачивает свойственную архаичной загадке «атомарность»; если в последней обычно выступает структура $a \supset b$ ¹¹, то в «Ицзине» обычна структура $(a, b, c, d, e, f^{12}) \supset a (b, c, \dots n)$, предполагающая операцию типа логического исчисления¹³ (пусть даже в эзотерических формах), иногда неизбежно приводящего к чуждой архаичной загадке м н о г о з н а ч н о с т и.

Сходная ситуация иногда возникает и в других традициях, обычно при одном из двух полярных условий: 1) когда вопрос слишком сложен, требует для своего решения длительного времени или приводит к некоему множеству ответов; 2) когда вопрос и ответ связаны слишком элементарными, клишированными отношениями. В этих условиях многозначность или, точнее, принципиальная альтернативность ответов на один и тот же вопрос возникает в силу тенденции к устранению обеих крайностей — предельной сложности и предельной простоты соответственно первому и второму условиям. Типичный пример может быть проиллюстрирован дзэнским *коаном*, представляющим собой аномальный вариант загадки, который развился из

ранней педагогической техники *мондо* (серии быстрых вопросов и ответов на темы дзэна между учителем и учениками)¹⁴. Для коана существенна крайняя релятивизация связей между вопросом и ответом, происходящая за счет «снижения предметной реальности в целом, ее опустошения», компенсированных приближением к «нерасчлененному восприятию мира, космическому сознанию, экстаическому переживанию целостности бытия»¹⁵, притом что сама психотерапевтическая направленность коана (ср. их связь с *сатори*) с известными основаниями может быть сопоставлена с основной целью ритуалов, включающих в себя отгадывание загадок (восстановление космической структуры и — через нее — связанного с нею человека).

На этом фоне особенно рельефно выделяется в е д и й с к а я загадка. Достаточно обратиться к текстам, отмечающим исходный локус загадки. Один из наиболее показательных примеров — фрагмент из «Тайттирия-Брахманы» (она связана с «Черной Яджурведой»), в котором описывается ритуальный обмен загадками (собственно, «рассуждениями о Брахмане», ср. *brahmodya*, *brahmavadya* при др.-инд. *brāhman*, обозначающем в данном случае высшее объективное начало, из оплотнения которого возник мир со всем, что в нем находится, и др. -инд. *vad-* 'говорить', в целом буквально 'брахманоговорение').

«Блеска и благочестия лишается тот, кто совершает *ашвамедху* — жертвоприношение коня. Тогда хотар и брахман задают друг другу с в я щ е н н ы е з а г а д к и; или они возвращают ему и блеск и благочестие. — Справа от жертвенника стоит брахман; поистине правая сторона — сторона брахмана. Брахман же — воплощение Брихаспати; и справа наделяет он благочестием приносящего жертву. Поэтому правая половина тела богаче благочестием, чем левая. — Слева от жертвенника стоит хотар; поистине левая сторона — сторона хотара. Хотар же — воплощение Агни, а Агни — это блеск; и слева наделяет он блеском приносящего жертву. Поэтому левая половина тела богаче блеском, чем правая. — Стоя по обе стороны жертвенника, з а д а ю т з а г а д к и хотар и брахман. Жертвенник же поистине воплощение приносящего жертву; и хотар и брахман возвращают приносящему жертву и блеск и благочестие.

«Что было первой мыслью?» — спрашивает хотар. «Н е б о, д о ж д ь, — вот поистине п е р в а я мысль», — отвечает брахман. И приносящий жертву о в л а д е в а е т небом и дождем. «Что было большой птицей?» — спрашивает хотар. «Конь — вот поистине большая птица». И приносящий жертву овладевает конем. «Что было темным?» — спрашивает хотар. «Ночь поистине темная». И приносящий жертву о в л а д е в а е т ночью. «Что было полным?» — спрашивает хотар. «Шри, богиня блага, поистине полная». И приносящий жертву о в л а д е в а е т пищей и прочими благами. «Кто странствует в одиночестве?» — спрашивает брахман. «Это солнце поистине странствует в одиночестве», — отвечает хотар. И приносящий жертву

о в л а д е в а е т солнцем. «Кто каждый раз рождается снова?» — спрашивает брахман. «Луна поистине каждый раз рождается снова». И приносящий жертву о в л а д е в а е т долгой жизнью. «Какое есть лекарство от холода?» — спрашивает брахман. «Огонь — вот поистине лекарство от холода». И приносящий жертву о в л а д е в а е т благочестием. «Что есть великий посев?» — спрашивает брахман. «Этот мир — вот поистине великий посев». И приносящий жертву у т в е р ж д а е т с я в этом мире. «Я спрашиваю тебя, где верхний предел земли?» — говорит хотар. «Жертвоприношение — вот поистине верхний предел земли». — отвечает брахман. И приносящий жертву овладевает жертвенником. «Я спрашиваю тебя, где пуп Вселенной?» — говорит хотар. «Жертвоприношение — вот поистине пуп Вселенной», — отвечает брахман. И приносящий жертву о в л а д е в а е т жертвоприношением. «Я спрашиваю тебя, что есть семя могучего коня?» — говорит брахман. «Сома — вот поистине семя могучего коня», — отвечает хотар. И приносящий жертву о в л а д е в а е т соком сомы. «Я спрашиваю тебя, что есть высшее небо Слова?» — говорит брахман. «Б р а х м а н — вот поистине высшее небо Слова», — отвечает хотар. И приносящий жертву о в л а д е в а е т благочестием» (Taitt.-Brāhm. III, 9, 5)¹⁶.

Несколько иной вариант *brahmodya*, приуроченный к тому же ритуалу торжественного жертвоприношения коня (*aśvamedha*)¹⁷, выступает в «Ваджасаней-Самхите», связанной с «Белой Яджурведой». Он заслуживает особого внимания в силу того, что здесь особенно наглядно формулируется весь контекст ведийской загадки. Ср. *Vājas.-Samh.* XXIII (9—12), 45—62:

45. kaṅ svid ekāki carati ká u svij jāyate púnaḥ
 kíṃ svid dhimásya bheṣajám kíṃ v āvápanaṃ mahát
 «Кто это движется одиноким? И кто снова рождается?
 Что лекарство от холода? И что великий посев?»
 (вопрос hotar'a, = 9, вопрос brahmán'a)
46. sūrya ekāki carati candráma jāyate púnaḥ
 agnir himásya bheṣajám bhūmir āvápanaṃ mahát
 «Солнце движется одиноким. Луна снова рождается.
 Огонь — лекарство от холода. Земля — великий посев».
 (ответ adhvaryu, = 10, ответ hotar'a)
47. kíṃ svit sūrya samaṃ jyótiḥ kíṃ samudrá samañ sáraḥ
 kíṃ svit pṛthivyaí vārṣiyaḥ kásya mátrā ná vidyate
 «Какое светило подобно солнцу? Какое озеро подобно океану?
 Что шире земли? Чему не найти меры?»
 (вопрос adhvaryu)
48. bráhma sūryasamaṃ jyótir dyaúḥ samudrá samañ sáraḥ
 indraḥ pṛthivyaí vārṣiyān gós tú mátrā ná vidyate
 «Б р á х м а н — светило, подобное солнцу. Небо — озеро,
 подобное океану.

Иन्द्रа шире земли. Корова не найти меры.

(ответ hotar'a)

- .....
51. kēṣv antāḥ pūruṣa āviveṣa kāny antāḥ pūruṣe ārpitāni
 étad brahman n ú pra valh ā masi tvā kīm svin naḥ prá-
 tivocāsy ātra
 «В кого вошел Пуруша? Кто обосновался в Пуруше?
 Это, о брахман, мы тебе загадываем. Что ты нам тут
 ответишь?»
 (вопрос udgātar'a)
52. pañcāsv antāḥ pūruṣa āviveṣa tāny antāḥ pūruṣe ārpitāni
 etāt tvātra pratimanvāno asmi ná māyāyā bhavasy úttaro māt
 «В пятерых вошел Пуруша. Они обосновались в Пуруше.
 Вот что я тут тебе возражу. Ты не превосходишь меня
 изобретательностью»
 (ответ brahmán'a)
53. kā svid āsit pūrvā cittiḥ kīm svid āsid bṛhád váyaḥ
 kā svid āsit pilippilā kā svid āsit piśaṅgilā
 «Что было первой мыслью? Что было великой птицей?
 Кто был тучным? Кто был темным?»
 (вопрос hotar'a, = 11)
54. dyaúr āsit pūrvā cittir āśva āsid bṛhád váyaḥ
 ávir āsit pilippilā rātrir āsit piśaṅgilā
 «Небо было первой мыслью. Конь был великой птицей.
 Овца была тучной. Ночь была темной».
 (ответ adhvaryu, = 12, brahmán'a)
- .....
57. káty asya viṣṭhāḥ káty akṣārāni kāti hómāsaḥ katidhā sámiddhaḥ
 yajñāsya tvā vidāthā pṛccham ātra kāti hótāra ṛtuśo yajanti
 «Сколько у него (жертвоприношения) составных частей?
 Сколько возлияний? Сколько раз зажжен (огонь)?
 Я спрашиваю теперь тебя о свойствах жертвоприношения.
 Сколько hotar'ов приносят жертву в положенное время?»
 (вопрос brahmán'a)
58. ṣád asya viṣṭhāḥ śátam akṣārāny aśitír hómāḥ samídho ha tisráḥ
 yajñāsya te vidāthā prá bravīmi saptá hótāra ṛtuśo yajanti
 «Шесть у него составных частей, сто слогов,
 восемьдесят возлияний, три костра.
 Я провозглашаю тебе свойства жертвоприношения, семь
 hotar'ов приносят жертву в положенное время»
 (ответ udgātar'a)
59. kó asyá veda bhúvanasya nábhim kó dyāvāpṛthiví antárikṣam
 kāḥ sūryasya veda bṛható janítṛam kó veda candrámasam yatojáḥ
 «Кто знает пуп этой Вселенной? Кто (знает) Небо и Землю,
 Воздушное Пространство?»

Кто знает место рождения Великого Солнца? Кто знает, откуда
родилась Луна?»

(вопрос *udgātār'a*)

60. *védāhām bhúvanasya nābhiṃ véda dyāvārthivī antárikṣam
véda sūryasya bṛható janítram átho veda candrámasam yatojáḥ.*
«Я знаю пуп Вселенной. Знаю Небо и Землю,
Воздушное Пространство.
Знаю место рождения Великого Солнца. Знаю также Луну
и откуда она родится.»

(ответ *brahmán'a*)

61. *ṛcchāmi tvā páram ántam pṛthivyāḥ ṛcchāmi yátra bhúvanasya
nābhiḥ*
ṛcchāmi tvā vṛṣṇo áśvasya rétaḥ ṛcchāmi vācāḥ paramám vyóma
«Я спрашиваю тебя, (где) крайний предел земли.
Я спрашиваю, где пуп Вселенной.
Я спрашиваю тебя о семени жеребца. Я спрашиваю тебя
о высшем небе речи.»

(вопросы *yajamāna* или же *hotār'a*, по «Черной Яджурведе»)

62. *iyám védiḥ páro ántaḥ pṛthivyā ayám yajñó bhúvanasya nābhiḥ
ayám sómo vṛṣṇo áśvasya réto brahmāyaṃ vācāḥ paramám vyóma*
«Этот алтарь — крайний предел земли.
Это жертвоприношение — пуп Вселенной.
Этот сома — семя жеребенка. Этот брахман — высшее небо
речи.»
(ответ *adhvaryu* или же *brahmán'a*, по «Черной Яджур-
веде»)

Как видно из этих примеров, *brahmodya* представляет собой словесную часть ритуала, построенную в виде вопросов и ответов, соответствующих загадке и отгадке, на тему структуры космоса¹⁸. Существенно, что реконструкция позволяет соотносить этот словесный поединок с *bráhman'*ом, который, видимо, можно трактовать как особого рода сооружение, эквивалентное мировому дереву¹⁹, и с *brahmán'*ом как названием одного из видов жрецов, связанных с *bráhman'*ом. *Brahmodya* приведенного типа по своей структуре являются вопросо-ответным диалогом²⁰ с перемежающимися парами участников и чередующимися ролями (вопросы начинает брахман, ему отвечает хотар, затем спрашивает хотар, которому отвечает брахман, и т.п.). Уже диалогическая структура *brahmodya*, обмен вопросами и ответами и инверсия участников такого диалога недвусмысленно отсылают нас к тем архаичным ритуалам, в основе которых лежит система бинарных противопоставлений, и к тому архаичному варианту человеческого общества, который предполагает (в конечном счете) дуальный тип организации, функционирующий и контролируемый при помощи универсального обмена — вещами, женщинами, словами и т.п. Этот обмен обеспечивает должный уровень информации о мире и, более того, как бы удостоверяет его це-

лостность и верность его тому, что было «в начале». В этом контексте *brahmodya*, естественно, должны трактоваться как концептуальное ядро основного ритуала и как источник широкого класса текстов, отмеченных в разных архаичных традициях, но не являющихся по своему жанру загадками. Речь идет о проанализированных в другом месте текстах, достаточно полно сохраняющих архетип, существенными чертами которого можно считать диалог на космогонические темы (с временным упорядочением основных событий — от возникновения из Хаоса Космоса вплоть до появления человека и социальных институтов), вопросо-ответную форму, числовой принцип аранжировки текста и некоторые другие особенности (ср., в частности, отождествление частей тела с элементами мира, приуроченное к рассказу о создании первочеловека)²¹, описывающие такие схемы, как: «Дай п е р в ы й о т в е т . . . как создали з е м л ю , как н е б о возникло . . . — Имира п л о т ь стала з е м л е й , стали к о с т и г о р а м и , н е б о м стал ч е р е п . . . а к р о в ь е г о м о р е м . — В т о р о й д а й о т в е т . . . л у н а как возникла . . . как создано с о л н ц е . . . » и т. д. В связи с отмеченными чертами нельзя пройти мимо того, что в *brahmodya* в целом ряде случаев обнаруживается ч и с л о в о й принцип, хотя обычно в трансформированном виде (ср. выше: Какова же б ы л а п е р в а я м ы с л ь ? (*pūrvā cittir*)²²; учитывая космогоническую схему, в которой п е р в ы й шаг связан с порождением о д н о г о о б ь е к т а (или п е р в о г о о б ь е к т а), в т о р о й шаг — с порождением д в у х о б ь е к т о в (вторых) и т. д., выше отмеченное (*Vājas.-Samh.* XXIII, 45, 46) «Кто это движется о д и н о к и м (=будучи о д н и м)?». . . «Солнце движется о д и н о к и м» (*ekāki*) может рассматриваться как отражение этого же числового принципа (тем более что этот фрагмент открывает серию *brahmodya*). Точно так же нельзя не обратить внимание на состав объектов *brahmodya*, находимых в результате решения загадки и в дальнейшем используемых при построении новых рядов загадок и ответов на них. Эти объекты относятся к числу основных элементов ведийского космоса (небо, земля, воздушное пространство, солнце, луна, огонь, пуп Вселенной, Пуруша, брахман, алтарь, жертвоприношение, сома, речь и т. п.). Выстроенные в последовательности возникновения, они обозначают диахронический аспект ведийской Вселенной — от природно-космологического к культурно-антропологическому. Весь этот путь как бы дублируется цепью загадок, построенных (в реконструкции, в отдельных звеньях подтверждаемой реальными фактами из *brahmodya*) по следующему кумулятивному принципу: А (?) → В (?) & В (?) → С (?) & С (?) → D (?) . . . , где (?) — вопрос загадки, а (?) — ее ответ, снятие вопроса. Иначе говоря, ответ (разгадка) первого вопроса становится вопросом второй загадки и т. д. Ср. такие примеры из *brahmodya*, как: «что же движется одиноким?» (45) → «с о л н ц е движется одиноким» (46) & «какое светило подобно с о л н ц у?» (47) → «б р á х м а н есть светило, подобное солнцу» (48)²³; «что великий посевет?» (45) → «земля — великий

посев» (46) & «что шире, чем земля?» (47) → «Индра шире, чем земля» (48) и др. Формально подобные построения соответствуют цепям кумулятивной сказки той разновидности, которая возникла на основе рассмотренных в другом месте колыдочных текстов типа: *На что в ары кипят? — Косу клепать. | На что косу? — Траву косить. | На что траву? — Коров кормить. | На что (коров) кормить? — Молоко доить. | На что молоко? — Свиной поить. | На что (свиной) поить? — Горы рыть. | На что горы рыть? — Хлеб сеять. . .* Характерно, что и эти колыдочные тексты, произносимые на стыке старого и нового годов, представляют собой своего рода словесный поединок, обмен вопросами и ответами²⁴, загадками и разгадками, но на бытовом уровне или даже подчеркнуто сниженные темы, что можно рассматривать как комическую, травестийную версию первоначальных космологических шарад типа *brahmodya*. Вместе с тем указанная выше кумулятивная схема отвечает и на более глубинном уровне космогоническим текстам, построенным по правилу: $A \rightarrow B \& B \rightarrow C \& C \rightarrow D$ . . ., где $\rightarrow$ обозначает порождение. Этот же нисходящий порядок, в общих чертах просматривающийся и в *brahmodya* (Солнце, Луна, Земля, Огонь. . . Пуруша, алтарь, жертвоприношение, сома), двойко отражается в достаточно полных и сохраняющих архаичную аранжировку собраниях загадок. Во-первых, загадки в подобных собраниях обычно следуют как бы в порядке сотворения мира, его «плотнения»: Хаос — Небо и Земля — Солнце, Месяц и Звезды — Время, Числа — Растения — Животные — Человек — Дом и Утварь и т. д. вплоть до загадок о загадках (или о слове), т. е. о метаязыковом уровне этого жанра. Во-вторых, объект загадывания предыдущей семантической группы определяется через элементы следующей семантической группы и т. д. (и наоборот), т. е.: «Ни Неба, ни Земли. . .?» — «Хаос» & «Солнце, Месяц, Звезды. . .?» (часто в зашифрованной форме: «красна девица», «пастух и овцы» и т. д.) — «Небо» & «Красная корова. . .?» — «Солнце» и т. п. или же: «Четыре. . . два. . . один. . .?» — «Корова» и т. п.²⁵ Иначе говоря, в загадках такого типа происходит своеобразное «просвечивание» элементов космоического уровня через элементы быта и наоборот (правда, в полной степени такая ситуация устанавливается относительно поздно: архаичная загадка, как правило, оперирует только сакрализованными ценностями). При этом, разумеется, создается определенная классификация объектов и порядок их следования в цепочках. То, каким образом отобраны эти объекты и построены из них цепочки, существенно для характеристики данной культурно-исторической традиции.

Если ответы загадки отсылают к алфавиту мира (набор сакрализованных объектов, описывающих мир в его настоящем составе и в его становлении в рамках космогенеза), а последовательность ответов (соответственно и вопросов, в конечном счете тех же объектов) — к иерархическому устройству мира, то атрибуты и

предикаты, кодирующие объект, подлежащий разгадке, отсылают к той *Zwischenwelt*, состоящей из набора свойств и действий, которые равно относятся и к миру повседневного, бытового, профанического, и к миру исключительного, космологически отмеченного, сакрального, т. е.: $A (?) \leftrightarrow P_1 (P_2, P_3 \dots P_n) \leftrightarrow B (\bar{P})$, где набор предикатов ($P \dots$) равно описывает и объект («картинку»), содержащийся в вопросе, и объект в ответе (разгадке). Возможность связи объектов двух разных наборов через общий для них предикат образует потенциальную загадку и (что, может быть, еще важнее) тот корпус соотносимых друг с другом и в заданном отношении подобных друг другу слов («синонимов» *sub specie* загадки), который имеет непосредственное отношение к проблеме «поэтического» языка как еще одного средства увеличения «гибкости» языка, определяемой количеством разных способов передачи одного и того же элемента плана содержания. В ряде архаичных традиций некоторые поэтические конструкции не только напоминают загадку, но, видимо, и генетически восходят к ней или к общему с нею источнику²⁶. Одним из далеко идущих следствий подобных поэтических и ритуальных упражнений на тему «гибкости» языка нужно считать создание целых сложных систем перекодировок, основанных на установлении тождества в заданном отношении двух или более элементов. В данном случае уместно напомнить о том, что в качестве одной из филиаций *brahmodya* при ашвамедхе (жертвоприношение коня), рассмотренных выше, выступают такие тексты, как «Брихадараньяка-Упанишада» (I, 1), в которых части приносимого в жертву коня отождествляются (по принципу, используемому в загадках) с элементами космического устройства. Ср.: «Ом! Поистине утренняя заря — это голова жертвенного коня, с о л н ц е — его глаз, ветер — его дыхание, его раскрытая пасть — это огонь Вайшванара; год — это тело жертвенного коня, н е б о — его спина, в о з д у ш н о е п р о с т р а н с т в о — его брюхо, з е м л я — его пах, страны света — его бока, промежуточные стороны — его ребра, времена года — его члены, месяцы и половины месяца — его сочленения, дни и ночи — его ноги, звезды — его кости, облака — его мясо; щиа в его желудке — это песок, реки — его жилы, печень и легкие — горы, травы и деревья — его волосы, восходящее [солнце] — его передняя половина, заходящее — его задняя половина. Когда он оскаливает пасть, сверкает молния; когда он содрогается, гремит гром; когда он испускает мочу, льется дождь; голос — это его голос». Если в целом эти ряды отождествлений объясняются дальнейшей эволюцией *brahmodya*, то вместе с тем они бросают, в свою очередь, свет и на возможный параллельный вышеописанному и более глубоко спрятанный ряд загадок в составе *brahmodya*, где, например, с о л н ц е как ответ могло соотноситься не только с вопросом «кто движется одиноком», но и с г л а з о м как метонимическим обозначением солнца (что реально и используется в многочисленных загадках в соответствии с мифопоэтическим представлением о солнце как глазе божества)²⁷.

Одна из важных особенностей ведийских *brahmodya* и загадок сходного типа состоит в том, что задаются вопросы не только о Вселенной во всем разнообразии составляющих ее частей, но и об образе этой Вселенной, который сам по себе может выступать как загадка о Вселенной. В таких случаях строится как бы двойная (двухуровневая) загадка типа $A(?) \rightarrow B(?) \& B(?) (?) \rightarrow C(?)$, где $A(?)$ — вопрос об образе Вселенной, $B(?)$ — ответ на вопрос об образе Вселенной, $B(?) (?)$ — вопрос, совпадающий по содержанию с ответом на первый вопрос, о самой Вселенной, $C(?)$ — ответ на этот второй вопрос. Если учесть, что образы Вселенной в ведийской модели мира различны (*aśvattha* как мировое дерево Скамбха, Брахман, Пуруша, Речь, Сома, алтарь [*védi*] и т. п.), то такая структура загадки идеально отвечает общему принципу *расчленения и укрывания сакральных ценностей и соответственно их обозначений* («тайных имен») в тексте как можно глубже и по разным местам²³. Анаграмматические упражнения древних поэтов (в частности, и ведийских), вскрытые в посмертно опубликованных записях Ф. де Соссюра, конечно, отражают тот же самый принцип (эквивалент вопросной части загадки), предполагающий свое продолжение в противоположном ему принципе *собирания* (ценностей или их обозначений) воедино и выведения их на ружу, в о в н е (эквивалент ответной части загадки). Следовательно, и в этом отношении ведийская загадка непосредственно апеллирует к архаичным истокам поэтической техники, еще неотделимой, по сути дела, от техники ритуального жертвоприношения²⁹ (ср. общую генеалогию поэта, грамматика и жреца и их равную связь с загадкой). Подобно жрецу, грамматик и поэт расчленяют, разъединяют первоначальное единство (текст, ср. жертву), устанавливая природу разъятых частей через установление системы отождествлений (в частности, с элементами макро- и микрокосма)³⁰, синтезируют новое высшее единство, уже артикулированное, организованное, осознанное и выраженное в слове, сочетающем в себе атрибут вечности с возможностью быть верифицируемым.

Уже материал, содержащийся в *brahmodya*, позволяет определить некоторые связи ведийских образов Вселенной (чаще и полнее всего Брахмана) с космологическими элементами, причем характерно, что эти в загадке обнаруживаемые отождествления и связи обычно могут быть вскрыты и независимым образом, часто в более убедительной форме. Ср. *brāhman* $\equiv$ *sūrya* 'солнце' («Какое светило подобно солнцу?» — *brāhma sūryasamaṃ jyōtir* «Brāhman — светило, подобное солнцу». *Vājas.-Samh.* XXIII, 47—48); *brāhman* $\equiv$ *puruṣa* (соотнесение, восстанавливаемое на основании различных данных³¹) и т. п. Но еще важнее, что существует обширный класс ведийских текстов о Брахмане именно как универсальном образе Вселенной в целом³², причем они могут рассматриваться как трансформация загадок о *brāhman*'е (которые, видимо, составляли особый жанр, объясняющий само название *brahmodya* 'говорение [загадками]

о *brāhman'e'*) или своего рода «предзагадка», легко превращаемая в формально безупречную цепь загадок о *brāhman'e*. Среди подобных текстов уместно выделить три разновидности.

Первая из них имеет дело с описанием горизонтальной структуры *brāhman'a* или его основы, нередко совпадающей с подстилкой из травы (*barhís*)³³, на которую возлагается жертва (обычно доминантной для *brāhman'a* является вертикальная ось). В таких текстах через технические элементы *brāhman'a* как некоей реальной ритуальной конструкции или *barhís'a* загадываются существенные понятия ведийской модели мира, обеспечивающие связи внутри ее: «... его передние ножки — прошедшее и будущее, задние ножки — благополучие и пропитание, два изголовья — (саманы) бхадра и яджняджня, продольные стороны — брихад и ратханта, продольные пити — ричи и саманы, поперечные — яджусы, подстилка — стебель сомы, покрывало — удгитха, подушка — благополучие. На этом (ложе) сидит Брахман. Знающий это восходит на это (ложе), лишь занеся ногу. Брахман спрашивает его: „Кто ты?“ Пусть он ответит...» (Kaṣīt.-Upan. I, 1, 5). И здесь можно обнаружить уже отмечавшуюся выше важную диагностическую черту ведийской ритуальной загадки — и н в е р с и ю участников диалога-загадки, обмен местами вопрошающего и отвечающего, вопроса и ответа, обозначаемого и обозначающего³⁴: Брахман спрашивает о тех, кто сам спрашивает о нем. Структура горизонтального пространства, актуализируемая в ритуале и в соответствующих текстах, определяется тремя основными принципами: 1) она концентрична; 2) пространство, расположенное ближе к центру, обладает большей сакральной силой (ценностью); 3) пространства с общим центром в некоторых важнейших отношениях дублируют друг друга. Отсюда — два следствия: жертва, помещаемая на *barhís'e*, сакрально выше *barhís'a*; *barhís* в этом отношении превосходит алтарь (*védi*) и т. п.; и жертва, и *barhís*, и *védi* и т. п. дублируют друг друга в том отношении, что все они суть «образы мира». Эти два следствия приобретают особую силу при учете того хорошо известного факта, что жертва локализуется в центре Вселенной, там, где находится *nābhi* 'пуп'³⁵ и где проходит *axis mundi*. Именно это место и отмечается алтарем, который описывается в виде известной загадки из RV I, 114, 3:

cātuṣkapardā yuvatīḥ supésā ghṛtāpratīkā vaṣúnāni vaste
tāsyām suparṇā vīṣanā nī śedatur yātra devā dabhīré bhāgadhéyam

«Четырехкосая юница, прекрасно украшенная, с умаченным жиром лицом,

она облекается в жертвоприношения.

На нее уселись две птицы, чья оплодотворяющая сила
подобна бычьей.

Боги же приняли там положенную часть».

Каждый из содержащихся здесь мотивов получает объяснение из других текстов или из того же самого текста, в частности описания *barhís'a*³⁶. Для понимания указанного фрагмента как загадки более существенно

обратить внимание на два мотива — ю н и ц ы и ч е т ы р ь к о с. Разгадка первого слоя загадки (*barhis*, *vēdi*, т. е. алтарь с жертвенной подстилкой) достигается обращением к соответствующим клишированным описаниям *barhis*'а и *vēdi*, где перечисленные мотивы явно и прямо связываются с этими объектами (т. е.: что описано в RV I, 114, 3? — *barhis*). Следующий слой открывается через образ девицы с косами, украшенной, умощенной и т. п., ждущей оплодотворения (т. е. что такое *barhis*? — юница, соответствующая определенному описанию)³⁷. Третий слой загадки обнаруживается при понимании юницы (или самого *barhis*'а) как образа Вселенной (т. е.: что такое юница? — Вселенная), что также находит многочисленные параллели среди богатого фонда антропоморфных кодировок Вселенной. Самая элементарная реконструкция того, что стоит за фрагментом RV X, 114, 3, вскрывает человеческое жертвоприношение типа заклания весталки на царском алтаре в древнем Риме. Объекты вопроса второго и третьего слоев загадки объединены общим атрибутом — четырьмя косами, причем «косы» отсылают прежде всего к юнице (и стоящей за нею Вселенной), а ч е т ы р ь к о с ы — к *barhis*'у, поскольку *cātuṣkapardā* 'четыре косы' является техническим термином, обозначающим веревочки (или завязки), идущие от углов *barhis*'а (или, как иногда думают, от углов *vēdi*). Космологическая интерпретация мотива «четыре косы», по-видимому, не составляет особого труда, если вспомнить достаточно известные факты двух родов: обозначение четырех «мировых» направлений (стран света) на четырехчленных моделях Вселенной, зафиксированных в словесных текстах, в памятниках изобразительного и прикладного искусства, в структуре реального ритуального пространства, и формально сходные с *barhis*'ом о «четыре косах» предметы (обычно ритуальные) со специализированной (или даже несколько дегенерированной) семантикой³⁸. Интересно, что сам образ девицы с косой (и даже с ч е т ы р ь м я к о с а м и) нередко используется и в других загадках — как архаичных по своему характеру, так и достаточно вырожденных.

Вторая разновидность текстов о Брахмане подчеркивает прежде всего в е р т и к а л ь н у ю структуру Вселенной, идентифицируемую с мировым деревом (*arbor mundi*). В ведийской (как и более поздней индуистской) традиции мировое дерево представлено ашваттхой (*aśvattha* 'Ficus religiosa', собственно 'конская стоянка'), смоковницей, через описание которой (часто совмещенное с описанием *brāhman*'а³⁹) загадывается Вселенная. Ср., например: *ūrdhwa-mūlo' vāksākha eṣo 'śvatthas sanātanaḥ, tad eva śukraṃ tad brahma, tad evāṃṛtam ucyate* (Kaṭha-Upan. III, 3,1). «Наверху (ее) — корень, внизу — ветви, это вечная смоковница. Это чистое, это *brāhman*, это зовется бессмертным». Или же: *ity evaṃ hi āhoraddhwa-mūlam tripād brahma sākḥā ākāśā-vāyva-agny-udaka-bhūmyādaya eko 'śvatthanāmaitad brahmaitasyaitat tejo asā ādityaḥ...* (Maitrī-Upan. IV, 4) «Ибо сказано так. Наверху (ее) корень — трехстопный *brāhman*, (ее) ветви — пространство, ветер, огонь, вода, земля и прочее. Это *brāhman*, зо-

вущийся единой смоковницей. И этот его жар — это солнце. . .». Из этих загадкообразных отрывков следует, что *bráhman*'у соответствует тот вариант мирового дерева, который обозначается как *arbor inversa* и соответствует особой («перевернутой») проекции Вселенной⁴⁰. Весьма интересно, что в текстах этого типа складывается некий алфавит признаков, которыми оперирует космологическая загадка. Если отвлечься от некоторых частных исключений или неясностей, то такой алфавит содержит, во всяком случае, два трехчленных ряда: один из них моделирует членение мирового дерева (или *bráhman*'а) по вертикали (корень [низ], ствол [середина], ветви [вершина]), другой — части космического пространства (низ, середина, верх)⁴¹. Показательно, что соответствующие члены указанных наборов не только семантически соотнесены друг с другом, но и могут в ряде случаев выступать как синонимы, создающие или ситуацию тавтологии (типа «низ [корень] — внизу, середина [ствол] — посередине, верх [ветви] — вверху»), или ситуацию логического парадокса, нелепицы, нонсенса, оксюморона (при описании *arbor inversa*: «низ — вверху. . . верх — внизу») ⁴². Эти две ситуации, возникающие при описании объекта загадки, нередко выступают в случаях так называемых универсальных загадок, в которых речь идет о некоем целом, основном, исходном, т. е. об объекте, в принципе включающем в себя все остальные объекты, которые могут быть загаданы (соответственно сама универсальная, или основная, загадка может рассматриваться как некая сумма или ядро всех загадок данной традиции или же как высшая точка корпуса загадок, из которой выводимы все остальные, более специализированные загадки). Своеобразным указанием на ситуацию основной загадки следует считать и сам набор признаков, используемый для кодирования объекта загадки. Этот набор признаков построен таким образом, что ему отвечает м н о ж е с т в о (в принципе) изоморфных образов основного объекта, подлежащего разгадке (в общих чертах все то, что трехчленно по вертикали, на которой особенно отмеченной является верхняя треть). Иначе говоря, уже набор признаков преформирует множественность образов разгадываемого объекта, целый их класс, что очень существенно с точки зрения сохранения и актуализации информации о наибольших ценностях данной культурной традиции. Тем самым внимание в известной степени как бы переключается с исходного природного основного объекта (Вселенная) на его о б р а з, принадлежащий уже сфере культуры и являющийся з н а к о м по преимуществу. Одно из важнейших следствий подобного переключения состоит в том, что этот «культурный» образ Вселенной, этот ее «знак» сам становится объектом почитания (как и объектом загадки), элементом ритуала, в связи с которым (реально обычно около, в б л и з и, в о к р у г которого) и разворачивается сценарий ритуала, посвященного космологической теме состава и сотворения Вселенной (см. далее).

В очерченном контексте особую роль играет *bráhman*. Будучи

объектом текстов-загадок *brahmodya*, он вместе с тем наиболее общая и абстрактная⁴³ модель Вселенной в ее объективном и объектном аспектах, с одной стороны, и, с другой стороны, ближайший (первой степени) образ Вселенной, дающий начало целой серии последующих перекодировок этого образа и тем самым Вселенной, вплоть до ритуальных символов⁴⁴. Посредствующая роль *bráhman*'a очевидна в таких примерах, как: «Выше этого — *bráhman*, высший, великий... Единый, объемлющий Вселенную... Выше которого нет ничего, меньше или больше которого нет ничего. Единый, он стоит, словно дерево, утвержденное в небе (*vrkṣa iva stabdho divi tiṣṭhaty ekas*), этим пурушей наполнен весь этот (мир) (*tene 'dam pūrṇam puruṣeṇa sarvam*)» (Śvet.-Upan. III, 7—9) или же: «*bráhman* — это дерево (материал), *bráhman* — это дерево (растение)» (Taitt.-Brāhm. II, 8, 9, 6), находящаяся в отношении ответа на вопрос-загадку, поставленный в RV X, 81, 4 (ср. 31,7): «что это за дерево (материал), что это за дерево (растение), из которого они вытесали Небо и Землю?» (*kīṃ sviḍ v á n a ṃ k á u s á v ṛ k ṣ á ā s a y á t o d y á v ā p ṛ t h i v í n i ṣ ṭ a t a k ṣ u ḥ*). Такие соотносимые друг с другом вопрос и ответ, которые реально в тексте могут оказаться и разрозненными, дают достаточно надежные основания для реконструкции новых фрагментов *brahmodya*. Более того, напрашивается правдоподобное предположение, что многие постулатообразные утверждения в Ведах, Брахманах или Упанишадах обретают свой законченный смысл только в том случае, если их рассматривать как ответ на вопрос в рамках *brahmodya*, и, наоборот, многие вопросы⁴⁵ о высших (или по меньшей мере сакрально отмеченных) ценностях ведийского космоса (иногда эти вопросы образуют длинные цепи, которые могут организовать целый текст, ср. гимн о Скамбхе, «Атхарваведа», X, 7) должны пониматься не как не ориентированные на ответ риторические вопрошания или медитативные экскламации, а исключительно как первые части *brahmodya*, предполагающие существование вполне определенных ответов. Именно так должны, видимо, интерпретироваться фрагменты знаменитого гимна-загадки из «Ригведы» (I, 164), ядром которого (20—22) является загадка о мировом дереве: «Два орла (*dvā suparṇā* — букв. «прекраснокрылых»), два связанных друг с другом товарища, обхватили одно и то же дерево (*vrkṣám*). Один из них ест сладкую винную ягоду (*pippalaṃ svādv*), другой наблюдает, не вкушая⁴⁶. . . На дереве том, где вкушающие мед орлы селятся, размножаются все, на вершине его, говорят, ягода сладкая. До нее не доберется тот, кто не знает отца (*yaḥ pitāraṃ nā véda*)». Хотя в целом и в деталях интерпретации этой загадки неодинаковы⁴⁷, а часто и некорректны, поскольку основаны на подстановках смыслов в соответствии с поздними и обычно сильно философизированными представлениями, все-таки нет сомнения в том, что перед нами схема мирового дерева с характерным символизмом целого и частей, зафиксированным не только в более ясных текстах других традиций, но и во многих произведениях изобразительного искусства. Фактом (а не его

интерпретацией!) является само дерево и наличие на нем двух птиц, противопоставленных друг другу в некотором отношении, а также присутствие определенного прагматического аспекта (сладкие ягоды) и указание (хотя и туманное) на условия его реализации (знание отца)⁴⁸. В другом месте было показано, что точно такая же схема постоянно встречается в разного рода текстах о мировом дереве, где этот образ моделирует различные аспекты космологического устройства (в частности, структуру времени⁴⁹), и, главное, в реально известных ритуальных сооружениях, выступающих как эквивалент мирового дерева. А это последнее обстоятельство в сочетании с реконструкцией *bráhmaṇ*'а как некоего ритуального сооружения окончательно раскрывает ту жизненную ситуацию, которая служила исходным локусом загадки как в ведийской, так и в других архаичных традициях. Во всяком случае, сейчас не приходится сомневаться, что ведийские загадки (*brahmodya*), образовывавшие важнейшую словесную часть ритуала, произносились перед *bráhmaṇ*'ом, ашваттхой и тому подобными образами мирового дерева, во-первых, и, во-вторых, имели своим подлежащим разгадке объектом как сами образы, так и то, что за ними лежит, — Вселенную⁵⁰. Уже такой хорошо описанный ритуал, как *ашвамедха*, подтверждает высказанные здесь предположения⁵¹. Несомненно, могут быть сделаны и дальнейшие уточнения. Относительно недавно Кэйпером было показано, что словесные поединки жрецов-поэтов в древней Индии приурочивались к переходу от старого года к новому⁵², т. е. к тому времени, когда в соответствии с циклической концепцией времени Космос возвращается к своему прежнему (докосмическому) состоянию, «срабатывается» в Хаосе, и только особый ритуал перехода может заново воссоздать Космос со всеми этапами его становления. Весьма вероятно, что *bráhmodya*, или «говoreние о *bráhmaṇ*'е, вокруг него»⁵³ по своему происхождению были связаны именно с ритуалом, воспроизводящим сотворение мира (типа вавилонского *Энума элиш*) и соотношенным с *bráhmaṇ*'ом как идеализированным образом мирового дерева. В р е м е н н а я отмеченность этого ритуала (стык старого и нового годов, начало нового солнечного цикла и т. п.) многообразно отражена и в самом ритуале (о чем прежде всего можно судить по обильным типологическим параллелям)⁵⁴, и в соответствующих текстах⁵⁵. В этом отношении особенно показательна изофункциональность *bráhmaṇ*'а и мирового дерева в связи с темой времени. Оба они равны г о д у, и оба являются его образами, точнее, символическим выражением мифопоэтического пространственно-временного континуума (Вселенная в течение года)⁵⁶, ср. такие отождествления в Упанишадах, как *bráhmaṇ* — это Вселенная и *bráhmaṇ* — это год, или г о д о в о е путешествие коня (=Вселенной, солнца и т. п.) перед его принесением в жертву (*ашвамедха*). Представление о годе как о гнезде *bráhmaṇ*'а — *brahmanīdam* («Поистине год — это образ состоящего из частей. Поистине от года рождаются эти существа. . . Поистине поэтому год — Праджapati, время, птица, гнездо *bráh-*

*man'a*⁵⁷. Maitrī-Upan. VI, 15; ср. также Chānd.-Upan. III, 19, 1; Kauṣ.-Upan. I, 6 и др.) переключается с многочисленными загадками (как в *brahmodya*) о времени, в которых год загадывается через д е р е в о (столб, брус и т. п.) с гнездами. Ср. хотя бы обильные русские загадки типа: *Стоит д у б, на дубу двенадцать сучьев, на каждом сучке по четыре г н е з д а. . .*, или: *Лежит б р у с во всю Русь, и на том брису двенадцать г н е з д, и во всяком гнезде по четыре яйца. . .*, или: *Стоит с т о л б до небес, на нем двенадцать г н е з д, в каждом гнезде четыре яйца, в каждом яйце по семи зародышев* и т. д.⁵⁸, имеющие отношение как к году, так и к самому мировому дереву, которое в своем временном аспекте, по сути дела, и описывается в этих загадках. Здесь же надлежит указать, что ведийская традиция *brahmodya* сохранила загадки о годе, аналогичные вышеприведенным русским. Особенно диагностично, что одна из таких загадок («Косяков двенадцать, колесо одно, три ступицы⁵⁹ — кто же это постигнет? В нем укреплены вместе колышки, словно триста шестьдесят подвижных и [одновременно] неподвижных». RV I, 164, 48) входит в текст уже упоминавшегося гимна-загадки, в центре которого находится загадка о мировом дереве⁶⁰.

Сопоставление двух отмеченных здесь особенностей ведийских *brahmodya* — серия загадок космологического содержания и их приурочение к кануну Нового года (т. е. нового природного и хозяйственного цикла, нового солнца, нового урожая, нового богатства, нового приплода и потомства) — с аналогичными примерами в других традициях⁶¹ делает практически бесспорным определение исходного локуса *brahmodya*. Речь идет о ситуации, которая может быть суммирована приблизительно следующим образом: 1) исходное положение — мир распался в Хаосе, задача — интегрировать Космос; 2) поместить себя в пространственно-временные условия, воспроизводящие ситуацию творения (то, что было некогда, «в первый раз»), т. е. п е р е д началом Нового года и в ц е н т р е (пуп земли), отмеченном мировым деревом или *brāhman'*ом, жрец произносит над жертвой некий сакральный текст, в котором содержатся отождествления космологических элементов, подлежащих восстановлению и интеграции, с членами тела жертвы (человек, конь и т. п.); 3) загадывание жрецом (брахманом, во всяком случае, он начинает эту часть ритуала) загадок об элементах Космоса или его образах — мировом дереве, *brāhman'e (brahmodya)* в порядке возникновения этих элементов (и, следовательно, их важности), на которые отвечает другой жрец (или жрецы); 4) завершающее обращение к *brāhman'*у или мировому дереву как образам вновь интегрированной Вселенной. Весьма существенно, что центральная часть ритуала — серия отождествлений и выстраиваемый на ее основе ряд загадок — предполагает идею соотнесенности и, более того, изоморфизма макро- и микрокосма, Вселенной и жертвы. Выше эта идея комментировалась на материалах описания ашвамедхи. Но еще более убедительны данные, относящиеся к П у р у ш е, первочеловеку как образу мно-

жественного заполнения Вселенной (ср. *pūruṣa* 'мужчина', 'человек' при *purū* 'много', *pr̥ṇāti* 'он наполняет', *pūr̥ṇa* 'полный', 'наполненный'), составляющие, по сути дела, особый, очень архаичный класс загадок типа *brahmodya*, подкрепляемый огромным количеством параллелей⁶² и связанный вначале с человеческим жертвоприношением⁶³. Тема Пуруши как первожертвы, совершенной богами, и космогонического процесса как жертвоприношения отчетливее всего выступает в знаменитом гимне Пуруше (RV X, 90)⁶⁴; ср., с одной стороны: «Его в качестве жертвы кропили на жертвенной соломе, Пурушу, рожденного в начале (*agratah*), его принесли в жертву боги, садхья и риши» (7)⁶⁵ и, с другой: «Ведь Пуруша — это Вселенная, которая была и которая будет. . .» (2: *pūruṣa evédām sárvaṃ yad bhūtām yac ca bhūvyam*). К *brahmodya* в этом гимне принадлежит, собственно, только четыре строфы (11—14): «Когда Пурушу расчленили (*vy ádadhuḥ*), на сколько частей разделили его? Что его рот, что руки, что бедра, что ноги называется? — Его рот стал брахманом, его руки сделались раджанья, его бедра — вайшья, из ног родился шудра. Луна из (его) духа рождена, из глаз солнце родилось, из уст — Индра и Агни, из дыхания родился вечер. Из пупа возникло воздушное пространство, из головы родилось небо, из ног — земля, стороны света — из уха. Так они устроили миры». К этому ядру примыкают фрагменты, которые могут быть поняты как ответы *brahmodya*, но без соответствующих вопросов. Ср.: «. . . Из него он сделал животных, живущих в воздухе, в лесу и в деревне. Из этой жертвы. . . гимны и напевы родились, метры родились из нее, ритуальная формула из нее родилась. Из нее кони родились и те (животные), у кого два ряда зубов; быки родились из нее, из нее родились козы и овцы» (8—10). Учитывая место, занимаемое этими фрагментами в гимне (непосредственно перед *brahmodya*), можно с достаточным основанием реконструировать и для них брахмодическую форму типа: «Что было сделано из этой жертвы? — Животные. . .»; «Что родилось из этой жертвы? — Гимны, напевы. . . кони, быки. . .» и т. п.⁶⁶. Сама структура *brahmodya*, где ответ следует из вопроса, а вопрос определяется ответом, где многократно происходит обращение на самого себя, может быть понята как иконическое отражение жертвоприношения (отдать, чтобы получить, и получить, чтобы отдать). Характерно в этом отношении, что Пуруша одновременно и жертва, и тот, кому жертвуют, почитая его (*yajñéna yajñám ayajanta devās*. X, 90, 16⁶⁷), он происходит из женского начала Вираддж, и Вираддж происходит из него как мужского начала (5; ср. такое же рефлексивное происхождение в RV X, 72, 4), и их сотворчество порождает все сущее (ср. *инь* и *ян* в китайской традиции). Более поздние тексты о Пуруше также сохраняют следы брахмодического происхождения и соответствующей структуры, хотя они обычно гипертрофированно обобщают один из двух принципов, сосуществующих в RV X, 90. Речь идет о двух крайних вариантах организации текста: или у н и в е р с а л и з а ц и я вопросной формы, при которой ответы остаются за пределами

текста (ср., например, AV X, 2: «Кто создал пятки Пуруши? Кто — мясо? Кто — лодыжки? Кто — красивые пальцы? Кто отверстия? Кто — части тела, (что) посредине? Кто — опору? . . . Сколько богов? Кто из них сотворил грудь и спину Пуруши? Кто (соединил) грудь и тело? Кто — локоть? Кто — плечи? Кто — ребра? . . . Кто этот первый из многих. . . (создавший) мозг, лоб, затылок, череп над челюстями Пуруши? Кто этот бог? Приятное и неприятное, сон, страх, утомление, радость и блаженство — откуда это у сильного Пуруши? . . . Кто дал ему облик? Кто — рост, имя, движение? Кто — способность различать? Кто дал ноги Пуруше? . . .»⁶⁸, или, наоборот, э л и м и н а ц и я вопросов, при которой остаются только серии отождествлений, как бы уже лишенные статуса и силы ответа (ср., например: речь — огонь, зрение — солнце, мысль — луна, слух — страны света, дыхание — ветер. Śatap.-Brāhm. X, 3, 3, 8; речь — земля, огонь; дыхание — воздушное пространство, ветер; зрение — небо, солнце; слух — страны света, луна; мысль — воды, Варуна. Aitar.-ār. II, 1, 7; тепло — свет, отверстия — пространство; кровь, слизь, семя — вода; тело — земля; дыхание — воздух. Там же. II, 3, 3; речь — огонь, обоняние — ветер, зрение — солнце, слух — страны света; волосы, кожа — растения и деревья; мысль, сердце — луна; пуп — смерть; семя — вода и т. д. Там же. II, *4, 2; ср. Mahābh. III, 12965 и сл.: огонь — уста, земля — стопы, солнце и луна — глаза, небо — голова, страны света — уши, вода — пот, пространство с четырьмя направлениями — тело, ветер — мысль и т. п.). В обоих случаях, по сути дела, уже совершился переход в сферу классификационных спекуляций скорее «преднаучного», нежели архаичного мифопоэтического, типа. Теоретически и практически возможная реконструкция корпуса загадок на основании такого классификационного материала привела бы к созданию значительного количества текстов, которые по форме напоминали бы загадку, но, по сути дела, уже не обладали бы той сакральной санкцией, что неотъемлемо связана с высшими смыслами данной культуры, верифицируемыми в ритуале. Тем не менее и в таких вырожденных случаях сам вышедший за первоначальные границы своего применения принцип может указывать на свое исходное ядро и, следовательно, на фрагмент прототекста. Кроме того, необходимо считаться с постоянно применяемым (хотя и архаичным по происхождению) приемом компенсировать утрату (или снижение) «загадочной» силы на уровне содержания формированием «звуковых» загадок, что можно рассматривать как своеобразное перераспределение информации и энтропии между означаемым и означающим в русле универсального обмена.

Хотя в настоящей работе тема «звуковых» загадок специально не рассматривается, поскольку она входит в более обширный круг вопросов, связанных с принципами поэтического творчества ведийских риши, указание нескольких примеров послужит частичному прояснению темы. Уже упоминавшийся текст о Скамбхе (AV X, 7) начинается серией вопросов, которые составляют нечто вроде «двиг-

нутой» загадки: «В каком его члене находится космический жар? В каком его члене помещен космический закон? Где обет, где вера в нем находятся? В каком его члене воздвигнута правда?» Поверхностный уровень загадки предполагает определение частей (принадлежащих кому-то или чему-то), с которыми связаны некие космические элементы (как в *brahmodya*). Этот слой загадки является камуфлирующим. Речь идет о псевдозагадке, ответы на которую отсутствуют в тексте (более того, даже если они существовали в пределах всей ведийской традиции, вопросы в тексте, очевидно, не предполагали даже внутренней актуализации этих ответов). Эта «некорректность» загадки или по меньшей мере отсутствие необходимости ее актуального решения способствуют переклещению внимания отгадчика (потенциального *ativādin*'а) на более глубокий и, во всяком случае, неявный уровень, на котором без всякого вопроса и как бы *en passant* возникает тема его (*asya*), т. е. того, кому принадлежат члены, выступающие как объект разгадки на указанном «псевдозагадочном» уровне. Иначе говоря, парадокс ситуации состоит в том, что то, о чем спрашивается, строго говоря, не нуждается в ответе (или даже вовсе его не имеет), тогда как то, о чем не спрашивается (*ego*), а только бегло, почти намеком упоминается, требует ответа. Однако это семантически и референционно «пустое» *ego*, еще не найденное своего реального хозяина, не может быть найдено, открыто, разгадано содержательно именно потому, что весь текст строится как информационный ряд о частях (членах) этого *ego*, а не о нем самом и, точнее, даже не столько об этих частях, сколько о том, что в них находится. В этих условиях тупика только обращение к плану означаемого, т. е. к звуковому уровню, может определить область; в которой кроется ответ на тайную загадку. Первые два стиха рассматриваемого текста (X, 7, 1—2, как и 4) начинаются вопросительным местоимением *kāsmīn* 'в каком'. Тривжды повторенное *kāsmīn*, находящееся к тому же в сильной позиции (начало текста, строфы, стиха), анаграмматически моделирует название главного и единственного объекта всего текста — *skambhā* (*k-s-m: s-k-m[bh-]*)⁶⁹. Другой пример сходного типа связан со знаменитым гимном богине Речи (*Vāc*) — RV X, 125, проанализированным в другом месте. Этот гимн должен считаться ключевым в том смысле, что и явно и сокровенно он содержит указания на особое значение некоего другого уровня (прежде всего звукового), на котором формируется особый сакральный текст (в этом смысле здесь неявно содержатся указания на то, как найти ответы на «звуковые» загадки). Более того, этот лежащий в глубине, укрытый другими текстами, переслоенный ими текст и является онтологически первичным и исходным, в то время как текст, обычно принимаемый за единственный и, во всяком случае, первичный, должен считаться вторичным. Его подлинное назначение — нести в себе, укрывать и сохранять навечно сакральный смысл (в частности, ответы на загадки) в его звуковой форме. Гимн X, 125 примечателен во многих отношениях. Он единственный в «Ригведе»

из посвященных Вач как персонифицированной Речи и поистине космическому принципу, пронизывающему всю Вселенную. Вач (Речь) предшествует богам, вызывает их к жизни в Слове, вводит их в мир, созданный в звуках, служит им опорой. Сама по себе она образует Космос, находится на небе, на земле и в водах (три космические зоны), охватывает все существа; она — пища всех, и ею живут все⁷⁰. С нею связаны основные космические действия — «быть опорой» (нести, ср. Скамбху), «заполнять пространство», «охватывать все сущее» (ср. варианты — «быть распределенным повсюду», «обладать многими формами»), — присущие именно демиургу. Вач как «первопоэт» и как «первотекст» распределена по многим местам (ср. *tām mā devā vy ādadhuḥ purutrā. . .*)⁷¹. Если мотив расчленения и множественности отсылает к соответствующему эпизоду «основного мифа» (с которым связан особый слой загадок, в частности и «звуковых»), то стих в середине этого гимна, являющийся осью симметрии (и, следовательно, сильной позицией, заслуживающей особого внимания), демонстрирует чудо поэтического иллюзионизма: здесь непосредственно и открыто высказывается мысль о неадекватности понимания творчества Вач и, следовательно, создаваемых ею текстов, включая и этот (X, 125) гимн, теми, «кто слышит сказанное» (*yā im śṛṇōty uktām*), и призыв в сл у ш а т ь с я, внять тому, что глаголет Вач. Этот призыв вслушаться (и понять нечто и иначе, чем принято, ср. RV X, 71, 4) звучит как заклинание⁷², как уверение слушающего в особой ценности сообщаемого. Нахождение этих строк в самой сердцевине гимна и есть тот иконический образ «тайного сокровища», которое спрятано в самой глубине, внутри, в сокровенном лоне. Отсюда, собственно, и берет начало поиск разгадки объекта этого гимна, также заслуживающего названия загадки. Дело в том, что субъект (гимн строится как самовосхваление в 1-м лице), он же объект этого гимна, в тексте не назван ни разу, и эта анонимность воспринимается как нарочитость, заставляющая искать ответа на других уровнях. Подлежащее разгадке имя *Vāc* раскрывается совместным действием многих факторов, из которых здесь следует упомянуть лишь три: сложные содержательно-формальные отсылки (ср. *vadāmi* 'говорю', откуда 'говорить' → «Речь», *v a dāmi* → *V ā c*⁷³), синтезирование последовательностей, совпадающих с именем *Vāc* (ср. уже в первом стихе *v ā/subhiṣ/ c/arāmy/* ⊃ *Vāc* или в стихе 3: *v ā/sūnām/ c/ikitusī/* ⊃ *Vāc*), введение звуковых комплексов с резким увеличением их средних статистических характеристик (*v + Voc.* — 50 раз! [при этом 60% случаев составляет *vā*])⁷⁴ и более 60 раз — *ām, ām*, что можно понимать как отсылку к имени *V ā c Ā m bhṛṇī*, Вач как дочь великого риши Амбхрны). Только с нахождением имени *Vāc* уясняются способы его поисков, и эти способы как раз и составляют основные элементы стратегии разгадывания загадок такого рода⁷⁵. Более того, сами эти методы могут отвлекаться от звукового материала и становиться общими принципами обнаружения искомого и на семантическом уровне. Один

из наиболее показательных примеров этого рода — гимн RV VIII, 29 («Всем Богам»), где ни один из богов не назван по имени, но они могут быть угаданы по некоторым содержательным характеристикам (своего рода мотивным дифференциальным признакам), с ними связанным. Ср.: «Один бурый, переменчивый, прекрасный юноша покрывает себя золотистой краской» (1) кодирует С о м у; «Один уселся в (материнском) лоне, мудрый среди богов» (2) предполагает А г н и; «Один пути стережет, словно разбойник. Он знает тайные сокровища» (6) — П у ш а н а; «Двое передвигаются с помощью птиц вместе с одной. Они отправляются в странствие, как два странника» (8) — А ш в и н о в и С у р ь ю ⁷⁶. В других случаях тот же прием используется в сочетании с установкой на парадокс, как, например, в RV I, 152, 3 (гимн Митре и Варуне ⁷⁷, ср.: *apād eti prathamā padvātīnām* — «безногая, она идет впереди тех, кто с ногами», об Ушас) или в RV V, 47, 5 (гимн «Всем Богам»: «Это чудо. . . что реки текут, воды стоят [*cāranti*. . . *nadyās tashūr āraḥ*]; что его носят две другие, чем мать, рожденные там и сям, (и однако) близнецы одного рода» ⁷⁸). Особый род случаев представляют числовые загадки, в которых сочетание числовых параметров позволяет определить сначала связанные с ними объекты (первый слой загадки), а потом и мифологический персонаж, характеризуемый этими, только что идентифицированными объектами (второй слой загадки). Такова числовая загадка в RV V, 47, 4: «Ч е т в е р о носят его, успокаивая. Д е с я т е р о вскармливают теленка, чтобы он мог двигаться; т р о я к и его лучшие коровы. За о д и н день обходят они границы неба», в которой *четыре* соотносят с количеством жрецов (или рук двух жрецов), *десять* — с числом пальцев и т. д., что в конечном счете, видимо, отсылает к Агни, или RV VIII, 72, 7: «Доят с е м е р о о д н у; д в е выпускают п я т ь на берегу реки среди шума», где речь идет о *семи* жрецах, *одной* корове, *двух* руках и *пяти* пальцах, что позволяет открыть картину доения коровы (первый слой), а затем — через отождествление *корова*≡*сома* (растение) — ритуал выжимания сомы (второй слой), или RV I, 152, 2: «Грозный о ч е т ы р е х острых гранях бьет того, у кого т р и острые грани; хулители же богов одряхлели первыми», где сначала угадывается *четырёхгранная ваджра* (оружие богов, прежде всего Индры) и *трехгранное* оружие врагов, а затем вскрывается и некий поединок, принесший победу богам над их противниками ⁷⁹. Следует заметить, что в ведийской традиции, как и в других архаичных культурах, числа еще не были полностью десемантизированы и в отличие от современной европейской культуры сохраняли в известной степени свой качественный характер (отсюда и наличие сакральных чисел 3, 7, 9, 12, 21, 33 и т. п.). Поэтому при анализе числовых загадок уместно различать абсолютно детерминированные числа (д е с я т ь, когда речь идет о действиях, совершаемых пальцами двух рук; т р и, когда перечисляются космические зоны; д в а, т. е. солнце и луна, и т. п.), числа, получающие свое значение в мифологических мотивах данной традиции

(тридцать три бога, семь лучей солнца, два Ашвина и т. п.), и так называемые парадигматические числа, которые входят в кодифицированный набор данной культурной традиции⁸⁰, сохраняя при всех обстоятельствах приписанные им качества. Эта неоднородность чисел также иногда обыгрывается в ведийских загадках. Показательно, что аналогично числам в загадках ведут себя числа и в других космологических текстах, где, в частности, они отмечают этапы творения, количество сакральных объектов и даже включаются в некую мистическую нумерологию.

Разумеется, что описанный здесь в общих чертах тип ведийских *brahmodya* не исчерпывает всего набора разновидностей древнеиндийской (или даже ведийской) загадки⁸¹, но он обозначает его ядро. Для ведийских ариев как раз оно было основным, обладающим максимальной ценностью, сакральным, и поэтому именно *brahmodya* не только идеально определяли ведийскую модель мира, но и были самым надежным проводником на жизненном пути (извечная ситуация, определяемая А. Тойнби как Challenge-and-Response, по-своему отражена в ведийской загадке и ответе на нее). Для исследователей исторических судеб загадки и ее наиболее архаичной структуры *brahmodya* представляют особую ценность в двух отношениях: в о - п е р в ы х, они исключительно полно, подробно и наглядно вскрывают детерминированность самого жанра загадки и ее структуры внеположенными обстоятельствами (ритуал, воспроизводящий первособытие — сотворение ведийского космоса); в о - в т о р ы х, *brahmodya* (включая и некоторые вырожденные их формы, отмечаемые уже в Ведах) объясняют многие этапы дальнейшей эволюции загадки, уже вырвавшейся из теургического единства мифопоэтической эпохи на путь десакрализации, а затем и исключительно профанического и даже низменно-профанического существования (ср. такие крайние формы, как загадки неприличного содержания, абсурдистские загадки, загадки о подчеркнуто малозначащих и/или отрицательных объектах и т. п.). Поэтому привлечение внимания к *brahmodya* специалистов в области загадки имеет достаточно веские основания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. Веду гимнов («Ригведа»), Веду жертвенных формул («Яджурведа»), Веду напевов («Самаведа») и Веду магических формул, заклинаний и заговоров («Атхарваведа»).

² Все эти действия или часть их могут кодироваться одними и теми же или по меньшей мере генетически связанными элементами (ср. вед. *jan-* 'знать' и *jñā-* 'рождать' [оба из и.-евр. **g'en-*, обозначающего знание как рождение и рождение как узнавание] или вед. *rad-* 'находить', 'открывать' при слав. *roditi 'рождать' и т. п.). Ср.: *puruṣam upatāpinam jñāta ya u ḥ paryupāsate, jānāsī mām, jānāsī māmīti* (Чханд-Упан. VI, 15, 1) «вокруг (смертельно большого человека собираются родственники [от *roditi*]) (и спрашивают): ты узнаешь меня? Ты узнаешь ш меня?» См.: W. S c h l z e. *Lesefrüchte*. — KZ. 63, 1936, с. 113; В. Н. Топоров. Ведийское *rad-* (значение, этимология, связи). — «Księga pamiątkowa ku

zczi E. Słuszkiewiczza». Warszawa, 1974, с. 235—236 и др. Семантическая мотивировка обозначений обретения смысла мира кратчайшим образом отсылает и к структуре ведийской модели мира, и к особенностям ведийского менталитета.

³ Это обстоятельство и позволяет понимать любую вопросную часть загадки как ее тавтологический ответ.

⁴ Эта особенность загадки, обычно игнорируемая исследователями, относится к числу важнейших. Такое просвещение исключительного и сакрального светом повседневного и бытового как раз и отмечает глубинное единство обоих планов и возможность перехода от одного к другому.

⁵ См.: Л. В и т г е н ш т е й н. Логико-философский трактат. М., 1958 (=Tractatus logico-philosophicus. L., 1955).

⁶ Это подтверждается существованием особого жанра речений метаязыкового характера, устанавливающих тавтологичность (не тождественность!) вопроса и ответа или — шире — обеих частей подобного уравнения в ряде традиций архаичного типа. Ближайшая аналогия в русском семантическом космосе — речения типа «Что в лоб, что по лбу».

⁷ Из этого принципа вытекает, что, по сути дела, решением загадки должен считаться не просто о т в е т (загадка вообще менее всего связана с угадыванием и импровизацией, но со знанием и искусством его порождения), а ответ как свернутый знак в с е й п р о ц е д у р ы э к с п л и к а ц и и с к р ы т о г о т о ж д е с т в а обеих частей загадки.

⁸ Иначе говоря, ответ предшествует вопросу.

⁹ Ср.: «Совершенномудрые люди создали образы, чтобы в них до конца выразить мысли. Они установили символы, чтобы в них до конца выразить воздействие мира на человека и человека на мир. . .» («Сицычжуань») или: «Перемены — это изменчивость, в которой мы меняемся в соответствии со временем, для того чтобы следовать пути („дао“) мирового развития. „Книга перемен“ столь широка и всеобъемлюща, что через нее мы надеемся вступить в правильные отношения с законом нашей сущности и судьбы, проникнуть во все причины явного и сокровенного, исчерпать до конца всю действительность предметов и событий и тем самым указать путь открытий и свершений. . .» (из «Ичжуаня», комментарий, составленного Чэн Й-чжуанем) и т. п. См. подробно: Ю. К. Ш у ц к и й. Китайская классическая «Книга Перемен». М., 1960.

¹⁰ Ср. знак *бу* (гадание на костях и черепахе) и знак *ши* (гадание на стеблях тысячелистника), а также бином *буши*.

¹¹ Этому не противоречат ни факт членности *a* (вопроса) в плане наличия в нем ряда предикатов [O (P₁P₂P₃. . .)] или указания ряда условий существования описываемого здесь объекта [P (Cond.₁ & Cond.₂ & Cond.₃. . .)], ни соединение в вопросе двух «атомарных» объектов, предполагающих соответствующим образом построенный ответ (ср.: *Младший уходит, старший приходит — Солнце и месяц*).

¹² Естественно, и эта форма является большим упрощением реальной ситуации, поскольку здесь не учитываются закономерности соотношения графических черт гексаграммы и соответствующего афоризма.

¹³ Интересно, что аспект бинарной логики обнаруживается и в ключевом афоризме «То Инь, то Ян — это и зовется Путем (Дао)», и в идее порождения всех объектов взаимодействием этих двух начал, лежащих в основе разветвленной системы двоичных противопоставлений.

¹⁴ Ср.: Ch. G. Z u g. The Non-rational Riddle: The Zen *Koan*. — «Journal of American Folklore». 80, 1967, с. 81—88; K. S a t o. Zen from Personological Viewpoint. — «Psychologia». 11, 1968, и др., а у нас ряд работ Г. С. Померанца. Интересно, что в секте Rinzai коан и сейчас является основной педагогической психотехникой.

¹⁵ См.: Г. С. П о м е р а н ц. Традиция и непосредственность в буддизме чань (дзэн). — Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972, с. 81.

¹⁶ См.: Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973, с. 423—424.

¹⁷ Об этом ритуале см.: P.-E. D u m o n t. L' *Āśvamedha*. Description

du sacrifice solennel du cheval dans le culte védique d'après les textes du Yajurveda blanc (Vājasaneyisaṃhitā, Śatapathabrāhmaṇa, Kātyayānaśrautasūtra). P., 1927; Sh. B h a w e. Die Yajus' des Aśvamedha. Stuttgart, 1939; W. K i r f e l. Der Aśvamedha und der Puruṣamedha. — «Alt- und Neu-Indische Studien». Bd 7, 1951, с. 39—50, и др. Ср. также описание ашвамедхи в «Шатапатха-Брахмане» (XIII, 1) и серию отождествлений в «Брихадараньяка-Упанишаде» (I, 1). Специально о «Ваджасаней-Самхите» см.: L. R e n o u. La Vājasaneyisaṃhitā des Kāva. — JA. 1948, с. 21—52.

¹⁸ См.: L. R e n o u (avec L. S i l b u r n). Sur la notion de *brāhman*. — JA. 237, 1949, с. 22—46 (Le *brahmodya* védique); ср. также: В. Н. Т о п о р о в. О структуре некоторых архаичных текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева». — «Труды по знаковым системам». V. Тарту, 1971, с. 26 и сл.

¹⁹ Ср.: О брахмане. К истокам концепции. — Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974, с. 20—74.

²⁰ Особый вид *brahmodya* составляет слегка драматизированный диалог (*vākovākya*).

²¹ Ср. такие примеры, как «Речи Вафтруднира» из «Старшей Эдды», сходные фрагменты из среднеиранского «Бундахишна» и «Риваята» и т. п.

²² См.: Śatap.-Brāhm. XI. 6. 3; XII. 2. 2. 13 и сл.; Bṛhad.-ār.-Upan. III, 9, и др.

²³ По логике цепей загадок далее ожидалось бы нечто вроде: «что есть брахман?» → «*x* есть брахман» & «что есть *x*?» → «*y* есть (подобен) *x*» и т. п. И действительно, другие тексты позволяют подтвердить эту логическую реконструкцию (ср. тексты, в которых содержатся ряды отождествления брахмана).

²⁴ Ритуальный обмен вопросами и загадками стоит в том же ряду, что и обмен дарами (ср. *notlact*), также приурочиваемый к началу года. В этом контексте сельскохозяйственно-пищевая тематика колыбельных песен (трава, коровы, молоко, свиньи, хлеб...) получает дополнительную мотивировку. Значение обмена, понимаемого таким образом и преследующего цель увеличения плодородия (сюда включается и *échange de femmes*), было подчеркнуто М. Моссом. См.: M. M a u s s. — L'Année sociologique. Nouv. serie 1, 1923—1924; ср. также: C. L é v i - S t r a u s s. Les structures élémentaires de la parenté. Paris — La Haye, 1967; É. B e n v e n i s t e. Don et échange dans le vocabulaire indo-européen. — Problèmes de linguistique générale. P., 1966, с. 315—326 (ср. соответствующий раздел в книге того же автора «Vocabulaire des institutions indo-européennes». P., 1969, 1, ch. II). В связи с древнеиндийской версией этой проблемы см.: G. J. H e l d. The Mahābhārata. An Ethnological Study. Leiden, 1935, с. 243 и сл.; отчасти — J. J. M e y e r. Thilogie altindischer Mächte und Feste der Vegetation. Zürich—Leipzig, 1937.

²⁵ Особенно наглядное подтверждение сказанному можно найти в традициях, где каждая из семантических групп состоит из достаточно небольшого числа элементов, как правило специализированных. Ср., например: Juraksamojedische Volksdichtung, gesammelt und herausgegeben von T. Lehtisalo. Helsinki, 1947, с. 592 и сл.; J. S c h e l l b a c h. Das wogulische Rätsel. Wiesbaden, 1959; Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Вып. 1. Сост. Г. М. Васильевич. Л., 1936, с. 133 и сл.; Е. А. К р е й н о в и ч. Кетские загадки. — Кетский сборник. М., 1969, с. 227 и сл.; G. R a m s t e d t, J. A a l t o. Kalmückische Sprichwörter und Rätsel. — JSFOu. 58, 1955—1956, и др. Ср. также: З. Н. К у п р я н о в а. Загадки народов Севера. — «Уч. зап. ЛГПИ», № 170, 1958; А. П и ч к о в. Ненецкие загадки. — «Уч. зап. ЛГПИ», 1960, и др.

²⁶ Прежде всего это относится к древнесеверным кеннингам и хейти. Особенно близки к загадке кеннинги, основанные на исходной оксюморной ситуации или на омонимических отношениях. Примером первого рода могут служить кеннинги типа *sandhimmín* 'небо песка', т. е. м о р е, или *grundar hvalr* 'кит земли', т. е. з м е я (оксюморность заключается в соединении морского о животного [кит] с з е м л е й: *морская & земля). Кеннинги второго рода еще сложнее и еще более близки к загадкам известного типа. Так, кеннинг *Gleipnis tuggu hráki* 'слюна жвачки Глейпнира' означает «надежду», т. е. то, что поддается

только многоступенчатой разгадке: «„Глейпнир“ — это узы, которыми связан волк Фенрир. Следовательно, „жвачка Глейпнира“, т. е. то, что кусает Глейпнир, — это сам волк, а его слюна — это река *Vörn*, образовавшаяся из его слюны. Но слово *vörn* имеет и значение „надежда“ (см.: М. И. Стеблун-Каменицкий и й. Скальдический кеннинг. — Историческая поэтика. Л., 1978, с. 60), откуда — общая разгадка кеннинга (о сходном типе загадок см.: Е. Д. Поливанов. Формальные типы японских загадок. — Статьи по общему языкознанию. М., 1968, с. 307 и др.). И вообще запрятанность смысла — один из сознательных приемов поэтического языка: «Мы еще и теперь прибегаем к такому выражению, что называем золото „уствым счетом“ (*munnial*) этих великанов, и мы прячем (*vér felum*) его в рунах или поэзии так, что называем его „речь“, или „слово“, или „счет“ этих великанов. Тогда сказал Эгир: это кажется мне хорошим способом прятать в поэзии (*vel fjölgit í rúnum*)» (Указ. соч., с. 61—62).

²⁷ Совершенно очевидно, что уравнения типа солнце=глаз (божества) и т. п. служат важнейшим участком, на котором реализуется металингвистическая функция языка (соответственно загадки), ориентированная на проверку того факта, пользуются ли участники коммуникации одним и тем же культурно-языковым кодом. В случае диалога-загадки эта функция особенно актуальна, так как в отличие от обычного неспециализированного диалога здесь нет возможности помочь отгадчику выбрать нужный код. Строго говоря, загадку надо знать еще до того, как она предлагается отгадчику. В этом смысле загадка подобна масонскому знаку: она делит всех на тех, кто знает, и тех, кто не знает. Существенно, что само слово *знать* играет в загадках архаичного типа выдающуюся роль. Ср.: *kó... veda... véđāhām* «кто... знает... я знаю» (*Vājas-Saṃh.* XXIII, 59—60); *kó addhā veda ... kó veda yāta ābabhūva...* «кто воистину знает... кто же знает, откуда он появился» (в знаменитом гимне о происхождении мира — RVX, 129, 6) или *tā yo veda, sa veda brahma* «кто знает тех, кто знает *brāhman'a*» (*Taitt.-Upan.* I, 5, 5); ср. *veda-* 'Веда' (собственно 'знание', 'ведение').

²⁸ Ср. *purutrā* RV I, 32, 7: о разбросанных по разным местам частях расчлененного Индрой дракона Вритры.

²⁹ См.: Т. Я. Елизаренкова, В. Н. Топоров. Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки. — Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1979, с. 33—88. Ср. также: L. Renou. Les connexions entre le rituel et la grammaire. — JA. 1941—1942, с. 105—165.

³⁰ Эта традиция глубоко укоренена в особенностях ведийской картины мира. Ее отзвуки обнаруживаются в Ведах и особенно в поздневедийской литературе (ср. Притишакхьи, Брахманы, Араньяки, Упанишады), где много примеров отождествлений языковых элементов с космологическими и микрокосмическими объектами, позволяющих реконструировать потенциальные загадки. Ср.: согласные — ночи, гласные — дни, или: согласные — тело, голос — душа, фрикативные — дыхание, или: взрывные — земля, фрикативные — атмосфера, гласные — небосвод, или: фрикативные — дыхание, взрывные — кости, гласные — мозг (костный), полугласные — мясо и кровь (Айтарей-Араньяка II, 2, 1; 2, 5; III, 1, 5; 2, 2 и др.). Сюда же, конечно, относятся и более общие отождествления: «Таковы же и три мира: речь — этот мир, разум — воздушное пространство, дыхание — тот мир. Таковы же и три веды: речь — Ригведа, разум — Яджурведа, дыхание — Самаведа. . . То, что известно, имеет образ речи, ибо речь — известное. . .» (Брихадар.-Упан. Мадху I, 5, 4—8) и т. п. Отсюда — взрывные (?) → земля & гласные (?) → небосвод. . . (или: земля (?) → взрывные & небосвод (?) → гласные. . .).

³¹ Учитывая *brāhman* ≡ *sūrya* и такие утверждения, как: «Того *пурушу*, который в солнце, я и почитаю как *brāhman'a*» (Брихадар.-Упан. II 1, 2; ср. также Atharvaveda IV, 1, 1; см.: L. Renou. Sur la notion de *brāhman*, с. 26), т. е. в конечном счете *puruṣa* ≡ *sūrya*, восстанавливается и *brāhman* ≡ *puruṣa* — отождествление, широко представленное в Упанишадах и по характеру очень близкое связи *brāhman'a* и *Prajāpati*, известной из *brahmodya* в ритуале «12 дней», из Брахман и Упанишад, ср.: «Brahman

(сотворил) Праджapati». Мунд.-Упан. I, 1, 1 и др. (L. Renou. Sur la notion de bráhma, с. 33). В этом контексте приобретает значение совместное появление *bráhma* и *puruṣa* в Vājas.-Samh. XXIII, 51.

³² Брáхман — опора, основа Вселенной (на ней находятся боги, люди, потомство, богатство, все имена и т. п.). Ср. ŚBr. VI. 1, 1, 8, где говорится о том, что «*bráhma* — опора Вселенной», «опора есть то, что есть *bráhma*», и т. д. Ср. еще: *brahma pucchaṃ pratiṣṭhā* — «*bráhma* — нижняя часть [основа]» (Taitt.-Upan. II, 5, 1) и др.

³³ Характерно, что *bráhma* и *barhís* восходят в конечном счете к единому языковому источнику.

³⁴ Такое устройство самой загадки и, главное, такой принцип ее функционирования в ведийском разделе обеспечивают достижение наиболее полной картины мира, учитывающей и ее парадоксальные состояния и преодолевающей интенции, связанные с установкой на монологичность. Амебейность загадки и отдача ее составных частей разными голосам, к тому же меняющимся в ходе ритуала, как раз и обеспечивают возможность реализации идеи о полноте бытия, объединяющей мифопоэтическое сознание с наиболее развитыми разделами современного научного и философского знания.

³⁵ В связи с этой темой в *brahmodya* (см.: Vājas.-Samh. XXIII, 59—62) ср.: *iyám védīḥ páro ántaḥ prthivyá ayám yajñó bhūvanasya nábbhiḥ* — «Этот алтарь — крайний предел земли; эта жертва — пуп Вселенной» (RV I, 164, 35, ср. I, 164, 34, где поставлен соответствующий вопрос).

³⁶ Ср., например, такие мотивы, как умщение (RV II, 3, 4; VII, 2, 4), две птицы [ср.: . . . *váyo ná sidann ádhi barhīsi priyé*] (RV I, 85, 7) — как птицы, сидели они на излюбленной жертвенной соломе», жертва на *barhís'e* (RV VI, 11, 5; VII, 7, 3; 13, 1; X, 70, 11; 90, 7 и др.), боги на *barhís'e* (RV II, 41, 13; VI, 52, 7), богатство, плодородие (бык как его символ, ср. RV V, 44, 3; ср. также I, 83, 6; 173, 1; 194, 4; IX, 72, 4 и др.).

³⁷ Сам мотив женщины, матери на *barhís'e* (ср. призывь сестра на него и, следовательно, на алтарь — RV I, 142, 7; III, 4, 11 и др.), вблизи давящих камней (*grāvan*, ср. также *adri*) для получения сомы (ср. RV III, 41, 2; VI, 63, 3; X, 35, 9 и др.), при обилии типологических параллелей в других традициях (ср. сажание в Риме невесты на камень, изображающий фаллос Приапа, и т. п.) входит в обширный круг идей, связываемых с темой плодородия. Как известно, сама конструкция ведийского жертвенного алтаря с возжигаемым на нем огнем должна воспроизводить акт соития (*védī*, ж. р., т. е. алтарь ≡ женщина; *agni*, м. р., т. е. огонь ≡ мужчина). Отношение стиха (*rc*-) и мелодии (*sāman*-) в ходе ритуала трактуется сходным образом. Два деревянных предмета, служащих для ритуального добывания огня, отождествляются с гениталиями (*uttarāraṇi* 'верхний' с мужскими, *adharaṇi* 'нижний' с женскими), ср. RV III, 29,1 и сл.

³⁸ Достаточно сослаться на некоторые параллели из шаманских традиций. К ним относятся, в частности, эвенкийские шаманские ровдужные коврики (*дэ-тур*), обычно прямоугольной формы, с четырьмя плетеными веревочками или завязками, прикрепленными к углам (реже — к сторонам) коврика (в случае круглой формы коврика завязки прикрепляются к концам двух взаимно перпендикулярных диаметров). На этих ковриках, разные части которых нередко дифференцируются по цвету, изображены олени, птицы, люди. Считается, что подобные коврики делаются для охраны оленей от болезней или с целью их размножения. У эвенков Южной Якутии такие коврики считались «хранилищами для душ оленьего стада» (само слово *дэтур* обозначает обширное пространство в верховьях мифической родовой реки, где обитают и души оленей, и души тени людей данного рода, и сам дух-покровитель). См.: С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. М.—Л., 1954, с. 71—73, 195 и др.; П. П. Полторадин. Оленеводство тунгусов. Москва—Иркутск, 1932, с. 29. С такими ковриками, видимо, генетически связаны мансийские жертвенные покрывала *улама* с четырьмя колокольчиками по углам и изображениями всадников и солнца; эвенкийские

четыре радиусные меховые коврики в виде солнца; бубны с четырьмя членением, символизирующие Вселенную, и т. п.

³⁹ См. выше о внутренних связях *barhīś'a* и *brāhman'a*.

⁴⁰ Она представлена и в собственно ведийских текстах (причем иногда содержит в себе некоторые неясности). Ср.: «Царь Варуна... держит сверху в бездонном пространстве вершину дерева. Они обращены вниз, вверх их основание. Да будут укреплены лучи внутри нас» (RV I, 24, 6: *abūdhnē rājā vāruṇo vānasyordhvām stūpaṃ dadate... nīcīna sthur upāri budhnā eṣām antār nihitāḥ ketavaḥ syuh*; «они» в переводе может быть отнесено и к ветвям и к лучам солнца; к отношению Варуны и *brāhman'a* ср.: *brāhmā kṛṇoti vāruṇo* RV I, 105, 15 — «Варуна творит *brāhman'a*) — «С неба корень тянется вниз, с земли он тянется вверх» (Atharvaveda II, 7, 3) и др. Многочисленные типологические параллели из других традиций. Ср. фактическую загадку о месте ритуала и ритуальном символе в начале русских заговоров: «На море на Окияне, на острове на Кургане (вар. — Буяне) стоит белая береза вниз ветвями, вверх кореньями» (см.: Л. Н. М а й к о в. Великорусские заклинания. СПб., 1869, № 149).

⁴¹ Иногда присоединяются и наборы более конкретных космологических элементов (например, земля, воздушное пространство, небо; вода, ветер, огонь и т. п.).

⁴² Попутно уместно упомянуть и о третьей разновидности текстов о *brāhman'e*, в которых описываются и вертикальная и горизонтальная структуры Вселенной. Описания этого типа вскрывают геометрический аспект космологических загадок. См., например: «Поистине *brāhman* — это бессмертное, *brāhman* — впереди, *brāhman* — позади, справа и слева, он простирается вниз и вверх...» (Mund.-Upan. II, 2, 12) или: «Это (бесконечное) внизу, оно наверху, оно позади, оно спереди, оно справа, оно слева, оно — весь этот (мир)» (Chānd.-Upan VII, 25, 1: *sa evādhastāt, sa upariṣṭāt, sa paścāt, sa purastāt, sa dakṣiṇataḥ, sa uttarataḥ, sa evedaṃ sarvam iti*), чему соответствует такая же геометрия субъектного начала мироздания: «А теперь наставление о самом себе: я внизу, я наверху, я позади, спереди, я справа, я слева, я — весь этот (мир). А теперь наставление об Атмане: Атман внизу, Атман наверху, Атман позади, Атман спереди, Атман справа, Атман слева, Атман — весь этот (мир)» (Там же, VII, 25, 2). Ср. несколько иной вариант: «Поистине в начале это было *brāhman'*ом, единым, бесконечным... на восток... на юг... на запад... на север... вверх и вниз и во все стороны. Ибо для него не существует востока и прочих направлений (*na hy āsya prācyādi-diśaḥ kalpante...*) — поперек, или вниз, или вверх» (Maitrī-Upan. VI, 17).

⁴³ Не случайно в большинстве случаев *brāhman* определяется или как нечто все превосходящее (ср. высший, великий, всеобъемлющий и т. п.), или апофатически (ср.: *asama* 'несравнимый' [RV VII, 43, 1; X, 89, 3], *ajara* 'неизменный' [III, 8, 2], *anatiḍbūta* 'непревзойденный' [VIII, 90, 3]); ср. особую многочисленность таких определений *brāhman'a* в Упанишадах: бесконечный (Taitt.-Upan. I, 2; Śvet.-Upan. V, 1; Maitrī-Up. VI, 28; Brah-mab.-Upan. 9; Kaiv.-Upan. 6; Chānd.-Upan. IV, 6, 3—4), бессмертный (Chānd.-Upan. IV, 15, 1; VIII, 3, 4; 7, 4; 11, 1; 14, 1; Katha-Upan. II, 2, 8; 3, 1; Maitrī-Upan. II, 2; IV, 6; VI, 24; 27; 35; Mund.-Upan. II, 2, 12; Mahā-nār.-Upan. I, 14; Kaiv.-Upan. 6), неизмеримый (Brahmab.-Upan. 6), непостижимый (Kaiv.-Upan. 6), непроявленный (Maitrī-Upan. VI, 22; Kaiv.-Upan. 6), несотворенный (Chānd.-Upan. VIII, 13, 1), нерожденный (Maitrī-Upan. VI, 28), непреходящий (Katha-Upan. I, 3, 2; Śvet.-Upan. V, 1; Mund.-Upan. II, 2, 2), невоплощенный (Maitrī-Upan. VI, 3), лишенный образа (Kaiv.-Upan. 7), безначальный (Brahmab.-Upan. 9), не имеющий частей (там же 8) и т. п. Интересно, что в разных традициях существуют загадки типа (А: бесконечный, безначальный, нерожденный, бессмертный...?) → (В: Вселенная, небо, земля, Бог...³), совершенно аналогичные трансформирован-

ным в вопросо-ответный текст утверждениям типа «*brāhman* бесконечен» (□ «что бесконечно?» — *brāhman*).

⁴⁴ Интересно, что в гимне Митре и Варуне, состоящем из загадок и парадоксов, в завершающей строфе появляется *brāhman* как обозначение той особо отмеченной, возвышенно-торжественной речи (слова), которая приносит победу: *asmākam brāhmanā pṛtanāsu sahyā* (RV I, 152, 7) «Unsere feierliche Rede soll in den Kämpfen obsiegen!»; ср. I, 157, 2; X, 88, 17—19.

⁴⁵ Речь может идти и о таких фрагментах текста, которые в явной (грамматической) форме не содержат вопроса, но являются им по сути дела.

⁴⁶ Почти дословный пересказ этого фрагмента в Śvet.-Upan. IV, 6 и Mund.-Upan. III, 1, 1 с характерным продолжением, отсутствующим в «Ригведе»: «На том же дереве человек, погруженный [в горести мира], ослепленный, скорбит о [своем] бессилии. Когда же он зрит другого — возлюбленного владыку и его величие, то освобождается от скорби». И особенно показательно в Mund.-Upan. III, 1, 3: «Когда видящий видит золотоцветного творца, владыку, *пурушу*, источник Брахмана, то сведущий, стяхнув [с себя] добро и зло, незапятнанный, он достигает высшего единства». Сходные образы с некоторыми видоизменениями повторяются и в ряде других текстов.

⁴⁷ Согласно последним толкованиям, дерево — это ночное небо, орлы — звезды, сладкая ягода — ночное светило, в целом же речь идет об убывающей и прибывающей луне (ср.: P. Th i e m e. Untersuchungen zur Wortkunde und Auslegung des Rigveda. Halle, 1949 («Das Rätsel vom Baum», с. 55 и сл.); L. R e n o u. La notion de *brāhman*; О н ж е. Études védiques et pāṇinées. Т. 16. Р., 1967, с. 88—93). По К. Ф. Гельднеру, здесь описывается древо познания и два орла символизируют два вида знания — интуитивное и прагматическое; сладкая ягода на вершине древа — удел того, кто обладает интуитивным знанием.

⁴⁸ Наконец, нельзя забывать, что разбираемый фрагмент (I, 164, 20—22) находится в гимне среди целого ряда других загадок. Ср., например: «У этого милого седого хотара [=солнце] средний его брат — пожиратель [=ветер], третий брат его — жирноспинный [=земной огонь, жертвенный костер]. Здесь я увидел хозяина племен с семью сыновьями [=Творец Вселенной с семью мирами]». I, 164, 1, в скобках толкования раннего комментатора «Ригведы» Саяны; ср. I, 164, 11—14, 48 (загадки о годе), 30—33 (о жизни и смерти), 44 (видимо, о луне, солнце, ветре), 45—46 (о божественной речи и трех Ведах) и т. п. Особенно важно, что в этом же гимне есть фрагмент (34—35), который замечателен в двух отношениях. Во-первых, это единственный в гимне случай, когда загадка состоит из вопросов и ответов. Во-вторых, этот фрагмент совпадает с уже приводившимися *brahmodya* («Я спрашиваю тебя о крайней границе земли, я спрашиваю, где пуп мироздания. . . Этот алтарь — крайняя граница земли, это жертвоприношение — пуп мироздания. . .»). Уместно обратить внимание на то, что четырехкратное *pṛchāmi* 'я спрашиваю' отсылает к понятию загадки — др.-инд. *pṛsthā* от указанного глагола. Ср. RV IV, 2, 11; X, 89, 3 (о чем см.: P. Th i e m e. Der Fremdling im Rgveda. Lpz., 1938, с. 65—66). Такое обозначение ритуального вопроса известно и древнеиранской традиции, ср. авест. *paršta-*, о вопросе при судопроизводстве: (:*pər'sa'te* 'он спрашивает', др.-перс. *a-p/a/r-sam* 'я спрашивал' и т. д.); интересно, что рус. *во-прос* содержит оба значения, представленные в индоиранских примерах.

⁴⁹ Образы двух птиц в подобной ситуации часто соотносятся с солнцем и месяцем (ср. загадки: две птицы на одном дереве или в одном гнезде? — *солнце и луна*), определяющими структуру суток или даже года (весенне-летний и осенне-зимний циклы), см. ниже. См.: A. J. W e n s i n c k. Tree and Bird as Cosmological Symbols in Western Asia. Amsterdam, 1921; G. W i l k e. Der Weltenbaum und beiden kosmischen Vögel in der vorgeschichtlichen Kunst. — «Mannus. Zeitschrift für Vorgeschichte». 14, 1922, с. 73—99 и т. д. Но, конечно, две птицы, как и два светила, могут отождествляться и иначе (например, *membrum virile* и *vagina*) и соответственно передавать иную идею (в данном случае плодородие, богатство, потомство).

⁵⁰ Помимо других фрагментов ср. RV I, 35, 6—7; 96, 5; 182, 7; 185, 1; III, 54, 5—9; VI, 9; X, 82, 5—6 и др.

⁵¹ Существенно напомнить условия произнесения *brahmodya*: украшенный конь лежит на алтаре с очагом в виде п т и ц ы; у восточной границы большого алтаря (*mahāvedi*) находится 21 (3×7) жертвенный столб (*yūpra*, ср. также *aśvayūpra* 'конский столб'), являющиеся образом Вселенной (3 семичленные космические зоны). Ср.: «Вокруг него положили семь поленьев, трижды семь поленьев было приготовлено, когда боги, совершая жертвоприношение, связывали *пуршук* как жертвенное животное» (RV X, 90, 15). *Brahmodya* перед ж е р т в о й у жертвенного столба, конечно, воспроизводит важную особенность первоначальной ситуации.

⁵² См.: F. V. J. Kuiper. The Ancient Verbal Contest. — IJ, 4, 1960, с. 217—281.

⁵³ Ср. «умирание вокруг *brāhman'a*» (Aitar.-Brāhm. VIII, 28 и др.).

⁵⁴ Ср., например, H. Schärer. Gottesidee der Ngadju Dajak in Süd-Borneo. Leiden, 1946, с. 89 и сл., где описывается словесный поединок двух групп племени на космологические темы; обе группы соотнесены с мотивом борьбы двух птиц в ветвях дерева жизни. Тут же происходит обряд наделения дарами, в котором участвует главная фигура ритуала — совершенный человек-жрец *basewut*, стоящий в центре деревенской площади, как «высокое дерево», и вещающий о Космосе и «первоначальных временах». Видимо, *basewut* в основном подобен брахману (жрецу), стоящему вблизи жертвенных столбов (< *brāhman*) и начинающему партию *brahmodya* (стаги, *brāhman* устанавливает связь [*bāndhu*], дающую ключ к р а з г а д к е, ср. AV X, 10, 23); ср. также название *ativādin* для того, кто побеждает в поединке, устанавливая серию отожествлений (т. е. потенциально решая весь ряд загадок), см.: Chānd-Upan. VII, 15, 4, — от *ativāda*, строфы, содержащие загадку (см. AV XX, 135, 4 и др.).

⁵⁵ При этом иногда тексты описывают некоторые особенности самого ритуала. Нередкий для ряда текстов мотив солнца (*sūrya*) на *brāhman'e* напоминает и мифологему «солнце в ветвях мирового дерева», и ее ритуальные воплощения (ср. колесо на шесте или такие вырожденные варианты, как самовар [=солнце] на столбе в качестве награды победителю, взобравшемуся по шесту до самого верха).

⁵⁶ Не случайно во многих культурно-языковых традициях (например, индейских) Вселенная (или Небо-Земля) и год обозначаются одним и тем же словом.

⁵⁷ Поскольку Праджапати — родитель Брахмана, то, следовательно, и год выступает как родитель Брахмана. Ср.: *brāhmanāṅśaḥ... vācam akṛata brāhmanāḥ kṛvāntaḥ parivatsarṇam* (RV VII, 103, 8) — «Брахманы... возвысили голос, творя *brāhman* (т. е. молитву, ритуальную формулу), посвященную началу года».

⁵⁸ См.: Загадки. Изд. подгот. В. В. Митрофанова. Л., 1968, № 4938—4963 и др. Итоги изучения загадок о годе см.: А. А. р н е. Vergleichende Rätselforschungen. — FFC. № 26—28, 1918—1920, с. 74—178 («Das Jahr»).

⁵⁹ Речь идет о трех двойных временах года.

⁶⁰ Ретроспективно стоит заметить, что образы двух птиц (орлов) в этой загадке вопреки принятому мнению целесообразно рассматривать также в связи с временными категориями (день, ночь?); ср. другую разновидность загадки о тех же объектах: «Издrevле вокруг неба и земли (движутся) две несхожие юницы (*yuvati*), возвращаясь снова (и снова) по своей привычке: н о ч ь — с черными очертаниями, у т р е н н я я з а р я — со светлыми. Они движутся, приближаясь: то одна, то другая» (RV I, 62, 8); ср. выше другую загадку о юнице.

⁶¹ Ср., например, такие традиции, в которых приурочение периода загадывания загадок к переходу от старого года к новому сохраняет свою силу. Так, например, удмурты посвящали загадкам время с 25 декабря по 6 января. Руководил этим обрядом особо избранный старик (или старуха); загадывание начиналось с темы человека, а кончалось — при вступлении в Новый год — загадками на космологические темы. См.: K. Gerd. Über die Rätselabende bei den

Wotjaken. — УJ. 1928; он же. К изучению удмуртских загадок. — «Труды научного общества по изучению Вотского края». V, 1928. О космологическом аспекте загадок см. также: G. S a l a m e - G r i a u l e. L'énigme dans la littérature orale (Mali). — Труды VII МКАЭН. Т. 6. М., 1969, с. 333 и сл. Анализ обрядов, приуроченных к новому году, обнаруживает как их связь с мировым деревом и его трансформациями, так и с загадками. Ср. их включение в типичную русскую колядку: *А Иванов двор | Ни близко, ни далеко — | На семи столбах а х . . . | Во этом во тину | Стоят три терема | Златоверхие: | Во первом терему | Светел месяц, | Во втором терему | — Красно солнышко, | В третьем терему | — Части звездочки. | Светел месяц — | То хозяин во дому, | Красно солнышко — | То хозяйошка, | Части звездочки — | Малы деточки* (Шейн I, № 1030), а также связанные с колядками дары или обмен ими.

⁶² О них см.: О структуре некоторых архаических текстов. . . , с. 9 и сл.

⁶³ См.: A. W e b e r. Über Menschenopfer bei den Indern der vedischen Zeit. — «Indische Streifen». Bd 1. B., 1868, с. 54—84 (здесь же перевод *Puruṣamedhakānda*, ср. ZDMG. 18, 1864, с. 277—284); W. K i r f e l. Op. cit.; Ригведа. Избранные гимны. М., 1972, с. 403 и др.

⁶⁴ См. о нем: W. N. B r o w n. The Sources and Nature of *puruṣa* in the *Puruṣasūkta* (RV 10, 90). — JAOS. 51, 1931; P. M u s. Du nouveau sur *Rigveda* 10, 90? — «Indological Studies in Honor of W. N. Brown». New Haven, 1962, с. 165—185; он же. Où finit *Puruṣa*? — «Melanges d'indianisme», с. 539—564 и др. — О связи загадок с жертвоприношением ср. также RV X, 114 и др.

⁶⁵ Ср.: «Когда боги, совершая жертвоприношение, привязали Пурушу как (жертвенное) животное. . .» (15).

⁶⁶ Собственно говоря, и ряд других мест этого гимна, видимо, предполагает возможность или даже необходимость подобных реконструкций. Ср., например: * «У кого тысяча голов, тысяча глаз, тысяча ног? . . . Кто со всех сторон покрывает землю и возвышается над нею на десять пальцев?» — и как ответ: «Пуруша тысячеглавый, тысячеглазый, тысяченогий. Со всех сторон покрыв землю, он возвышался (над нею еще) на десять пальцев» (1), или: * «Что такое четверть Пуруши и что такое есть три четверти?» — «Четверть его — все существа. Три четверти — бессмертное на небе» (3), или, наконец: * «Что было жертвенным маслом при жертвоприношении Пуруши? Что было дровами? Что жертвой?» — «Весна была его жертвенным маслом, лето — дровами, осень — жертвой» (6).

⁶⁷ Этот стих повторен и в гимне-загадке I, 164, 50: «Жертву жертве пожертвовали боги». Иначе говоря, сам Пуруша — элемент того универсального обмена, который в ходе своей реализации разворачивается в феноменальный мир.

⁶⁸ И далее десятки вопросов, лишенных их исконной моноцентричности, иерархической соподчиненности и, пожалуй, сакрального и ритуального значения (во всяком случае, в известной мере). Ср. также AV, X, 7, где вопросы о Скамбхе постепенно переходят в вопросы, связанные уже с совсем другими темами. «Ригведа» знает гимны, организованные как цепь вопросов, как и отдельные вопросы, остающиеся без ответа (ср. I, 34, 9; V, 53, 1—2; X, 31, 7; 81, 2, 4; 129 и др.), однако гипертрофическое развитие этого принципа (помимо отдельных мест из «Атхарваведы») — удел более позднего времени (Брахманы, Упанишады и др.).

⁶⁹ Это слово неоднократно обыгрывается в звуковом плане и в других случаях, ср. AV X, 8, 2: *skambhénemé vistabhite* — «установленные врозь Скамбхой эти двое», где *skambh-* образует звуковую и семантическую рифмы с *vi-stambh-*, глаголом, кодифицирующим одно из основных действий, характерных для Скамбхи — космической опоры.

⁷⁰ Многие особенности объединяют Вач с Пурушей (ср., например, мотив рождения ею собственного отца).

⁷¹ Ср. *vy ádadhuḥ* 'распределил' в связи с расчленением Пуруши или *purutrā* 'повсюду', 'по многим местам' в связи с Вритрой (RV I, 32, 7).

⁷² Ср. три слова сходной звуковой структуры подряд: *śrudh í śruta śrad-dhivām te vadāmi* — «слушай, прославленный, глаголю тебе достойное веры».

⁷³ Ср. также *uktām* 'сказанное' в той же позиции, что и *vaḍāmi*, и реализующее тот же корень, что и *Vās*, но в нулевой ступени (ср. и.-евр. **dekā-*).

⁷⁴ Распределение этого комплекса подчинено одной из хорошо известных в древнеиндийской поэтике фигур: максимальное число случаев в крайних стихах, минимальное — в середине.

⁷⁵ Ранее были проанализированы и некоторые другие случаи сходного типа, связанные с именами Агни, Ваю, Упас, Брихаспати, Рудры и др.

⁷⁶ Любопытно, что гимны «Всем Богам» вообще обнаруживают тенденцию к построению в виде загадок (ср., например, RV III, 55; V, 47, 1—6 или V, 44, 14—15). Вместе с тем немало гимнов, в которых содержательно или на звуковом уровне шифруется имя того или иного отдельного бога. И здесь также можно обнаружить некоторые предпочтительные связи между определенными теоформными именами (и соответствующими персонажами) и формой загадки, в которую они облакаются. Особенно часто «загадываются» божества с посреднической функцией, например: Сомы (ср. IX, 15, где объект загадки опознается через серию указания типа «этот & некий предикат»), Агни (ср. IV, 7, 9; VI, 59, 5—6; X, 115, 1 и др.; иногда приходится угадывать не только и не столько Агни, как в I, 95, где в последней строфе он все-таки назван, а зашифрованные в виде загадки субъекты действия, ср. 1: «две разноцветные [коровы] бродят, преследуя одну прекрасную цель: одна за другой поят они своего теленка. . .», где речь идет о дне и ночи, питающих Агни, как их теленка) и др. Ср. также о Варуне: тот, который знает след птиц в воздухе и корабля в море, знает 12 месяцев. . . путь ветра. . . (RV I, 25, 7—9) и др.; об Индре и Агни (RV VI, 59, 5—6); о Соме и Индре (RV VI, 47, 1—5) и т. д. Нередко один предикат связан с разными субъектами (так, известная загадка-парадокс о вареном молоке, вложенном в коров, соотносится то с Индрой [I, 62, 9], то с Ашвинами [I, 180, 3], то с Индрой и Сомой [VI, 72, 4], ср. также VI, 3, 9: сырая корова — вареное молоко и черная корова — белое молоко).

⁷⁷ Ср.: L. Renou (avec L. Silburn). Un hymne à énigmes du R̥gveda (I, 152). — «Journal de Psychologie». 1949, с. 266—273.

⁷⁸ Двойная загадка-парадокс: 1) реки текут, но вода в них остается той же; 2) мать Сурьи — Упас, но Небо и Земля несут как две матери (другое объяснение: Агни, дитя куска дерева, трением которого получают огонь; его кормят ночь и утро).

⁷⁹ Естественно, что в таких загадках далеко не всегда выявляется второй слой, но — характерно — в таких случаях нередко возникает сомнения в выборе интерпретации. Ср. числовую загадку о семи, восьми, девяти и десяти мужчинах, пришедших соответственно с юга, севера, запада и востока (X, 27, 15), где за числами могут скрываться разные группы жрецов, звуков и т. п. или нечто совсем иное. Общая сумма (34) является отмеченной в X, 55, 3 (огни) и, что особенно важно, в Vājas-Saṃh. VIII, 61.

⁸⁰ Таково, например, трижды семь (=21) как обозначение числа тайных имен и своего рода символ сокровенного языка и знания, о которых Варуна поведал Васиптхе (RV VII, 87, 4).

⁸¹ Помимо указанной выше литературы ср. еще: M. Haug. Vedische Rätselfragen und Rätselprüchen. — SBBAW. II, 1875, с. 457 и сл.; M. Bloemfied. — JAOS. 15, 1884, с. 172 и сл.; A. Führer. Sanskrit-Rätsel. — ZDMG. 39, 1885, с. 99 и сл.; J. Huizinga. Homo Ludens. Haarlem, 1940, ch. VI (о RV I, 164; VIII, 29; X, 129; AV X, 7; 8); D. Bhagwat. The Riddle in Indian Life and Literature. Bombay, 1965; L. Sternbach. Indian Riddles. Hoshiarpur, 1975 (=Vishveshvaranand Indological Series 67); W. Johnson. On the R̥g Vedic Riddle of the two birds in the Fig Tree (RV I, 164, 20—22), and the discovery of the Vedic speculative symposium. — JAOS 96, 1976, с. 248—258 (новая интерпретация) и др.

Э. Кёнгэс - Маранда

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АНАЛИЗА ЗАГАДОК *

В данной статье разбирается несколько разных вопросов. Во-первых, в ней подводятся краткие итоги исследования оригинального собрания загадок, записанных в Меланезии. Во-вторых, предлагается на рассмотрение теория загадки, над которой я работаю с 1965 г. [12; 9; 8; 11]. В этой теории, как мне кажется, содержатся некоторые моменты, которые призваны облегчить наше понимание образцов устного творчества вообще и загадки в частности. В-третьих, в данной статье предполагается сделать некоторые перспективные обобщения, касающиеся проблемы использования электронно-вычислительной машины для изучения и классификации огромного фонда образцов фольклора.

СОБРАНИЕ МЕЛАНЕЗИЙСКИХ ЗАГАДОК

Наше собрание загадок было записано на Соломоновых островах к концу двухлетнего (1966—1968) периода полевой работы. Полевые исследования проводились в районах, прилегающих к побережью Малаиты, в бухте Лау, в тех местах, где лаутяне вот уже в течение нескольких веков сооружают искусственные острова. В 1966 г. таких островов насчитывалось 59, в 1968 г. — 62. По роду занятий лаутяне считают себя морскими жителями (toa'i asi) и тем самым противопоставляют себя всем остальным обитателям Малаиты, которых они называют «людьми гор» (toa'i tolo). По языку жители бухты и прилегающих к ней районов очень близки друг к другу. По крайней мере четыре северных малайтских диалекта можно рассматривать как диалекты одного языка — неважно, как мы его назовем [10; 19].

Малайтская мифология носит общеплеменной характер, так что несколько этнических групп рассказывают предания о происхождении и о ранних этапах формирования их общества, используя одни и те же мифологические конструкции и даже один и тот же состав героев. Варьирование происходит только по линии перемещения акцента: герои, которые в мифах одной группы выступают как центральные (а таковыми они являются потому, что фигурируют в родословной данной группы), в мифах другой группы становятся

* Опубл. на англ. яз.: «Journal of American Folklore». Vol. 84, № 331, 1971, с. 51—61.

маргинальными. Но многие предания четко прослеживаются в разных группах. Мне удалось записать почти идентичные повествования у рассказчиков, которые не понимают языка друг друга. То же самое можно сказать и о загадках. Рассмотрим следующие примеры.

(1)

Tee noningwane, si manga nia'e fa'ekwa mai /nia ka afi/
sui'e laalae, si manga nia'e araina /ka tolo./ — Ongi.

*Человек, когда он маленький, /он одет,/
потом, когда он женится, /он голый. — Бамбук.*

(Племя тоабайта, д. Малуу, Рууэль Риано, мужчина,
40 лет, 1 мая 1968 г.)

(2)

Tee ngwae, kaidai nia ti'iti'i /nia toro/
kaidai nia ka gwaro /nia ka tua dadara. — Као.

*Мужчина, когда он маленький, /он одет,/
когда он старый, /он голый. — Бамбук.*

(Племя квараэ, д. Такеуа, Альфред Маитиа, мужчина,
35 лет, 4 июня 1968 г.)

(3)

Kada e to'ou /ka ofi/
kada e baita /ka tɔlu. — Као.

*Когда он маленький, /он одет,/
Когда он вырос, /он голый. — Бамбук.*

(Племя Лау, о-в Фоуэда, Сула, женщина,
18 лет, 13 апреля 1968 г.)

Эти три примера фактически являются вариантами одной загадки, бытующей в разных диалектных группах. Все три текста изоморфны друг другу поэлементно, хотя сами информанты, как видно, не осознают, что они воспроизводят один общий межкультурный тип. Я не собираюсь обсуждать здесь проблему происхождения данного явления, но мимоходом могу отметить, что исторические и культурные связи между этими группами можно исследовать и посредством лингвистического сравнения, и посредством образцов устного творчества, и посредством образцов изобразительного искусства, а также многими другими средствами.

Тем не менее этот путь не единственно возможный. Заимствования из одной группы в другую отмечаются и в настоящее время. Так, например, не только политические последствия имел так называемый «Походный Устав» (Marching Rule), который некоторое время служил фактором объединения малаитов и который, возможно, и сейчас находит свое отражение в явно ощущаемом осознании малаитской общности. Когда девять вождей движения начинали свой поход

по острову, они делали это с целью политического объединения народа. Однако во время ночного отдыха, на привалах они обменивались преданиями. И вот в 1968 г., более двадцати лет спустя, эти заимствованные предания заняли свое место в арсенале лаутянской мифологии. Я рассматриваю это как проявление определенного рода ригоризма традиционных культур, поскольку рассказчики всегда умеют так видоизменить заимствованное предание, чтобы оно полностью вписывалось в каноны местной традиции.

Корпус собранных мною лаутянских загадок немногим превышает тысячу единиц.

Поскольку число слов в загадках невелико (пословицы и загадки являются классическим примером так называемых малых форм), они представляют собой интересный и богатый материал для первых этапов машинного анализа. Корпус достаточно ограничен для свободного владения им. Во всяком случае, у меня есть надежда, что я смогу контролировать полученные результаты и делать выводы относительно того, насколько машинный анализ оказался эффективным. После анализа загадок я займусь анализом мифов, а объем корпуса мифов много значительнее, туда входит несколько сотен мифов, самый длинный из которых насчитывает около трехсот печатных страниц. Я уже имею некоторое представление о наиболее общих чертах мифов, однако и перевод и анализ находятся сейчас на самом начальном этапе.

В малайтском устном творчестве имеет смысл сопоставлять загадку и миф. В функциональном отношении мифы как бы закрепляют установленный порядок, в противоположность этому важнейшая функция загадки — поставить под вопрос хотя бы некоторые аспекты установленного порядка. Если мифы удостоверяют законность территориальных притязаний, действенность социальных и культурных принципов или правильность местных концептуальных классификаций, то загадка не будет загадкой, если в ней нет какой-то игры с установленными границами и нарушения этих границ ради интеллектуального удовольствия показать, что все не так уж непоколебимо, как кажется. Что же касается ситуаций, в которых реализуются те или иные образцы устного творчества у малаитов, то мифы в песенной форме могут исполняться только при разного рода ритуалах: мужчины-исполнители поют эпические поэмы на мемориальных празднествах клана, женщины-исполнительницы поют их на поминках, непосредственно после смерти какого-либо выдающегося лица. Эти события являются важными как в плане эмоциональном, так и в плане социальном, и торжественность исполнения признается и подчеркивается разными способами. В противоположность этому загадки (и считаются жанром, доступным всякому. Мужчины и женщины (и даже дети) могут загадывать и разгадывать загадки, когда им это заблагорассудится. Хотя фактически при загадывании загадок быстро собирается большое количество народа, теоретически официальное собрание не является необходимым условием

для акта реализации загадки. Таким образом, миф и загадка четко протиропоставляются в отношении ситуации, в которой они исполняются: ситуация должна быть официальной и торжественной для реализации мифа и спонтанной и игровой для реализации загадки.

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ ЗАГАДКИ

Еще до моего отъезда в Меланезию я немного занималась изучением загадок на материале Собрания финских загадок, одного из многих жанров, представленных в финском фольклорном архиве ¹ [3]. Меня поразило то, что в этом собрании, насчитывающем 3500 загадок, основных типов было мало и в то же время там было практически невозможно обнаружить идентичные загадки. Принято считать, что единицы сильно формализованных жанров, таких, как загадки или магические речения, являются простым повторением более ранних единиц. Ученые принимали на веру высказывания информантов-рассказчиков относительно того, что рассказчик должен «правильно» воспроизвести данную единицу, в противном случае она теряет свое значение. Это всегда интерпретировалось таким образом, что исполнители просто механически заучивают то, что они унаследовали по традиции от предшествующих поколений. Теперь же я убеждена, что это неверная интерпретация. Когда информанты говорят, что та или иная единица должна быть «правильной», для того чтобы выполнить свою роль, то они имеют в виду требование о соблюдении правил композиции, которые похожи на правила лингвистической компетенции, но не совпадают с ними. Ребенок, постигающий свой родной язык (равно как и любой человек, изучающий иностранный язык), должен овладеть некоторым набором правил построения и трансформации. Исполнитель фольклорных единиц поступает так же. Механическое повторение унаследованных форм можно объяснить полным отсутствием этой компетенции; изучающий всегда пытается обнаружить правила, по которым строятся правильные высказывания. Хотя язык — это такая система, которой не может эффективно пользоваться один представитель данного лингвистического коллектива, тем не менее всякое конкретное использование языка есть творческий акт. Мы усваиваем единицы разных уровней (фонемы, морфемы, семемы) и правила соединения этих единиц, с тем чтобы наши высказывания были понятны другим. Таким образом, всякий конкретный акт речевой деятельности есть отдельное проявление лингвистической компетенции. Данный подход, предложенный совсем недавно и очень убедительно Н. Хомским [1], почти без изменений может быть использован в фольклористике, надо только иметь в виду, что здесь мы имеем дело не с лингвистическими единицами, а с, так сказать, единицами литературными.

Анализ загадки может быть в какой-то степени уподоблен синтаксическому анализу. В качестве исходной берем единицу, состоящую из двух частей: образной части загадки, т. е. загадки, как она,

собственно загадывается², и отгадки, т. е. ответа, который предлагает противоположная сторона. Реализация загадки заключается в этом взаимодействии двух участвующих сторон. На Малаите, например, эти две стороны могут быть соревнующимися, хотя, как кажется, это имеет место исключительно редко. В такого рода соревнованиях две группы подростков, например юноши и девушки, усаживаются друг против друга и по очереди загадывают загадки.

В понятийном отношении образная часть загадки всегда есть вопрос, хотя синтаксически это может быть и не вопросительная структура. Уже здесь мы видим четкое размежевание лингвистического и фольклорного уровней [7]. В образной части всегда содержится термин, составляющий пару с термином в ответе. Соположение этих двух сравниваемых и соотнесенных компонентов образует метафору. В принципе эти два сравниваемых компонента резко контрастны по отношению к имеющимся в данном языке классификационным категориям. Они могут относиться к разным классам, таким, например, как одушевленное—неодушевленное, естественные объекты — культурные объекты, предметы — лица, растения — люди. В загадке постулируется тождество противопоставляемых классов, тем самым загадка как бы напоминает носителям данного языка о том, что все эти классификации не являются раз и навсегда заданными. В то время как здравый смысл во всех языках заставляет нас считать, что люди совершенно отличны от деревьев, а деревья — от людей, в загадках, по-видимому, всех языков деревья сравниваются с людьми, а люди — с деревьями.

Однако для того чтобы произвести перегруппировку установленных классов, приходится указывать причины для установления нового тождества. Даже при построении самых простых загадок должны быть показаны какие-то общие свойства двух сравниваемых классов. Данный момент отражается в словесном выражении образной части загадки. Например, деревья сходны с людьми в том отношении, что и те и другие растут. Это я назову «общей функцией» двух сравниваемых терминов. Функции сравниваемых терминов исследуются далее, и подыскиваются другие общие моменты. Когда найдена новая общая функция, она становится «преобразователем», она позволяет загадывающему загадку построить «трансформ», т. е. новую загадку, но соотнесенную с исходной. Один из типов трансформации, обнаруженных мной, — это «спецификация». Так, например, некоторые породы деревьев можно сравнивать с женщинами. В корпусе финских загадок — возможно, это относится к загадкам восточноевропейского ареала вообще — женщина и лиственное дерево образуют метафору. Другой вид трансформации — это «генерализация». После того как было сделано наблюдение относительно репродуктивного момента жизненного цикла женщины и дерева, загадывающий строит загадку о смерти. Здесь пол уже не является релевантным, и в загадке скорее описывается смерть человеческого существа вообще, а не смерть женщины. Если используемые системы

содержат хорошо определенные компоненты, то можно далее воспользоваться «инверсией». В финском языке лиственные деревья — это женское начало, лиственным деревьям противопоставляются хвойные, вечнозеленые. Женскому началу, естественно, противопоставляется мужское. По инверсии загадки, которые описывают жизненный цикл женщины, могут быть трансформированы таким образом, что они станут описывать жизненный цикл мужчины. Для этого описание должно вестись в терминах, обычно используемых для изображения хвойного дерева. Существует еще одна трансформация, которая в европейских загадках используется чаще, чем в меланезийских, — «перестановка». Если женщины сравнимы с лиственными деревьями и описываются в загадке образами, характерными для жизни лиственных деревьев, то деревья можно сравнивать с женщинами и описывать их, используя термины, характерные для жизни женщин. Так, невеста символизирует цветущее дерево, беременная женщина символизирует плодоносящее дерево, образ вдовы используется как символ одинокого дерева, стоящего на фоне зимнего ландшафта, дерева, у которого опадают листья, наконец, смерть человека символизирует дерево, поверженное наземь.

Для того чтобы создать в загадке образ, недостаточно просто назвать термин и указать его истинную функцию. Должен быть введен еще один элемент — функция, которая не подходит данному термину, но подходит ответу и которая тем самым позволяет отгадывающему найти правильный ответ. Например, если начать загадку так: «Какое дерево растет», то этот вопрос сам по себе еще не представляет проблемы, поскольку он является частью самого обычного трюизма. Однако, добавляя несоответствующую функцию «без корней», мы тем самым подсказываем отгадывающему, что ответ надо искать среди растущих существ, но не деревьев. Следовательно, отгадка не является ни постоянной, ни произвольной. Она имплицитно содержится в образной части загадки, так сказать, «вмонтирована» в нее. Это не означает, что всякая загадка имеет только одну отгадку. У меня есть записи жарких споров, сделанные на Малаите, которые разгорались по поводу того, что загадывающий не принимал предложенного на нее ответа. Возможно, стоит указать на тот психологический феномен, что во многих случаях загадывающий загадку ориентируется именно на ту отгадку, которую он знает, и склонен забраковать другие, вполне подходящие для данного случая ответы.

В процессе собирания лаутянских загадок я сама научилась принимать участие в загадочных турнирах. Я не злоупотребляла правом загадывать загадки (о чем сейчас весьма сожалею), опасаясь, что это может каким-то образом повлиять на информантов. А было бы весьма полезно поупражняться в загадывании загадок, подобно тому как я упражнялась во владении языком вообще, т. е. строить высказывания, стараясь максимально использовать выведенные правила. Но я не воспользовалась в полной мере этой возможностью, а вот

мой сын Эрик, которому тогда было всего четыре года, однажды загадал такую вполне правильную для лаутян загадку:

Tootoo taa? Tee motokoro e koua olu akwale ngwane. —
Tee fele nae na.

Что это было? Крокодил поймал 30 человек. — *Феле* (злой дух, про которого говорят, что он ловит людей).

Это идеальная лаутянская загадка, только ее начало не вполне канонично. Приведенную формулу он позаимствовал из рассказов лаутянских детей — нечто очень близкое к нашей формуле «жил-был» (Tootoo/taa? означает «Что это было?»).

А вот в отгадывании загадок мои успехи были весьма значительными. В моих записях есть места, где я даю ответ на несколько загадок подряд, и это получает горячее одобрение участников тура. Конечно, пуристы от фольклористики обвинят меня в том, что я здесь перестаралась и оказала ненужное влияние на лаутянскую устную традицию. Но я сама достаточно традиционна и понимаю, что не следует переигрывать эту роль соучастника. Однако я привожу данный факт для того, чтобы подчеркнуть, что этика исследователя вовсе не требует, чтобы он, живя среди изучаемого им этноса, оставался всего лишь безучастным манекеном. Вообще-то мои попытки отвечать на загадки были предприняты для того, чтобы проверить истинность моих представлений о правилах построения лаутянской загадки, но сам процесс захватил меня, и я, конечно, несколько увлеклась.

О ХАРАКТЕРЕ ТЕКСТОВ

П. Радин в своей работе «Литература отсталых народов» («The Literature of Primitive Peoples») задается вопросом, существуют ли фиксированные тексты. Ответ он дает отрицательный [21]. Эта идея поистине революционная. В фольклористике единицы анализа всегда рассматривались как фиксированные тексты, которые передаются от поколения к поколению в неизменном виде с этакой апостольской преемственностью. Компетентные рассказчики имеют способных учеников, одно поколение передает тексты другому, и немногие изменения, которым подвергаются тексты, это либо редукция в результате упрощения, либо непосредственное сокращение текста, либо его порча. Этой теории твердо придерживались в условиях, когда обнаруживались, издавались и анализировались бесчисленные варианты одного и того же текста в форме рассказов или баллад. Данная концепция устойчивости фольклора была поставлена под сомнение в 1920 г. М. П. Нильсоном [20], в 1930 г. — М. Пэрри и позднее — его учеником А. Лордом [13]. Независимо от них аналогичные идеи высказал Дж. Герцог, этномузыковед, занимавшийся изучением африканской музыки [5]. Все эти исследо-

ватели предлагали объяснения разного рода, из которых наиболее убедительным является ссылка на природу письма. Другими словами, отмечалось, что письменность фиксирует текст, лирический или эпический, тогда вариацию можно рассматривать как неправильное использование «священного» текста.

У меня несколько иная точка зрения. В качестве исходного я выдвигаю предположение, что устное творчество — это особая форма коммуникации и ключ к пониманию такого рода коммуникации следует искать, изучая то, как мы владеем языком. Мы осознаем, что человек, знающий данный язык, не повторяет механически готовые предложения, но строит их в соответствии с определенными правилами, в соответствии с грамматикой данного языка. Ребенок не выучивает предложения, он запоминает слова, то, как они соотносятся со значением, а также правила построения предложений и их трансформации. Так что каждое предложение — это речевая деятельность, т. е. рассматривается как исполнение, которое происходит благодаря тому, что говорящий (ребенок, взрослый, иностранец) приобрел лингвистическую компетенцию. Грамматические правила — это правила компетенции. То же самое применимо и к анализу мифа. Весьма любопытно, что в той культуре, которую я изучала во время полевой работы, исполнители фольклора имели точно такие же представления.

Фиксированных текстов не существует, и это не потому, что при отсутствии письменной традиции человеческая память оказывается несовершенной, а потому, что такова природа этих жанров, культивируемых в устной форме. Если и можно обнаружить два совершенно идентичных текста, то только благодаря случайному стечению обстоятельств: как результат того, что были использованы одни и те же элементы — «строительные блоки» — и правила их комбинации. Поскольку в случае текстов большой протяженности такое совпадение чисто статистически является крайне неправдоподобным, мы можем быть уверены в том, что никогда не обнаружим совершенно идентичные тексты. Хотя для текстов малой длины, таких, как загадки, пословицы и т. п., это остается вполне вероятным, наша ЭВМ пока не обнаружила в собрании лаутянских загадок двух идентичных.

Но не приведет ли нас исключение понятия фиксированного текста к полной анархии? Раз все возможно, стало быть, и все приемлемо? Нет. Во-первых, не все возможно. Культурные и социальные рамки ограничивают использование, как я их выше назвала, строительных блоков, а правил комбинаторики, найденных до сих пор при анализе образцов устного творчества, поразительно мало. За последние годы я обнаружила несколько возможных типов трансформаций в загадке. Как кажется, их только четыре: спецификация, генерализация, инверсия и перестановка. И это пока все. (Аналогично этому типов трансформаций, выведенных для английского языка Н. Хомским, только три: отрицательная трансформация, вопросительная и пассивная.)

А. Лорд и другие исследователи заметили главное: исполнитель запоминает некоторый набор сюжетов, набор элементов и способы использования элементов при изложении данного сюжета. Я полагаю, что в случае повествований исполнитель использует следующее: 1) оппозиции, принятые в культуре и обнаруженные им в ходе изучения языка, 2) проблемы, существенные для данной культуры, и 3) способы (правила комбинаторики), которые подсказывают ему, как можно обсуждать эти проблемы в повествовательной форме. Сходным образом человек, изучающий загадки, не запоминает загадки, как таковые, он учится строить правильные загадки, используя лингвистические (в особенности семантические) классификации, подыскивает общие черты в предположительно разных классах и изучает все точки соприкосновения, какие можно найти. Если загадывающий загадку исчерпал все общие функции двух данных терминов (воспользовавшись, возможно, также и перестановкой, в результате которой образная часть загадки становится отгадкой, и наоборот), значит, он исчерпал все возможности данного сопоставления и ему надо переходить к другой паре терминов. На определенном уровне загадку можно рассматривать как своего рода метаязык, поскольку она определенно является средством анализа самых существенных черт того или иного языка.

В данной связи любопытно отметить тот факт, что загадывание загадок лаутяне считают мероприятием расслабляющим, интересным и веселым. И хотя они придают большее социальное значение своей мифологии и тем обстоятельствам, при которых она используется, тем не менее они открыто признают, что исполнение мифов является процедурой утомительной для слушателей. По этой причине исполнители мифов внимательно следят за своей аудиторией. Если слушателям исполнение явно надоело, то исполнитель прибегает к разного рода хитростям: изменяет мелодию, сокращает малопопулярные места, использует разного рода шутки — смешные высказывания, сравнения или такие выражения, которые лаутяне воспримут как откровенную непристойность, и др. Как загадывание загадок, так и исполнение мифов может быть мероприятием довольно продолжительным, иногда длящимся далеко за полночь. И все же при загадывании загадок людям не приходится бороться со сном, а вот при исполнении мифов рассказчик вынужден следить за тем, чтобы слушатели не засыпали. Разумеется, здесь определенную роль играет сам размер фольклорных текстов. Загадки — единицы короткие, и один исполнитель не может завладеть ситуацией надолго. А так как на каждую загадку ответ дает противоположная сторона, все действие происходит взаимно и оживленно. При пении мифа слушатели вынуждены безучастно внимать в течение продолжительного времени. Иногда они реагируют восторженными возгласами, но все равно это слушатели, а не активные участники. И в том и в другом случае творческий момент остается за исполнителем — поющим сказания и загадывающим загадки, слушатели

только соучаствуют. Но при слушании мифа соучастие заключается в том, что слушатель просто следит за тем, как исполнитель соблюдает правила композиции и эстетики, отгадывающий же загадку должен активно анализировать образную часть, чтобы найти правильный ответ, должен понять, что в ней неверно, и исправить неверное утверждение своим правильным ответом. Он хотя и не творит, но действует.

МАШИННЫЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Пока что чисто технические трудности замедляют машинный анализ лаутянских загадок. Эти технические трудности относятся, например, к тому, что нет операторов для нанесения ключей на перфокарту. В настоящее время я пока произвожу анализ корпуса в оригинале, т. е. на лаутянском языке. Это означает, что мне самой приходится производить сверку и тому подобные технические операции.

Почти половина собрания уже размечена. Я обрабатывала только те примеры, которые редактировались исключительно на предмет точности фонемной транскрипции. Это практически означает, что редактирования, как такового, не проводилось. Я решила отложить эту процедуру, так как хочу использовать свое собрание и как лингвистический документ. У меня имеются сведения о возрасте, поле, клановой принадлежности и социальном положении информантов, и я бы хотела также провести анализ материала и под этим углом. Интересно было бы посмотреть, в какой степени индивиды, имеющие другие возможности публичного самовыражения, (мужчины в противоположность женщинам, вожди, специалисты по исполнению мифов и ритуальных танцев, знахари, служители культа), склонны пользоваться таким «каналом коммуникации», как загадка. У меня создалось впечатление, что этим видом творчества пользуются исключительно те индивиды, у которых нет доступа к другим публичным средствам выражения: женщины, простолюдины, неженатые мужчины, дети. По моим собственным наблюдениям и по высказываниям самих лаутиан, можно ожидать, что существуют незначительные диалектные расхождения в зависимости от общины, клановой принадлежности, возраста, пола.

У лаутиан нет ярко выраженного стиля, используемого в загадке (в отличие, например, от финнов). Поэтому необходимо или по крайней мере полезно использовать вступительные формулы. Другими словами, формулообразное вступление выполняет в художественном отношении ту же функцию, что и специальный, ясно осознающийся стиль. Во вступлении называется событие, вступление ориентирует в определенном направлении ожидания слушателей.

Обычная форма вступления — *gemo* или *gemo tee gemo*. Этот термин приблизительно соответствует слову «загадка». Таким образом, загадывающий загадку просто объявляет о своем намерении, называя тот жанр, который он будет представлять. Эта формула

используется в 89% случаев. На употребление формулы «Знаете ли вы одну вещь?» ('oe baitamana tee doo?) приходится 1%, и в 10% случаев не используется никакой формулы.

Пока я применяла наиболее простые программы: Подсчет и Конкорданс. Их использование довольно дешево обходится и дает определенные результаты, которые нельзя получить обычным путем. Так как я использую оригинальные тексты на лаутянском языке, то первый непосредственный результат, который дает программа Подсчет, — это словарь собрания загадок в алфавитном порядке. Словарь этот несовершенен в обычном смысле, поскольку в нем нет переводов, но вместе с тем он дает при каждом слове частоту его встречаемости. Задача составления словаря далее облегчается использованием программы Конкорданс. Ее функциональный вариант — КСВК, т. е. Ключевые Слова в Контексте, — выполняет такую же функцию. Эти две программы обеспечивают контекст каждому слову, выбранному в качестве ключевого, другими словами, дают все употребления любого данного слова.

Можно привести некоторые предварительные характеристики слов. На первую тысячу слов нашего собрания приходится 252 разные лексемы. Вторая тысяча дала только 150 новых лексем, третья, четвертая и пятая тысячи дали по 100 новых лексем каждая, шестая, седьмая, восьмая и девятая — по 82 лексемы, а на десятую-двенадцатую тысячи приходится всего лишь около 30 новых лексем на каждую тысячу. Пока я еще не достигла того момента, где больше не обнаруживается новых лексем, но их количество заметно убывает. Относительно большое количество новых лексем на начальном этапе, как мне кажется, объясняется тем, что загадки были собраны у большого количества информантов.

Конкорданс может оказать помощь и при семантическом анализе самого общего характера, в особенности при анализе загадок, где часто наблюдается контрастное употребление терминов. Сейчас я приведу беглый анализ типичных прстивопоставлений:

'afae — gwaria (горький — свежий). Можно было бы ожидать пару 'afae — masia (горький — сладкий), но такого не встретилось.
akasia — kwaso (сырой [фрукт] — спелый)
to'ou — baita (маленький — большой). Встречается часто.

Используется для противопоставления рангов так же часто как и для противопоставления размеров.

bubulua — kwakwaoa (черный — белый) abu asi — kwakwaoa
(черный, как море — белый)
mae — mourī (живой — мертвый или жить — умирать)
'i haegano — 'i langi (низкий — высокий)
rodo — dani (ночь — день)
ada — teo (бодрствующий — спящий)
'i asi — 'i tolo (море — суша)
'i sukulu — 'i ukita (христианин — язычник)

fanga — fefee (есть — испражняться)
 gou — mimi (пить — мочиться)
 ngaе — faka (задний проход — рот)

Скоро у нас будут программы, которые помогут находить простые и двойные противопоставления наподобие:

спит ————— днем
 просыпается ————— ночью

Многие черты лаутянских загадок указывают на то, что загадки ставят под сомнение «основы» в противоположность мифам, которые, наоборот, закрепляют установленный порядок, и, более того, загадки являются тем средством, при помощи которого обсуждаются возможные перемены. Технические новшества приходят в лаутянское общество извне благодаря контактам с Западом. Если мое предположение правильно, загадки должны подтвердить этот факт, и они подтверждают его следующим образом.

В загадках пиджинизированные английские слова имеют высокую частоту встречаемости, чего нельзя сказать о мифах. В мифах их число незначительно (0,1%), в загадках они составляют приблизительно 6%. Пиджинизированные слова появляются тогда, когда вводятся их референты. Так, с появлением железного топора появилось слово *hakisi*. Загадки в качестве топики (*signatum*) имеют то, что упоминается в ответе. Если загадки затрагивают новые реалии, то пиджинизированные английские слова должны появляться в ответах более часто, чем в образной части загадок. И действительно, частотное соотношение их в ответе и в образной части равняется приблизительно пятнадцати к одному.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье внимание концентрируется больше на теоретической стороне вопроса, нежели на методах исследования и технике анализа. Это происходит оттого, что работа, о которой здесь идет речь, находится только на начальном этапе. Теоретическая позиция, принятая здесь, исходит из того, что культура, в которую устное творчество входит как составная часть, либо является чем-то живым, функционирующим, либо не существует вовсе. В настоящее время мы отнюдь не принимаем точку зрения науки XIX в. на фольклор как на некий пережиток. И все же тексты — загадки и повествования в том числе — часто рассматриваются как пережиток, как объект, раз и навсегда созданный, который потом в той или иной степени может поизноситься в процессе употребления. В конце концов каждый волен принимать или отвергать ту точку зрения, согласно ко-

торой человек во всем и повсюду является существом творческим. Я предпочитаю настаивать на том, что фольклорные тексты всякий раз создаются заново, когда они произносятся. Возможно, что правила композиции для определенных жанров достаточно жесткие; вместе с тем нам давно известно, что существуют жанры, где они довольно-таки свободны. Не стоит поклоняться текстам, как какой-то священной реликвии, только потому, что нам удалось поймать их на лету. Еще в качестве дипломной работы я написала статью, в которой попыталась провести различие между фольклорной единицей и обычным текстом [6]. Там я утверждала, что фольклорный текст можно сравнить с фотографией человека, которая еще не есть сам человек. Теперь я в этом еще более уверена, и, кроме того, у меня теперь есть доказательства. У ученого в значительной мере пропадает чувство владения материалом, когда он обнаруживает, что даже самое тщательное фиксирование может уловить только тени, но пусть послужит ему утешением сознание того, что вне его досягаемости все же существует феномен, значительно более содержательный, нежели эти тени.

В заключение мне хотелось бы выразить благодарность Радклифскому институту Гарвардского университета за материальную и моральную поддержку как во время подготовки к полевой работе, так и в течение всего периода самой работы. Особенно я хочу поблагодарить директора института, декана К. Е. Смита, который проявил горячий интерес к моему исследованию.

Невозможно в полной мере отблагодарить моих друзей в лагуне Лау, которые с неистощимым терпением обучали меня своему языку, своим загадкам, мифам и другим повествовательным формам; которые не уставали объяснять мне, что там происходит и о чем идет речь, и которые разъясняли мне правила поведения. Они кормили моего старшего сына и баюкали малютку, чтобы дать мне возможность спокойно работать. Не думаю, чтобы мне еще когда-нибудь посчастливилось настолько сблизиться с таким большим количеством людей и иметь возможность делить с ними самые сокровенные жизненные радости и горести. Я рассматриваю тот огромный материал, который был мною собран, как свидетельство огромного доверия ко мне этих людей. И цель моей работы — раскрыть перед другими все богатство этой далекой культуры и показать всю сложность и тонкость, необходимую для ее восприятия, а также гордость, с которой носители данной культуры к ней относятся.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Я пользовалась четвертым стереотипным изданием 1957 г. Насколько мне известно, Архив Финского литературного общества готовит новое, «уточненное» издание. А пока следует отметить, что собрание 1957 г. ничуть не уступает другим антологиям загадок и даже превосходит многие из них.

² Здесь, как и по многим другим вопросам, как оказалось, мое мнение совпадает с мнением Яна Хамнета [4]. Моя статья «Логика загадки» [12] была на-

писана в период 1965—1966 гг., еще до моего отъезда в Меланезию, прочитать же статью Хамнета я смогла только по возвращении оттуда. Просто удивительно, сколько теоретических совпадений обнаруживается в этих двух работах, хотя написаны они были на совершенно разном материале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chomsky N. Aspects of a Theory of Syntax. Cambridge, Mass., 1965.
2. Colby B. Cultural Patterns in Narratives. — «Science». 151, 1965, с. 793—798.
3. Haavio M. and Hautala J. [eds.] Suomen kansan arvoituskirja. Helsinki, 1964.
4. Hamnett I. Ambiguity, Classification and Change: The Function of Riddles. — «Man». N. S. 2, 1967, с. 379—391.
5. Herzog G. Stability of Form in Traditional and Cultivated Music. — Papers Read by the Members of the American Musicological Society in Annual Meetings. Washington, D. C. Dec. 29 and 30, 1940, с. 69—73.
6. K ö n g ä s - M a r a n d a E. The Concept of Folklore. — «Midwest Folklore». 13, 1963, с. 69—88.
7. K ö n g ä s - M a r a n d a E. Finnish-American Folklore. — Quantitative and Qualificative Analysis. Ann. Arbor, University Microfilms, 1963.
8. K ö n g ä s - M a r a n d a E. Structure des Enigmes. — «L'homme». 9, 1969, с. 5—48.
9. K ö n g ä s - M a r a n d a E. Perintein transformaa tiösääntöjen tutkimisesta. — «Viritäjä», 1970, с. 277—292.
10. K ö n g ä s - M a r a n d a E. Les Femmes Lau-Malaita, Îles Solomôn — dans l'espace Socialisé. — «Journal de la Société des Océanistes». 26, 1970, с. 155—162.
11. K ö n g ä s - M a r a n d a E. A Tree Grows: Transformations of a Riddle Metaphor. — Structural Models in Folklore, and Transformational Essays. The Hague, 1971, с. 116—139.
12. K ö n g ä s - M a r a n d a E. The Logic of Riddles. — Maranda P. and K ö n g ä s - M a r a n d a E. [eds.]. Structural Analysis of Oral Tradition. Philadelphia, 1971, с. 189—234.
13. Lord A. The Singer of Tales. Cambridge, Mass., 1960.
14. Maranda P. Computers in the Bush: Tools for the Automatic Analysis of Myths. — Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the 1966 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society. Seattle, 1967, с. 77—83.
15. Maranda P. Formal Analysis and Inter-Cultural Studies. — «Social Science Information». 6 : 4, 1967, с. 7—36.
16. Maranda P. Recherches Structurales en Mythologie aux Etats-Unis: Lecture Mécanographique des Myths. — «Social Science Information». 6 : 5, 1967, с. 213—222.
17. Maranda P. Analyse Quantitative et Qualificative de Mythes sur Ordinateur. — Calcul et Formalisation dans les Sciences de l'homme. P., 1968, p. 79—86.
18. Maranda P. Informatique en Sciences humaine. U. E. R. de Mathématiques, Logique Formelle et Informatique, Sorbonne. P., 1970, p. 1—21.
19. Maranda P., K ö n g ä s - M a r a n d a E. Le Crâne et l'Utérus: Deux Théorèmes Nord-Malaitaines. — Pouillon J. and Maranda P. [eds.]. Echanges et Communications: Mélanges Offerts à Claude Lévi-Strauss à l'Occasion de son 60ème Anniversaire. The Hague, 1970, с. 829—861.
20. Nilsson M. P. A History of Greek Religion. Translated from the Swedish by F. J. Fielden, with a preface by Sir James G. Frazer. Ox., 1925, с. 38—75.

В. П. М а з у р и к

ЯПОНСКАЯ ЗАГАДКА: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

Словом «надзо» японские языковеды обозначают и литературные игры с зашифровкой слов, и традиционные устные загадки «надзо-надзо». Наиболее полная характеристика и тех и других содержится в трудах японского фольклориста Судзуки Тодзо [23; 27], из которых и приводятся все примеры надзо в настоящей статье. Изучением отдельных аспектов японской загадки занимались Янагита Кунио, Танака Умэкичи и др.

Публикации по этой теме на русском языке ограничены статьей Е. Д. Поливанова [8, с. 306—309], в которой на примере нескольких текстов сравниваются две разновидности загадок префектуры Ку-мамото, и несколькими статьями автором данной работы.

Исторические исследования посвящены в основном письменным, литературным загадкам, записи которых появляются уже в эпоху Хэйан (VIII—XII вв.). На протяжении своего развития письменные загадки тесно связаны с жанрами классической поэзии танка, рэнга, хайкай и использует не только приемы этих жанров (игра омонимами, употребление литературных текстов в качестве ключей), но и сами стихотворные формы.

<i>Акикадзэ-но</i>	<i>Осенний ветер</i>
<i>Хараэба цую-но</i>	<i>Подует, и от росы</i>
<i>Ато мо наси</i>	<i>Уж нет и следа.</i>
<i>Хаги-но уэаба мо</i>	<i>Смешаются верхушки хаги</i>
<i>Мидарэтэ дзо тиру.</i>	<i>И опадают.</i>
(Цуки.)	(Луна.)

Эта танка-загадка принадлежит 114-му императору Японии Накамикадо (1701—1737). В ней использован характерный для классической поэзии и письменных загадок прием анаграммы (фусимоно). *Цую-но ато мо наси* (нет конца в слове «цую», т. е. «цу»). *Хаги-но уэаба мо тиру* (верхнее «ха» в «хаги» выпадает, т. е. «ки»). Ответ: *Цуки*.

<i>Фуру амэ-но</i>	<i>Пролившийся дождь</i>
<i>Харэнуру ато я</i>	<i>После себя оставил</i>
<i>Куса-но цую.</i>	<i>Росу на траве.</i>
(Фуки.)	(Трава «фуки».)

Трехстишие хокку из дневника Накамикадо Нобутанэ (XV в.) — это начало сочиненной им рэнга, все десять строф которой являются загадками. Если прочесть текст буквально, то получится, что в иероглифе «роса» ключ «дождь» за-

менен «травой» и в таком виде иероглиф означает траву «фуки» (иероглифическая загадка).

<i>Мидзикаку мизэ</i>	<i>Короткий вид имеет,</i>
<i>Нагаи моно нани.</i>	<i>Но длинное — что это?</i>
<i>(Мосусо мадэ</i>	<i>(Распусти ее —</i>
<i>Токасэба такино</i>	<i>Водопадом прическа</i>
<i>Нагэ симада.)</i>	<i>К ногам упадет.)</i>

Диалог по правилам игры «маэку-дзукэ» или комической «короткой рэнга».

В письменных литературных загадках, в которых ответ можно найти благодаря правильно понятой игре слов, в вопросительной части наряду с приемами анаграммы, иероглифического каламбура и т. д. употребляется своеобразный способ зашифровки слов с использованием общеизвестных текстов: стихотворения-азбуки «Ироха», двенадцати иероглифов, обозначающих знаки Зодиака, литературных текстов и т. д. Например:

Жизнь среди флейт (Кот.)

Вопросительную часть можно понять как «жизнь между знаками «фу» и «э». В «Ироха» между этими знаками расположен слог «ко». Намек на живое существо позволяет истолковать «ко» как «ребенок». А иероглиф «ребенок» одновременно служит циклическим знаком с чтением «нэ». В результате получается слово «нэко» (кот).

Поведаю людям начало «Гэндзи» и «Сагоромо». (Исэ-моногатари.)

С эпохи Хэйан не было образованного человека, не знающего классических повестей «Гэндзи» и «Сагоромо», и многие могли вспомнить, что первая начинается со слога «ш», а вторая — «сэ». Слово «поведать» близко к «повествовать» (моногатари). В результате ответом является название не менее известной лирической повести хэйанской эпохи — «Исэ моногатари».

Небольшие собрания литературных загадок содержатся в средневековых эссе и дневниках.

Первым крупным сборником японских загадок, включающим 173 текста, стало «Собрание эксимператора Гонара-ин», составленное в 1516 г. Сохранилось факсимиле рукописи с датой и личной подписью принца, будущего императора, которому тогда исполнился 21 год. Судя по всему, часть текстов была взята не из письменных источников, а со слуха, поэтому в сборник попало много фольклорных загадок, бытующих и поныне. Сборник необыкновенно разнообразен по содержанию, и Судзуки охарактеризовал его как «краткий обзор загадок эпохи Муромати» (1393—1573). Здесь и типичные народные загадки:

К железному столбу привязали канат и тянут не за канат, а за столб. (Игла с ниткой.)

и причудливые произведения монашеской учености:

Насекомое, что семь дней кружит и жалит людей. (Флейта.)

Первую часть загадки «Нанука маваритэ» можно также понять как «сменив в седьмой день». Имеется в виду седьмой день месяца, когда наступает черед злого демона Расэцу нести стражу у Западных ворот Юпитера. День этот в японской астрологии (онъёдо) считается несчастливым и носит название «ся-

кудзэцуниги», что в сокращении даст «сяку». Вторая часть загадки — «Насекомое, жалящее людей» — намекает на осу («хати»). В результате получается слово «сякухати» (флейта).

С нового времени (XVII в.) традиционные народные загадки начинают печататься в сборниках детской литературы «акабон», во взрослой же аудитории загадка бытует как одна из многих затейливых языковых игр в духе поэзии хайкай.

Годы Кёхо (1716—1736) отмечены большой популярностью так называемых трехчленных загадок (сандан-надзо), печатавшихся в массовых изданиях «курохон». Вторая волна популярности сандан-надзо в годы Бунка (1804—1818) связана с деятельностью странствующих слепых музыкантов «дзато», среди которых особенно знамениты Надзохоси Сюнсэцу, устраивавший представления с отгадыванием любых загадок, и Додоицубо Сэнка, который исполнял ответы в форме народной песни «додоицу» под аккомпанемент сямисэна.

Известна песня-загадка (надзо-ута), исполнявшаяся на народный мотив «киярибуси» носильщиками священного паланкина на празднике синтоистского храма Исэ.

Э-э-э нъя-а ё-о-ицуна-а-э

Футами татэиси то какэтара ёияса

э-э татэиси

сорэва Хигути Дзиро Канэмицу дзя

энъя кокоро ва со-о-рэ на-а

ката ни асахи дзя най ка-аина-а энъя-ара-ана-а.

Если отбросить ритмические припевки «хаяси-котоба», останется сандан-надзо:

С чем сравнить две скалы в бухте Футами-но ура?

С Хигути Дзиро Канэмицу. Потому что утреннее солнце на вершине (в лагере полководца Асахи).

Две скалы — отвесные, неравной высоты, поднимающиеся из воды в бухте Футами-но ура, «скалы-супруги», как их называют, — одна из синтоистских святынь. Знаменит пейзаж с этими скалами, когда солнце находится прямо между ними. Хигути Дзиро Канэмицу — персонаж средневекового эпоса «Сказание о доме Тайра» (XIII в.), один из командиров армии Ёсинака, получившего титул Асахи-сёгун.

Трехчленная загадка процветала в устных юмористических рассказах ракуго, в кукольной драме дзёрури, в городской прозе. В конце XIX в. поток новых, непривычных предметов, хлынувших в страну после ее «открытия» европейцами, породил последнюю вспышку всеобщей увлеченности трехчленными загадками, однако она быстро угасла, и в начале следующего столетия лишь в деревнях (в особенности на северо-востоке) сохранился обычай загадывания, да и то не трехчленных, а традиционных «детских» загадок, очень похожих на загадки других народов как по структуре, так и по тематике отгадок.

Приведем несколько примеров для сравнения.

Японские загадки

*Красная корова
лизет зад черной.
(Котел над очагом).*

*Когда сидит — высокий,
когда стоит — низкий.
(Собака).*

*Ты идешь туда,
Я — сюда, и скоро
встретимся.
(Пояс.)*

*У кого мясо внутри
костей?
(Краб.)*

*Ножницы в реке
(Краб.)*

*В треугольном храме
полно муки — что это?
(Гречица.)*

*Уйдет и не вернется.
(Пуля.)*

*Меж небом и землей
развесил сети на южном
ветре.
(Паук.)*

*С седлом, да не лошадь,
рогата, да не корова.
(Улитка).*

Загадки
других народов

*Красная корова
лизет черную.
(Котел и огонь.)
[19, монгольская]*

*Когда стоит — низкий,
когда сидит — высокий.
(Собака.) [12, китайская]*

*Ты сюда иди,
я туда пойду,
скоро повстречаемся.
(Кушак). [13, эвенкийская]*

*Животное, у которого мясо
внутри, а кости снаружи.
(Краб.) [15, гавайская]*

*В воде ржавые ножницы.
(Рак.) [6, мордовская]*

*Оснóвный амбар с тремя
углами
(Гречица.) [5, марийская]*

*Послал посла позвать гостя,
гость либо будет, либо нет,
а посла век не будет.
(Пуля.) [3, русская]*

*Говорят, смертоносная
паутина,
что о семидесяти глазах-
ячеях,
в воду нырнула.
(Рыболовная сеть.) [14,
якутская]*

*Кругла, да не девка,
с хвостом, да не мышь.
(Рена.) [3, русская]*

Записью устной игры в загадывание (надзо асоби) в целом виде мы не располагаем, но по частичным ее описаниям можно заключить, что она мало чем отличается от аналогичного обычая в других странах. Загадыванию предшествует традиционный диалог из бессмысленных ритмических созвучий «хаяси-котоба», или началом служат особые ритмические загадки, хорошо известные всем участникам игры.

Кандзури-химэ не разгадала загадку, что загадала Сундзури-химэ, загадку разгадал господин Асахи. (Сосулька.)

Имена Кандзури и Сундзури ассоциируются с понятием «холод», Асахи — букв. «утреннее солнце». Глагол «току» имеет значение и «таять» и «разгадывать».

Следует отметить, что многие загадки-зачины относятся к категории «ловушек» с эротическим подтекстом. Э. Кёнгес-Маранда полагает, что цель таких загадок «поддразнить» соперников перед началом состязания. Дж. Мильнер, напротив, считает их своего рода комической разрядкой (см. [16]). И то и другое может быть верно лишь при условии, что участники игры — взрослые. Дети, употребляя те же самые загадки, вкладывают в них иной смысл.

Существуют и традиционные заключительные формулы. Так, например, в северо-восточных провинциях вечер со сказками и загадками принято завершать словами: *Мукаси мукурэтэ мужэяма са итта, нандзо нагарэтэ нагано са итта, ханаси ко ханарэтэ ханадзоно са итта.* (Сказки рассердились и отправились на гору Мужэяма, загадки уплыли в Нагано, а рассказы удалились в цветочный сад.)

Особенностью японских устных загадок является частое употребление формальных языковых приемов, в какой-то степени приближающее их к письменным загадкам. В этом сказывается влияние японского языка с его иероглифической письменностью и обилием омонимов. Загадки с языковыми приемами профессор Судзуки относит к категории «загадок на размышление» (кангаэру надзо), противопоставляя их «загадкам на запоминание» (обоэру надзо), что в основном совпадает с делением на письменные и устные загадки. Первые в «Словаре языковых игр» отнесены в группу «В», вторые — в группу «А». И те и другие, в свою очередь, разделены на обычные и трехчленные.

Однако записей трехчленных загадок, ставших достоянием городского фольклора XVIII—XIX вв., собрано так мало, что их вряд ли можно считать самостоятельным явлением.

Кроме того, в «Словаре языковых игр» в особую группу выделены «формы, близкие загадкам» (надзо-но суюэн). Поскольку Судзуки не дает определения загадки, интересно посмотреть, какие именно формы он имеет здесь в виду и почему. К этой группе относятся:

1. Головоломки «кангаэмоно», печатавшиеся на отдельных листках бумаги. Обычно нищие монахи разносили такие листки по домам в первой половине дня, а вечером приходили снова и собирали деньги за ответы с тех, кто не нашел решения. По существу, кангаэмоно отличаются от обычных письменных загадок только намеком, помещавшимся в верхней части листа. Сравним два текста. .

Надзо

*Аки-но та-но
цую омоэнару
кэсики кана.*

(Хотару.)

*О, картина
осеннего поля
в тяжелых каплях росы!*

(Светлячок.)

Кангаэмоно

*(Муси хитоцу)
Дэкиаки ни*

*(Насекомое)
Час жатвы пришел:*

доно та о митэмо на полях, куда ни глянь,
итиё ни. всюду тот же вид.

(Хотару.)

(Светлячок.)

«Хотару» (светлячок) можно прочесть как «хо тару» (колосья склонились).

2. Разновидность шуточной лотереи «фукубики» или «вараикудзи», отличающаяся от загадки только тем, что роль ответа в ней выполняет материальный предмет. Такая лотерея может строиться по модели как обычных, так и трехчленных загадок:

Безглазый воробей. (Колокольчик.)

Воробей («судзумэ») без глаза («мэ»), т. е. «судзу» (колокольчик).

Монах из буддийского храма — сегодняшняя газета. (Кэса китэ кё ему.)

Выражение в скобках имеет два значения: «Приходит нынче утром и сегодня читают» и «Надевает рясу и читает сутры».

Другие языковые клише, помещенные Судзуки в раздел «надзо-но сяхэн», выходят за рамки «надзо асоби» (игры в загадывание) и представляют собой всевозможные традиционные формы иносказаний, криптограмм и т. д.

Так, например, «ямато-котоба» — это иносказания из народной и классической лирики:

На девять комнат восемь светильников — хотел бы разделить с тобой ложе.

Подразумевается, что на одну комнату светильника не хватит и она темная (по-японски «итима кураи», что похоже на «ити макура», т. е. одна подушка).

Вьюнок «асагао» — краткий миг счастья.

Цветы «асагао» вянут очень быстро.

Ямато-котоба широко использовались и в любовной переписке, причем слова могли заменяться предметами, и тогда это называлось «куса мусуби» (тама мусуби, адзума мусуби). Посылка с веткой сосны и камешком означала: «мацу ни коиси» (люблю, жду). Это очень давняя традиция. Еще поэты эпохи Хэйан (VIII—XII вв.) пользовались приемом стихотворений-картин «асидэ-ута-э», когда знаки письма стилизовались под изображение трав, камней (в зависимости от содержания стихотворения), рисунок сосны заменял слово «мацу» (ждать) и т. д. Впоследствии это искусство продолжало жить в ребусах «хандзимоно» (хандзи-э, надзо-э), которыми украшали веера, в «надзодзомэ» — рисунках на одежде: изображение колокола и бурлящей воды означало «канэ га ваку» (по смыслу соответствует русскому *денег куры не клюют*), а узор в виде серпа и колеса — «камавану» (*мне все равно*). В начале XVIII в. очень модны были табачные кисеты, на которых изображались сандан-надзо в виде трех картинок (вопрос—ответ — объяснение), а также вывески — ребусы на лавочках: деревянный жеребенок («араума») перед лавкой,

торгующей сладкими пирожками «мандзю», означал «*араума си*» (*ах как вкусно!*).

В разделе «надзо-но сюэн» приведены и примеры профессиональных языков. Упоминается секретная военная азбука «ситидзи-но кана», созданная следующим образом: в стихотворении-азбуке «Ироха», разбитом на семь вертикальных строк по семь слогов в каждом, по вертикалям семь раз подписывалось семисложное выражение «*миката дзо цуёки*» (*наши войска сильны*), а по горизонталям — «*тэки ва хоробуру*» (*враг погибнет*), в результате чего каждый слог азбуки соответствовал двум слогам из военных лозунгов и заменялся этими слогами в тайной переписке¹. Цифры в книгах у купцов записывались при помощи девяти слогов из выражения «*Эбису-но вараигао*» (*Улыбка бога богатства Эбису*). Был свой профессиональный язык и у буддийских монахов, у гейш и т. д.

Если быть последовательным, то в «надзо-но сюэн» следовало бы включить и упомянутую в «Словаре языковых игр» разновидность скороговорок «дзёго», которая на слух звучит как «надзо-котоба» (слова-загадки) и порой помещается в сборники задач на сообразительность. Из-за омонимии не сразу можно понять смысл такой фразы: «*Сумомомомомомомомомомомо-нимо ироиро ару*».

(*И «сумомо» — персик и «момо» — персик:
и персики бывают разные*) [28, с. 59].

Можно также отнести к «надзо-котоба» так называемые «ирума-котоба», в которых слова обладают противоположным значением², и каламбурное письмо «гисё»³ в классической поэзии, мнемонические формулы⁴ и т. д.

В принципе любые иносказания могут играть роль загадок, но лишь при наличии условия, требующего раскрыть смысл этого иносказания. Это хорошо видно на примере некоторых сказок с трудными заданиями. В одной из японских народных сказок странствующий буддийский монах берется отыскать оборотней, поселившихся в старом храме и появляющихся только ночью, когда в темноте их нельзя увидеть. Обратни, явившись в храм, называют себя, однако при этом используют не смысловое «японское», а чисто фонетическое «китайское» чтение иероглифов, и поэтому их имена звучат совершенно бессмысленно. Однако по характерным звукам шагов, по отдельным высказываниям оборотней друг о друге монах догадывается о значении иероглифов и о том, что Сайтикурин-но итиганкэй — это Одноглазый петух из рощи, что на западе от храма, Нанти-но тайгё — Большой карп из южного пруда, а Тоя-но дзукоцу — Череп из восточной хижины. Имя предводителя оборотней, живущего в самом храме, состояло из иероглифической загадки: знака «весна» с ключом «дерево» (т. е. иероглиф «камелия») и странного слова «титикобоси», что на местном диалекте обозначает «маленькая палка», как объяснили монаху местные жители. Валявшаяся неподалеку веточка камелии, а вместе с нею и остальные оборотни были тут же уничтожены [25, с. 59—72].

В данной истории ипосказания становятся загадками с ответами благодаря сюжету с поисками оборотней. В другом контексте текст, очень близкий к загадке, выполняет иные функции. Таковы японские каламбурные поговорки «сярэ-котоба»³, соответствующие китайским «сехоуюй» (в переводе М. Г. Прядохина — «недоговоркам»).

Сярэ-котоба

*[Как] ружейная пуля:
Уйдет и не возвращается.*

Сехоуюй

*[Все равно что] носить воду
в бамбуковой корзинке — все
зря [10, с. 115].*

Китайское название «недоговорки» объясняется тем, что вторую, пояснительную часть высказывания можно опустить, как вторую часть русской поговорки «*[Как] собака на сене: [сама не ест и другим не дает]*». Японское же название указывает на то, что пояснение, как правило, имеет вид каламбура, одним из своих значений связанного по смыслу с первой частью поговорки, а другим — с жизненной ситуацией, для обозначения которой поговорка была использована в речи.

От трехчленных загадок каламбурные поговорки отличаются лишь тем, что вместо произвольно взятого предмета вопросительной части в загадке, в поговорке используется реальный объект. В остальном задача отвечающего на вопрос трехчленной загадки и приводящего к случаю поговорку аналогична, и ее можно сформулировать так: «вспомнить или придумать построенный на полисемии или омонимии каламбур, который одним своим значением был бы связан с объектом, названным в вопросе загадки (или с реальным объектом поговорки), а другим — с объектом, как можно более далеким от названного (с выражением, как можно более далеким от реального объекта)». Этот второй объект (выражение) служит отгадкой (первой частью поговорки), озадачивающей слушателя, а сам каламбур поясняет связь загадки с отгадкой (реального объекта с первой частью поговорки). Если слушатель не понял значения первой части поговорки, то говорящий добавляет ее пояснительную часть, точно так же как загадывающий трехчленные загадки зачастую вынужден сам давать ответ и пояснение. Сравним три текста.

Сярэ-котоба

*Порванная москитная сетка: если повесить, залетают москиты
(есть журавль и черепаха).*

Выражение «цуру то камэ га иру» имеет два значения: «если повесить, залетают москиты» и «в него входят журавль и черепаха».

Сандан-надзо

Вопрос: *Порванная москитная сетка.*

Ответ: *Свадебный подарок «симадай».*

Симадай («Остров счастья») — миниатюрный макет на деревянной подставке: сосна, бамбук, сливы, журавль, черепаха и другие эмблемы счастья и долголетия.

Пояснение: *Потому что [в симадай] есть журавль и черепаха, а если повесить [порванную москитную сетку], залетают москиты.*
Загадка

Вопрос: *Порванная москитная сетка.*

Ответ: *Лягушка (залетают москиты).*

Игра слов: «каиру» (лягушка) омонимично «ка иру» (залетают москиты).

Итак, в основе всех трех перечисленных форм лежит каламбур, все же остальное служит как бы его обрамлением для усиления эффекта.

Заметим, что в обычной двучленной загадке с каламбурным ответом одно из значений каламбура, связанное по смыслу с текстом вопросительной части загадки, служит мотивировкой ответа, а другое значение каламбура — самим ответом. Ответ — это обычно одно слово, причем совершенно далекое по смыслу от текста вопросительной части, что создает эффект неожиданности. Иногда вопрос требует более узко определенного ответа.

Сколько лет отхожему месту? 49 лет (насквозь провоняло).

Ср. с «сярэ-котоба»: [*Некто*] — *божество отхожего места: насквозь провоняло (49 лет).*

Очень развитая в японском языке омонимия позволяет сочинять довольно много каламбуров на заданную тему. Есть шуточная история о том, как одна загадка получает разные ответы в зависимости от интересов отгадчика. На вопрос: *Запад — что это?* — синтоистский священник отвечает: *«Священные ворота тории»* (Запад соответствует циклическому знаку «тории», что похоже по звучанию на «тории»); для буддийского монаха, верящего в Западный рай, это *«дворцовая кухня»* («мидайдокоро» — по-другому, «место, которое хочу увидеть»); для врача — *«до и после родов»* («сандзэн санго» — по-другому «до и после числа три», т. е. два — «ни» — и четыре — «си», слово «ниси» по-японски означает «Запад») и т. д.

В народных метафорических загадках множество потенциальных ответов ограничено традиционным кругом предметов, особым чередованием тем в загадывании, устными подсказками родовых признаков ответа (живое существо, растение и т. д.), и, наконец, специальными намеками в тексте загадки. Так, например, ряд японских загадок начинается с прямого указания на место, которому принадлежит предмет ответа: в море, в поле, во дворе и т. д.

В некоторых каламбурных загадках ограничение на сочинение каламбуров устанавливается отдельно добавляемым намеком, как в «кангаэмоно» или в разновидности иероглифических загадок «атэ-дзи-надзо», построенных на редких чтениях иероглифов.

Например, написан знак «большой» и два знака «облако», а рядом намек — «одна корзина (для фруктов)». Метонимический намек на фрукты заставляет выбрать чтения «яма» и «мо» (такие чтения эти иероглифы имеют в названиях провинций Ямато и Идзумо), потому что это дает ответ *«персики ямамомо»*.

В своеобразных топонимических загадках «мура-акаси» ограничение состоит в правиле, по которому ответами могут быть только названия деревень.

Пример: *В какой деревне лошадей ставят мордой на восток? — В деревне Онисимура.*

«Онсимура» можно понять как «деревня, где хвосты на запад».

Правила ограничивают и число возможных значений каламбура. Так же как и метафора, каламбур может иметь более двух значений, и иногда это его свойство использовалось в загадках, как, например, в четырехчленной загадке, сочиненной поэтом Сигэта Годзан (первая половина XIX в.), мастером каламбуров, стихотворных палиндромов и т. д.

Энэ мо сэдзу кё то каёэта

Токи: дзёя-но цубуяки

когоро ва: курагари ни суру такаубики

соно когоро ва: хиторинэ.

«Энэ мо сэдзу кё» — что это?

Бормотание новогоднего колокола.

Потому что громкий храп в темноте.

А смысл этого 1) «хи» заменено на «нэ»,

2) единственный голос,

3) сон в одиночестве.

Вопрос представляет собой последнюю строку стихотворения «Ироха» со знаком «столица» в конце (как это было принято писать в словарях и энциклопедиях) и с измененным слогом «нэ» вместо «хи», что приводит к потере смысла, и потому строка дана без перевода.

Три значения каламбура, связывающие три первых члена загадки, имеют следующий смысл:

1) указание на замену слога в строке «Ироха»,

2) намек на звон колокола, отбивающего 108 ударов при наступлении Нового года,

3) намек на человека, заснувшего в новогоднюю ночь.

Создавались даже и пятичленные загадки, правда не пользовавшиеся успехом, поскольку такая тяжеловесная форма уничтожала эффект неожиданности сравнения с остроумным пояснением в конце, столь характерный не только для японских трехчленных загадок, но и для загадок-шуток разных народов. Вопрос таких загадок обычно имеет вид: «Что общего между А и В?» или: «Какая разница между А и В?» Аналогичная модель — два предмета и высказывание о них — встречается и в пословицах.

Японская пословица

*Осенняя погода
да женское сердце
семь раз на день меняются.*

Русская пословица

*Женские умы
что татарские сумы (пиреметны) [2, 350].*

Такие пословицы могут произноситься без третьего члена (пояснения), если достаточно хорошо всем известны или сравнение имеет простую мотивировку. Часто усеченный вариант более употребителен. Это напоминает процесс обучения: сначала дается развернутая формула какого-либо приема, а после усвоения оно сокращается.

*Эдокко ва
сацуки-но кой-но
фукинагаси
(кутисаки бакари
харавата ва наси).*

*Эти эдоцы
что бумажные карны,
раздутые ветром
(одни пустые речи,
ни глубины, ни сердца,
или: один разинутый рот,
и нет ничего внутри)
[26, с. 67].*

Фольклористам известны и такие паремии, в которых сопоставляются (обычно по сходству) не только предметы, но и высказывания. Чаще всего образное высказывание сопровождается прямым высказыванием (о человеке), как в известном китайском афоризме: *Тигр умрет — шкура остается, человек умрет — имя остается*.

Если первое высказывание завершается вопросом, на который следует ответить вторым высказыванием, такая форма условно названа загадко-пословицей. Ответом загадко-пословицы может быть и параллельный образ, иносказание с тем же смыслом. Это учит не только понимать, но и употреблять образную речь применительно к данной ситуации. В японском языке загадко-пословица могла бы иметь такой вид:

*И Кобо-дайси ошибался в письме,
И Сакья-муни ошибался в чтении сутр.*

Но вместо таких загадко-пословиц мы обнаруживаем в японском фольклоре жанр, который можно было бы назвать загадко-каламбурами и который по-японски называется «мури-мондо» (букв. вопросы и ответы без резона). Первая часть мури-мондо состоит из высказывания, которое при каламбурном переосмыслении одного из слов или части слова становится противоречивым, а также вопроса «то ва икани» — как это [понимать]? Отвечающий же вместо разъяснения игры слов должен привести высказывание, как можно более близкое к первому по структуре, содержанию и внешней форме.

— *Как это [понимать]: ею любят, а называют «кику».*
(«Слышать» и «хризантема».)

— *Это то же самое, что видят, а называют «мидзу».*
(«Не видеть» и «вода».)

Таким образом, условием игры является поиск фразы с определенным множеством признаков, соответствующих признакам данной фразы, и, следовательно, жанр мури-мондо подходит под одно из наиболее общих определений загадки: «семантическая игра, ма-

нипулирующая свойствами объектов, категорий и классов» [18, с. 261].

Название мури-мондо, очевидно, связано с буддийскими схоластическими диспутами мондо, в которых отвечающий обычно пользуется тем же условным языком, что и спрашивающий, так что непосвященный может дать самое вольное толкование смысла диалога. В одной народной истории рассказано, как странствующий монах состязался в мондо с торговцем соевым творогом тофу, которого он принял за настоятеля храма. Вначале монах изобразил ладонями круг, после чего торговец описал в воздухе квадрат. Монах показал десять пальцев, торговец — пять, монах — три, торговец покрутил пальцем у виска, после чего монах удалился в молчании, признав этим свое поражение. Каков же смысл диалога в представлении его участников?

Интерпретация торговца

Он: Ты торгуешь круглыми плитками тофу?

Я: Еще чего, конечно, квадратными.

Он: 10 мон за штуку?

Я: 5 мон.

Он: А за 3 не уступишь?

Я: Вишь, чего захотел!

Интерпретация монаха

Я: Земля?

Он: Во Вселенной.

Я: Десять сторон света?

Он: Поддерживаются пятью заповедями.

Я: Три тысячи миров?

Он: В моем зрачке [25, с. 12—19].

Однако в мури-мондо в отличие от обычного мондо с его сложными законами ответ дается только по принципу аналогии.

Это не единственная японская языковая игра с подыскиванием параллелей.

В одной из разновидностей детской игры «сиритори» правило заключается в том, что первый участник, назвав произвольно выбранный предмет, добавляет несвойственный этому предмету признак и называет другой предмет, обладающий упомянутым признаком, причем название этого нового предмета сходно по звучанию с названием первого. Следующий участник должен проделать то же самое со вторым предметом и т. д.

А: Продавец (банто) гребет веслами — это лодочник (сэнта).

Словосочетание «гребти веслами» соответствует русскому фразеологизму «клевать носом», следовательно, в данном случае признак указан косвенно.

Б: Лодочник с деревянной колотушкой «сюмокудзуэ» — это житель буддийского храма (кэнгё).

В: Слушатель храма живет в пруду — это серебряный карп (кингё) и т. д.⁶ [24, с. 78].

Фактически каждый из участников сочиняет загадку, представляющую собой точную параллель предыдущей.

Как и в обычной загадке, он должен вначале подобрать ответ — слово, похожее по звучанию на данное, а затем, используя модель предыдущей загадки, дополнить текст вопросительной части. Интересно, что и при обычном загадывании загадки могут группироваться не только по тематике ответов, но по сходству вопросительной части, когда очередной загадчик предлагает вопрос, отличающийся от предыдущего одним или двумя словами.

Что входит в воду красным, а выходит черным?

(Раскаленная кочерга.)

Что входит в воду черным, выходит красным?

(Рак.)

Что входит в воду белым, а выходит черным?

(Башмак мельника).

Что входит в воду желтым, а выходит белым?

(Детская пеленка.) [17, с. 94].

Иногда в диалогической игре необходимо на один вопрос дать несколько ответов, построенных по одному принципу. Такова, например, игра, которая называется «На дерево села птица». Первый участник игры произносит эту фразу, а затем на вопрос второго участника отвечает, какая птица и на какое дерево села. Если птица и дерево образуют традиционную пару (например, слива и соловей)⁷, то второй участник «разрешает птице сесть на дерево» и, в свою очередь, сообщает о том, что «на дерево села птица», третьему участнику. Но все это — лишь зачин игры. Настоящее состязание начинается, когда общеизвестные пары «дерево—птица» исчерпаны и на смену им приходят уже любые два слова, связанные между собой по смыслу и включающие слоги «ки» (дерево) и «тори» (птица): «веник» (хакаки) и «совок для мусора» (гомитори), «протокол» (хикки) и «расследование» (тантэтори) и т. д. В таком виде игра может продолжаться довольно долго [24, с. 65].

Ответы могут определяться не несколькими признаками, как в вышеприведенной игре, а только одним. У многих народов есть особая форма загадок, в вопросительной части которых называется какой-нибудь один признак, а ответ представляет собой своеобразный каталог предметов и явлений, обладающих этим признаком.

Японская загадка

Пять белых — что это?

(Снег, лед, заяц, цапля, цветы «унохана».)

Монгольская загадка

Три синих: небо над землей синее, дым от костра синий, вода в озере синяя, синие воды в Орхоне, синее пламя у угольев⁸ [4].

Некоторые из таких загадок представляют собой набор народных афоризмов с общим смыслом, названным в вопросе.

Армянская загадка

Какие три вещи в мире невозможны?

Небо подпереть,

Море покрывать,

Заставить мула родить [1].

Литовская загадка

Что бесполезно в мире для троих?

Яркость слепому,

Колокол глухому,

Гребень лысому [1].

Монгольская загадка

Три далеких: мертвому далеко солнце,

уставшей лошади далеk путь до дома,

бедняку далеk конец года [4].

В таких загадках главное — помнить традиционное множество объектов с названным признаком. Если воспользоваться терминологией Судзуки Тодзо, такие загадки можно было бы назвать «загадками на запоминание» в отличие от приводившихся выше «загадок на размышление», где сильнее выражен элемент игры.

Судя по всему, загадки на запоминание имеют тенденцию со временем (когда кончается процесс запоминания) переходить в монологическую форму. Вопрос при этом становится риторическим, а загадка, по выражению Г. Л. Пермякова, «полузагадкой-полуафоризмом» [7, с. 268]. Иногда вопрос вообще заменяется утвердительной формой. Возможно, именно так возникли некоторые виды народных изречений и даже литературных клише типа китайских афоризмов «цзацзуань»:

Очень напоминает:

Столичный начальник — тыква: растет незаметно и быстро
уездный начальник — тигра: чуть шевельнет лапой —
убьет [12, с. 25]

или японского литературного приема «моно ва дзукуси», которым пользуется Сэй Сёнагон в «Записках у изголовья» (XI в.):

То, что далеко, хотя и близко:

Празднества в честь богов, совершаемые перед дворцом.

Отношения между братьями, сестрами и другими родственниками в недружной семье.

Извилистая дорога, ведущая к храму Курама.

Последний день двенадцатой луны и первый день Нового года.

То, что близко, хотя и далеко:

Обитель райского блаженства.

След корабля.

Отношения между мужчиной и женщиной [11, 212].

В некоторых странах, например в Монголии, сохранились записи загадок, у которых вопросы — последовательность нескольких чисел, а ответы — символы, традиционные фразы и т. д., связанные с этими числами. Вопросы задаются по формуле: «Первое — что это? Второе — что это?» и т. д. Ниже перечислены ответы на 12 вопросов одной монгольской загадки такого типа.

1. *То, что видел однажды, разве забудешь?*

2. *Разве упустишь то, что держишь двумя руками?*

3. Если связать своего коня тройными путами из крученой веревки, разве он уйдет дальше чем за три холма на пастбище?

4. Если мы работаем с черным быком, у которого кольцо в носу, мы обеспечены едой на четыре года.

5. Если мы спустим охотничьих собак, то все дикие звери на равнине наши⁹.

6. Если мы посоветуемся со священными табличками, то узнаем все.

7. Когда Большая Медведица (семь звезд) встанет над головой, погода будет ясная.

8. Когда приходит восьмая луна, распускаются листья и цветы.

9. Я отец всей Вселенной.

10. Не зная, что делать, ты можешь лишь поднять руки и расставить десять пальцев.

11. Ты человек, не знающий, что делать.

12. Когда кончается двенадцатый месяц, наступает новый год [19].

Возможно, прежде имели форму загадок и следующие два изречения — японское и русское:

Первое — крестьянин, второе — торговец, третье — самурай, четвертое — ремесленник, пятое — танцовщица «сирабеси», шестое — синтоистская жрица «мико», седьмое — нищий, восьмое — «хатитатаки» (бродячий монах, возвещающий о своем приходе стуком в горшок или тыкву горлянку и читающий молитвы), девятое — служитель крематория, десятое — пария «эта» [21, с. 63].

Един бог, два тавла Моисеевых, три патриарха на земле, четыре листа евангельска, пять ран господь претерпел, шесть крыл херувимских, семь чинов ангельских, восемь кругов солнечных, девять в году радостей, десять божьих заповедей [2, с. 557].

Переход в другие жанры характерен не только для «мнемонических загадок». Явление паремиологической трансформации [7, с. 261] наблюдается в японском фольклоре так же часто, как и у других народов. Особенно часты взаимные переходы пословиц, поговорок и загадок.

Загадка

Днем спит, ночью работает.

(Вор.)

Не согнешь, не поставишь¹⁰.

(Купец и ширма).

У тощего мужика зычный голос.

(Ружье).

Отправится барином, вернется слугой.

(Раздвижные ставни).

Пословица (поговорка)

Дневной сон вора.

Купец и ширма: не угодишь (не согнешь), не проживешь (не поставишь).

У тощего мужика зычный голос.

Отправится князем, вернется нищим.

Неудивительно, что загадка, долго бытовавшая в детской среде, связана и с формами детского фольклора. Эта связь особенно заметна в лексике загадок.

*А-ам,
фу-фум,
пац-пац,
модзя-модзя.*

(Као.)

*Ам-ам,
фу-фу,
хлоп-хлоп,
шух-шух.*

(Лицо — рот, нос, глаза,
брови.)

Загадки могут принимать форму детских песенок.

Песня при игре с мячом «тэмари-ута»

Татэ-татэ, тён-тён,

ёко-тён-тён,

ёко-ёко-ёко,

татэ-тён-тён.

Татэ — вертикаль, тён — наклонная, ёко — горизонталь. Это иероглифическая загадка, дающая порядок написания черт в иероглифе «вадза».

Песенка-считалка «кадзоэута»

*Ити какэ,
ни какэ,
сан какэтэ,
тэ утикакэтэ,
хидзамакура.*

(Сямисэн.)

*Раз протяну,
два протяну,
три протяну,
ударю рукой,
положу на колени.*

(Сямисэн — трехструнный
музыкальный инструмент.)

Текст загадки может напомнить скороговорку.

Загадка

О-такэ-сан-но кэцу са кэ га сита наани? (Фудэ.)

На заду у г-на Бамбука выросли волосы, что это?

(Кисть.)

Скороговорка

Окэ ни кэ га хаэри я окэя са комару.

На бочке растут волосы — бондарь озадачен.

Так же как скороговорки могут иметь форму историй «хаямоногатари», вопросительная часть загадки может стать сюжетным повествованием.

Пытаясь покинуть страну, был схвачен и связан веревкой, у него выдернули все суставы, а затем отправили на плаху, но он тайком выбрался по бамбуковому коридору. (Табак.)¹¹

Есть история о том, как монахи одного буддийского храма состязались в сочинении «ообанаси» (истории с преувеличением о своей прозорливости, но никто не мог победить настоятеля храма. И даже когда один из монахов заявил, что может съесть то, что превосходит по величине все остальное, настоятель заставил его при-

знать свое поражение. История завершается вопросом: «Что сказал настоятель монаху?» Ответ: «А я съем тебя» [17, с. 68].

Историей или развернутым описанием, похожим на «ообанаси», может стать и ответ загадки. Например:

Большой человек?

*Сел на гору Фудзи, на голу
лову вместо шляпы надел
небосвод, но уши все же
торчат наружу.*

Очень маленькое?

*Как волосок на ноге пере-
возчика с реки Танигава,
что наплакал комар [22,
175].*

Загадки могут строиться по моделям, сходным с моделями некоторых сказок. Так, ряд устных загадок, которые профессор Судзуки называет «складывающимися» (татамикоми-сики-но), можно было бы назвать кумулятивными, так как они построены по тому же принципу, что и кумулятивные сказки, в которых пространство и время преодолеваются «не от начального звена к конечному, а через конкретные, реально данные, посредствующие звенья: так ходят слепые, перебираясь от предмета к предмету» [9, с. 248]. Признаки загаданного объекта, последовательно цепляясь друг за друга, как «бабка за дедку, внучка за бабу» в русской сказке о репке, накапливаются до множества необходимой мощности, чтобы «вытащить» ответ, как репку.

*В зеленом домике белый домик,
в белом домике красный домик,
в красном домике полно чернокожих — что это? (Арбуз.)*

*Пройдешь железный мост,
пройдешь бамбуковый мост,
пройдешь железный мост —
огонь блестит — что это? (Трубка.)*

Такого рода загадок очень много и в русском фольклоре, и в фольклоре других народов.

Практически все приводившиеся формы японских загадок в том или ином виде встречаются в фольклоре различных народов, играя в нем более или менее заметную роль. Своеобразие же всего корпуса японских загадок объясняется особенностями языка (и прежде всего распространенной омонимией), культурной традиции и т. д.

Использованных источников, конечно, недостаточно, для того чтобы судить обо всем многообразии форм японских загадок, однако основные, наиболее распространенные их виды были перечислены.

Уже приведенного материала достаточно для вывода о том, что при классификации загадок необходимо учитывать, что ответ, так же как и вопросительная часть, может иметь самый различный вид:

понятие¹², слово в его фонетическом или графическом выражении, расширенное описание, изречение, каламбур с одной или двумя заданными темами и т. д.

Безусловно, существенным признаком загадки кроме типа вопросительной части и ответа является также способ связи между ними, соотношение их признаков. Вопрос и ответ загадки могут быть элементами одного множества по ряду признаков (мури-мондо) или вместе составлять один элемент некоторого множества (сиритори). Ответы могут быть членами одного множества по одному или нескольким признакам, определенным в вопросительной части («На дерево сели птицы», мнемонические загадки и т. д.). В принципе возможен и противоположный вариант, когда множество вопросительных частей загадки объединено понятием, данным в ответе, однако это встречается лишь в сборниках с классификацией по тематике отгадок, и нам неизвестны такие случаи в реальном загадывании. Вероятно, участников загадывания интересует не сам загаданный объект в совокупности всех его признаков, а скорее те правила, по которым мы его отыскиваем, хотя совокупность загадок об одном предмете действительно может рассказать этнографу о том, как воспринимается, оценивается этот предмет в данной культуре, какую роль играет в жизни людей.

Для понимания сущности загадки очень важно учесть и явление паремииологической трансформации. Как было показано, по своей структуре (смысловой, синтаксической и т. д.) все виды японских загадок практически имеют аналогии в других жанрах (сярэ-котоба, трехчленные пословицы, моно ва дзукуси и т. д.), а иногда один и тот же текст употребляется в функции разных жанров.

Для определения существенных признаков жанра загадки, безусловно, полезно сопоставление его с другими жанрами, что очень удобно делать на материале таких сборников, как «Котоба асоби дзитэн», в которых загадки помещены в одном ряду с различными языковыми играми. Как мы видели, это дает возможность рассмотреть загадку как бы с нескольких сторон, подметить ее связь с другими формами фольклорного мышления, выделить некоторые общие и специфические черты.

Такого рода информация необходима для выработки пока не найденного общего подхода к жанру загадки, ибо только обобщение богатого фольклорного материала разных народов поможет найти ответ на вопрос о том, что такое загадка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. загадки с использованием «Ироха» в качестве ключа.

² Судзуки пишет, что называют их так потому, что река Ирума в провинции Мусасино в старину, говорят, потекла вспять.

³ Целый комплекс иероглифических каламбуров. Так, например, стихотворение может быть написано иероглифами, означаящими только цифры. (В скоб-

как указаны чтения пероглифов-цифр, которые в совокупности дают стихотворение).

5 (Я) 10 тыс. (ма) 3 (ми) 1 тыс. (ти) 8 (ва)	Горная тропа
3 (са) 6 (му) 9 (ну) 3 (са) 3 (ми) 4 (си) 4 (си)	Холодна и уныла.
1 (хитоцу) 8 (я) 2 (ни)	Хижина одна
4 (ё) 5 (го) 10 (то) 2 (ни) 4 (си) 6 (року)	Каждый вечер белеет
100 (момо) 4(ё) 100 млн. (оку) 4 (си) 100 (мо)	Инеем долги лет.

⁴ Например, правило, по которому деревья («ки») лучше всего рубить в шестом («року») месяце, бамбук («такэ») — в восьмом («хати»), а глинобитный забор («хэй») красить в десятом («дзю»), для лучшего запоминания произносится в виде фамилии и имени «*Кироку Такэати Хэйджюро*».

⁵ В «Словаре языковых игр» они включены не в раздел форм, близких к загадке, а в раздел «каламбурь».

⁶ Описанная игра напоминает так называемые «созмоно надзо» (загадки-дополнения): *Покойнику — танцовщицу. (Праздник Бон.) Китайскому императору — верхушку дерева. (Императрица.)* Слово «императрица» (кисаки) можно прочесть как «конец дерева».

⁷ Ср. с каламбурной поговоркой: *На бамбуке соловей, на слове воробей — китигай торитигай* («не то дерево, не та птица», или «сумасшествие, недоразумение»).

⁸ По традиции в монгольских триадах «сурван» загадываются три качества, но количество возможных ответов больше, и часто они попадают в записях в разных наборах.

⁹ В таких ответах, как 5, 6, 9, смысл, возможно, заключен в игре слов.

¹⁰ Игра слов: *магаранэба татану*. Это выражение может быть прочитано как «Не угодишь (не поклоняешься) — не проживешь» или «Не согласишь — не поставишь».

¹¹ Загадка эта, описывающая процесс сбора, обработки табачных листьев и курения, похоже, была создана в период «закрытия страны», в XVII—XIX вв., когда всякая попытка контактов с внешним миром каралась смертной казнью.

¹² Имеется в виду понятие не как дефиниция, но как совокупность суждений, составляющих знание о предмете и прежде всего о существенных его признаках.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

1. Армянский фольклор. Сост. Г. О. Карапетян. М., 1967.
2. Д а л ь В. Пословицы русского народа. М., 1957.
3. Загадки. Изд. подготовила Митрофанова В. В. Л., 1968.
4. К л ю е в а В. Монгольские триады. Улан-Батор, 1946.
5. Марийские пословицы, поговорки и загадки. Сост. С. И. Ибатов.
6. Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Саранск, 1975.
7. П е р м я к о в Г. Л. К вопросу о структуре паремнологического фонда. — Типологические исследования по фольклору. М., 1975.
8. П о л в а н о в Е. Д. Формальные типы японских загадок. — Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
9. П р о п п В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976.
10. П р я д о х и н М. Г. Китайские недоговорки-иносказания. М., 1977.
11. С э й С ё н а г о н. Записки у изголовья (пер. В. Марковой). М., 1975.
12. Ц а ц з у а н ь. Изречения китайских писателей (пер. И. Э. Циперович). М., 1969.
13. Эвенский фольклор. Сост. К. А. Новикова. Магадан, 1958.
14. Якутские загадки. Сост. С. П. Ойунская. Якутск, 1975.

На английском языке

15. Beckwith M. W. Hawaiian Riddling. — «American Anthropologist». 657 (3), 1948.
16. Evans D. Riddling and the Structure of Context. — JAF. 1976, vol. 89, № 352.
17. I. and P. O pie. The Lore and Language of Schoolchildren. Granada Publishing Limited, 1977.
18. Sieber M. Cultural Categories and World View. — JAF. 1976, vol. 89, № 352.
19. Taylor A. An Annotated Collection of Mongolian Riddles. Transactions of the American Philosophical Society. Philadelphia new series. 1954, vol. 44, № 3.

На японском языке

20. Дзоку кодзи котовадза дзитэн (Продолжение словаря афоризмов и пословиц). Сост. Судзукитодзо. Токио, 1967.
21. Кодзи котовадза дзитэн (Словарь афоризмов и пословиц). Сост. Судзукитодзо, Хирота Эйтаро. Токио, 1967.
22. Кодомо-но сайдзи то асоби (Детские календарные обычаи и забавы). Токио, 1976.
23. Котоба асоби дзитэн (Словарь языковых игр). Сост. и авт. коммент. Судзукитодзо. Изд. 22-е. Токио, 1976.
24. Нихон дзидо юги-сю (Собрание японских детских игр). Ота Сайдзиро. Токио, 1968.
25. Нихон-но надзонадзо банаси (Японские истории о загадках). Кикута Мицуо. Токио, 1971.
26. Сайто Харутэру. Надзонадзо котовадза-но хон (Книга загадок и пословиц). Токио, 1974.
27. Судзукитодзо. Надзо-но кэнкю (Исследование «надзо»). Токио, 1963.
28. Таго Акира. Атама-но тайсо (Гимнастика для головы). Токио, 1967.

А. К. Оглоблин

ТИПЫ ЯВАНСКИХ ЗАГАДОК

(К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ФОРМЫ И ЗНАЧЕНИЯ)

1. Вводные замечания. Загадка — условный диалог, в котором один из участников должен угадать и назвать слово или предложение, задуманное другим участником, но названное им не прямо, а в виде намека или иносказания¹.

Более конкретное определение загадки дать трудно ввиду разнообразия ее функций и структурных признаков. Функции загадки различны на разных стадиях развития общества. У тораджей Центрального Сулавеси Н. Адриани наблюдал загадывание загадок как магический обряд, способствующий лучшему урожаю [12, с. 10; 9, с. 103]. У более развитых этнических общностей Индонезии, в том числе и у яванцев, функция загадки главным образом игровая, развлекательная. С другой стороны, и структурное определение загадки представляет известную трудность. Ее структура не исчерпывается метафорой, на которую ссылается фольклористика со времен античности (см. [2; 5]).

В своем историческом развитии загадка разделяет судьбу многих изобретений человечества: она превращается из серьезного занятия в игру, притом что в игре обычно имеется и своя серьезная сторона. Но внутренняя структура и внешние признаки загадки, по-видимому, изменяются медленнее, чем ее функции.

В настоящей статье загадка рассматривается лишь с одной, относительно узкой точки зрения — как знаковое структурное образование. Эта точка зрения — семиотическая — представляет один из аспектов загадки как фольклорного жанра, имеющего и другие аспекты — в плане поэтики, этнографии, истории и пр. Выделение семиотической стороны загадки в качестве особого аспекта или этапа исследования представляется вполне правомерным.

В соответствии с пониманием знака как двусторонней сущности загадка обладает формальной и смысловой сторонами (далее — Ф и С). Форма воспринимается нашими органами чувств — звуковая, графическая, изобразительная, смысл (семантика) условно передается формой. Процесс отгадывания с семиотической точки зрения выглядит как замена² одной знаковой структуры на другую структуру, символически

$$\frac{\Phi}{С} \text{ заг.} \longrightarrow \frac{\Phi}{С} \text{ отг.,}$$

где **заг.** и **отг.** — индексы исходного, данного, т. е. собственно загадки и соответственно отгадки, искомого, того, чем должен ответить отгадчик. Собственно загадка может быть сочетанием слов или предложением, а отгадка, кроме того, одним словом (точнее см. ниже).

Наиболее крупная публикация яванских загадок, снабженная переводом и ценными, обстоятельными примечаниями, принадлежит В. Мейер-Раннефту, знатоку яванской словесности и быта³. Она включает около 750 единиц в прозе и стихах. Кроме этого собрания мы использовали пособия других авторов — яванских и голландских. Яванские примеры приводим в графике 1973 г., которая аналогична новой индонезийской, причем вместо *t* и *d* употребляются *th* и *dh*.

2. **Некоторые типы загадок и других языковых игр.** Мейер-Раннефт разделил свой корпус прозаических загадок на четыре части: а) загадки, в которых спрашивается о каком-либо слове или понятии, б) словесные игры с составными выражениями, в) сокращения, г) загадки с рисунками и отдельными буквами и цифрами (=ребусы). Однако структура загадок и основания их классификации автора, можно сказать, не интересуют, и он не останавливается на этих вопросах подробнее. В основу нашего подразделения загадок мы положим характер перехода от данного к искомому — смысловой либо формальный⁴. Далее, в составе одной загадки возможно несколько переходов, разнообразно сочетающихся друг с другом. Получаемые таким образом группы загадок отчасти совпадают с группами Мейер-Раннефта, хотя в целом дают более разнообразную картину, причем ребусы в настоящей работе рассматриваться не будут.

2.1. **Смысловые загадки.** Так обозначим главный, классический тип загадок, которому посвящено большинство исследований. В этих загадках отгадывание происходит по смыслу [14, с. 74], иными словами, переход в них смысловой:

$$\frac{\Phi}{C} \text{ заг.} \longrightarrow \frac{\Phi}{C} \text{ отг.}$$

Например, сравнивая яванскую загадку *Belik bening dirajegi* — *Прозрачный колодец в ограде* [MR, 14, 66] и отгадку *Mata* — *Глаз* и не видя сколько-нибудь существенного сходства в их форме, мы вправе заключить, что отгадывание производится исключительно по смыслу.

Смысловые загадки переводимы на другой язык, поскольку происходящая при переводе замена звуковой материи не влияет на процесс отгадывания. Приведем еще примеры смысловых загадок в переводе: *Кожа медная, кость железная, мясо серебряное, кровь белая.* (*Кокосовый орех.*) [MR, 28, 122b]; *Спит в ветвях дикобраз, запах невероятный.* (*Дуриан.*) [MR, 27, 120]; *Курица с закрученными перьями ищет в огороде.* (*Ананас.*) [MR, 26, 117b]; *Медный котел, а внутри зерна перца.* (*Папайя.*) [MR, 32, 140a]; *Стоит старушка*

посреди реки, ее заливают, а не уносит. (Водяной паук.) [MR, 26, 115]; Море с золотым хохолком. (Огонек масляной лампы.) [MR, 11, 51]; Маленький ребенок, возьмишь на руки — плачет, положишь — молчит. (Скрипка-ребаб.) [MR, 12, 56]; Далеко беспредельно, близко, а не дотронешься. (Солнце.) [MR, 9, 43а]; Странствующий рыцарь, может перевернуть землю, ног у него десять, головы три, в левой руке лук, в правой — острая стрела. (Пахота.) [MR, 3, 12].

В смысловой загадке значение искомого слова отличается от общезыкового значения, в котором это слово существует как единица языка. Разница между общезыковым значением и загадываемым соответствует различию «ближайшего» и «дальнейшего» значений, по А. А. Потебне [3, с. 127] ⁵. А именно, в обычной речи слово выступает как элементарный «ярлык», который автоматически прилагается к вещам (денотатам) и содержание которого минимизировано до степени, необходимой для дифференцировки его от других значений. В загадке искомое значение того же слова развертывается, причем актуализируются самые разные, порой неожиданные, но действительно существующие элементы и связи с другими значениями языка. Свойства, признаки и связи предмета в той или иной мере отражены в тексте собственно загадки. Например, в загадке о масляном светильнике подчеркивается форма, цвет пламени, жидкая среда, в загадке о дуриане — округлость, шипы, запах. В обычном языке разложение слов-знаков на более абстрактные, элементарные единицы языка обычно выглядит искусственным. В смысловой загадке (и вообще при смысловых переходах) привычное значение должно быть истолковано, проанализировано, поставлено в связь с другими значениями и понятиями. Этот анализ и является, видимо, *raison d'être* загадки в ее познавательном аспекте. Передача элементов и атрибутов искомого значения в тексте собственно загадки осуществляется, как показал Ю. И. Левин, с помощью разнообразных механизмов смыслового преобразования. Показать эти преобразования на яванском материале — задача будущих исследований. Отметим только два главных типа отношений между смыслом данного и смыслом искомого: 1) смысл данного есть часть смысла искомого, например: *Далеко беспредельно, близко, а не дотронешься* (не сказано, что речь идет о небесном теле, что *близко* относится к ощущению тепла); 2) смысл данного пересекается со смыслом искомого: данное наряду с «истинными» смысловыми элементами (некоторыми, не всеми) содержит элементы, маскирующие искомое или отвлекающие от него внимание. Большинство приведенных выше примеров, содержащих метафоры или другие образные средства, относится к этому типу.

2.2. Звуковая загадка. В этой загадке переход от данного к искомому происходит за счет формального (материального) сходства обоих членов. Идеальным типом является каламбур, основанный на изменении словесных границ, как, например, русское: *Наполеон косил траву, поляки пели соловьями*, ответ: *На поле он. . . поля ки-*

пели. . . (с погрешностью в данном случае против экологии соловьев). В яванском такие каламбуры возможны по крайней мере на письме, например: M M M M M M M M , что может читаться либо M

Ara anak luwak? — *Детеныш ли виверры?*, либо Ara ana kluwak? — *Есть ли клувак* (род приправы)? (пример из [15, 17]). (В современном произношении эти две фразы неидентичны.)

Среди яванских звуковых загадок обширную группу составляют так называемые сокращения (wacahan). Заданный текст содержит последние слоги тех слов, из которых состоит отгадка, и отгадывание состоит в восстановлении предыдущих слогов. Сокращаться может лишь часть слов отгадки. С точки зрения смысла заданный текст представляет собой либо бессмысленный набор слогов и (или) слов, либо высказывание логически несообразное, по крайней мере не совсем обычное, тогда как отгадка заключает в себе некое разумное обобщение житейского опыта или нечто хоть и наивное, но безупречное в плане здравого смысла. Например: Buteng tholi (не имеет смысла) — *Jambu mateng digantholi* (*Спелые плоды джамбу снимают крючком*) [MR, 77, 4]; Pi balun can balas ya banyu (не имеет смысла, кроме banyu — *вода*) — *Sapi saba ing alun-alun, macan saba ing alas, baya saba ing banyu* (*Корова питается на площади, тигр питается в лесу, крокодил питается в воде*) [MR, 82, 61]; Timbel lèngé telu (*Свиней с тремя дырками*) — *Jati sagrembel cèlèngé telu* (*Тэковый лесок, три кабана*) [MR, 88, 106]; Lempuk jatos (*Рыба лемпук из тэкового дерева*) — *Pelem empuk maja atos* (*Плод манго мягкий, плод моджо твердый*) [MR, 75, 10]; Langgar tulis (*Молеельня для письма*) — *Alang-alang dilagar, watu mandhelis* (*Траву аланг-аланг сжигают, камень выходит на поверхность*) [MR, 73, 4]; Dhalang mati ora dislameti (*Даланг умирает, и поминонок по нем не устраивают*) (с точки зрения традиции вещь абсолютно немислимая, поскольку даланг, руководитель и актер кукольного театра, пользуется большим почетом) — *Kadhhal karo walang mati ora dislameti* (*Ящерица и кузнечик умирают, и поминонок по ним не устраивают*) [MR, 87, 100]. В последнем примере усечению подверглись лишь начальные слова отгадки.

Усечение предшествующих последнему слогов коренится в самом строе яванского языка, т. к. используется в словообразовании. Примером может служить сложное слово lunglit — «кожа да кости», образованное из balung — «кость» и kulit — «кожа».

2.3. Омонимические загадки. Первый тип. Омонимы, как известно, характеризуются одним означающим и двумя (или более) означаемыми (рус. *коса, браж*), что можно передать трехэлементной формулой с использованием знака дизъюнкции (выбора) $\vee$:

$$\frac{\Phi}{C_a \vee C_b} \bullet$$

Омонимы можно представить и как пару знаков с одинаковыми означающими, что можно передать четырехэлементной формулой со знаком равенства, связывающим означающие:

$$\frac{\Phi_a}{C_a} = \frac{\Phi_b}{C_b}.$$

Нам потребуются оба эти способа записи.

Первый, звуковой тип омонимической загадки имеет в качестве данного общее означающее и одно из означаемых омонима. Искомым является второе означаемое, а переход происходит за счет формы:

$$\frac{\Phi_a}{C_a} \xrightarrow{\text{заг.}} \frac{\Phi_b}{C_b} \text{отг.}$$

Например: Arané guru, ananging dudu guru — *Называется учитель, но не учитель*, ответ: Pada guru — *Подо гуру* (пунктуационный знак) [MR, 19, 88]. Относительная простота этой загадки обусловлена явным указанием на омонимию. Но такого прямого указания может и не быть, и в этом случае задача усложняется. Например: Telu ganep, loro ganjil — *Три — чет, два — нечет* [MR, 9, 41]. Лишь смысловая несообразность текста служит здесь толчком для поиска омонимии, которая заключается в следующем: ganep: «1) четный, 2) достаточный», ganjil: «1) нечетный, 2) недостаточный». Нахождение вторых членов омонимичной пары еще не приводит к разгадке, а дает посредствующую единицу — смысловую загадку *Три — достаточно, два — мало*. Лишь отгадывание последней дает ответ: Cukit — *Палочки для приготовления опиума*. Приведем схему этой загадки вместе с опорными элементами формы и смысла, пометив последние цифровыми индексами. Посредствующую единицу пометим индексом п:

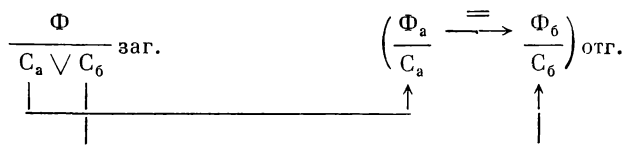
$$\left. \begin{array}{l} \Phi_{a1} (\text{ganep}) \\ \Phi_{a2} (\text{ganjil}) \end{array} \right\} \xrightarrow{\text{заг.}} \left\{ \begin{array}{l} \Phi_{b1} (\text{ganep}) \\ \Phi_{b2} (\text{ganjil}) \end{array} \right. \quad \Phi (\text{cukit})$$

$$\left. \begin{array}{l} C_{a1} (\text{чет}) \\ C_{a2} (\text{нечет}) \end{array} \right\} \xrightarrow{\text{п.}} \left\{ \begin{array}{l} C_{b1} (\text{достаточно}) \\ C_{b2} (\text{мало}) \end{array} \right\} \xrightarrow{\text{отг.}} \left. \begin{array}{l} C (\text{палочки}) \\ \text{для опиума} \end{array} \right\}$$

Аналогичную структуру, соединяющую в себе формально-омонимический и смысловой переходы, имеет менее лаконичное: Ana wujud, manawa kaétung lima dadi ganep, manawa kaétung rapat dadi ganjil — *Есть вещь: если считать пять, выйдет чет, если считать четыре, выйдет нечет*, ответ: (Dariji lima — *Пять пальцев* [MR, 2, 7].

2.4. **Омонимическая загадка. Второй тип.** В другой разновидности омонимических загадок даны оба значения омонима, но не дано их общее (одинаковое) означающее. Искомым будет омонимическая пара в целом. Например: Ana aran tumraping péranganing awak, ana iya marang sawah kang ora loh — *Есть название части тела,*

и оно же для неплодородного поля [MR, 15, 71]. Отгадывание происходит как за счет смысла — по обоим предложенным значениям, так и по форме: от более легко угадываемого члена омонимичной пары к другому ее члену с тем же означающим:

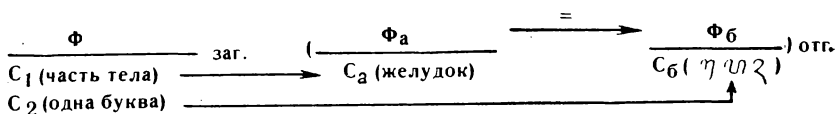
Ответом в данном примере служит слово Gaḡès: «1) голень, 2) неплородное поле», причем легче угадывается, по-видимому, значение 2, которое и будет элементом с индексом а, означаемое которого дает начало звуковому переходу. Сюда же относятся загадки вроде Iya jenengé, iya gurané — *Каково имя, таково и внешность*, ответ: Wungu — 1) фиолетовый, 2) цветок вунгу [MR, 34, 151].

Омонимические загадки непереводимы на другой язык. Это же относится к типам, рассматриваемым ниже.

2.5. **Автонимические загадки** основаны на известном из лингвистики свойстве автонимии — способности любого значащего элемента языка обозначать как определенный смысл (или языковую функцию), так и свою собственную форму. Например, слово *рука* имеет одно значение — «рука» (верхняя конечность человека) и второе — «слово рука» (его звучание, изображение на письме). Первое из этих значений является языковым, второе — метаязыковым⁶. С известной точки зрения автонимию можно признать частным случаем омонимии:

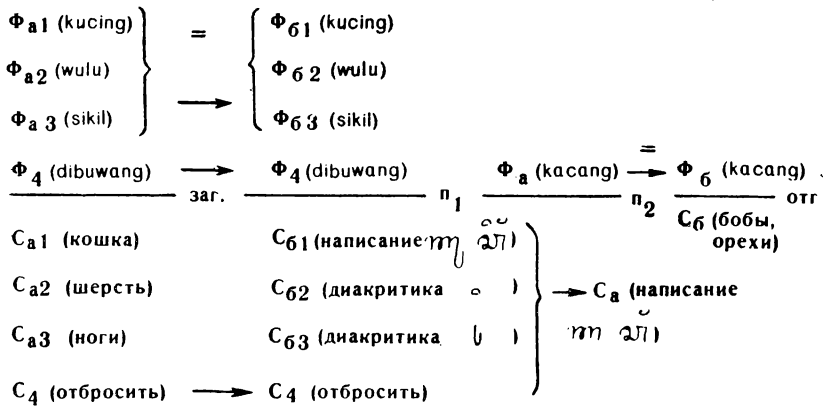
$$\frac{\Phi_a}{C_a} \text{ (языковое)} = \frac{\Phi_b}{C_b} \text{ (метаязыковое)}^*$$

В яванских автонимических загадках метаязыковое значение обычно или даже всегда графическая форма слова. Например: *Какую часть тела можно написать одной буквой?* Ответ: Rèh — *Желудок* (в графике чаракан ꦫ ꦭ ꦫ ꦶ, где собственно буква — центральный элемент, а по краям два диакритических знака). В данной загадке, изложение которой явно указывает на автонимию, есть ссылка на оба значения искомого [(1) 'желудок' и (2) 'буква ꦭ ꦫ ꦶ'], но означающее — звучание слова rèh — не дано, оно и является искомым. Тем самым формула загадки строится по второму омонимическому типу:

2.6. **Другой тип автонимических загадок.** В отличие от предыдущего примера в следующем автонимия явно не указана, а должна

быть обнаружена отгадчиком лишь по несообразности смысла: *Kucing dibuwang wuluné lan sikilé énak ara ora?* Если от кошки отбросить шерсть и ноги, она вкусная или нет? [MR, 7, 30]. Под кошкой разумеется здесь написание слова kucing — «кошка» в графике чаракан, включающей диакритические знаки, названия которых являются членами омонимических пар: wulu 1) 'шерсть', 2) 'знак для i' и sikil 1) 'нога', 2) 'знак для u'. При отбрасывании диакритики получаем написание слова kacang 'бобы, орехи', к значению (языковому!) которого и относится заданный вопрос. Формула загадки аналогична повторенной дважды формуле первого омонимического типа, а члены этого повтора соединены смысловым переходом:

Тем самым переход от загадки к отгадке опосредован двумя единицами (п. 1 и п. 2). Слово *отбросить* (dibuwang) сохраняет единство значения в сочетании с обоими членами омонимических пар и поэтому не помечено индексами «а» и «б».

Несмотря на некоторую внешнюю сложность структуры, эта загадка отгадывается (по крайней мере при чтении) легче многих других.

2.7. Загадки с бинوماми. Эти загадки Мейер-Раннефт назвал загадками с составными выражениями. Термин «бином» заимствован мною из грамматики языков Китая и Юго-Восточной Азии. Это сочетание двух корневых морфем, в данном случае атрибутивное, логически-ограничительное. В загадках используется по два бинома с идиоматическим значением, например: gedhang raja — «царский банан» (название сорта, т. е. не обязательно банан, принадлежащий радже) и uleg jagan — «лошадиная гусеница» (название разновидности гусениц). В таких идиомах первый компонент имеет свое прямое значение (gedhang — «банан», uleg — «гусеница»), а второй (как это вообще бывает в идиомах) — два значения: 1) основное, фразеологически связанное, в данных примерах — «такого-то сорта, разновидности» и 2) дополнительное, образное, которое происходит из исконного, фразеологически не связанного и в со-

ставе данных биномов в повседневной речи не находится в светлом поле сознания (в наших примерах «царский», «лошадиный»). Текст загадки содержит по одному компоненту каждого из биномов и представляет собой по видимости бессмысленное высказывание. Текст отгадки содержит вторые компоненты тех же биномов и представляет собой вполне осмысленное высказывание. Сами биномы, не присутствуя целиком ни в загадке, ни в отгадке, образуют посредствующие единицы. Например: *Gedhang numpang uler* — *Банан едет на гусенице*, ответ: *Raja numpang jagan* — *Раджа едет на лошади* [MR, 55, 28].

Переходы от данного текста к посредствующей единице, т. е. в приведенном примере *gedhang* — «банан» — *gedhang raja* — «царский банан» и *uler* — «гусеница» — *uler jagan* — «лошадиная гусеница», можно признать одновременно звуковыми и смысловыми, поскольку при этом имеет место частичное фонетическое и смысловое совпадение. При этом смысловое отношение можно определить как гипонимию (отношение рода и вида). Второй переход — от посредствующей единицы к искомому, т. е. в нашем случае *gedhang raja* — *raja* и *uler jagan* — *jagan*, — также будет звуковым и смысловым одновременно. При этом смысловой переход заключается в «реактуализации» искомого, фразеологически несвязанного значения вторых компонентов: *raja*: 1) «такого-то сорта» и (одновременно) 2) «царский» — *raja* «царь», *jagan*: 1) «такого-то вида» и (одновременно) 2) «лошадиный» — *jagan* «лошадь». Можно предложить такую формулу загадок с биномами:

$$\frac{\Phi}{C} \xrightarrow{\text{заг.}} \frac{\Phi}{C} \text{ п.} \xrightarrow{\quad} \frac{\Phi}{C} \text{ отг.}$$

Биномная загадка может усложняться синонимией. Так, под предложением *Epring nyamber ragé* — *Бамбук бросается на вьюнок* [К, 73] подразумевается предложение *Wulung nyamber pitik* — *Ястреб бросается на курицу* через посредство биномов *epring wulung* — «бамбук определенного сорта», букв. «ястребиный бамбук», и *ragé ayam* — «вьюнок определенного сорта», букв. «куриный вьюнок», тогда как *ayam* — синоним *pitik* — «курица». Конкретная формула загадки:

$$\begin{array}{ccccc} \Phi_1 (\text{epring}) & \xrightarrow{\quad} & \Phi_1 (\text{epring wulung}) & \xrightarrow{\quad} & \Phi_1 (\text{wulung}) \\ \Phi_2 (\text{ragé}) & \xrightarrow{\quad} & \Phi_2 (\text{ragé ayam}) & \xrightarrow{\quad} & \Phi_2 (\text{pitik}) \\ \hline C_1 (\text{бамбук}) & \xrightarrow{\text{заг.}} & C_1 (\text{ястребиный бамбук}) & \xrightarrow{\text{п.}} & C_1 (\text{ястреб}) \text{ отг.} \\ C_2 (\text{вьюнок}) & \xrightarrow{\quad} & C_2 (\text{куриный вьюнок}) & \xrightarrow{\quad} & C_2 (\text{курица}) \end{array}$$

Введение синонима, как видно из схемы, снимает один из звуковых переходов ($\Phi_{2\text{п.}} \rightarrow \Phi_{2\text{отг.}}$).

Следующая загадка содержит лишь один посредствующий бином, поскольку одна из замен основана на метонимии: *Jangan mrambat*

ing walang — *Овощная приправа вьется по сверчку*, ответ: Waluh mrambat ing pager — *Тыква вьется по ограде* [K, 73] через посредство метонимической пары jangap — «овощная приправа» — waluh — «тыква» (=то, из чего готовят яванский jangap) и бинорма walang pager — «сверчок определенного вида», букв. «сверчок ограды». Читатель легко выведет конкретизированную формулу этой загадки.

Загадки с бинормами в своем большинстве основаны на народной «бинарной номенклатуре животных и растений, где род обозначается одним словом, а вид — другим» [6, с. 13]. Эта номенклатура представляет собой исконную и весьма развитую часть яванской лексики.

2.8. **Вангсалан.** Яванские вангсаланы⁷ также включают посредствующую единицу, связанную с загадкой и отгадкой звуковым и смысловым переходами. Судя по большинству примеров, смысловой переход предшествует звуковому, т. е. посредствующая единица (называемая batangan — «отгадка») по смыслу близка к собственно загадке, а по форме — к отгадке (называемой jawaban — «ответ», см. [S, 10]):

$$\frac{\Phi}{C} \text{ заг.} \longrightarrow \frac{\Phi}{C} \text{ п.} \longrightarrow \frac{\Phi}{C} \text{ отг.}$$

Например, по данному aso ing margi — *Отдых в пути* следует перейти к lègèn — «останавливаться», а от последнего — к woh durèn — *Плод дуриана*. Звуковое сходство, ограниченное в этом примере одним слогом, вообще может захватывать и более одного слога. Другой пример: Ngebun-bun énjang, njejawah sonten — *Роса утром, дождик к вечеру* [P, 130] — подразумевает awun-awun — «утренняя роса, сильный туман» и га-gabi — «вечерний дождь», что, в свою очередь, подразумевает puwun gabi — *просить в жены, свататься*.

Заслуживает внимания смысловое отношение между текстом вангсалана и посредствующей единицей. Иногда это более или менее точное «разложение» смысла посредствующей единицы на более простые «семантические множители», например: klambi cendhak — *Короткая одежда* — kutang — «блузка» [S, 6], godhong enom — *Молодой лист* — pupus — «молодой лист» [S, 6] (соотношение сочетания слов godhong enom и слова pupus по-явански аналогично отношению русских *отросток ствола* и *ветка*). Таким образом, разгадывая первую часть вангсалана, яванец поступает так же, как при поиске слова для кроссворда. Однако текст вангсалана (или его части) может быть ярко метафорическим, например: singa ganu — *Лев воды* — baqa — «крокодил» [P, 108], wudun bumi — *Нарыв земли* — gunung — «гора» [S, 5], kluwung éruk — *Радуга утра* — tója — «заря» [S, 5], gegelang mungwing dariji — *Запястье для пальца* — ali-ali — «кольцо» [P, 52], buntut edom — *Хвост иглы* — bolah — «нитка» [S, 6], balung geni — *Кость огня* — mawa — «угли» [P, 126]. По причудливости образов такие метафоры порой напоминают скандинавские кеннинги.

В следующем примере последовательность переходов менее обычна для вангсалана: Kawī sekar srana pambéngkasing garuh — *Стих кави — средство, прогоняющее недомогание*, ответ: Mung kusuma kang bisa wèh usada wuyung — *Лишь цветок может дать исцеление страсти* [S, 38]. Посредствующей единицей является sekar — «цветок» — омоним sekar — «стих», входящего в данное. Тем самым данное и посредствующая единица связаны звуковым переходом, а посредствующая единица и отгадка — смысловым. Кроме того, есть еще один смысловой переход, непосредственно связывающий данное и искомое:

Φ_1 (kawi sekar)	→	Φ_1 (sekar)		Φ_1 (kusuma)
Φ_2 (pambéngkasing garuh)				Φ_2 (usada wuyung)
заг.		п.		отг.
C_1 (стих кави)		C_1 (цветок)	→	C_1 (цветок)
C_2 (прогоняющий недомогание)				C_2 (исцеление страсти)

В следующем примере мы видим два звуковых и один смысловой переход при двух посредствующих единицах: kebombang — *Попасть впросак* — kebo abang — «красный буйвол» — sapi — «бык» — karigan — *Покинутый всеми, брошенный* [P, 103—104]. Имеются, вероятно, и другие отклонения от основной структуры вангсалана, приведенной в начале этого параграфа.

Функционально к загадке («условному диалогу») относится скорее всего лишь часть вангсаланов, а именно зашифрованные обозначения фрутков (см. первый пример), морских животных и рыб и т. п. Однако большинство вангсаланов относится к иносказательной речи. В литературе (поэзии) встречаются довольно искусственные и трудные для разгадывания вангсаланы, иногда они приводятся вместе с разгадкой. Наоборот, есть вангсаланы настолько хорошо известные, что они никогда не требуют ответа, автоматически всплывающего в памяти. Здесь границы жанра смещаются к обиходному клише, делающему речь игриво-затейливой (как, например, возгласы игроков в карты) или же более изысканной, не столь прямолинейной, более вежливой. Последние иногда называются wangsalan padintenan — «повседневные вангсаланы».

2.9. **Яванские шарады** в принципе ничем не отличаются от русских или французских. Задуманное слово должно быть отгадано по заданному смыслу целого, по смыслу составляющих целое (обычно двуслогов) и по форме этих составляющих либо по форме целого. Приведем обобщенную формулу шарады из двух компонентов:

Φ_1 (1-й компонент)		Φ_1 (1-й компонент)		
Φ_2 (2-й компонент)		+		
Φ_3 (целое)		Φ_2 (2-й компонент)	}	→ Φ (целое)
			←	
заг.		п.		отг.
C_1 (1-й компонент)		C_1 (1-й компонент)		C (целое)
C_2 (2-й компонент)	→	C_2 (2-й компонент)		↑
C_3 (целое)				

Знак + указывает на правило сложения форм компонентов. Двухнаправленные стрелки показывают, что отгадывание по форме может исходить либо от составляющих к целому, либо от целого к составляющим. В целом шарады по структуре похожи на вангсаланы, ввиду чего последние иногда именуются шарадами особого рода [13, с. 19 и 260—261]. Однако в вангсалане отсутствует правило сложения форм компонентов.

Большинство шарад в собрании Мейер-Раннефта имеет стихотворную форму. Следующий пример составлен в строфической форме данданггало:

Wonten prajagung juga winarni
 Wastanira namung catur lingga
 Sawétan Surakartané
 Yèn pinisah ing ngayun
 Kang dwilingga kakawin
 Tan ajrih artinira
 Jawata myang diyu
 Ing wuri kang kalih lingga
 Wastanipun sato kang wisma ing warih
 Bangkit ngambah daratan.

*Сообщается о большом городе —
 Его название состоит из четырех лишь слогов —
 К востоку от Суракарты.
 Если отделить первые
 Два слога, [то] на языке поэзии
 Они означают неустрашимый
 Перед богами и великанами.
 Два последних слога
 Означают животное, которое живет в воде,
 Но вылезает и на сушу.*

Ответ: Surabaya — Сурабая (sura — «храбрый», baaya — «крокодил») [MR 2, 51, 13]. Структура шарады обычно сложнее, чем у загадок иных типов. Эта сложность, однако, компенсируется тем, что смысловые переходы в шараде сами по себе легче для отгадывания, так как в отличие от большинства смысловых загадок текст шарады не метафоричен, а имеет прямой смысл, например: *Большой город к востоку от Суракарты, Животное, которое живет в воде, но вылезает и на сушу* и т. д. Приведем пример шарады в прозе: Ana tembung patang wanda, dadi araning wiwitan, kang rong wanda ngarep dadi araning putra nata kang dadi botohing nata Pandhawa, kang rong wanda buri dadi araning nagara kang dienggoni wong Indhu — *Есть слово из четырех слогов, обозначающее растение: первые два слога означают имя сына царя — советника царя Пандаво (=Пандавов), вторые два слога означают страну, где живут индийцы.* Ответ: Somba keling — Вид растения кесумбо, причем

Сомбо — сын Кресно, советника Пандово, а Келинг — обычное название Южной Индии [MR, 32, 142].

3. **Заключительные замечания. Другие жанры. Яванские загадки и звуковой строй яванского языка.** Наблюдение показывает, что в яванских загадках встречаются как смысловые, так и формальные переходы, причем более простые по структуре загадки содержат лишь один переход того или иного вида, а более сложные — несколько переходов, одинаковых или разных, сочетающихся между собой одновременно либо последовательно. Состояние разработки вопроса не позволяет дать общую и детальную систематику загадок по признакам соотношения формы и значения или — что, вообще говоря, проблематично — пытаться построить исчисление — общую схему теоретических возможностей устройства загадки. В данной работе показан лишь один из подходов к данной проблеме.

Принцип перехода — смыслового или формального — встречается не только в загадках, но и в других жанрах. Эта принципиальная общность разных жанров делает возможным перемещение той или иной единицы из одного жанра в другой (ср. выше о вангсалане). В работах по литературам Индонезии и Малайзии неоднократно указывалось на связь между загадкой и песенно-лирическим жанром типа малайского пантуна, построенного в массе на формальных (звуковых) ассоциациях между двумя частями: подготовительной, часто не имеющей ясного смысла или даже нарочито алогичной, и основной частью, выражающей главную мысль. Яванским аналогом пантуна является парикан (parikan), тоже состоящий из двух частей — подготовительной и основной, например: (1) Sengkir wungu, wunguné ketiban dagu — *Лиловый кокосовый орешек, лилов оттого, что упала [на него] звезда*, (2) Wis pesthimu kowé pisah karo aku — *Тебе уж суждено расстаться со мной* [P, 118]. В популярных париканах подготовительная часть может исполняться без основной, достаточно хорошо известной слушателю, так что вместо двухчастной песенки образуется нечто вроде условного диалога, построенного на фонетических ассоциациях.

Другим примером использования и смысловых и звуковых переходов могут служить хронограммы — зашифрованные обозначения дат (см. [8, с. 42]). Предпосылкой для составления хронограмм является связь каждой из десяти цифр (1, 2, . . . 9, 0) с определенными значениями⁸. Для каждой цифры имеется, таким образом, одно или несколько первичных слов, непосредственно связанных с условными значениями данной цифры. Однако эти первичные слова часто оказываются недостаточными для составления хорошей хронограммы, которая не только должна быть осмысленным предложением, но и должна отражать сущность того события, которое датируется (см. [17]). Поэтому круг кодирующих цифры слов должен быть расширен. Механизм этого расширения обнаруживает принципиальную аналогию тому, что мы видим в загадке, хотя, будучи созданием аналитического и индивидуального творчества, хронограмма часто

более искусственна в выборе слов и понятий, нежели загадка. Согласно Р. Бротокесово, имеется восемь способов производства новых кодирующих цифры слов от тех слов, которые можно считать первичными. Из них шесть способов основаны на смысловых переходах: это синонимия (*gurudasanama*), например *siti* — «земля» — *bumi* — «земля»; квазисинонимия на основе сходства или родства предметов (*guruwarga*), например *uta* — «пиявка» — *ujel* — «угорь»: перенос по типу предмет — действие (*gurukarya*), например *ngirat* — «глаз» — *mandeng* — «всматриваться»; перенос по типу действие — орудие (*gurusarana*), например *raos* — «ощущать» — *ilat* — «язык»; перенос по типу предмет — качество (*gurudarwa*), например *toya* — «вода» — *tawa* — «пресная»; синонимия производного слова с одним (второстепенным) значением исходного слова — омонима (*gurujarwa*), например *retu*: «1) шестилетие (главное значение), 2) двигаться, быть подвижным (второстепенное значение)» — *obah* — «двигаться»⁹. Два перехода формальные: по сходству в написании (*gurusastra*), например *èsthi* — «слон» — *isthi* — «мысль, чувство», и по близости в слоговом (а также, судя по примерам, морфемном) составе (*guruwanda*), например *wani* — «смелый» — *wanita* — «женщина»¹⁰.

В каждой фольклорной системе можно обнаружить как черты универсальные, общие для всех этноязыковых коллективов, так и специфические черты, часть которых, по-видимому, тесно связана со структурой данного языка. Выше упоминалось о связи загадок с сокращениями и одним из способов яванского словообразования, загадок с бинамами и народной таксономией растений и животных. В добавление к этому можно усмотреть определенную связь между тем значительным местом, которое занимают в яванских загадках звуковые переходы, и морфонологией яванского языка, точнее, фонологической структурой яванской морфемы. Последний вопрос исследован весьма подробно и основательно. Автор исследования Э. М. Уленбек пишет: «Яванские корневые морфемы движутся в относительно узких рамках. . . В этом плане есть явственное различие с такими языками, как голландский, английский и немецкий, которые, обладая избытком гласных и многочисленными сочетаниями согласных, допустимых во всех позициях в морфеме, характеризуются большим разнообразием морфемных типов, далеко превосходя яванский язык. Это приводит к сильно выраженной омофонии» [16, с. 237]. Иными словами, продолжает автор, в яванском похожих друг на друга морфем больше, чем во многих других языках.

Можно предположить, что в языках с сильными ограничениями на фонологическую структуру морфемы существует более сильный общий настрой на фонетические ассоциации, нежели в языках, где эта структура допускает большее разнообразие. Если это предположение верно, то яванским загадкам со звуковыми переходами должны найтись массовые аналогии в других, в том числе генетически и

ареально далеких от яванского паремиологических фондах, базирующихся на языках указанного типа.

С другой стороны, учитывая «серьезную сторону» языковых игр, следует поставить вопрос о сравнительной познавательной ценности смысловых и звуковых переходов. Не являются ли загадки со звуковыми переходами интересными маргиналиями в общем фонде языковых игр, направленных на пополнение знаний и развитие мыслительных способностей?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. [7, с. 104]. Что касается угадывания, то оно, как полагают, является процессом неосознанным и непрограммируемым, т. е. нерегулярным для данного индивида (см. [1, с. 121]).

² Эту замену можно понимать также как «установление эквивалентности».

³ Перечень источников см. в конце статьи.

⁴ Семантический подход может ограничиваться только смысловой стороной загадки. При этом, вместо того что мы назвали формой загадки, изучается ее смысловая запись (см. [5]).

⁵ См. об этом также [4, с. 18].

⁶ Метаязыковое значение очень часто встречается в лингвистических текстах, например: «рука — подлежащее, своя — определение, владыка — сказуемое».

⁷ Wangsalan — букв. «отзыв, ответ».

⁸ Мотивировка этой связи в одних случаях более или менее ясна (например, у цифры 2 с названиями парных частей тела — «глаз», «рука» и т. п.), в других случаях более условна и искусственна, уходя своими истоками в народную этимологию, мифологию или средневековую экзегетику (например, у цифры 7 со значением «гора», что объясняется ссылкой на священные книги) (см. [10, с. 67—68]).

⁹ Последний способ включает наряду со смысловым и формальный переход.

¹⁰ Ср. также [11, с. 59—60].

ЛИТЕРАТУРА

1. А ко ф ф Р., Э мер п Ф. О целеустремленных системах. М., 1974.
2. А н и к и н В. П. Загадки. — Краткая литературная энциклопедия. Т. 6.
3. З в е г и н ц е в В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1960.
4. К а ц н е л ь с о н С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965.
5. Л е в и н Ю. И. Семантическая структура загадки. — Паремнологический сборник. М., 1978.
6. М о к л е в с к и й О. Б. Нусантара. Записки биолога об экспедиции в Индонезию. М., 1967.
7. П е р м я к о в Г. Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М., 1970.
8. Т е с е л ь к и н А. С. Яванский язык. М., 1961.
9. B r a a s e m W. A. Proza en poëzie om het heilige meer der Bataks. Djakarta etc., 1951.
10. B r a t a k e s a w a R. Katrangan Tjandrasangkala. Djakarta, 1952.
11. D a r n a w i S. Pengantar puisi Jawa. Djakarta, 1964.
12. G o n d a J. De letterkunde van de Indische archipel. Amsterdam etc., 1947.
13. P i g e a u n d Th. G. Th. Literature of Java. Vol. 1. Leiden, 1967.
14. S c o t t Ch. Persian and Arabic Riddles: a Language-Centered Approach to Genre Definition. The Hague, 1965. («International Journal of American Linguistics». Vol. 31, № 4, P. 2).

15. Sukarja A. Quo vadis edjaan bahasa Indonesia? — «Medan Bahasa». 1959, № 4—5.
16. Uhlenbeck E. M. De structuur van het Javaanse morpheem. Bandung, 1949. (Verhandelingen Koninklijk Bataviaasch Genootschap LXXVIII).
17. Wirjosoeparto R. M. S. The Significance of the Chronograms (tjandra-sengkala) for the Interpretation of the History of Indonesia. — «Journal of the Oriental Society of Australia». 1971, vol. 8, № 1--2.
- K — Kats J., Koesrin M. Spraakkunst en taaleigen van Javaansch. Vol. 1. Weltevreden, 1921.
- MR — Meijer-Ranneft W. Verklaring van de meest bekende Javaansche raadsels in proza. Batavia etc., 1893. (Verhandelingen van het Bataviaasch Genootschap voor Kunsten en Wetenschappen. Deel 47, 2-de stuk.)*
- MR2 — Meijer-Ranneft W. Verklaring van de meest bekende Javaansche raadsels in poëzie. Batavia etc., 1897. (Verhandelingen van het Bataviaasch Genootschap voor Kunsten en Wetenschappen, Deel 49.)*
- P — Padosoekotjo S. Sariné basa Djawa. Djakarta, 1956.
- S — Sasrasumarta R. Ng. Wangsalan. Ngewrat wangsalan lan kawruh wangsalan gantjaran sarta sekar. Djakarta, 1958.

---

* В ссылках на MR и MR2 указывается страница и номер загадки.

О ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ЗАГАДОК

К вопросу об основной функции народных загадок и их научной классификации

(Сообщение Н. В. Барабановой, вступительный текст
Г. Л. Пермякова)

Люди давно заметили и оценили дидактическую сущность загадки. Не случайно в народной педагогике, особенно в педагогике бесписьменных и младописьменных народов, загадкам отводится весьма важное место. Так, у многих народов Западной Африки, начиная от Берега Слоновой Кости (бауле) и кончая Намибией (овамбо), старики время от времени собирают молодежь на специальные вечера-соревнования по отгадыванию загадок. Молодых участников соревнования делят на группы. Затем старик загадывает загадку. Та группа, член которой первым нашел или назвал ответ, получает фант (очко). Выигравшей объявляется группа, набравшая большее число фантов. Когда никто из отгадывающих не может дать ответа на загадку (что бывает нередко), его даст сам загадчик. Такие сеансы-соревнования по разгадыванию загадок интересны и сами по себе. Но, пожалуй, самым интересным в них оказывается то, что отгадками на загадываемые там загадки служат не только предметы народного быта, явления природы, события местной жизни, взгляды и представления того или иного народа, выраженные понятиями или картинками-описаниями (наподобие обычных западноевропейских или русских отгадок на загадки), но и разного рода клишированные предложения: пословицы, приметы, хозяйственные, «юридические» и «этические» изречения (например, четко сформулированные правила наследования имущества, правила поведения в тех или иных обстоятельствах и т. п.). Загадочные ответы на определенный набор загадок, молодежь постепенно усваивает не только названия нужных ей в жизни вещей, но и ряд изречений, необходимых для общения и правильного поведения. И хотя в более развитых обществах, с широкой сетью общеобразовательных школ, с книгами и средствами массовой информации, подобные формы использования загадок оказываются ненужными и сами загадки из «серьезного» «взрослого» фольклора перекочевывают в «детский», их дидактическая роль не исчезает. Они по-прежнему учат — пусть в виде игры — тем же вещам, которым учили и раньше.

Дидактическую функцию загадок давно заметили также этнографы и фольклористы, в частности паремологи. Недаром все сколько-нибудь серьезные смысловые классификации загадок построены по так называемому «тематическому» принципу, т. е. фактически раскрывают (описывают) те области жизни и деятельности людей, макро- и микрокосма, которым учат загадки. Как правило, это человек и части его тела, жилище со всем его убранством, рабочий инвентарь, ремесла, торговля, общественные отношения, верования, явления природы, флора и фауна, небо и земля и т. д. — короче говоря, все, с чем сталкивается человек в повседневной жизни и в своих размышлениях о ней.

Но загадки учат не только этому. При соприкосновении с ними бросается в глаза исключительное разнообразие их внешней и внутренней языковой структуры. Есть загадки в форме прямого вопроса, а есть и такие, первая часть которых выражена утвердительным или отрицательным предложением, есть загадки-

побасенки, загадки-анекдоты, сказки-загадки, песни-загадки, игры-загадки, есть загадки-каламбуры, загадки-ловушки («покупки»), шуточные загадки, загадки-головоломки, счетные загадки (задачи) и ряд других типов загадок. И каждый из них будет в нескольких (иногда — многих) синтаксических формах, по-разному фонетически и ритмически организованных. Если при этом учесть, что все или почти все народные загадки ладно скроены и крепко шиты, отчего легко запоминаются, то станет понятным, сколь велика их роль в овладении богатствами родного языка. Далее, как известно, большинство загадок построено на метафоре, т. е. их первая часть описывает предмет (или явление), содержащийся во второй части (отгадке), в терминах иной области жизни. Это приучает людей к пониманию данного — чрезвычайно важного для человеческого общения — тропа, способствует развитию фантазии и метафорического (образного) мышления.

Однако и это не все. Как показали наши наблюдения над загадками восьмидесяти народов Европы, Азии и Африки, народные загадки различаются не только своей языковой формой и набором реалий, используемых в вопросительной части и в отгадке, но и своей логической структурой. Это значит, что каждая из них построена по определенной логической модели и для своей разгадки требует использования соответствующего логического приема.

Сравним для примера несколько несложных загадок прямого смысла (т. е. неметафорических).

(1) *Сидит на окошке кошка; и усы, как у кошки, и глаза, как у кошки, и уши, как у кошки, а не кошка. (Кто это?)*

(2) *Какая лошадь одинаково хорошо видит как спереди, так и сзади?*

(3) *Когда Москву городили, во что первый гвоздь колотили?*

(4) *Ты мне сын, а я тебе не отец. (Как это может быть?)*

(5) *Чего в бабе две, а в девке ни одной?*

(6) *Сорока летит, а собака на хвосте сидит. (Что это? Как это понять?)*

(7) *Шли два отца, два сына, один дед и один внук. Сколько всего?*

(9) *Один петух разбудил своим криком трех человек. Сколько надо петухов, чтобы разбудить девятерых?*

Каждая из этих загадок решается по-своему. Чтобы ответить на первую, вовсе не надо перебирать все виды семейства кошачьих, как это делают непосвященные: достаточно вспомнить о различиях кошек по полу (правильный ответ на эту загадку: **кот**). При ответе на вторую загадку, следует учесть, что выражение «одинаково хорошо» (или «одинаково плохо») в русском языке означает не «хорошо» (или «плохо»), а «одинаково». И тогда сразу станет ясным, что речь идет о **слепой** лошади, которая одинаково ничего не видит ни спереди, ни сзади. Для ответа на третью загадку нужно учесть двусмысленность вопросительного оборота «во что?». Он может означать и «в какой предмет?», и «в какую часть предмета?». А так как из текста загадки нам известен лишь один предмет, по которому колотили (там сказано, что это был гвоздь), то ответить на вопрос «во что?» уже нетрудно: в **шляпку**. Чтобы найти ответ на четвертую загадку, достаточно сообразить, что сын может быть не только у отца, но и у матери (или наоборот: у сына могут быть как отец, так и мать). И если кто-то обращается к сыну и это не отец, значит, это **мать**. Чтобы разгадать пятую загадку, следует вспомнить, что каждый загаданный предмет (денотат) имеет название (сигнификат) и это название может быть передано буквами: в слове «баба» две **буквы «б»**, а в слове «девка» — ни одной. Правильно ответить на шестую загадку можно только в том случае, если сообразим, что загадан не один предмет, а два, причем независимых друг от друга, и что загадка не содержит никакой метафоры: **сорока летит** (по небу), а **собака сидит** на (своем) **хвосте**. (Эту загадку особенно трудно отгадать, если она загадана в ряду метафорических загадок.) Чтобы найти верный ответ на седьмую загадку, надо учесть, что слова «отец», «сын», «дед» и «внук» не только обозначают тех или иных конкретных людей, но и передают о т н о ш е н и я людей друг к другу: сын одного человека может быть отцом другого и т. д. Учитывая двойной смысл этих слов, нетрудно понять, что шло всего **трое** людей (мужчина, его отец и сын). Для ре-

шения восьмой загадки надо отказаться от шаблонного подхода («9 : 3 = 3») и понять особенность конкретной ситуации: для каждого спящего петух кричит одинаково громко, и потому дело не в числе петухов.

Как видно из нашего краткого перечня (а его можно было бы увеличить в несколько раз), каждая следующая загадка требует для своего решения особого логического приема. И что особенно любопытно: если при первом знакомстве с загадкой нового логико-структурного типа мы испытываем известные затруднения, а на некоторые загадки и вовсе не можем найти ответ (что, впрочем, несущественно, так как загадчик с удовольствием сообщит его сам), то уже при повторной встрече с загадкой того же типа мы решим ее легко и просто. Так, зная ответ на загадку № 1 («И кошка, и не кошка»), мы без труда решим аналогичную загадку про собаку. А зная ответ на загадку № 4 («сын и не отец»), легко разгадаем сходную про дочь и не мать. Зная, как ответить на загадку № 5, нетрудно найти ответ на загадку «Что у земли в середине, а у грома в конце?» и т. д. Все дело в том, что мы уже знаем прием, при помощи которого можно разгадать загадку данного логико-структурного типа.

Таким образом, загадки, вооружая человека знанием разных логических приемов, учат его думать. И в этом, как нам кажется, заключается едва ли не самая важная особенность дидактической функции загадок.

Здесь уместно сказать, что при всем бесконечном разнообразии народных загадок логических моделей, по которым эти загадки построены, сравнительно немного. По нашим предварительным подсчетам, их не более сорока. Но зато все они универсальны. На них основаны загадки самых разных народов, независимо от их языков и культур. А это наводит на мысль, что логические модели загадок и соответствующие им приемы для их разгадывания можно положить в основу межкультурной классификации данного рода паремий. Все же остальные признаки, обычно используемые для классификации загадок: тематика, языковая и композиционная структура, тип и характер отгадки, мотивировка общего значения и пр. — могут быть привлечены для деления загадок на подтипы и виды внутри основных логико-структурных типов.

К сожалению, ни логическая структура загадок (за исключением двух-трех их типов, рассмотренных Э. Кёнгас-Марандой), ни тем более набор логических приемов, пригодных для их разгадывания, практически совершенно не изучены. Ни в логике, ни в психологии нет не только какой бы то ни было классификации логических приемов, но даже и сколько-нибудь полного их перечня.

В свете сказанного представляет интерес публикуемое ниже сообщение Н. В. Барабановой, в котором рассматриваются некоторые логико-структурные типы загадок из знаменитого сборника Д. Н. Садовникова «Загадки русского народа». Как видно из ее работы, загадки, входящие в разные разделы и главы сборника, т. е. посвященные разным темам, могут быть построены по одним и тем же инвариантным моделям. Правда, Барабановой описаны не все логико-структурные типы, представленные в книге Садовникова. Но и те, что описаны, достаточно убедительно подтверждают высказанную выше мысль о том, что загадки помогают людям овладевать разными логическими приемами мышления. Существенно также и то, что все описанные Н. В. Барабановой логические структуры относятся не только к русским загадкам, но и к загадкам других народов мира (ср. их хотя бы со структурой японских или яванских загадок, приведенных в настоящем сборнике).

* * *

Почти все исследователи загадок говорят о том, что любая загадка представляет собой своего рода логическую задачу, так как содержит — в явной или скрытой форме — вопрос, на который следует найти ответ. И, как показывают наблюдения, эти задачи построены по определенным логическим моделям.

Мы рассмотрели сборник Д. Н. Садовникова «Загадки русского народа» и убедились, что содержащиеся в нем загадки можно раз-

делить на несколько групп на основе их логических моделей. Попытаемся показать это на конкретных примерах.

I. Рассмотрим несколько загадок первой группы:

№ 1617. <i>Маленький, беленький, По лесочку прыг-прыг! По снежочку тык-тык! (Заяц.)</i>	№ 819. <i>Сверху зелено, Посередке толсто, Под конец тонко. (Репка.)</i>
№ 794. <i>Между грядок Лежит гладок. (Огурец.)</i>	№ 101. <i>Маленький, Пузатенький, Весь дом бережет. (Замок.)</i>
№ 1002. <i>Один идет, Четверых за собой ведет, А пятый сидит, В оба глаза глядит. (Лошадь, телега, мужик.)</i>	№ 959. <i>Вся мохнатенька, Четыре лапки, Сама усатенька. (Кошка.)</i>

Как видим, все эти загадки построены по одному и тому же образцу, т. е. являются вариантами одного логико-структурного инварианта. Выбирается объект для загадки, дается его описание, однако неполное. Умолчание некоторых значимых элементов описания и создает загадочную ситуацию. Здесь происходит сравнение между отгадкой (в последней загадке это «кошка») и некоторым объектом (в данном случае зверем), который явно подразумевается, с определенным количеством элементов описания.

Соотношение отгадки и сравниваемого объекта может быть представлено в следующем обобщенном виде:

Отгадка: объект P («кошка») имеет элементы: x_1 — покрыта шерстью x_2 — имеет четыре лапы x_3 — имеет усы	Сравниваемый объект Q («какой-то зверь») имеет элементы: y_1 — «мохнатенька» y_2 — «четыре лапки» y_3 — «усатенька»
---	---

В логическом отношении эти объекты могут быть представлены в виде множеств P и Q с соответствующими элементами x и y . Сопоставление этих двух объектов может быть изображено в виде отношения указанных множеств и их соответствующих элементов:

$$\frac{P}{Q} = \frac{x_1}{y_1} = \frac{x_2}{y_2} = \frac{x_3}{y_3} = 1.$$

Эта пропорция является логическим продолжением разработанной Э. Кёнгэс-Марандой формулы метафоры, представленной в виде пропорции $A/B = C/D$ (см. ее статью «Логика загадок» в «Паремиологическом сборнике». М., 1978, с. 253—255).

II. В следующей группе рассмотрим такие загадки:

№ 1307. <i>Стоит баба на току, Полон рот табаку. (Мешок с хлебом.)</i>	№ 1576. <i>Сидит старик над водой, Сам трясет бородой. (Камыш.)</i>
№ 344. <i>Был я на копанце, Был я на хлопанце, Был на пожаре, Был на базаре; Молод был — Людей кормил; Стар стал — Пеленаться стал, Умер — Мои кости негодящие Бросили в ямку, И собаки не гложут. (Горшок.)</i>	№ 1834. <i>Два яичка в мочу Да морковка наверху. (Нос и глаза.)</i>
	№ 256. <i>Два брюшка, Четыре рожка. (Подушка.)</i>
	№ 433. <i>Новая посудина Вся в дырах. (Корзина.)</i>
	№ 812. <i>Сидит девица в темной темнице, Коса — на улице. (Морковь.)</i>

Логические отношения здесь могут быть представлены следующим образом (на примере последней загадки).

Отгадка: объект <i>P</i> («морковь»)	Сравниваемый объект <i>Q</i> («девица»)
x_1 — растет (в поле)	y_1 — сидит
x_2 — корнеплод находится в земле	y_2 — в избе («в темнице»)
x_3 — имеет ботву	y_3 — имеет косу
x_4 — ботва находится над землей	y_4 — коса находится вне избы («на улице»)

Сопоставление этих двух объектов может быть выражено в виде отношения множеств *P* и *Q* и их соответствующих элементов:

$$\frac{P}{Q} = \frac{x_1}{y_1} = \frac{x_2}{y_2} = \frac{x_3}{y_3} = \frac{x_4}{y_4}.$$

Таким образом загадки II группы являются вариантами другого логико-структурного инварианта. Второй инвариант отличается от первого тем, что в нем $P/Q \neq 1$.

Фантастическая картина возникает в загадке благодаря тому, что создается некоторое сверхмножество загадочного образа *P* с элементами обоих множеств y_1, x_2, y_3, x_1 .

Это самая обширная группа, в ней выделяется более всего подгрупп при учете двух остальных структурных планов, кроме логико-семиотического: лингвистического и тематического или плана реалий. (О трех основных планах паремий см. работы Г. Л. Пермякова «От поговорки до сказки». М., 1970; «К вопросу о структуре паремиологического фонда». — «Типологические исследования по фольклору». М., 1975, и «Грамматика пословичной мудрости». — «Пословицы и поговорки народов Востока». М., 1979.)

III. Еще одна группа загадок:

- № 2143. *Что слаще меда, сильнее льва?*
(Сон.)
- № 2148. *Что летит быстрее пули?*
(Мысль.)
- № 1939. *Что у нас чаще леса?*
(Звезды.)
- № 2485. *Что милее ста рублей?*
(Двести.)
- № 2461. *Что всего легче?*
(Чужие пороки видеть.)
- № 2156. *Что дороже денег?*
(Здоровье.)

В этой группе загадок выделяется одно и то же свойство у двух сравниваемых объектов, но в одном из них выбранное свойство представлено с большей интенсивностью (!). На примере последней загадки выделяются два множества:

Отгадка: объект P («здоровье»)	Сравниваемый объект Q («деньги»)
$x!$ — имеет ценность, но в очень большой степени	x — имеют ценность

Сопоставление двух объектов выражается в виде следующего отношения:

$$\frac{P}{Q} = \frac{x!}{x}.$$

IV. Разберем следующую группу загадок:

- № 1643. *Что без кожи рождается?*
(Помет.)
- № 1981. *Какое строение давно построено,
Не разваливается
И не требует починки?*
(Мир.)
- № 932. *Что на свете не тупится?*

(Свиной пятак.)

Отгадка: объект P («свиной пятак»)	Сравниваемый объект Q («какой-либо предмет»)
x_1 — роет землю	y_1 — роет землю
x_2 — не тупится	y_2 — тупится

Взаимоотношения между двумя свойствами объектов P и Q можно сформулировать так: «Если свиной пятак роет землю, то он не тупится» и «Если какой-либо предмет роет землю, то он обязательно будет тупиться».

$$\frac{P}{Q} = \frac{x_1 : x_2}{y_1 : y_2},$$

т. е. отношение зависимых друг от друга элементов x_1 и x_2 множества P к двум зависимым друг от друга элементам y_1 и y_2 множества Q соответствует отношению самих этих множеств.

Рассмотрим еще три загадки из четвертой группы:

№ 518. *От воды родится,*

Воды боится.

(Соль.)

№ 88. *Две кумушки кланяются,*

А вместе не сходятся.

(Две двери в сенях.)

№ 1090. *Сам худ,*

Голова с пуд.

(Молот.)

Отгадка: объект P

(«молот»)

Сравниваемый объект Q

(«какое-либо существо или предмет»)

x_1 — имеет тонкое тело (ручку)

y_1 — тонкое («худое») тело

x_2 — имеет тяжелую голову

y_2 — голова не тяжелая («не с пуд»), так как обычно голова пропорциональна туловищу

Формула отношения сравниваемых множеств здесь такая же, как и в загадке о свином пятаке. Три последние из приведенных загадок отличаются от трех первых только своим синтаксическим оформлением. Здесь мы имеем дело с двумя языковыми подтипами одного логико-структурного типа (инварианта) и можем, изменив синтаксис: чesкую форму, легко перевести загадку из одного подтипа в другой:

На свет родится, и Что без кожи родится?

А кожи не имеет.

Сам худ,

и Что имеет худое тело

Голова с пуд.

и пудовую голову?

V. Проанализируем еще одну группу загадок:

№ 2275. *У человека — один,*

У ворона — два,

У червяка и свины

Нет ни одного.

(«Он» — «О».)

№ 2273. *Что возле земли стоит?*

(«Иже» — «И».)

№ 2269. *В небе есть,*

В земле нет,

В бабе — две,

В девке — ни одной.

(«Буки» — «Б».)

№ 2274. *Среди Волги люди стоят.*

(«Люди» — «Л».)

Взяв последнюю загадку, производим следующие преобразования:

A	B	C	D	
небо	земля	баба	девка	— загаданные множества
x	$\bar{x}$	$2x$	$\bar{x}$	
есть	нет	две	ни одной	— выделенный элемент
A'	B'	C'	D'	
«небо»	«земля»	«баба»	«девка»	— замена загаданных множеств: вещи заменяются словами
x'	$\bar{x}'$	$2x'$	$\bar{x}'$	— соответственная замена элементов множеств

В этой группе необходимо иметь в виду различие по полу загаданных объектов. В данном случае представляется необходимым ввести понятие «область допустимых значений» (ОДЗ), так как если x — сын, то $\bar{x}$ (не сын) может иметь единственное значение «дочь». Учет ОДЗ играет решающую роль при решении подобных загадок. Что же касается брата (или сестры), то $\bar{x}$ может иметь два значения: «сестра» («брат») или «сам» («сама»).

Мы рассмотрели семь групп или семь логико-структурных типов загадок. Многие загадки из сборника Садовникова входят в эти группы. Мы полагаем, что анализ других русских загадок по предложенной здесь методике — выделение множеств, элементов и составление пропорций — позволит выявить новые логико-структурные типы. Два других плана загадок — лингвистический и тематический (реалиевый) — послужат основой для объединения загадок в соответствующие подгруппы внутри того или иного логико-структурного инварианта.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЗАГАДКИ

(Ch. T. Scott. On Defining the Riddle. The Problem of a Structural Unit. — Folklore Genres». Ed. Austin—London, 1976)

В настоящее время сложилось два подхода в поисках адекватного определения литературных жанров.

1. Основываясь на интуитивно улавливаемых различиях в содержательной стороне отдельных видов литературы и фольклора, а также учитывая их социальные, культурные и эстетические функции, попытаться сформулировать достаточно общее определение для того или иного жанра, которое обладало бы универсальной диагностирующей способностью для всех устных и письменных текстов и позволяло бы непротиворечиво отличать один жанр от другого. Такие универсальные определения жанров страдают существенными недостатками: они субъективны, противоречивы и в значительной степени импрессионистичны.

2. Основываясь на эмпирически полученных данных в результате изучения формальных характеристик или групп формальных характеристик социолингвистического содержания текстов, экстраполировать определение из ограниченного социокультурного и филологического материала на другие тексты изучаемого жанра. Такие индуктивные определения могут сохранять свою релевантность только для определенных лингвистических коллективов, и от них нельзя требовать универсальной значимости. Тем не менее поиски в этом направлении более перспективны, так как формальные дефиниции доказательны и обладают эвристической потенцией, вскрывая структурную организацию материала.

Известно, что многочисленные попытки дать определение загадке как жанру не увенчались успехом, а настойчивая необходимость найти такое определение, по мнению автора реферируемого эссе Ч. Скотта, вытекает из следующих обстоятельств.

1. Тексты загадок примечательно кратки, что позволяет исследовать одновременно большие подборки, а следовательно, статистическая достоверность сделанных обобщений возрастает.

2. Тексты загадок, как правило, стилизованы и содержат достаточное количество формально-стилистических примет, что позволяет экстраполировать жанровые характеристики исследуемых текстов на общую дефиницию жанра.

3. Содержание загадок достаточно разнообразно, что позволяет проследить связи между формальными характеристиками жанра и границами семантической вариативности.

4. Несмотря на то что загадки чаще всего ассоциируются с играми детей и содержание их спроецировано на бытовые детали, в некоторых языковых коллективах они выполняют социально дидактическую функцию и их тексты имеют философский подтекст, что объединяет их с пословицами и афоризмами.

Реферируемое эссе Ч. Скотта посвящено критическому разбору определения загадки как жанра, предложенного двумя авторитетными исследователями малых фольклорных форм — Р. Джорджесом и А. Дандисом, которые классифицируют фольклорные загадки как вербальные высказывания, содержащие один, два или более дескриптивных элементов (ДЭ). Эти дескриптивные элементы могут находиться в оппозиции, и референт их должен быть отгадан.

Данное определение привлекло внимание автора эссе, вследствие того что оно дано с позиций структурализма и позволяет затронуть ряд общеметодологических проблем, разработка которых важна для теории жанров.

Спорными моментами разбираемого определения Ч. Скотт считает следующие.

1. Авторы определения не предлагают в эксплицитной форме процедуру сегментации текста для вычленения ДЭ.

2. Авторы не устанавливают степени обязательности и степени произвольности количества дескриптивных элементов, а поэтому определения пословицы и загадки совпадают, так как в качестве простейшего текста, содержащего одну дескриптивную единицу, авторы приводят не только загадки, но и пословицы типа *Деньги говорят* (сами за себя) *Money talks*.

3. Следовательно, загадка отличается от пословицы не по языковой структуре, а в терминах речевой коммуникации («референт ДЭ должен быть отгадан») с учетом ролей говорящего—слушающего. Иными словами, основной критерий, демаркирующий жанр загадки и пословицы, является функциональным, что противоречит чисто структурным намерениям, постулированным авторами определения.

4. Определение авторами ДЭ как единицы, состоящей из темы и комментария, совпадает с представлением смысловой структуры предложения в терминах грамматики непосредственно составляющих (НС).

Свои критические соображения Ч. Скотт подтверждает сопоставительным анализом текстов двух загадок в терминах дескриптивных элементов, в терминах непосредственно составляющих и в терминах грамматики глубинных структур.

В тексте загадки *Голубая скатерть полная груш (Небо)*, согласно разбираемому определению, темой является «голубая скатерть», а комментарием — «полная груш». Традиционный анализ по НС дает тот же самый результат, так как постноминальные конструкции отсекаются первыми.

Продолжая анализ текста вышеприведенной загадки с помощью

деривационных деревьев глубинных структур и применив известные трансформационные правила, Ч. Скотт получает следующую схему промежуточных структур:

а) груши наполняют скатерть; скатерть голубая — глубинная структура;

б) груши наполняют скатерть, которая голубого цвета, — трансформационное правило объединения придаточным предложением;

в) груши наполняют скатерть голубого цвета — трансформационное правило копулярного выделения;

г) груши наполняют голубую скатерть — трансформационное правило адъективной инверсии;

д) голубая скатерть полная груш — трансформационное правило номинализации.

Анализ глубинной структуры текста дает возможность Ч. Скотту выделить два узла, каждый из которых позволяет вычлениить тему и комментарий:

1) груши (тема) наполняют скатерть (комментарий);

2) скатерть (тема) голубая (комментарий).

Иными словами, в разбираемой загадке оказывается не один ДЭ в соответствии с первой ступенью анализа по НС, а два.

Анализируя текст загадки *Лапа льва, прыжок газели, крик осла (Лягушка)*, Ч. Скотт показывает, что здесь легко выделяются три ДЭ, которые соответствуют субъектно-предикативным отношениям на уровне глубинных структур: лев имеет лапу, газель прыгает, осел кричит, где темами следует признать «лев», «газель», «осел», а комментариями — «имеет лапу», «прыгает», «кричит».

Таким образом, Ч. Скотт приходит к выводу, что единица ДЭ, введенная авторами определения загадки, ничем не отличается от субъектно-предикативных узлов деривационных деревьев грамматики глубинных структур и не является отличительной особенностью ни загадки, ни пословицы, ни их обеих, вместе взятых.

Вместе с тем, по мнению Ч. Скотта, дескриптивные элементы могут учитываться как дополнительная характеристика различных видов речевых коммуникаций при исследовании контрастных и идентифицирующих характеристик жанров, успешно различаемых на основе интуиции.

Часть II

ПОСЛОВИЦА

Ю. И. Левин

ПРОВЕРБИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

О. ВВЕДЕНИЕ

0.1. В «Напутном», предисловии к своим «Пословицам русского народа» ([1]), В. И. Даль писал о сборниках пословиц: «Обычно сборники эти издаются в азбучном порядке. . . Это способ самый отчаянный, придуманный потому, что не за что более ухватиться. Изречения нанизываются без всякого смысла и связи. . . Читать такой книги нельзя: ум наш дробится и утомляется. . . пестротой и бессвязностью каждой строки. . .» Эти справедливые замечания Даля — пусть в несколько меньшей степени — относятся и к сборникам, построенным по тематически-алфавитному принципу, а также и к большинству сборников, вообще не использующих алфавитного расположения: «бессвязность каждой строки», т. е. если не полное отсутствие, то бедность ее связей с соседними, приводит к тому, что ни одна страница, ни один тематический раздел не представляют собой сколько-нибудь связного текста (в лингвистическом смысле слова).

Сборник Даля представляет собой явление уникальное не только по своему объему и полноте¹, но и по «связности». Кажется, это единственный русский сборник пословиц, который можно с увлечением читать подряд. Разбив свой огромный материал на тематико-смысловые разряды («около ста осмидесяти»²), Даль «принялся снова за каждый разряд и старался подобрать в нем пословицы в некоторой последовательности и связи. . . При таком расположении довольно полного³ сборника я уже не только тешусь острою той либо другой пословицы, но вижу в них одну общую и цельную картину, в которой есть более глубокий смысл и значение, чем в одичных заметках»⁴.

0.2. Основная идея этой работы состоит в том, что пословичный фонд представляет собой не просто набор отдельных единиц и даже не просто систему единиц — носителей определенных различительных признаков (грамматических, логико-семиотических, предметных), по значениям которых они могут классифицироваться, но и не-

которое «пространство» в математическом смысле слова. В математике различают, в частности, топологические и метрические пространства. В первых для каждой точки определена ее «окрестность» — множество точек, «окружающих» данную и «близких» к ней, причем это отношение близости количественно не дифференцировано (т. е. не различаются более и менее близкие друг другу точки). В метрических пространствах для любых двух точек определено «расстояние», так что можно рассматривать различные окрестности каждой точки, более «узкие» (с малыми расстояниями) и более «широкие». Представляется, что на множестве пословиц задана не только «топология» (поскольку мы отличаем родственные, «близкие» друг другу пословицы от далеких), но и «метрика» (скорее «квазиметрика», поскольку мы различаем более и менее близкие пословицы, но не умеем измерять расстояние между ними). Рассматриваемое с такой точки зрения пространство пословиц оказывается, кроме того, «многомерным», поскольку пословицы могут быть близки друг другу в разных отношениях («измерениях»), по разным «параметрам»⁵.

В терминах такого подхода обаяние и художественность сборника Даля можно объяснить тем, что он предлагает читателю «интересный», осмысленный маршрут путешествия по этому пространству, обусловленный реальным «пейзажем» и «рельефом», тогда как другие, особенно алфавитные, сборники предлагают нам лишь случайные, немотивированные скачки по этому пространству, не могущие дать «общей и цельной картины» и обусловленные лишь удобством «экскурсовода»-составителя (алфавитный порядок) или же просто его неумением составить «интересный» маршрут.

Попутной задачей была для нас констатация близости между паремиологической и лексической системами — не с точки зрения статуса или функций отдельных единиц этих систем, а с точки зрения самой структуры этих систем, тех отношений, которые устанавливаются внутри их (речь идет прежде всего о фундаментальных отношениях синонимии, антонимии и омонимии)⁶.

Оговорим, что мы ставим своей задачей лишь выдвигание «специального» подхода к пословичному фонду, и притом не в противовес, а только в виде скромного дополнения к преимущественно таксономическому подходу, наиболее успешно разрабатываемому Г. Л. Пермяковым. Более или менее детальная разработка хотя бы небольшого фрагмента провербиального пространства станет возможной лишь после установления всех необходимых «измерений» этого пространства, что должно быть сделано (и делается) в рамках таксономического подхода.

0.3. *Значение* и *смысл* пословицы. Об употреблении этих терминов необходимо договориться, прежде чем говорить о «смысловой близости» пословиц. Необходимость эта вытекает из того, что «смысл» (в обыденном значении слова) пословицы в существенно большей степени зависит от ситуационного контекста, чем «смысл» слова; последний во многом определяется и уточняется

ется словесным же контекстом, не существующим или нерелевантным для пословицы.

Мы будем исходить из того, что пословицу можно перевести на специальный метаязык, в котором элиминирована вся ее образная и языковая специфика. Этот метаязык может пользоваться средствами естественного языка или же быть символическим (или смешанным). Задача выработки такого языка здесь, конечно, не ставится (см. работы Г. Л. Пермякова). Запись пословицы на таком метаязыке будем называть значением пословицы. Например, для пословицы *Своя рогожа чужой рожки дороже* такой записью могло бы быть: «Любой объект, которым обладает некоторое лицо (в том числе имеющий объективно малую ценность), более ценен для этого лица, чем любой объект, которым оно не обладает (в том числе имеющий объективно большую ценность)».

Однако эта пословица может употребляться по крайней мере в двух различных типах ситуаций (в ситуацию включаем и интенцию говорящего): применительно к другому («Ему своя рогожа. . .») и применительно к себе («Мне своя рогожа. . .»), выражая осуждение в одном случае и (само) оправдание — в другом (возможны и иные оттенки). Это различие употреблений естественно учитывать, говоря о «смысле» пословицы. Поэтому под «смыслом» пословицы мы будем понимать ее значение в соотнесении со схемой той ситуации, в которой она употребляется⁷ (с той «ситуационной нишей», которую она заполняет)⁸.

1. ЛОКАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПРОВЕРБИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ И СТЕПЕНИ БЛИЗОСТИ МЕЖДУ ПОСЛОВИЦАМИ

1. 0. В математике различают локальные свойства того или иного объекта и его глобальные свойства (т. е. относящиеся к структуре объекта как целого). Мы будем заниматься здесь локальными свойствами провербиального пространства — структурой «окрестностей», т. е. различными типами отношений близости между пословицами, не претендуя, разумеется, на исчерпывающую полноту охвата этих типов, многообразие которых представляется почти неисчерпаемым⁹.

1. 1. Ближайшим отношением между пословицами является синонимия, т. е. полное совпадение смыслов¹⁰. Синонимичные пословицы могут отличаться друг от друга лишь в предметной (образной) сфере и/или по языковой форме. Можно выделить следующие подтипы (часто с неотчетливыми границами) по мере уменьшения близости:

- а) грамматические варианты (*Грех да беда на кого (на ком) не живет*);
- б) лексические варианты с лексической синонимией (*За худой (глупой) головой и ногам не покой*);

в) лексические варианты с окказиональной лексической синонимией (*У всякого Ермишки (Гришки, попишки) свои делишки — случай замены «пустой» лексемы; К коже (шубе) ума не пришьешь; На кого бог (рок), на того и добрые люди*);

а—в) лексико-грамматические варианты (*Была бы корова, найдём и подойник — Будет корова, будет и подойник*);

г) синтаксические варианты (*Каков привет, таков и ответ — По привету ответ*).

Следуя [6], а—г) мы называем вариантами; с собственно синонимами мы имеем дело в следующих случаях:

д) близкие предметные сферы, синтаксическое тождество (*Всякому своя рана больна (слеза солоня, болезнь тяжела); На чужой каравай рта не разевай — На чужой кусок не пьль роток*);

е) семантически безразличная предметная сфера, синтаксическое тождество (*Знай, сверчок, свой шесток! — Знай, кошка, свое лукошко; Кому до чего, а стрелку до лука (а кузнецу до наковальни)*);

ж) предметная близость без синтаксического тождества (*В чужих руках ломоть велик — Хороша рыба на чужом блюде; Чужой ум до порога — Чужой ум не попутчик*);

з) различие — как предметное, так и синтаксическое (*Про волка речь, а он навстречь — Легок на помине*).

Для иллюстрации многообразия вариантов синонимии приведем два примера синонимичных пословиц, не укладывающихся в наши рубрики: *Яйца курицу (не) учат* («модальные» варианты); *От горя бежал, да в беду попал — Из огня да в полымя* (гибрид д), ж) и з)).

Отметим исключительное обилие точных синонимов в пословичном фонде. Создается впечатление, что по крайней мере для некоторых «излюбленных» (в данной этнокультуре) значений «коллективный автор» паремнологического корпуса стремится исчерпать всевозможные мельчайшие оттенки данного значения, «проигрывая» его на самом разнообразном предметном материале (см. у Даля группы типа «Либо пан, либо пропал», «Из огня да в полымя», «Куда иголка, туда и нитка» и очень многие другие). Учитывая экспрессивный характер пословиц, можно соотнести этот факт с известным в лексической семантике явлением — обилием точных синонимов в сфере экспрессивной лексики — см. [3, с. 225—226] ¹¹.

Стоит обратить внимание также на аналог стилистических синонимов — пристойные синонимы к непристойным пословицам (и/или наоборот). Ср. такие пословицы, как (приводим лишь печатные варианты): *Ему хоть плюй в глаза, а он говорит: божья роса!*; *Бей сороку и ворону, добьешься до белого лебедя*; *Кашу маслом не испортишь*; *Щи — хоть порты полощи*; *Не плюй против ветра*; *Уела попа грамота*; *Хватилась монах, когда смерть в головах*; *Паршивая овца все стадо портит*; *Не обычай щи детям белить, на то сметана* и т. д. (ср. [2]).

Точные синонимы тесно сгруппированы в провербиальном пространстве, образуя наиболее узкую окрестность для каждого члена

данной группы, но и здесь, как видим, есть свои градации близости.

1.2. Случаи квазисинонимии, т. е. частичного совпадения значений, еще более многообразны. Последовательная классификация их затруднена отсутствием общей «формулы» структуры значения пословицы. С этой оговоркой выделим несколько наиболее характерных типов.

1.2.1. Видо-видовое отношение значений при общей или близкой языковой форме. Наиболее частый случай — лексические замены при синтаксическом тождестве: *Иному счастье (служба) — мать, иному — мачеха* (ср. 1.1, в); *Всякая лиса свой хвост хвалит — Всяк кулик свое болото хвалит; У всякого Ермишки свои делишки — У всякого Моисея своя затея (= У всякого барона своя фантазия) — У всякой стряпки свои порядки — У всякого скомороча свои погудки — У всякой лекарки свои припарки*¹²; *Чужого не желай, а своего не теряй!* — *Чужого не бери, своего не давай*. Общий случай: *Любишь кататься, люби и саночки возить — Любишь смородину, люби и оскомину; Каково аукнешь, таково и откликнется — Как заварил, так и расхлебывай; Там хорошо, где нас нет — Чего нет, того и хочется; Гром не грянет — мужик не перекрестится — Дитя не заплачет — мать грудь не даст*.

1.2.2. Родо-видовое отношение: *За чужим погонишься — свое потеряешь — Знаться с кумою — расстаться с женою*¹³; *От малого большое зарождается — От копеечной свечки Москва загорелась; Всяк свое хвалит, Всякий купец свой товар хвалит, Всякий кулик свое болото хвалит, Всякая лиса свой хвост хвалит* (радиально расходящиеся квазисинонимы, ср. [3, с. 249]); *Чужим богат не будешь — Чужой ум не попутчик*.

1.2.3. Модальное расхождение при предметном тождестве (чаще всего и при сходной синтаксической структуре): *Свое добро теряет, а чужого желает — Чужого не желай, а своего не теряй!*; *От огня не в полямь — Из огня да в полямь; На весь мир и солнышку не угреть — Не солнышко, на всех не угреешь; Всяк Аксен про себя умен — Всяк Еремей про себя разумей!*; *Будет корова, будет и подошник — На корову стало, так хватит и на подошник*. Значения пословиц (почти) тождественны, но смыслы различны!

1.2.4. «Двойная антонимия» (по схеме $aP - \bar{a}\bar{P}$, см. п. 1.3): *Свой хлеб сытнее — Чужой мед горек; Свой хлеб приедчив — Чужой ломоть лаком; Мал золотник, да дорог — Велика Федора, да дура*.

1.2.5. Текстовое включение (по схеме $A - AB$, где A, B — сегменты текста): *Чужая одежда не надежа (Чужой муж не кормилец); Горбатого могила исправит — Горбатого исправит могила, а прямого — дубина*.

1.2.6. Текстовое отношение типа $AB - AB'$: *Не береги свое, береги чужое — Береги чужое, а свое — как знаешь*.

1.2.7. «Иррегулярные» случаи с, самое большое, синтаксическим

сходством: *На охоту идти — собак кормить — Гром не грянет — мужик не перекрестится.*

(1.3.) А н т о н и м и я пословиц также, конечно, является отношением близости (но не близости согласия, а близости спора). Едва ли будет преувеличением сказать, что для большинства пословиц, значение и логико-синтаксическая форма которых допускают наличие антонима, такой антоним (или квазиантоним) действительно существует в пословичном фонде (и даже, как увидим, не всегда единствен). Это относится не только к частным пословицам (знакам ситуаций), где пословичная антонимия изофункциональна лексической (*Овчинка (не) стбит выделки*), но и, что особенно интересно, к обобщенным пословицам («законам природы»), так что и здесь, как и в случае синонимии, «коллективный автор» стремится к исчерпанию всех возможностей, в данном случае демонстрируя противоположные точки зрения на Мир и Человека.

Логическая структура пословиц-антонимов близка к структуре лексических антонимов (как она описана, например, в [3, с. 302]). Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что значение антонимичной пословицы получается из значения данной путем постановки отрицания в то или иное место структуры исходного значения (причем предполагается, что утверждаемое и отрицаемое в совокупности покрывают весь соответствующий участок смыслового поля)¹⁴.

Так, в пословицах, значение которых может быть описано в терминах субъектно-предикатной структуры («Предмет *a* обладает свойством *P*», сокращенно *aP*), наблюдаются следующие типы антонимов:

aP — aP̄: *Свой хлеб приедчив — Свой хлеб сытнее; Чужой и хлеб слаще калача — Чужой мед горек; Чего нет, того и хочется — Чего нет, того и не надо;*

aP — āP: *Чужой мед горек — Свой хлеб приедчив; Чего нет, того и хочется — То лучше всего, что есть у кого¹⁵; Башка чиста, так и мошна пуста — Разуму много, да денег нет;* а также вариации типа:

aP & āP̄ — āP: *Чужая жена — лебедушка, а своя — польнь горькая — Всякому мужу своя жена милее;*

aP & āP̄ — āP & aP̄: *Не береги свое, береги чужое — Свое добро в горсточку собирай, чужое добро сей, рассевай.*

Антоним может возникать и в результате постановки отрицания перед всем высказыванием:

aP — āP̄: *Деньга ум родит; Есть рубль, есть и ум — На деньги ума не купишь.*

Аналогичным образом устроены антонимы и для пословиц иной структуры, например с отношением предпочтения:

a < b — b < a (т. е. *a < b̄*): *Не штука деньги, штука разум — Не штука разум, штука деньги.*

1.4. К в а з и а н т о н и м и ч е с к и е отношения между пословицами весьма разнородны. Отметим здесь такие случаи, как

изменение направления импликации (*Каков поп, таков и приход — Каков приход, таков у него и поп; Была бы невеста, а сваха будет — Была бы сваха, а невеста будет*), использование лексической антонимии (*Ум на ум (дурь на дурь) не придодится*), метатеза (*Телу простор — душе теснота — Телу теснота — душе простор*).

1.5. В пп. 1.1—1.4 рассмотрены различные варианты семантической близости. Однако и предметное (образное) сходство или тождество, даже при различной структуре значений, следует рассматривать как отношение близости, хотя и по иным — несмысловым — измерениям proverbialного пространства. Таково отношение между пословицами: *Всякий старец в свой ставец. — Что старец, то и ставец — Всякому старцу по ставцу; Ныне полковник, завтра покойник — Либо полковник, либо покойник*.

Предметное сходство может сочетаться со сходством логической и/или языковой структуры — без схождения значений: *Всяк кулик свое болото хвалит — Всяк кулик в своем болоте велик*.

Другой случай, формально близкий к (квази)антонимии, но дающий не противоположность, а расхождение значений: *Бочка меду, ложка дегтю — все испортит — Ложка меду, а бочка дегтю* (т. е. (в жизни) хорошего мало, а плохого много) — метатеза; *Хороша рыба на чужом блюде (=В чужих руках ломоть велик) — Дешева рыба на чужом блюде* (т. е. чужого не жалко); *Чужая (своя) ноша не тянет* — лексическая антонимия.

1.6. В последних примерах имеет место и сходство языковой формы. Такое сходство (и имплицитруемое им сходство логической структуры) — при различном предметном наполнении и несходстве значений — дает новый случай близости: *Был бы бык, а мясо будет (=Было бы вино, а пьяны будем) — Было бы болото, а черти будут (=Была бы шуба, а виш будут) — Была бы невеста, а сваха будет; Мал золотник, да дорог — Мал клоп, да вонюч; В чужом глазу сучок велик — В чужих руках ломоть велик; Глупость — не порок — Бедность — не порок* (в последних примерах есть и частичное предметное сходство).

2. СХЕМА ФРАГМЕНТА ПРОВЕРБИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Различные отношения близости, рассмотренные в п. 1, и конституируют proverbialное пространство. Его многомерность обуславливается не только категориальными различиями между типами близости¹⁶ (по значениям, по предметному наполнению, по языковой форме), но и, главное, тем, что сама близость значений — наиболее важный формообразующий фактор proverbialного пространства — разветвляется в разных направлениях, по разным семантическим параметрам. Близкие друг другу пословицы нельзя выстроить в одномерный ряд или даже развернуть на плоскости, сохраняя отношения между ними. Так, пословица *Всякому свое мило* отличается от *Всяк*

свое хвалит в одном «измерении» (небольшое изменение в значении предиката), а *Всякий купец свой товар хвалит* — в других (1) спецификация объекта: «свое» → «свой товар», т. е. «имеющее отношение к субъекту» → «материально принадлежащее субъекту и предлагаемое другим»; 2) предметная спецификация); в другую сторону отвечает *Всякая птица свое гнездо хвалит* (т. е. «свое место»), находящаяся в видо-видовом отношении к последней и в видо-родовом к предпоследней пословице. Еще в сторону (в частности, по «синтаксическому измерению») уводит *В нашей дести листов по двести* — и т. д., см. схему 1.

При этом наблюдается, по крайней мере в наиболее богатых смысловых группах, тенденция к «плотному», «густому» заполнению пространства точками-пословицами, во всевозможных направлениях и без «пустых мест», к исчерпанию всех смысловых, образных, языковых возможностей, так что можно говорить (метафорически) о том, что провербиальное пространство представляет собой многомерный континум.

В качестве иллюстрации приведем схемы двух небольших взаимосвязанных фрагментов этого пространства; изображение на плоскости, как отмечалось выше, дает лишь ненамного меньшие искажения, чем линейное расположение. Как число пословиц этого же фрагмента, так и число связей можно было бы многократно увеличить. Учтены почти исключительно смысловые связи, главным образом квазисинонимические, при этом указаны только ближайшие связи.

3. ОМОНИМИЯ И ГЕТЕРОСИТУАТИВНОСТЬ

3.1. Чистая омонимия, т. е. наличие у одного текста более чем одного значения (и, следовательно, смысла), видимо, является достаточно редким явлением в провербиальной семантике¹⁷. Общеизвестный пример: *Гречневая каша сама себя хвалит* (см. [6]). Еще несколько пословиц-омонимов: *Валился, как мышь в короб* (≈ *Как у Христа за пазухой* или же ≈ *Как кур во щи*); *Курице по холку, свинье по хвост* (либо «мелко», либо «чего одному много, другому мало»); *Дешева рыба на чужом блюде* («чужого не жалко» или «чужое — плохо»); *Из песку веревки вьет*; *На обухе рожь молотит* (о скупости или о ловкости); может быть, также *У хлеба и крохи* (≈ *Где дрова, там и щепя* или ≈ *Около печи нельзя не нагреться*); *Бог не выдаст, свинья не съест* (= «Если бог не выдаст, то...») или же безусловное обещание хорошего исхода; здесь разные значения отличаются синтаксически: условное сложноподчиненное или сложносочиненное предложение).

Пословицы-омонимы, как и рассматриваемые ниже гетероситуативные пословицы, осложняют и обогащают структуру провербиального пространства, образуя в нем своего рода точки разрыва (или ветвления): в этих точках как бы соприкасаются отдаленные в других отношениях области этого пространства.

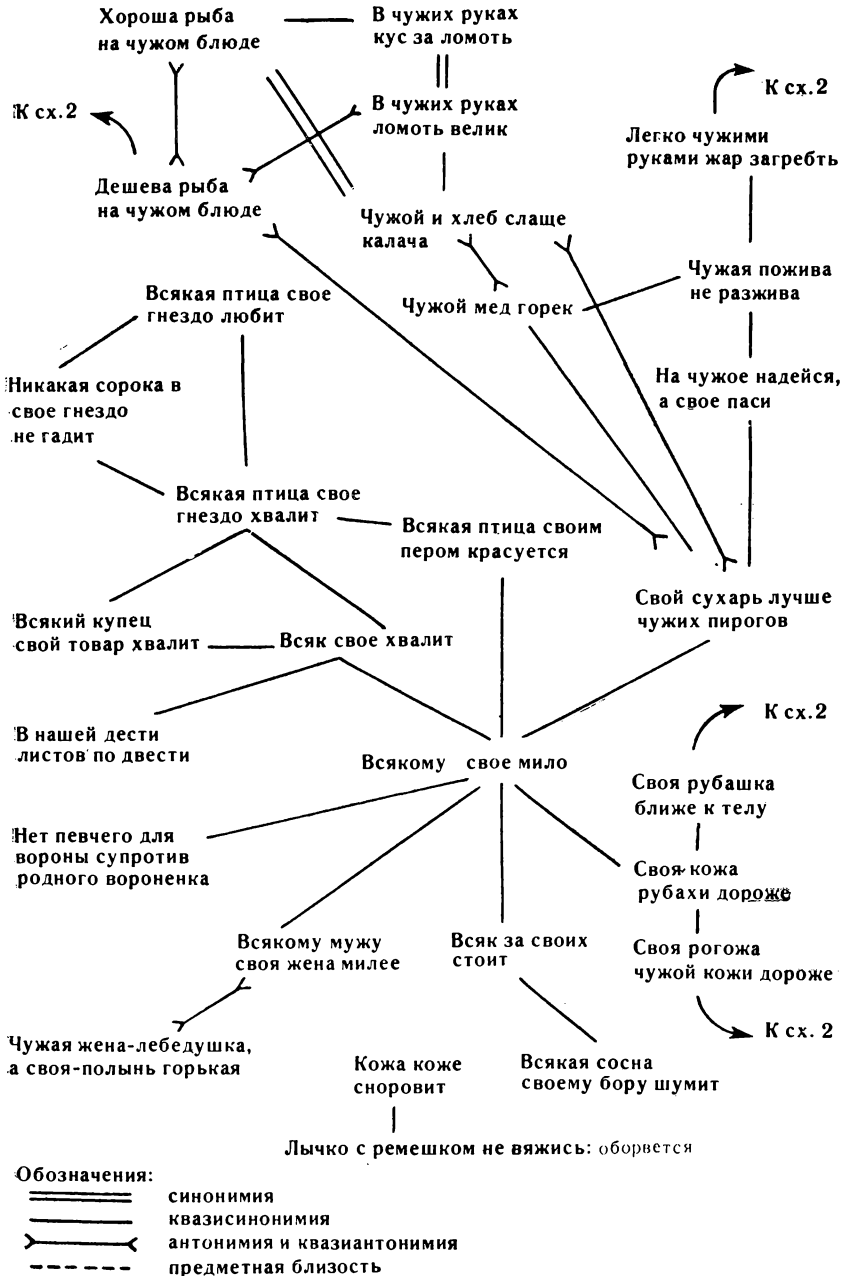

Схема 1

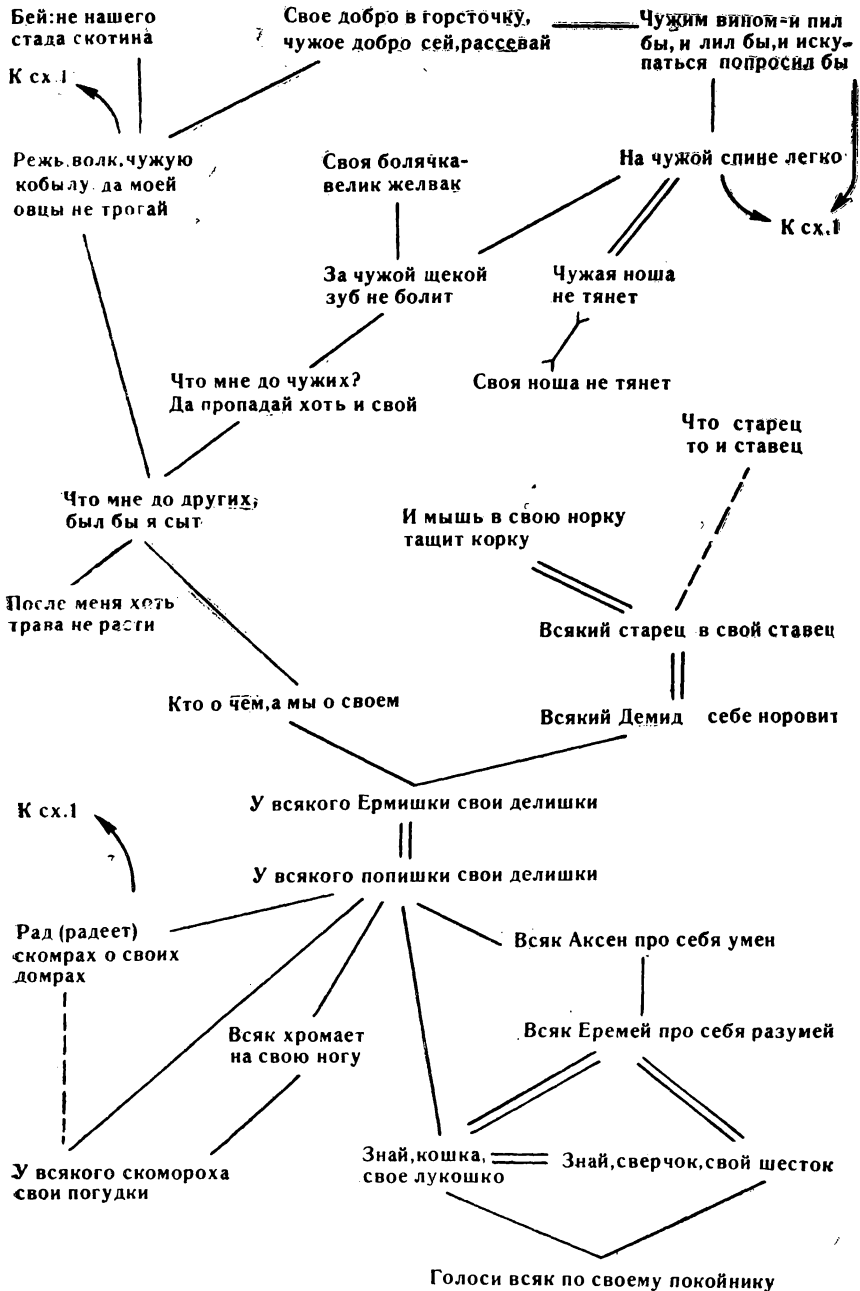

Схема 2

3.2. Пословицу будем называть гетероситуативной, если ее тексту отвечает одно значение, но более чем один смысл, т. е. если она может заполнять различные «ситуационные ниши», (см. 0.3), приобретая при этом различный смысл¹⁸. Рассмотрим разные типы проявления гетероситуативности.

3.2.1. *Оценочная гетероситуативность*: один и тот же текст может применяться и в качестве констатации, выражающей определенную норму поведения, и в качестве осуждения. Часто первый случай связан с применением пословицы к себе (самооправдание путем ссылки на «всеобщий закон»), второй — к другому. Так обстоит дело с уже приводившейся пословицей *Своя рогожка чужой рожки дорожке*. Другие примеры: *На охоту идти — собак кормить*; *У всякого Павла своя правда*; *Наш пострел везде поспел* (одобрение ловкости или осуждение пронырливости); *Ласковое теля двух маток сосет*¹⁹.

3.2.2. Гетероситуативность может возникать в связи с применением одной и той же пословицы к разным сферам действительности, когда при этом появляется хотя бы небольшой смысловой сдвиг. Например: *Лапти плетет, а концов хоронить не умеет* (в применении к вранью или же, скажем, к воровству: «хоронить концы» приобретает при этом различный смысл при сохранении значения). Несколько иное — в *Один с сошкой, семеро с ложкой*, где смысловой сдвиг возникает при смене «семейного» употребления «социальным» (ср. п. 3.2.4). Гетероситуативность может быть следствием абстрактности пословицы, как в случае *Бог троицу любит*, где значение сводится к тому, что число «три» является в каком-то отношении маркированным, а смысл меняется в зависимости от ситуации (третья попытка, третья рюмка, третий спутник, «на троих» и т. д.), диктующей, в каком именно отношении²⁰.

3.2.3. Отметим случай *модальной гетероситуативности*, иллюстрируемый пословицей *Сова о сове, а всяк о себе*, которая благодаря эллипсу может использоваться в двух модальных планах — как констатация («...заботится») или как предписание («...заботься!»).

3.2.4. В качестве особого варианта гетероситуативности, не вполне подпадающего под данное выше определение, можно рассматривать возможность употребления одной и той же паремии и в более или менее прямом (узком) значении — в качестве «афоризма», и в переносном (расширительном) значении — в качестве «собственно пословицы»²¹. Таковы, например, пословицы: *Копейка рубль бережет*; *На ревом коне на женитьбу не езди*; *Пересев хуже недосева*; *Днем раньше посеешь, неделей раньше пожнешь*; *У пьяницы на уме скляницы*; *Сытый голодного не разумеет* и т. д. Текст здесь является носителем одновременно двух значений, но в отличие от случая чистой омонимии эти значения вложены друг в друга.

На грани омонимии стоит тот случай, когда переносное значение не является обобщением прямого, а дает смысловой сдвиг: *Сухая ложка рот дерет*; *Доброму вору все впору*²².

4. ДОПОЛНЕНИЯ (О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СЕМИОТИЧЕСКОГО СТАТУСА ПОСЛОВИЦ)

4.0. Пословицы представляют собой тексты, в различных отношениях — в плане функционирования²³, эстетического статуса, логико-семантическом и т. д. — «особенные», отличающиеся от других, как клишированных, так и, конечно, неклишированных, текстов. В этом пункте будут рассмотрены некоторые из этих особенностей.

4.1. Пословица как произведение прикладного искусства. Пословицы, бесспорно, являются произведениями словесного искусства, т. е. обладают эстетической ценностью. Между тем в отличие от большинства текстов такого рода они функционируют только в «прикладном» плане, всегда употребляются лишь «к месту», «к случаю»²⁴, никогда — «незаинтересованно», т. е. скорее как рабочий инструмент, чем как произведение искусства²⁵.

Таким образом, пословицы, являясь произведениями искусства слова, относятся к разряду прикладного искусства, разделяя это положение с заговорами и заклинаниями, трудовыми и обрядовыми песнями, резьбой и росписью прялок или укладок и т. д. Различие между названными (и другими) прикладными жанрами словесного и несловесного искусства, в частности, в характере их утилитарности. На крайних полюсах стоят, с одной стороны, изображения или орнамент на утилитарных предметах — жанр в буквальном смысле слова «прикладной», т. е. не имеющий собственных утилитарных функций и лишь «прикладывающийся» к предметам, обладающим ими (магические изображения, конечно, сюда не относятся); с другой стороны, тексты типа заговоров, имеющие прямое утилитарное назначение, представляющие собой непосредственное, хотя и словесное «полезное» действие²⁶. Ко второму полюсу близки обрядовые песни, а также сакральные и магические изображения. Промежуточный характер имеют трудовые песни, которые, с одной стороны, лишь «прикладываются» к полезному действию, не являясь его необходимой составной частью (подобно орнаменту на прялке), с другой же стороны, помогают этому действию, функционируя в качестве своего рода катализатора²⁷.

Именно к такого типа утилитарности близки и пословицы; разница в том, что их функция не сопроводительно-каталитическая, а итоговая, обобщающая или объяснительная.

4.2. О структуре значения слова в образной пословице. Пословица, подобно басне или притче, текст с неодноплановой семантикой. При употреблении пословицы одновременно реализуются следующие семантические слои:

- (а) прямое (буквальное) значение текста;
- (б) основное значение (в смысле, описанном в п. 0.3);
- (б') в случае гетероситуативности «смысл», т. е. значение, соответствующее со схемой ситуации (для моноситуативных пословиц б' = б);

(в) «конкретный смысл», проявляющийся в соотношении «смысла» с конкретной ситуацией (этот слой относится к «речи», остальные — к «языку»).

В соответствии с этой многослойностью текста как целого многослойной становится и семантика отдельного слова пословичного текста. Возьмем любую образную пословицу, скажем: *С паршивой овцы хоть шерсти клок*. В слове «овца» здесь можно выделить как минимум три слоя, актуализирующихся при употреблении:

(а) прямое (словарное) значение (без которого текст теряет смысл);
 (б) основное значение, соотношенное с основным значением целого текста («любое лицо, обладающее отрицательными свойствами, которое, несмотря на это, может быть использовано для получения некоторого, хотя и небольшого блага»);

(в) конкретное лицо, к которому «прилагается» в данном употреблении пословица.

Добавим к этому, что, поскольку пословица функционирует как единый знак (клише), постольку и в пословицах с мотивированным основным значением (и вопреки (а)) слово приобретает также и свойства «фигуры» (по Ельмслеву), т. е. незначащего элемента знака. Проявляется эта «фигурность» слова, в частности, в невозможности (вообще говоря) замены слова синонимом (притом что в притче такая замена возможна)²⁸.

4.3. Градации общего/частного в пословицах. Различие между частными и обобщенными пословицами (см. [4, с. 10], там же о языковых признаках обобщенности) представляется нам среди многочисленных других противопоставлений наиболее фундаментальным в семиотическом плане. Именно при анализе «степени обобщенности» вскрывается важная особенность многих пословиц — двойственность их логико-семиотического статуса²⁹.

В частных пословицах конкретная ситуация называется, т. е. относится говорящим к определенному классу типовых ситуаций. Если они и обладают «объяснительной силой» (= моделирующей способностью), то лишь в той же мере, в какой ею обладает слово (разница только, быть может, в большей детализации, в способности моделировать более сложные ситуации, чем это доступно слову). В этом плане частные пословицы неотличимы от поговорок; ср., с одной стороны: *Гром не из тучи, а из навозной кучи; Игра не стоит свеч; Нашла коса на камень; Яйца курицу учат*³⁰; *Кто в лес, кто по дрова* и, с другой стороны: *Из-за деревьев леса не видит; С больной головы на здоровую; Сидит между двух стульев*³¹. Различие между ними лишь в синтаксическом статусе.

Совершенно иначе обстоит дело с обобщенными пословицами. Общая схема их семиотической структуры такова:

1) констатируется некоторый общий закон типа «Всегда (обычно) имеет место то-то» или «Всякий объект такого-то класса обладает такими-то свойствами»³²;

2) под этот закон подводится данная конкретная ситуация³³

(т. е. приблизительно: «*Всякий x обладает свойством P ; вот и этот x тоже*»): При этом существенно, что эта двучленность (если не трехчленность) остается имплицитной, свернутой в одно суждение: вместо развернутого силлогизма *Daŕii* (*Всяк кулик свое болото хвалит; x — кулик; x свое болото хвалит*) или *Ferio* (*В драке волос не жалеют; x дерется; x не должен жалеть волос*) только первая посылка, но благодаря обязательному при употреблении ситуационному контексту вневшившая в себя и вторую и заключение.

Отметим, что при этом возможны два типа употребления — сообразно тому, на какой части структуры делается «логическое ударение» (своеобразный аналог актуального членения). Обычно оно падает на вторую часть, на конкретную ситуацию: нас интересует именно она и ее объяснение, подведение под общий закон. Например, мы объясняем крутые действия нового начальства пословицей о новой метле или утешаем себя или других в соответствующей ситуации пословицей о лесе и щепках. Но возможно и иное употребление, когда нас интересует именно общий закон, на котором и делается ударение, а конкретная ситуация служит лишь для его очередного подтверждения, так сказать философствующее употребление («Я же всегда говорил, что. . .»).

Постараемся несколько уточнить и детализировать сказанное.

Прежде всего обобщенные пословицы довольно отчетливо разбиваются на две большие группы: пословицы — «законы природы» (в самом широком смысле, включая и «человеческую природу») и пословицы, выражающие или предписывающие определенные правила поведения³⁴. Последние подведомственны скорее деонтической, нежели обычной асерторической или модальной, логике, и характер их общности особый.

Пословицы — «законы природы» дают широкую градацию различных степеней обобщенности (и ее выраженности). Высшая степень — в пословицах с эксплицированным квантором $\forall$ (*Всякий поп по своему поет; Всяк кулик в своем болоте велик*) или $\neg \exists$ (*Нет дыма без огня; Не wybierеш дубинки без кривинки*). Обобщенность может быть выражена и квантором $\exists$ (*И на старуху бывает проруха*). Сама логико-синтаксическая структура обуславливает обобщенность «условных» пословиц, относящихся к будущему времени (*Будет свинка — будет и щетинка; Бог полюбит, так не погубит*). Слабее выражена (но не вызывает сомнений) обобщенность таких пословиц, как: *Где тонко, там и рвется; Как аукнется, так и откликнется; У страха глаза велики* — с абстрактным или нулевым подлежащим (см. [4]).

Но в большей части пословиц отсутствуют формальные — лексические или синтаксические — признаки обобщенности. И тут единственным критерием обобщенности является, видимо, возможность подстановки квантора общности без изменения смысла (ср. «Никакая игра не стоит свеч» $\neq$ «Игра не стоит свеч» — частная; «Всякого горбатого (только) могила исправит» $\approx$ «Горбатого могила исправит» —

(потенциально) обобщенная). Такие пословицы (*Бодливой корове бог рог не дает; Голодной куме хлеб на уме; Новая метла чисто метет; Гром не грянет — мужик не перекрестится; Бедному жениться и ночь коротка; В тихом омуте черти водятся; До поры жбан воду носит; У семи нянек дитя без глаза; Баба с возу — кобыле легче*) обладают двойственным статусом, могут употребляться и в общем («До поры в с я к и й жбан воду носит») и в частном («До поры э т о т жбан воду носит» — без того, чтобы при этом подразумевался и «всякий жбан») значении, т. е., строго говоря, представляют собой омонимы (см. п. 3.1), если квантор общности мы включаем в значение пословицы. Здесь в противовес явлениям, рассматривавшимся в п. 3, мы имеем дело со своеобразной омонимией, не влияющей на употребление, омонимией без гетероситуативности: семиотический механизм различен при частном и обобщенном употреблении, но это остается, так сказать, личным делом говорящего (имеет ли он в виду подведение ситуации под общий закон или же лишь ее название)³⁵.

Что касается пословиц — правил поведения, то они независимо от языковой формы по самой своей природе не могут интерпретироваться как частные. Здесь выделяются два класса, отличающиеся как синтаксической формой, так и семиотической структурой.

а) Неопределенно-личные предложения типа «В таких-то обстоятельствах делают то-то» (чаще: «не делают того-то»): *В драке волос не жалеют; В чужой монастырь со своим уставом не ходят; Снявши голову, по волосам не плачут*. Здесь констатируется общий закон поведения («В с е делают то-то») и имплицитно указывается, что и «ты» — адресат пословицы — должен ему следовать.

б) Императивные предложения: *Взялся за гуж, не говори, что не дюж; Всяк сверчок знай свой шесток; Семь раз отмерь — один раз отрежь; Не учи рыбу плавать*. Здесь общий закон, как правило, лишь подразумевается (за исключением случаев с явно выраженным квантором общности), а эксплицировано именно указание на конкретную ситуацию.

4.4. У н и в е р с а л ь н о е и л и н а ц и о н а л ь н о е? В заключение остановимся на одном достаточно известном паремиологическом парадоксе.

С одной стороны, общеизвестно, что в пословицах выражается национальный характер, «душа народа» и т. д. — словом, наряду, конечно, с общечеловеческим то, что характерно и специфично именно для данного народа.

С другой стороны, паремиологам хорошо известно, что значения подавляющего большинства пословиц представляют собой универсалии: для почти любой пословицы данного народа можно почти всегда найти синоним среди пословиц любого другого народа; различия касаются почти исключительно предметно-образной сферы, не затрагивая значений³⁶.

Видимо, оба утверждения справедливы. Второе, во всяком слу-

чае, не вызывает сомнений, если оговорить не абсолютный, а статистический характер универсальности пословичных значений, и его можно считать эмпирически доказанным. Первое ввиду недостаточной определенности того, что такое «национальный характер», вряд ли может быть доказано, но интуитивно ощущается как хотя бы относительно истинное.

Примири́ть это противоречие, как нам представляется, можно следующим образом³⁷.

а) У каждого народа существуют — возможно, лишь в небольшом количестве — пословицы-эндемики³⁸, которые, не опровергая статистическо́й универсальности значений, все же формируют «национально-характерный» слой в его паремиологическом фонде.

б) Одно дело — наличие пословицы в «фонде», а другое — частота ее употребления. Так, недостаточно констатировать, что в одном и том же фонде имеются такие антонимичные пословицы, как *Чужой ломоть лаком* и *Чужой мед горек* (и их синонимы). Для выяснения того, какая из них лучше отражает «душу народа», надо узнать, какая из них чаще употребляется. К сожалению, тут мы сталкиваемся с почти непреодолимыми принципиальными трудностями³⁹.

в) Наконец, межнациональные различия могут сказываться в количественной структуре фонда, а именно в различной «густоте» заполнения соответствующих друг другу (т. е. близких по значениям) участков провербальных пространств (скажем, сто разных пословиц со значением «Моя хата с краю» против пяти со значением «Дружно не грузно», или наоборот, притом что в обоих сравниваемых фондах представлены оба значения)⁴⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Более ста двадцати лет назад врач и литератор В. И. Даль понимал то, до чего еще, кажется, не додумались современные паремиологи: что максимально полная подача материала является необходимым условием «научности» и что личный вкус собирателя, вкус эпохи или социальный заказ должны быть при составлении сборника оставлены в стороне. Как известно, Даль исключил из собранного им материала только пословицы, неудобные для печати (см. [2]).

² Заметим, что в выборе принципа построения разрядов («по инвариантным парам», выражаясь современным языком) и в формулировке их «оглавок» Даль снова опередил не только своих, но и большую часть наших современников.

³ «Полнота» действительно является необходимой для достижения «связности» (см. ниже).

⁴ Последняя мысль — что пословицы взаимно освещают и углубляют друг друга, будучи должным образом расположены, — точна и глубока. Отметим, что именно построение «Пословиц русского народа» является, видимо, высшим художественным достижением Даля, перед которым второстепенной представляется вся его беллетристика.

⁵ Ср. о многомерности семантического пространства языка [3, с. 252]. Отметим, что любое множество, единицам которого можно сопоставить наборы значений различительных признаков (например, множество фонем данного языка), можно превратить в метрическое пространство (определяя расстояние при помощи, например, числа совпавших значений признаков).

⁶ Об этих отношениях между пословицами, а также между паремиями различных типов см. [5; 6; 7]. Там же см. о других аспектах сходства паремий и лексикки. К вопросу о системности лексикки см. [3, с. 118 и далее *passim*]. По обоим принимаемым там признакам системности (возможность полного описания множества с помощью меньшего числа элементов, наличие регулярных преобразований внутри множества) множество пословиц еще более «системно», чем лексика. В частности, о преобразованиях пословиц см. [4]. Отметим также большую связь системности паремнологической системы по сравнению с лексической (о связности семантического пространства языка см. [3, с. 252—255], где, впрочем неудачно, употреблено слово «непрерывность» вместо «связность»).

⁷ Ср. [3, с. 67—69] о включении «модальной рамки высказывания» (по Вежбицкой) в толкование слова, несмотря на ее «прагматический» характер. В пословицах прагматика еще более тесно связана с семантикой. В целом наше понимание «смысла» пословицы соответствует термину «лексическое значение» у Ю. Апресяна. Использование слова «смысл» кажется оправданным обычным словоупотреблением («В каком смысле он употребил эту пословицу?»). Ср. [3, с. 99—100] о «типовой ситуации», для называния которой используется данное слово.

⁸ Эта ситуационная ниша играет для конституирования смысла пословицы в ее данном употреблении ту же роль, что словесный контекст для семантики слова.

⁹ В качестве материала используются исключительно пословицы из [1]. Помимо полноты этого сборника это обусловлено еще и удобством, ибо Даль дает пословицу вместе с ее окрестностью — пусть даже и не во всех ее (окрестности) измерениях. Кстати, многомерность proverbialного пространства проявляется, в частности, в том, что у Далея одна и та же пословица часто попадает в разные разделы — в каждый с соответствующей «подокрестностью». Избежать повторений (как это замечает и сам Даль) невозможно, поскольку без подобных «разрывов» многомерное смысловое пространство невозможно отобразить линейной (одномерной) последовательностью.

¹⁰ См. [6]. Ср. с качественно отличным явлением «внешней» синонимии в загадках (разные загадки с общей отгадкой).

¹¹ В частности, здесь отмечается, что «вследствие своей экспрессивной маркированности легко вступают в синонимические отношения и фразеологические единицы», т. е. как раз переходные между лексическими и паремнологическими.

¹² По поводу этой серии пословиц заметим, что очевидные, хотя и небольшие расхождения в их значениях могут ситуативно («позиционно») нейтрализоваться, т. е. в определенных классах ситуаций («позициях») они могут выступать как точные синонимы; это относится и к другим типам квазисинонимии.

¹³ Квазисинонимия охватывает самые различные степени близости, вплоть до очень далеких. Ср., например, также квазисинонимичную первую *За двумя зайцами погонимся, ни одного не поймашь*.

¹⁴ Пары типа *Яйца курицу (не) учат; С одного вола две шкуры дерут (два шкуры не дерут)* следует рассматривать не как антонимы (поскольку отрицание не входит здесь в глубинную семантическую структуру), а как модальные (квази)синонимы.

¹⁵ Таким образом, у одной и той же пословицы (*aP*) могут быть разные антонимы (*aP̄* и *āP*), которые, в свою очередь, квазисинонимичны (см. п. 1.2.4).

¹⁶ Так, пословицы-синонимы образуют различные точки пространства в силу предметных и языковых различий, но все они проецируются в одну точку подпространства значений.

¹⁷ Ср. омонимию в загадках (множественность отгадок).

¹⁸ Ср. [8, с. 496] — о множественности моралей басни.

¹⁹ Различие в оценках связано здесь с тем, употребляется ли пословица как обобщенная («Если теля ласковое, то...» = «Всякое ласковое теля...») или как частная («Это ласковое теля...»). В первом случае пословица оценочно нейтральна, во втором — осудительна.

²⁰ Не всякая абстрактная пословица гетероситуативна, ср. *Первый блин комом*, где, кажется, не возникает изменения смысла при смене ситуации.

²¹ В терминологии Г. Л. Пермякова. Заметим, что рассматриваемое здесь явление не позволяет провести четкую грань между этими классами паремий, точнее, заставляет многие паремии отнести одновременно к этим двум классам.

²² Об омонимии пословиц и паремий другого типа см. [6; 7]. Отметим, что такие «прорывы в иной жанр» еще более обогащают структуру провербального пространства.

²³ О функциях пословиц и других паремий см. [7].

²⁴ Именно это обстоятельство заставляет вводить в «смысл» пословицы (см. п. 0.3) внетекстовый момент, а именно схему ситуации ее употребления. Ср. в [8, с. 470] о басне: «... эта форма состоит непременно из двух частей, из которых первая — то, что подлежит объяснению, — словами не высказывается, непосредственно в басню не входит...»

²⁵ Что, кстати, дополнительно сближает их с языковыми единицами.

²⁶ Сюда же относятся такие несходные жанры, как колыбельные песни и ситальки.

²⁷ Конечно, все приведенные соображения крайне схематичны и потому неточны. В частности, не учитываются возможность использования одного и того же текста в разных функциях (загадка в обряде — загадка развлекательная; свадебная песня — лирическая песня) или такие явления, как постепенная утрата изображением магических или сакральных функций. Но мы, разумеется, не ставим здесь задачи построения «типологии утилитарности», желая лишь приблизительно указать место пословиц среди «прикладных жанров».

²⁸ В плане типологии текстов небезынтересно сопоставление семантики слова в пословице и, скажем, в лирическом стихотворении, где слово предстает уже не в виде четко расслоенной структуры, а в виде «пучка», из которого «смысл торчит в разные стороны» (О. Мандельштам).

²⁹ Подчеркнем, что в этом пункте мы рассматриваем пословицы в их употреблении, т. е. в «речевом», а не в чисто «языковом» плане (как статические тексты или языковые единицы, ибо только при таком подходе выявляется их семантический (а не чисто лингвистический или чисто логический) статус.

³⁰ Любопытно, что «отрицательная трансформация» (*Яйца курицу не учат*), имеющая то же значение, является обобщенной пословицей.

³¹ Вопрос об отграничении поговорок и присловий от фразеологизмов (чья семантическая эквивалентность слову не ставится под сомнение), во всяком случае предикативных, далеко не решен и здесь не затрагивается.

³² Оговоримся, что наиболее характерен для обобщенных пословиц не квантор общности, а менее категорический (и обычно имплицитный) «оператор обычности»; точнее, при отсутствии эксплицитного квантора возможно двойное понимание: *Новая метла чисто метет* = «Всякая новая метла...» или «Обычная метла...» (дальнейшие уточнения см. ниже).

³³ Ср. сказанное Потебней о басне: «Эти сплоченные образы способны по первому требованию стать общей схемой спутанных явлений жизни и служить их объяснителем» [8, с. 485]. Это в полной мере относится и к обобщенной пословице (тогда как в частной мы имеем дело лишь с «общей схемой», но не с «объяснителем»), разница лишь в обязательной включенности пословицы в конкретный ситуативный контекст.

³⁴ Возможны, конечно, и пограничные случаи. Например, *За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь* или *Волков бояться — в лес не ходить*, будучи по внешним признакам (наличие импликаций) «законами природы», имплицитно выражают правила поведения.

³⁵ Ближе всего к частным пословицы, использующие прошедшее время при единичном субъекте, например: *Кобыла с волком тгалась, только хвост да грива осталась*; но и здесь возможны (с некоторым насилием над формой) подстановка квантора общности и соответственно обобщенное значение.

³⁶ Факт универсальности пословичных значений — дополнительный довод для отнесения пословичного фонда в разряд явлений языка.

³⁷ Нижеследующее имеет характер более чем приблизительного чернового наброска.

³⁸ Таковы, может быть, русские пословицы *От сумы да от тюрьмы не отказывайся* или *Что русскому здорово, то немцу смерть* (рассматриваемые не в максимально общем, а в более конкретном значении -- см. п. 3.2.4), а также пословицы, специфические для данного (межнационального) культурного региона. Так, для многих народов Средней Азии характерны пословицы со значением «Лучше нечто плохое на просторе, чем нечто хорошее в тесноте», для которых, видимо, нет аналогов, скажем, в русской традиции, где актуальны, наоборот, пословицы типа *В тесноте, да не в обиде*.

³⁹ Упомянем лишь некоторые из них:

1) семантические: необходимость учета омонимии и, главное, гетероситуативности (см. особенно п. 3.2.1);

2) «полевые», связанные с трудностью сбора данных ввиду крайне малой частотности каждой конкретной пословицы в речи, откуда вытекает и

3) статистическая недостоверность результатов сравнения, полученных по неизбежно малым выборкам, а на это накладываются также

4) статистические трудности, связанные с неоднородностью изучаемой генеральной совокупности (социальная стратификация населения и т. д.).

⁴⁰ Такое исследование, причем не только сравнительное, но и внутри данного национального фонда, вполне реально и может дать, даже на основе имеющихся сборников и записей, интересные и значимые результаты (для полной интерпретации которых все же желательны данные, о которых говорилось в п. б)).

ЛИТЕРАТУРА

1. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957.
2. Les proverbes érotiques russes. Mouton. The Hague — Paris, 1972.
3. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
4. Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. М., 1970.
5. Пермяков Г. Л. К вопросу о паремиологическом уровне языка. — Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973.
6. Пермяков Г. Л. О явлениях паремиологической омонимии и синонимии. — Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. I (5). Тарту, 1974.
7. Пермяков Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда. — Типологические исследования по фольклору. М., 1975.
8. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.

Н. Барли

СТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД К ПОСЛОВИЦЕ И МАКСИМЕ *

Гёте говорил, что «существует принципиальное различие между теми случаями, когда поэт во всеобщем ищет особенное и когда в особенном находит всеобщее. В последнем случае возникает аллегория, проникающая в законы манифестации всеобщего. В этом и заключается специфическая черта поэзии, выступающей от лица конкретного, которое как бы не думает о всеобщем, не указывает на него. Тот, кто это конкретное, особенное воссоздает и схватывает живо, описывает одновременно и всеобщее, не замечая этого или обнаруживая это только постфактум».

Хотя настоящая работа была начата как изучение англосаксонских пословиц и максим, сделанные наблюдения позволяют высказать более общие соображения, касающиеся этого жанра, и я воспользовался иллюстрациями из современного английского языка, тем более что современные источники, как правило, более доступны и более знакомы читателю.

Интерес к порождающим парадигмам, результативно проиллюстрированным лингвистами и антропологами, позволил задуматься над новой методикой изучения неписьменных литератур. Вот почему в последнее время пословицы привлекают к себе все больше и больше внимания.

НА ПОДСТУПАХ К ПОСЛОВИЦЕ

Среди паремиологов, изучавших пословицы, обнаружились две противоположные тенденции. Исследователи одной культуры, которые в большинстве случаев интересовались диахроническим развитием, происхождением и новой интерпретацией пословичных текстов, изучали пословицы списком. Другие, занимавшиеся сопоставительным исследованием культур, были склонны концентрировать свое внимание на изучении пословицы как **структуры**. Следует, однако, подчеркнуть, что такой подход возникал в процессе поисков более адекватных систем классификации, которые отражали бы сравнительные характеристики пословичных текстов, интуитивно считавшихся в некоторых отношениях сходными. Природа этой интуиции или вовсе не исследовалась, или исследовалась недоста-

---

* Опубл. на англ. яз.: «Proverbium», № 20, 1972, с. 737—750.

точно. Очень немногие, в их числе и А. Тейлор, понимали важность объединения этих двух подходов к изучению пословицы, хотя такое объединение с методологической точки зрения является весьма существенным, что я и попытаюсь показать.

В настоящей работе наше внимание было сосредоточено на двух вопросах: а) Что такое пословица? б) Из чего складывается способность носителя культуры правильно употреблять пословицы?

ПОСЛОВИЦА КАК СТРУКТУРА

Вышеприведенная цитата из Гёте показывает, что он считал поэзию связующим звеном между двумя аспектами, двумя уровнями классификации реальности. Пословицы же являются составной частью поэзии. Пословицы представляют собой метафоры, связывающие один класс с другим, говорил Аристотель (Риторика, кн. 3, 11). Эти точки зрения дополняют друг друга, подчеркивая разные стороны одного явления.

В одной из своих предыдущих работ [4] мне удалось показать, что и загадка, тоже основанная на метафоре, может рассматриваться как семантическая трансформация, как наложение одной категории на другую путем включения одной категории в позиции другой с помощью серии классификационных бинарных оппозиций. Это достигается идентификацией основных характеристик двух категорий, как это показано на первой и второй схемах:

Схема 1

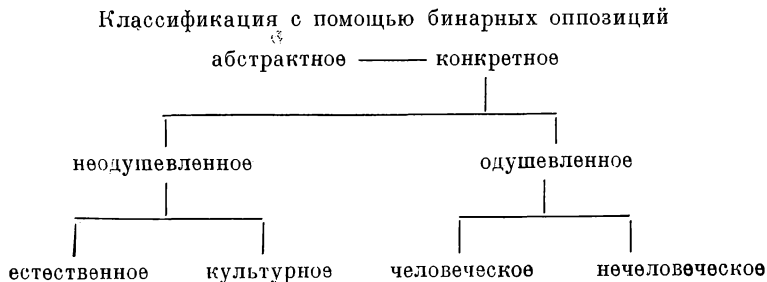
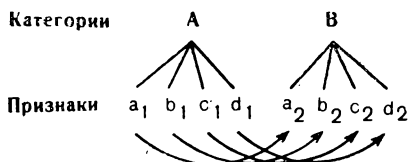

Схема 2

Идентификация двух категорий по их различительным признакам

Полезно также различать два типа манипуляций с подкатегориями деривационного дерева (схема 1):

- а) боковые транспозиции, составляющие сущность метафоры;
 б) процесс генерализации — движение снизу вверх.

Таким образом, точка зрения Аристотеля отражает метафорическую ось, а точка зрения Гете — ось генерализации, как это представлено на схеме 3.

Схема 3

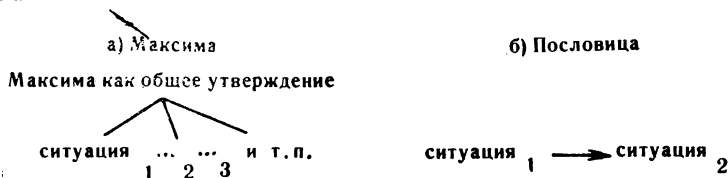
ЗАГАДКИ И МАКСИМЫ

Рассмотрим с этой точки зрения отношения между максимами (например, *Все приходит к тому, кто умеет ждать* — *Everything comes to him who waits*) и истинными пословицами, такими, как *Леопард не может избавиться от своих пятен* (*The leopard cannot change his spots*)^{*}.

Приведенная максима содержит общее утверждение, которое может иметь и чисто литературную интерпретацию. Пословица же, наоборот, метафорична и содержит частное утверждение, которое соотносится с нижней точкой на оси конкретизации. Вместе с тем она является и общим утверждением. *Леопард не может избавиться от своих пятен* — это не только утверждение о леопардах. (Более того, оно не может быть использовано относительно леопардов, не вызывая комического эффекта; см. ниже.) В самом общем виде оно отсылает к обязательной природе тех свойств, которыми мы пользуемся в целях классификации явлений. И не случайно учебники логики в качестве примеров универсальных утверждений приводят пословицы и максимы.

Вышеприведенное рассуждение можно в общем виде представить следующей схемой.

Схема 4

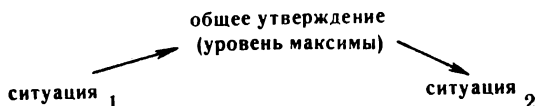

^{*} Здесь и далее дается почти буквальный перевод иллюстративного материала с сохранением, по возможности, лексико-грамматических характеристик слов и их соположения с тем, чтобы сохранить убедительность последующего разбора примеров и их замены на метаязыке. — *Примеч. пер.*

Следует отметить, что схема 4 (б) представляет сокращенный вариант схемы 2.

Существует, однако, и третий тип высказываний, которые обычно относят к максимам, так как они не соотносятся с боковыми трансформациями. В качестве примера такой паремии можно привести высказывание *Осмотришь, прежде чем прыгать* (Look before you leap). Оно соотносится с конкретной ситуацией, но допускает и абстрактную экстраполяцию своего значения. Этот случай можно рассматривать исключительно как процесс вариативности значения вдоль оси конкретизация—генерализация, что и отражено на схеме 4в.

С х е м а 4в

Все это подтверждает, как и следовало ожидать, что различие между пословицей и максимой не является различием между разными типами высказываний, а скорее различием уровней высказывания. Наиболее отчетливо это проявляется в тех случаях, когда мы рассматриваем пословицу вне контекста употребления. Схема 4б достаточно адекватно показывает обсуждаемые отношения в случае актуального использования пословицы, хотя схема эта не может претендовать на общую паремиологическую модель.

Что касается загадок, то нам представляется полезным использовать трактовку Кёнгэс-Маранды [8] в терминах данного (образ) и скрытого (ответ) компонентов. Применительно к случаям типа *Леопард не может избавиться от своих пятен* «данное» представлено словом «леопард», а «скрытое» — все то, что охарактеризовано с помощью пословицы. Загадка отличается от пословицы тем, что обычно она предполагает оба термина «данное» и «скрытое» в самой себе (за исключением загадок обобщающего характера¹), причем контекст загадки содержится в ней самой. Пословицы, в свою очередь, отличаются от загадки тем, что содержание их достаточно понятно и при полном отсутствии скрытого термина, который становится ясен из контекста, что является следствием парадигматического статуса пословицы, занимающей свое особое место в списке словарной статьи. Если мы рассматриваем пословицу вне контекста, то схема 4в достаточно полно отражает положение дел, тем более что любую пословицу можно перефразировать с помощью максимы и с этим лингвистическим фактом нельзя не считаться.

Допустим, что некто Смит, ранее осужденный за кражу, опять совершил то же самое преступление, и мы комментируем это событие, используя пословицу *Леопард не может избавиться от своих пятен*. В данном случае слово «леопард» соответствует термину «данное», в то время как скрытому термину соответствует «Смит». Случаи

такого типа можно отнести к сравнениям по аналогии и изобразить следующим образом:

Леопард : его пятна : : Смит : его преступление,
где : обозначает имплицитную связку, а : : — сравнение по аналогии.

Такой подход позволяет раскрыть **внешние связи** пословицы между данным и скрытым терминами, но при этом совсем не учитываются внутренние логические связи, позволяющие наложить высказывание о леопарде и его пятнах на утверждение о Смите и его преступности. Вместе с тем именно эти внутренние логические связи и определяют относительную независимость пословицы от контекста. В этом проявляется одно из фундаментальных свойств пословицы, позволяющей наложить одну область опыта на другую с помощью базовых логических отношений.

В разбираемом случае релевантное логическое отношение является отношением между категорией и ее свойствами. Глубинную структуру пословицы мы можем записать следующим образом: принадлежность категории А имплицитно подразумевает постоянное наличие отличительной черты а₁. Это и есть **структурное описание** этой пословицы².

Однако этого недостаточно, чтобы полностью исчерпать и описать содержание разбиравшейся выше пословицы. Проведенный анализ не отражает значительного количества релевантной информации, которую использует неискушенный носитель языка в процессе употребления пословиц. В частности, структурное описание содержательной стороны пословицы не учитывает того важного обстоятельства, что скрытый термин «леопард» должен быть соотнесен с одушевленным предметом. Кроме того, скрытый термин «пятна» не может быть использован для обозначения культурных ценностей, имеющих положительную маркировку в сознании носителя языка, таких, как «правда», «честность» и т. д., точно так же как он не может обозначать и конкретных свойств. Вместе с тем скрытый термин в данном случае, может соотноситься с предметом мысли как во множественном, так и в единственном числе. Полное описание пословицы, следовательно, должно содержать те релевантные ограничения, которые и определяют границы употребления пословицы³.

Более адекватное представление о пословицах мы можем получить в том случае, если мы будем рассматривать эти паремии, учитывая механизм, управляющий процессом подстановок глубинных структур. Для разбиравшегося выше случая со Смитом мы можем предложить следующую схему интерпретации:

Пословица → Структурное описание в соответствии с релевантными ограничениями

Это предполагает, в частности, снятие с «леопарда» семантических маркеров [7] вверх до узла «одушевленное» (см. схему 1).

«Леопард» имеет следующие семантические маркеры:

(Конкретное) → (Одушевленное) → (Нечеловеческое) → (Животное: вид кошки) и т. д. После первой операции мы получаем подкате-

горию А, маркированную как (Конкретное) → (Одушевленное). Любое слово, опознанное как принадлежащее к подобной подкатегории, может быть использовано, и подходящие маркеры могут быть присоединены в соответствии с правилами развертывания. В случае со Смитом эти маркеры пойдут по следующей схеме:

(Конкретное) → (Одушевленное) → (Человеческое) → (Взрослый) → (Мужчина). Аналогичным образом развертываются и маркеры «пятна».

С этой точки зрения становится понятным, чем связана разбиравшаяся выше поговорка с максимой *Один раз вор — всегда вор* (Once a thief, always a thief), которая тоже могла бы быть применена по отношению к нашему рецидивисту. Как и многие другие клише, она характеризуется редуцированной синтаксической формой. Мы можем реконструировать первичную форму высказывания, развернув его в «Если человек однажды совершил кражу, он навсегда остается вором». Структурное описание этой максимы имело бы следующий вид: «Однократное вхождение в категорию А имплицитно подразумевает постоянное вхождение в категорию А».

Легко заметить, что такое структурное описание имеет прямое отношение к структурному описанию разбиравшейся выше поговорки. Последнее можно даже рассматривать как трансформацию первого. Во втором случае, однако, релевантные ограничения узла А гораздо полнее, они содержат все семантические маркеры, вплоть до «вор». Вот почему максимы иностранного языка более доступны нашему пониманию, чем поговорки. Максима в себе самой содержит все необходимые ограничения, а знание релевантных ограничений поговорки зависит от знания всего объема словарной статьи, в которую поговорка входит, и носит лексический характер. Вот почему важно различать эти два случая. В качестве примера можно взять поговорку из наших англосаксонских памятников. У Коттона есть изречение *Волк должен жить в лесу* (The wolf shall live in the wood). Если рассматривать это высказывание как максиму, то оно может быть использовано только для характеристики волков, как таковых. Если же рассматривать это высказывание как поговорку, то оно будет иметь соответствующее структурное описание и может быть использовано применительно к более широкому кругу ситуаций. Мы можем, например, перефразировать ее содержание следующим образом: «Всему свое место».

Приведенные выше примеры позволяют сделать следующее наблюдение: поговорка является более подходящей формой аргументации и ведения спора. В то время как обобщения типа *Однажды вор — всегда вор* содержат безапелляционные утверждения и являются вызывающими, утверждения типа *Леопард не может избавиться от своих пятен* представляют более гибкие и более тонкие суждения. Они позволяют нам прикрыть наше замечание более абстрактным сопоставлением конкретных биологических характеристик с чертами характера, предполагая общий трюизм для обеих областей сравне-

ния. Тот, кто не согласен с нашим замечанием, рискует оказаться в положении человека, утверждающего, что леопард может избавиться от своих пятен.

Таким образом, структурное описание и релевантные ограничения отражают существенные черты пословицы и максимы. Эти высказывания являются как бы трафаретами [1], как бы переносными, портативными парадигмами [9]. Объединяя бесконечное количество фактов синтагматического плана благодаря их общим деноминаторам⁴, Хамнет [6] показал, каким образом культурные нововведения становятся часто предметом загадок. Их новизна проистекает из того факта, что они в некотором смысле бросают вызов нашей системе классификации окружающих явлений. Описание их с помощью метафор загадок соотносит их содержание с корпусом и сетью существующих в нашем сознании категорий. То же самое можно сказать о пословицах и максимах, употребление которых показывает, что при установлении отношений между событиями и категориями абсолютно новых ситуаций нет и не может быть. Их можно сравнить с механизмом, с помощью которого сознание строит крупномасштабные узлы [11], переходя от строительства отдельными кирпичами к блочному строительству единицами-полуфабрикатами.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОСЛОВИЦЫ

До сих пор мы опирались на чисто интуитивное определение пословицы. Многие паремиологи с облегчением восприняли заявления А. Тейлора о том, что пословица бросает вызов любой попытке дать исчерпывающее определение этому типу высказываний. Любое определение, конечно, в определенной мере отклоняется от истины, и все-таки давайте попытаемся в общих чертах представить себе, что обычно понимается под пословицей. Пословицу можно охарактеризовать как **общепринятое стандартное высказывание относительно моральных или категориальных императивов в клишированной метафоричной парадигматической форме, анализирующее фундаментальные логические отношения.**

Я бы при этом еще раз подчеркнул, что пословицу нельзя рассматривать изолированно от всего комплекса отношений с другими родственными формами и структурами. В частности, под стандартным высказыванием я понимаю такое высказывание, которое в любой данной культуре задается списком. Можно предположить, что неискушенный носитель языка владеет базовым лексиконом пословичных изречений, на основе которого он может создавать описания окружающего мира в соответствии с релевантными ограничениями. Именно этим пословицы и отличаются от спонтанно созданной метафоры или остроумного замечания, и именно это условие прочно связывает пословицы с другими типами клише. Это не значит, конечно, что пословичный фонд не может быть расширен и изменен. Культура и человеческая индивидуальность представляют сложный сплав, и

это сказывается на всех разделах словарного запаса. Базовые механизмы, однако, раскрывающие специфические характеристики языка, являются относительно стабильными. Двойственная природа пословицы вытекает из ее синтагматического и парадигматического статуса.

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПОСЛОВИЦ

Пословица состоит из цепочки связанных между собой морфем, и это определяет ее синтагматические характеристики. Но она же определенным образом на правах особой единицы входит в состав единиц более высокого уровня, чем и задается ее парадигматика. Синтагматическая природа пословицы проявляет себя в ограничениях вариативности и перестановок. Комический эффект, производимый такими вариациями и перестановками, иллюстрирует ее парадигматические свойства. (Кстати, любое шуточное замечание связано с намеренным искажением парадигматических отношений.)

1. И г р а с л о в

Примером игры слов может служить пословица *Не кладите все яйца в одну корзину*, использованная для шуточного комментария по поводу одного из эпизодов гражданской войны в Испании: «Не ставьте всех ваших ваших басков в одном проходе» (*Don't put all your Basques in one exit* ← *Don't put all your eggs in one basket*).

2. П е р е ф р а з и р о в к а

Пословица *В стаю собираются птицы одного оперения* может быть перефразирована с иронической целью: «На конгресс собираются птицы одного полета» (*Birds of a feather flock together* → *Fowls of a similar plumage congregate together*).

3. П е р е к л ю ч е н и е у р о в н е й

В том случае, когда в ходе спора пословичное изречение употреблено против нас, мы можем отреагировать на него как на синтагму, делая вид, что мы не понимаем его парадигматического значения. Так, когда нам скажут: *Дареному коню в зубы не смотрят* (*Don't look at a gift horse in the mouth*), мы можем ответить: «Конечно, но при чем тут лошади?!» Тот же самый механизм лежит в основе юмористического эффекта, когда данный и скрытый термины совпадают. Так, например, охотник за утками, который жалуется на то, что его добычей становятся только «сидячие утки», вызовет смех.

4. М о д и ф и к а ц и я

Если скажут, что кто-то хочет перемыть нам косточки, мы можем спросить: «А какие косточки, в частности?»

5. В о с п р о и з в о д и м о с т ь

Комический эффект вышеописанных приемов основан на примечательном парадигматическом свойстве пословицы — целостности и неизменности ее формы и содержания. Последнее обуславливает ее стереотипную воспроизводимость, что позволяет применять широкий

круг референций к пословичному высказыванию, которое может и не цитироваться, но просто иметься в виду.

6. Грамматические трансформации

Несмотря на то что с парадигматической точки зрения пословичное изречение и является практически неизменным, оно может подвергаться обычным грамматическим трансформациям, которые перестраивают связи соотнесенных символов. Так, например, мы можем сказать: «Хотя леопард и не может избавиться от своих пятен, он... и т. д.».

ПОСЛОВИЦЫ, МАКСИМЫ, ПОСЛОВИЧНЫЕ ФРАЗЫ

До сих пор речь шла преимущественно о пословице. (Термин «устойчивое изречение» включает как пословицу, так и максиму.) Но, как это видно из схемы 4с, многие из высказанных нами соображений относятся также и к максиме. Тесная связь между пословицей, максимой, а также близкими к ним пословичными фразами и загадками отражена ниже:

	Наличие логической структуры	Форма суждения	Неизменяе- мость формы	Метафо- ричность
Пословица	+	+	+	+
Загадка	+	-	-	+
Максима	+	+	+	-
Пословичные фразы	+	-	+	+

В принципе кроме указанных возможны и другие варианты. В частности, сюда не включены пословичные изречения, не имеющие признака «неизменяемость формы», которые можно было бы назвать «потенциальными пословицами». К этой рубрике можно отнести многие образцы литературного остроумия, становящиеся со временем настоящими пословицами.

Весьма примечательно, что к «потенциальным максимам» относятся многие образцы рекламы. Некоторые из них приобретают на некоторое время широкую популярность и становятся таким образом временными максимами.

Многие исследователи указывали на трудности, связанные с установлением различия между истинной пословицей и пословичными фразами. Единственным различием между ними, согласно нашей таблице, является то обстоятельство, что истинные пословицы имеют форму суждения, в то время как пословичные фразы этой формы не имеют. Пословичные фразы представляют метафорические номинативные или вербальные конструкции, а истинная пословица представлена, как правило, законченным предложением метафорического характера. Иными словами, это разница грамматического статуса. Тем не менее различие это является весьма существенным. Строго говоря, к пословичным фразам следует отнести случаи типа *Закреть дверь конюшни после того, как лошадь исчезла* (To shut the stable

door after the horse has bolted). Такие конструкции существенным образом отличаются от истинных пословиц типа *Пустые сосуды бренчат громче* (Empty vessels make the most noise). Можно полагать, что в каждом конкретном случае находит отражение различие в релевантных ограничениях. В частности, пословичные фразы в современном английском языке допускают прямые (одушевленное → неодушевленное) и обратные (неодушевленное → одушевленное) трансформации, чего нельзя сказать о семантической структуре современных английских пословиц. Этот аспект проблемы заслуживает специального исследования, но я не знаю ни одной работы, посвященной этой теме, хотя с методической точки зрения несомненно важно выяснить, какая информация о релевантных ограничениях относится к общим правилам и какая часть этой информации должна содержаться в словарных статьях.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ И ЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПОСЛОВИЦ

В предыдущих разделах наше внимание было сосредоточено на гетерогенном **содержании** пословиц, максим и других аналогичных конструкций, точнее, на том, как это содержание раскрывается с помощью наложения на него определенных структурных форм. Теперь необходимо более подробно остановиться на самом репертуаре структурных форм.

Область категорий и правил, которыми оперируют традиционные высказывания, соответствует сложной системе семантических ценностей. Соотнесение пословичных высказываний с категориями, правилами и семантическими ценностями позволяет выделить соответственно три классификационные рубрики. В синтагматическом плане, однако, каждое отдельное высказывание нельзя надеяться отнести только к одному определенному классу. Когда мы выбираем ту или иную категориальную форму, мы зачастую используем для этой операции те семантические ценности, которые являются различительными чертами категории. Правила, управляющие нашим поведением, неизбежно находятся под влиянием нашего мировоззрения и категориального расчленения действительности. Из этого следует, что категории не могут быть полностью отделены от семантических ценностей, а семантические ценности, в свою очередь, от прагматических правил поведения.

О СЕМАНТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЯХ

В 1970 г. Мильнер высказал предположение [11], что в основе по крайней мере большинства паремий лежат элементы, репрезентирующие оценку содержания с культурной точки зрения и образующие четырехчастную структуру. Отдавая должное этому глубокому и тонкому наблюдению, не следует, однако, преувеличивать значе-

ние установленных Мильнером закономерностей, так как положительные и отрицательные оценки составляют лишь часть тех релевантных ограничений, которые накладываются при структурном описании. Не менее важным, например, является соотнесение содержания с категориями одушевленного—неодушевленного, конкретного—абстрактного, как это было показано выше. Более того, как я уже отмечал в других своих работах, именно логические категориальные формы, такие, как причина, результат, объект и др., и их отношения формируют независимое от контекста содержание таких высказываний. При этом в синтагматической цепи в традиционных высказываниях отражается бинарная форма противопоставлений и ассоциаций элементов, составляющих семантическую структуру. И четырехчастная структура в конечном итоге представляет не что иное, как двойную бинарную оппозицию. Вот почему мы не должны даже пытаться втискивать в прокрустово ложе четырехчастной структуры все разновидности пословиц и поговорок. Далеко не все будут иметь такую форму.

Приведем несколько примеров.

1. *Молчание — золото* (Silence is golden). Данную поговорку можно перефразировать в форме максимы «Молчание имеет в высшей степени положительное значение», что соответствует предикатному выражению «*А есть В*». Не оставляет сомнения, что в приведенном примере мы имеем дело с оценочными категориями, но, как мы видим, они не образуют четырехчастной структуры.

2. *И на старой скрипке можно сыграть красивые мелодии* (Many a good tune is played on an old fiddle). Семантическая структура данного высказывания может быть представлена следующим образом: «Отрицательная оценка средства *А* не обязательно влияет на положительную оценку результата *В*».

3. *Вовремя сделанный стежок стоит девяти* (A stitch in time saves nine). Семантическую структуру третьей поговорки можно представить следующим образом: «Один сейчас лучше, чем девять потом»; релевантные ограничения предполагают ценность обоих членов рассуждения, и потому «время» оказывается смысловой связкой логического парадокса и приобретает особую значимость.

4. *Дело есть дело* (Business is business), что соответствует структурному описанию: «*А* имплицитно *А*» (и следовательно, не *В*). Семантическая структура приведенного высказывания раскрывает содержание категории «дело».

5. *Нет дыма без огня* (Where there's smoke, there's fire), что соответствует структурному описанию: «Наличие результата *В* имплицитно наличие причины *А*».

6. *Многое может случиться (за то время), пока подносишь чашку к губам* (There's many a slip between cup and lip); семантическая структура приведенного высказывания может быть представлена следующим описанием: «Намерение *А* не содержит реализации намерения *А*».

ПОСЛОВИЦЫ И ЗАГАДКИ

Мильнер [11] и Кёнгэс-Маранда [8] показали, что в некоторых культурах можно найти многочисленные примеры взаимообратимости загадок и пословиц. Маранда приводит следующие примеры из финского фольклора.

Загадка: *Румяный пирог с соломенной начинкой* (A cake that looks good from the outside, inside is full of straw).

Разгадка: Плохой человек, внешне похожий на хорошего.

Пословица: *Румяные пироги бывают с соломенной начинкой* (Many cakes look good from the outside but are full of straw).

Структурное описание: «Внешний положительный признак А может скрывать внутренний отрицательный признак А».

Приведенный пример наглядно иллюстрирует полную обратимость загадки и пословицы. Структурное описание вскрывает общие компоненты семантики, что подтверждается и общей метафорической трансформацией «человек—пирог». Однако мы знаем, что значение пословиц должно быть понятно и знакомо носителям языка, иначе они не смогут выполнять возложенную на них функцию (ср. [11]). Загадка же, как правило, представляет трудную задачу-вопрос. Вместе с тем этот факт является дополнительным аргументом для выделения в особые классификационные рубрики пословиц истинных и пословиц потенциальных. Загадка обычно разрабатывает малоизученные отношения между данным и скрытым терминами. Пословица же, наоборот, вовлекает в метафорическую игру отношения, отретпетированные в повседневном общении. Следует также отметить, что загадка ориентируется только на свой собственный контекст, в то время как актуализация пословицы связана с ситуацией. Немаловажным является также то обстоятельство, что загадка обнажает противоречия между данным и скрытым терминами [8; 4], а пословица этого сделать не может. Ведь смысл пословицы как раз и заключается в том, чтобы вскрыть гомогенные составляющие в синтагматически непохожих ситуациях, иногда содержащих в неявной форме переход с уровня на уровень (как это можно было наблюдать на разбиравшемся выше примере со Смитом). Поэтому несомненно важным является то обстоятельство, что только те загадки могут иметь параллельные пословицы, в которых не содержится очевидных противоречий между структурой вопроса и структурой отгадки. При этом семантическая структура загадки ориентируется на установление и фиксацию внешних отношений между объектами мысли, а пословица использует эти уже известные отношения для того, чтобы раскрыть фундаментальную логическую природу внутренних отношений. Именно по этой причине пословицы широко пользуются такими риторическими фигурами, как антитезис.

Все вышесказанное позволяет прийти к заключению, что загадка легко использует различительные черты категорий для раскрытия противоречий, в то время как пословица этого сделать не может.

Причина указанного различия заключается в том, что семантическая структура пословицы определяется парадигматическими отношениями, а загадка, как правило, подобно обычным метафорам, принадлежит синтагматическому плану.

Исследование структурных характеристик семантики не предполагает, конечно, невнимания к содержательной стороне пословичного образа. Несмотря на то что образы пословиц полностью предсказуемы и неизменны, они выполняют очень важную функцию коннотации. Действительно, назвав чьих-то друзей *Пчелами вокруг розы* (*Bees round a rose*) или *Мухами вокруг навозной кучи* (*Flies round a dung-heap*), мы выражаем такие различия ситуаций, которые никак нельзя назвать несущественными.

Вышесказанное можно подтвердить анализом следующего примера: *Из свиного уха шелкового кошелька не сошьешь* (*You can't make a silk purse out of a sow's ear*).

Семантическая структура может быть представлена следующим образом: «Отрицательно оцениваемые свойства материала *A* не дают возможности получить положительно оцениваемый результат *B*». Шелковый кошелек является предметом женского туалета, указывающим на принадлежность к высшим кругам общества, на изысканный вкус и культуру. Свиное ухо ассоциируется с грязью, грубостью, бранью и выступает знаком противоположного полюса культурных ценностей, связанных с деревней, с крестьянским бытом.

Пословичные противопоставления основаны, как правило, на подобных полярных оппозициях, и именно поэтому в этих случаях нейтрализация невозможна.

АНГЛОСАКСОНСКИЕ ПАРЕМИИ

Для исследования традиционных высказываний мы воспользовались материалами из собрания пословиц Дюрхэма, а также собраний изречений Экстера и Коттона. Не вызывает никакого сомнения, что сборник Дюрхэма помимо истинных пословиц содержит и максимы. Паремииологический статус других текстов не вполне ясен, но они могут быть отнесены в рубрику потенциальных пословиц, и мы их будем рассматривать именно с этой точки зрения. Общий объем сохранившихся памятников англосаксонского периода не настолько велик, чтобы мы могли опираться на критерий частотности употребления как на признак различения истинных пословиц от неистинных. Более того, у нас полностью отсутствуют какие бы то ни было данные о парадигматических связях традиционных высказываний. Сказанное, конечно, относится и к релевантным ограничениям, представленным в лексике. Тем более странным является то обстоятельство, что мы все-таки в состоянии охватывать структуру внутренних связей пословицы даже в тех случаях, когда ее внешние связи недостаточно ясны и очевидны. Это лишний раз под-

тверждает выдвинутое нами предположение, что релевантные ограничения следует рассматривать скорее как вариативные отклонения от общей схемы описания, поскольку формально-логические отношения, представленные в пословицах, в меньшей степени обусловлены связями с компонентами содержания, ориентирующимися на конкретную культуру.

Например: *Нельзя дуть на огонь, если рот полон муки* (A man cannot have his mouth full of flour and also blow the fire) [Дюрхэм, 43] (см. также [14, с. 70]).

Приведенную поговорку можно перефразировать следующим образом: «Человек не может одновременно выполнять два несовместимых дела», но мы не имеем ни малейшего понятия о тех ситуациях, в которых данное высказывание использовалось, и, следовательно, не можем установить релевантных ограничений.

Выше уже говорилось о необходимости различать англосаксонские максимы от собственно пословиц. Однако, поскольку основное различие между ними состоит в том, что релевантные ограничения максимы всегда выражены эксплицитно, в то время как у пословиц они связаны с системой лексики, провести такую границу во многих случаях оказывается невозможным. Утверждения самого общего характера, например *Родственники должны иметь общую собственность* (Kinsmen shall have property in common) [Cotton], можно рассматривать как максимы. Если же высказывание носит более конкретный характер, его следует отнести к пословицам.

Пословицы

ПД — пословицы Дюрхэма; ИЭ — изречения Экстера; ИК — изречения Коттона

1. *Сокровища часто скрыты в грязи* (Treasure often lies in a dirty bag) [ПД7]. Структурное описание: «Внешне отрицательно оцениваемые свойства А могут скрывать внутренние положительно оцениваемые свойства А». Приведенный пример представляет собой интерес как трансформ финской пословицы-загадки, приводимой Марандой и разбиравшейся нами выше. Как мы видим, пословицы самых разнообразных культур используют и воспроизводят одну и ту же семантическую структуру. К этому вопросу нам еще предстоит вернуться немного позже.

2. *Бывает, что самая страшная жажда приходит после браги* (Sometimes men are most thirsty after drinking mead) [ПД 8]. Перефразировка семантической структуры: «Иногда действие А вызывает прямо противоположный результат цели А».

3. *В добрый год собака уступает ворону* (It is a good year when the dog gives to the raven) [ПД 6]. Перефразировка в форме максимы: «В хороший год соперники уступают друг другу» (подразумевается, что собаки обычно никогда не уступают ворону, поэтому использовать подобную пословицу следует с особой осторожностью).

Мы можем свернуть подобное высказывание до ядерной семантической структуры типа «когда *A* имплицитно противостоит *A*». В таком случае пословица может быть соотнесена с многочисленными пословицами, семантическая структура которых связана с невероятными ситуациями, например: *И свиньи полетят, когда ад замерзнет* и т. д. (Pigs might fly, till Hell freezes over).

4. *Если у человека сердца незрячее, он слеп на оба глаза* (He is blind in both eyes who does not see with his heart) [ПД 17]. Перефразировка в форме максимы: «Человек не видит того, чего он не хочет видеть» (сравни с бытующим изречением: *Поистине слеп тот, кто не хочет видеть*). Семантическая структура: «*B* имплицитно высшую степень *A*», где желание совершить действие выступает в качестве связи между *A* и *B*.

5. *Кто не пробовал горького, тот не оценит сладкого* (He who has not tasted bitterness has no sense of sweetness) [ПД 29]. Перефразировка в форме максимы: «Кто не пережил плохого, тот не может оценить по достоинству хорошее». Семантическая структура: «Из *A* вытекает противоположное *A*».

6. *Кто хочет догнать оленя, не должен жалеть лошади* (He who wishes to run down the hart must not care about the horse). Перефразировка в форме максимы: «Цель оправдывает средства». Семантическая структура: «Стремление получить *A* имплицитно безразличие к выбору средства *B*».

Максимы

А) Изречения преимущественно оценочного и категориального характера.

1. *Доктор нужен больному* (A sick man needs a doctor) [ИЭ]. «*A* имплицитно *B*».

2. *Пусть обесчещенный живет в тени, а честный наслаждается светом* (A shamed man shall walk in shadow, the pure deserves light) [ИЭ]. «Положительное *A* имплицитно положительное *B*, отрицательное *A* имплицитно отрицательное *B*».

3. *Если полководец храбр, то и солдаты храбры* (All the army is bold when the leader is bold) [ПД 31]. «*A* : *B* :: *C* : *B*», где *A* и *C* связаны отношением лидера и руководимого.

4. *Чем благороднее хозяин, тем благороднее гости* (The choicer the host, the choicer the guest) [ПД 27]. «*A* : *B* :: *A* : *C*», где *B* и *C* связаны отношением приглашающего и приглашенного, иными словами, приведенный пример является трансформом предыдущего.

5. В целом все материалы Коттона прекрасно иллюстрируют порядок устройства мира и содержат рекомендации относительно того, что нужно делать и чего не следует, отражая сложившиеся отношения иерархии и оппозиций и наложения одних структур на другие. Так, например, мы находим здесь следующие изречения:

Пусть сокол сидит на рукавице охотника;
 Пусть волк в лесу живет, одинокий;
 Пусть бродит кабан по чаще,
 Крепкий силой своих клыков. . .

Семантическую структуру приведенного примера можно записать как: « $A : B :: C : D :: E : F$ » и т. д., где противопоставленные пары вскрывают отношение животного и места его обитания.

Пусть бог, восседая на небе, судит наши дела;
 Пусть дверь прикрывает вход в наши жилища;
 Пусть кованый щит защищает руки и ноги;
 Пусть птицы летают, резвяся, в небе;
 Пусть быстрым ударом лосось рассекает воду. . .

Семантическая структура приведенного отрывка аналогична предыдущему примеру. Разница заключается в семантических маркерах, отношения между которыми напоминают отношения между данным и скрытым терминами в поговорах.

Б) Изречения преимущественно прагматического характера.

Этот тип максим предписывает правила поведения и дает нормативные оценки поступкам и событиям с позиций повседневной практики, классифицируя разнообразную деятельность с помощью ассоциаций.

1. *Родственники должны иметь общую собственность* (Kinsmen shall have property in common) [ПД 13], что можно записать следующим образом: «Пусть A имплицитно a »/« A имплицитно a ».

2. *Долг платежом красен* (Every gift deserves a return) [ПД 28]. Структурная формула приведенного примера аналогична разобранному выше, как это вообще характерно для подобного рода правил.

3. *Приводя королеву, король должен привести вместе с ней и стада овец* (A king shall buy a queen with cattle) [ИЭ].

4. *Одинокий человек начинает дружить с волками* (A friendless (lordless) man takes wolves for companions) [ИЭ].

Эти и подобные им правила составляют целый кодекс взаимовыгодных отношений между завоеваниями цивилизации и природной средой, иногда противоречащими друг другу, иногда выступающими в роли союзников. Эти правила здравого смысла, однако, пренебрегают анализом более глубоких связей и отношений и сосредоточивают свое внимание на синтагматических фактах поведения, рифмуя их с псевдопарадигматическими событиями, порождающими тот же самый эффект. В результате образуется тавтологический круг. Действительно родственники располагают общей собственностью по закону, а не потому, что это связано и вытекает из системы значащих оппозиций между «нами и «ими»; семантическая структура этих оппозиций изменилась с рождением Права.

ПЕРЕВОДИМОСТЬ ТРАДИЦИОННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ И ИХ ПОНЯТИЙНАЯ СТРУКТУРА

Пословицы, загадки и максимы легко мигрируют из одной культуры в другую (сравните, например, англосаксонский вариант изречений Коттона). Точно так же как и мифы, они легко переводятся и воспринимаются. В чем причина этого явления?

Мильнер предположил, что в основе традиционных высказываний лежит общая глубинная четырехчастная структура. Я уже имел случай выразить свои сомнения в истинности такого соображения. Во всяком случае, теория Мильнера не может объяснить, почему мифы, загадки и пословицы попадают с этой точки зрения в одну и ту же рубрику. Мне представляется, что причина этого интереснейшего явления кроется в следующих обстоятельствах.

1. Понятийные категории «ассоциация», «импликация», «оппозиция», с помощью которых раскрывается структура высказываний, вводят общие границы для понимания содержания сложившихся форм.

2. Многоуровневая природа символических форм не позволяет четко разграничивать синтагматику и парадигматику. Термины «парадигматический» и «синтагматический» чисто условны. Парадигматические единицы могут быть вычленены только относительно другого, более низкого уровня иерархических ценностей. На материале загадок и прагматических максим можно видеть, что всегда возможно введение новых составляющих на любом уровне. Что касается пословиц и максим, то здесь наблюдается движение от единичных высказываний относительно необщих понятий к образованию новых группировок понятийных категорий, аналогично тому как изменяются наши представления с переходом от атомного уровня на молекулярный, где мы уже рассматриваем *A* и *B* не как изолированные сущности, а в свете тех отношений и связей, которые могут быть установлены между ними.

Сам процесс метафоризации связан с трансформацией одних структур в другие и с переходом с одного подуровня на другой.

3. Универсальный характер вышеперечисленных явлений становится все более очевидным с появлением новых работ по антропологии и трансформационной грамматике.

Все вышесказанное показывает, что содержание понятийных категорий может варьировать от культуры к культуре, но сущностная природа процессов формализации остается неизменной. Не исключена возможность, что под покровом вариаций субстанции скрываются универсальные закономерности формальной логики. Во всяком случае, именно к этому выводу позволяет прийти анализ семантической структуры пословиц даже в пределах одной культуры.

КОНТЕКСТ И ВЕЛЕРИЗМЫ

Англосаксонские памятники содержат ряд велеризмов. Как показал А. Тейлор, велеризмы состоят из двух частей: из прямой речи

и обстоятельства высказывания. Типичная для англосаксонских памятников форма велеризмов — это «А сказал В». Приведем несколько примеров.

1. «*Что-то неладно в этом мире*», — сказал тот, кто услышал кричащих в аду («Things are not well throughout the world», said he who heard them wailing in Hell) [ПД 44].

2. «*Ну, теперь дело за тобой*», — сказал крестьянин, усевшись верхом на свинью («Now it is up to the pig», said the man and sat on the swine's back) [ПД 10].

3. «*А я-то думал, что у тебя все в порядке*», — сказал человек, увидевший пролетающую вверх ногами ведьму («Yet I thought you were well», said the man who saw a witch passing by on his head) [ПД 11].

Клишированными могут быть обе части велеризма или только одна из них — А или В. Любопытным примером использования одной из клишированных частей велеризма является поговорка «*Как сказала актриса епископу*». В соединении с любым высказыванием самого общего характера эта поговорка придает такому высказыванию фривольный оттенок. Мне представляется, что пословица восходит к обычному частному высказыванию, которому придается общий смысл при помощи снятия семантических маркеров. Интерпретация пословицы при ее актуальном использовании осуществляется за счет принятия свежих семантических маркеров, извлеченных из контекста. Таким образом, вместо того чтобы использовать идеоматические выражения в новых контекстах, мы можем использовать идеоматические контексты для новых высказываний. Следовательно, велеризмы с клишированными В представляют искусственный контекст, выполняющий функцию модели всего традиционного высказывания в целом, которое в таких случаях задает группу семантических маркеров и навязывает определенную интерпретацию высказыванию.

ПОСЛОВИЦЫ, ЗАГАДКИ, МАГИЯ И ЛИТЕРАТУРА

На первый взгляд может показаться, что между названными в подзаголовке проблемами слишком мало общего для взаимосвязанного обсуждения. Правда, выше уже упоминалось, что структура метафоризации загадки и пословицы имеет много сходных черт. Что же все-таки заставляет рассматривать все эти явления в одной рубрике?

МАГИЯ

В одной из своих предыдущих работ по англосаксонским памятникам я рассматривал магическую сторону медицинских текстов [3]. В настоящей работе уместно обратиться к исследованию метафорической стороны магических текстов.

Заговор от зубной боли:

После захода солнца повторяй почаще следующее: «Кайо-лайо, Квок-Иквок. Спаситель Всемогущий, порази червей людских». Затем назови человека и семья его, затем произнеси следующее: «Лилименные. Боль невыносима, когда Солнце покидает нас, но она постепенно уходит, когда солнечное Светило накаляет землю своими лучами. Аминь тому слову» [Lacnunga 8].

Семантическую структуру вышеприведенного заговора можно описать следующим образом:

Солнце уходит : боль возрастает : : солнце встает : боль утихает.

Иными словами, солнце и боль рассматриваются как универсально пропорциональные категории (*A* имплицитно не *B*).

Ассоциативные параллели с отдаленными космическими объектами типичны для англосаксонских памятников. Англосаксы полагали, что многие болезни возникают в результате вселения в тело злых духов и низших форм жизни, обитавших на пустошах. Отдаленные предметы космоса всегда ассоциировались с порядком неба, с богом, с добрыми силами. Отсюда — свет : добро : : темнота : зло. Совершенно естественно, что увеличение солнечного света ассоциировано с уменьшением влияния злых сил, вызывающих зубную боль.

Заговор с целью вернуть скот:

Если пропал скот, то хозяин до того, как что-нибудь сказать по этому поводу, должен сказать следующее: «Вифлеем, город рождения Христа. Этот город славят весь мир. Да будет раскрыто это злодеяние перед лицом людей» (Cockayne I, 39].

Можно предложить следующую перефразировку: «Вифлеем известен за доброе дело, так пусть этот поступок станет известен за злое дело», иными словами, *A : B : : C : не B*.

Широко использовались и библейские фабулы, которые для мышления англосаксов представляли фундаментальную модель мира. Пищей для метафоризации магических текстов служила и элегическая поэзия. Подобные примеры многочисленны в англосаксонских памятниках: «Земля и все на ней слабеет с каждым днем». . . «Все земное обречено на исчезновение». Вандерер исследовал достаточно глубоко этот аспект мировоззрения англосаксов. Совершенно очевидно, что они сопоставляли недолговечность нашего мира с вечностью и непреходящими ценностями неба, где царил высший порядок. Однако и в пределах земного хаоса человеческая история не представлялась только в категориях энтропии. Она также производила упорядоченные структуры. Точно так же как формализованная структура пословиц могла быть использована для упорядочения гетерогенной цепи событий в земной реальности, последовательность событий могла быть сжата в чистую структуру и использоваться в парадигматическом смысле. Вот почему человек, разыскивающий украденный скот, обращался мыслью к образу Ирода, не сумевшего обмануть Христа (категория внутреннего прозрения).

к образу святой Елены, нашедшей крест (открытие), и к образу Христа, пригвожденного к кресту (неподвижность). Человек, испытывающий острую боль в боку, вспоминал о том, как Лонгин проколол Христу грудь, выпустил из тела кровь и тем облегчил его страдания. Человек, испытывающий зубную боль, вспоминал о том, как Христос вылечил зубы апостолу Петру.

Аналогичное использование парадигматического аспекта событий наблюдается и в литературе. Так, лейтмотивом Диора являются несчастья известных героев-германцев. После того как безвестный менестрель описал всевозможные несчастья и страдания своих героев, он непременно утешает себя и своих слушателей повторяющимся рефреном, имеющим структуру велеризма: *«Все это кануло в вечность, значит, так оно и было»*.

Посмотрим же теперь, какова структура поступков, предписываемых заговорами.

Поступки могут выступать знаками компонентов ситуации и связей между ними, точно так же как и слова. Именно об этом говорит эквивалентность слов и движений в загадках общего содержания (например, мимика, сопровождающая загадку *«На что я похож?»*), в метафорах-акциях (например, использование теннисной ракетки вместо банджо), в шутках-акциях (например, пластиковые детали, способствующие интерпретации невероятного в карикатурах типа *«Том и Джерри»*).

Аналогичный набор логических отношений можно обнаружить и в процессе заговора в словах и предписываемых акциях.

Так, например, для того чтобы поймать рой пчел, предписывается следующее:

*Брось на них пригоршню гравия, туда, где они роятся, и скажи:
«Присядьте, миледи, присядьте,
Спуститесь на землю. Не летайте к своим диким сестрам
В далекие леса.*

Не забывайте моих добрых дел,

Как не забываем мы хлеб и богатство» [Соскауне II, 385].

Можно предложить следующую перефразировку приведенного заговора: «Так же как гравий падает на землю, пусть пчелы упадут на землю. Так же как человек помнит доброе отношение, пусть пчелы не забывают заботу и уход хозяина». Структурное описание семантики можно записать как отношение $A : B :: C : B, A : B :: C : B$.

ТРАДИЦИОННЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Представляется, что специфические свойства англосаксонской поэзии, связанные с ее существованием в качестве устных формул-клише, не нашли до сих пор адекватной интерпретации. Существующие теории исходят из того, что сами условия импровизации на месте заставляли менестрелей пользоваться застывшими фразами и вариациями этих фраз. А следовательно, и пословицы, входящие

в нужные парадигматические измерения семантики, могли сгодиться для этой цели несколько не хуже, чем другие средства. Этим объясняются обычно и многочисленные параллели, обнаруживаемые в самых различных текстах. Просматривая периодику по вопросам поэзии и мифологии, нельзя не заметить, что многое из того, что написано в посвященных этим проблемам работах, несомненно, приложимо и к пословице.

Изучая поэзию и мифы, Паз [13] заметил, что поэзия в целом выходит за пределы языка в обычном смысле этого слова, так как гибкие и взаимозаменяемые знаки языка она превращает в застывшую речь. Так же как и в мифах, в поэзии осуществляются мутационные процессы в пределах категории времени, формирующие особую категориальную форму прошедшего времени, которое, по существу, соотносится с будущим, являясь одновременно и постоянным настоящим, репрезентируя себя с готовностью в любой нужный и подходящий момент. Вот в этом-то пословица и сходна с поэзией и мифами. Несомненно, она соотносится и с действительностью, но ее основной диалог заложен в ней самой. Она императивно накладывает свою семантическую структуру на ситуацию, используя универсальные категории внеисторического времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели только некоторые аспекты семантической структуры пословиц и максим, но и этого достаточно, чтобы увидеть более отчетливо специфику этих двух жанров. Представляется, что для внесения полной ясности в постановку проблем, связанных с исследованием этой области знания, необходимо использовать всю имеющуюся в распоряжении исследователя информацию и все материалы, могущие пролить свет на интересующие нас вопросы. Хотелось бы надеяться, что нам удалось проделать часть пути, охарактеризовав тот способ описания, с помощью которого можно этого достичь. То, что понимают лингвисты под «структурным описанием», может заложить основы более продуктивного подхода для перекрестного сравнения разных культур и наметить выход из закрытого мира перемешанных категорий, в котором приходится действовать паремологам. Совершенно ясно, что пословицы и максимы не могут быть до конца поняты и исследованы в отрыве от других структур, которые навязывают ситуациям свои модели. При таком подходе паремология становится частью семиотики — науки о знаках — и смыкается с лингвистикой и этнографией, осознавая свое особое место и приобретая особый вес в попытках проникнуть в тайны человеческой мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подобные загадки освобождены от всякой информации, которая позволяла бы отгадывающему соотнести предмет загадки с единичной категорией.

² Здесь уместно вспомнить о работах по общей семантике и формальной ло-

гике, которые позволяют предложить более строгую формализацию подобных независимых от контекста высказываний. Однако это слишком бы усложнило изложение и понимание материала.

³ Важно, конечно, различать те составляющие пословицы, которые могут быть раскрыты с помощью структурного описания, и те, которые обнаруживают себя в релевантных ограничениях. С методической точки зрения следует стремиться к тому, чтобы структурные описания были предельно просты. В частности, это относится к случаям положительной и отрицательной оценки обозначаемого. Если один из терминов имеет оценочную характеристику, то достаточно ввести релевантные ограничения. В том случае, когда оба термина носят оценочный характер, оценочная маркировка составляет часть внутренней структуры и, следовательно, должна быть представлена в структурном описании.

⁴ Термины «синтагма» и «парадигма» отражают два различных аспекта внутренних отношений между различными объектами, событиями и т. д. Практически синтагмы представляют из себя актуальные реализации парадигматических структур, а поэтому содержат ряд случайных неразличительных черт, тесно связанных со временем и пространством. Парадигмы являются абстрактными категориями, благодаря которым мы понимаем и интерпретируем встречающиеся в употреблении синтагмы. (Более подробно об этом см. [2].)

ЛИТЕРАТУРА

1. Ardner E. Witchcraft, Economics and the Continuity of Belief. — Douglas M. [ed.] Witchcraft Confessions and Accusations. L., 1970.
2. Ardner E. [ed.] Social Anthropology and Language. L., 1971.
3. Barley N. Anglo-Saxon Magico-Medicine. — «Journal of the Anthropological Society of Oxford». 1972, vol. 3, № 2.
4. Barley N. Structural Aspects of the Anglo-Saxon Riddle (forthcoming).
5. Гооскауне Т. Leechdoms, Wordcunning and Starcraft of Eearly England. L., 1864.
6. Hamnett I. Ambiguity, Classification and Change: the Function of Riddles. — «Man». Vol. 2, № 3, 1967.
7. Katz J. and Fodor J. The Structure of a Semantic Theory (In the Structure of Language, same authors). New Jersey, 1964.
8. Königäsa-Marana E. Structure des Enigmes. — «L'Homme». 9, 1969.
9. McLeod M. ASA10. — «Journal of the Anthropological Society of Oxford». 1969, vol. 2, № 3.
10. Milner G. The Psychology of Communication. L., 1968.
11. Milner G. From Proverb to Riddle and Vice Versa. — «Proverbium», № 15, 1970.
12. Milner G. The Quartered Shield (In Ardner, 1971).
13. Paz O. Claud Levi-Strauss: An Introduction. L., 1971.
14. Seiler F. Deutsche Sprichwörterkunde. Munich, 1922.

А. А. Крикманн

ОПЫТ ОБЪЯСНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ ПОСЛОВИЦЫ

Объяснение есть раскрытие сущности объясняемого объекта, которое может быть осуществлено лишь через познание ее отношений и связей с другими сущностями или ее внутренних отношений и связей, представляющих собой законы, т. е. через познание законов объясняемого объекта [8, с. 14 и сл.]. Другими словами, объяснение предполагает включение объекта как минимум в один конкретный контекст знаний, описывающий совокупность тех «других сущностей», в отношениях и связях с которыми наш объект будет рассматриваться.

Что касается «внешних связей» пословиц, то они могут быть объяснены через их соотношения со многими сферами знания, и в первую очередь путем включения их в такие совокупности, как 'социально-исторический процесс', 'познавательная деятельность человека', а в рамках последней они естественно входят в такие более узкие контексты, как 'язык' (еще более конкретно — 'фразеология') и 'искусство' (еще более конкретно — 'фольклор'). Да и основная часть имеющихся объяснений пословиц — как статических (структуральных, функциональных), так и динамических (например, генетических) единиц — осуществлена именно «на фоне» этих систем. Притом разные виды отношений пословиц разработаны очень неравномерно, и выбор фоновой системы донные зависел скорее от общелингвистических и общемонологических интересов той или другой эпохи или школы, чем от внутренних запросов самой паремиологии как дисциплины. В своем сегодняшнем виде паремиология во многом напоминает дисциплину в начальной стадии развития, не нашедшую еще единой и общепризнанной парадигмы исследования и отличающуюся множеством разных подходов к своему предмету исследования и постоянными спорами над релевантностью того или иного подхода (ср. [6, с. 13 и сл.]). Мы пока не можем говорить о когерентной паремиологической теории, хотя в последнее время начинают вырисовываться уже некоторые обнадеживающие предпосылки для создания такой теории. У паремиологов имеется некоторое общее представление об основных направлениях пространственно-временного передвижения и заимствования пословиц в целом, выяснилось происхождение и распространение отдельных ин-

тернациональных пословиц. Предпринимались попытки соотнесения пословицы с фактами и законами социально-исторической действительности, объяснения ее как выражения социальных отношений, социального сознания, психического склада того или иного этноса. Некоторые паремические факты объяснены путем выявления связей пословиц с другими жанрами фольклора и литературой. Что касается соотношений «внутри самого объекта», то они до сих пор исследовались главным образом в статическом плане (структурально, функционально). К числу таких внутренних соотношений относятся, например, следующие: соотношения паремических «субжанров», таких, как *собственно пословица, поговорка, апофегма, максима, сентенция, крылатое слово, афоризм, велеризм* и т. д.; соотношения уровней исследования пословичного текста, как *форма, содержание, функция*; соотношения уровней типологический иерархии пословичного репертуара (*вариант, редакция, тип, тематическая группа*); в последнее время в фокусе пристального интереса находятся семантические соотношения пословиц, особенно в связи с попытками создания семантических паремиологических классификаций.

Тот бесспорный факт, что паремиология пока не может похвастаться ни многочисленностью, ни особой достоверностью своих объяснений, является в первую очередь следствием двоякого рода обстоятельств.

1) Объекты исследования, такие, как 'исторический процесс', 'социальная действительность', 'человеческое сознание', 'язык', 'искусство' и т. п., предполагают общий предмет исследования 'социальные и духовные аспекты деятельности человека', а эта область исследования считается, как известно, самой сложной среди прочих. Но все недостатки и трудности роста теории общества, теории языка (особенно семантической), теории искусства, психологической теории и т. п. неизбежно сказываются на объяснениях более частных объектов посредством данных теорий. Например, такие упрощения и ошибки в теории литературы, как представление о «полной» отделимости содержания поэтического произведения от его формы и недооценка трудностей, возникающих при исследовании его содержания, привели к упрощению и в объяснении мировоззренческих качеств пословиц.

2) Можно привести примеры существенных ошибок в способе соединения паремических фактов с положениями общих теорий при выборе объясняющих модельных систем и т. д. Например, некоторые наши исследователи неправильно полагали, что объяснение паремических фактов и характеристик (в том числе мировоззренческих качеств пословиц) концепциями философской теории может быть заменено **выведением** этих характеристик из положений философской теории и **иллюстрацией** полученных дедукцией фольклорными примерами. Далее. Некоторые наши и зарубежные авторы пользуются для обозначения так называемой логической структуры пословиц выражениями, внешне напоминающими формулы математиче-

ской логики. Крайне сомнительно, однако, что данные выражения при столь поверхностной трактовке могут служить подходящими моделями для объяснения структурных соотношений пословиц или явлений трансформации (т. е. варьирования) внутри одного пословичного типа. Если возможности трансформации логических выражений зависят лишь от их истинности/ложности и от отношений логических операций, которые заданы аксиоматикой, то реальные, фольклорные трансформы пословиц, а также и **возможности** их трансформирования полностью определяются содержанием конкретных лексических элементов той или другой пословицы. Структура пословицы не может быть сведена к ее синтаксической структуре и не может быть объяснена без учета семантического компонента этой структуры. Более того, структуру любого художественного произведения, в том числе и пословицы, рационально понимать именно как структуру его содержания (ср., например, [7, с. 64]).

Приступим теперь к объяснению семантических механизмов пословицы, применяя в качестве «опорных положений» некоторые понятия и соображения теории поэтики, лингвистической семантики, теории коммуникации, логики оценок и норм, а также общей гносеологии.

В качестве исходного эмпирического факта, требующего объяснения, мы выдвигаем следующее: если мы встречаем — либо в письменном виде, либо в устной форме, либо в конкретном содержательном контексте, либо вне всякого контекста — некую пословицу, то в большинстве случаев мы практически моментально способны не только понять, что перед нами пословица, но и выработать некое мнение о том, что данная пословица могла бы означать, т. е. о **чем** в ней идет речь и **что** об этом «чем-то» нам хотят сообщить, хотя слова в ней выступают отнюдь не в своих «обычных» языковых значениях. (Правда, мы способны на это далеко не во всех случаях, не всегда наша интерпретация оказывается совершенно правильной, и обычно мы не пытаемся придать ей точную языковую формулировку.)

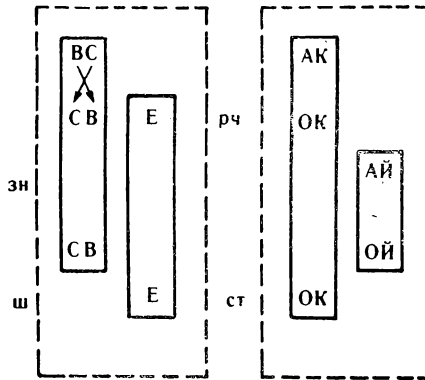
Как происходит это понимание? Наша рецепция, видимо, не может исходить ни из чего иного, как из восприятия **языковой (фонетической или графической) формы** данного пословичного текста. То есть мы воспринимаем текст и пытаемся осмыслить его как обыкновенное, непоэтическое (Л-языковое) предложение. Но наряду с этим из предложения извлекается также и косвенная информация о том, что его надо понимать именно **не как обыкновенное**, а как относящееся ко «вторичному», т. е. поэтическому, паремическому языку (П-языку). Эти сигналы предупреждают воспринимающего, что осмысление текста на уровне его «внешнего» значения (Л-значения) может оказаться неудовлетворительным, и приводят в готовность механизмы для необходимой перекодировки его Л-значения. (Это, разумеется, предполагает, что у воспринимающего есть некоторое общее интуитивное представление о формальных и содержательных

особенностях поэтических текстов вообще и пословиц в частности.)

На каких уровнях языка обнаруживаются эти сигналы о поэтичности и «пословичности» текста и в чем, собственно, они заключаются? По всей видимости, такими сигналами служат прежде всего два следующих фактора.

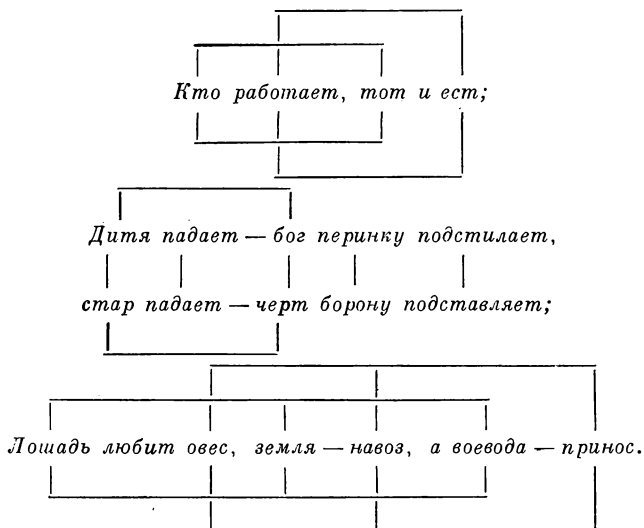
1. **Пословицы суть очень часто фонетически и/или синтаксически упорядоченные предложения.** Эта упорядоченность достигается в конечном итоге повторами разного рода элементов текста: звуков и их отдельных фонетических признаков, ударных и безударных (или длинных и коротких) слогов, морфем, слов, частей речи, членов предложения.

Например, пословица *Всяк сверчок знай свой шесток* проявляет довольно высокую степень эвфонической упорядоченности. Все пять

слов связаны между собой повторами либо начальных, либо конечных звуков, либо тех и других одновременно. Эвфонический стержень составляет цепь ударных слогов слов с альтернативной структурой *a/o—к/й*, в которой, в свою очередь, чистая рифма звуко сочетания *-ок* двусложных слов разделяет предложение якобы на две части, а односложные *знай* и *свой*, опоясанные двусложными, рифмуются между собой и резким отличием своего звукового состава от остальных окончаний на *-ак*, *-ок* образуют своего рода «разгон» для еще большей акцентации последнего *-ок*.

Что касается синтаксической упорядоченности, то она выступает прежде всего в виде так называемой **синтаксической** (точнее, синтаксико-морфологической) **симметрии**. Это явление, хорошо известное всем исследователям пословиц, заключается в том, что пословичный текст очень часто расчленяется на 2, 3 или 2×2 синтагмы, которые семантически противопоставляются, соединяются, сравниваются или выводятся друг из друга, а по своей синтаксической (и морфологической) структуре являются тождественными или сходными. Например:

Притом отдельные слова в симметричных синтагмах могут либо повторяться, либо пропускаться, либо быть развернуты в более длинной цепи, например посредством эпаналепсиса: *Peremees käsib koera, koer saba, saba sabaotsa, sabaots ütleb: «Karvad, karake ise!»* (букв. *Хозяин приказывает собаке, собака — хвосту, хвост — кончику хвоста, а кончик говорит: «Шерсть, сама повскакавай!»*).

2. **Пословицы суть всегда обобщающие предложения.** «Квантор общности» пословицы может быть выражен эксплицитно или имплицитно, но должен по меньшей мере косвенно подразумеваться, иначе у нас не получится пословицы. Можно отметить, что именно этот довольно формальный на первый взгляд критерий 'обобщающий/необобщающий' применяется в паремиологии для различения пословицы и поговорки. Обобщенность, собственно говоря, признак не поэтического, а скорее научного выражения. Но только благодаря обобщающей форме пословицы и могут претендовать на роль формулировок закономерностей и норм, а вместе с тем служить и подходящими орудиями для объяснения (или псевдообъяснения) разных жизненных ситуаций, для предсказания следствий этих ситуаций и для предъявления «стратегических» предписаний.

Итак, мы попытались воспринимать пословицу как обыкновенное Л-языковое предложение и одновременно получили сигналы о том, что такая трактовка может оказаться неудачной, ибо мы имеем дело с явлением поэтическим, а точнее, с пословицей. Если мы проверили бы подобное наблюдение над большим количеством пословиц, то выяснилось бы, что на самом деле только довольно немногие из них удовлетворяют нас уже на уровне своих Л-значений, например: *Всему свое время; Лучшие поздно, чем никогда; Сначала думай, а потом делай; Каково начало, таков и конец; Вс ё на свете к лучшему;*

Нет худа без добра; Не живи, как хочется, а живи, как можется; Век живи — век учишь или англ. *There is a place for everything and everything in its place; Opinions differ; Mistakes will happen; Never too much of a good thing; Do as you would done by* и т. п.

Но бóльшая часть предложений, о которых мы знаем, что они суть пословицы, в своих Л-значениях нас не удовлетворяют. Приведем несколько примеров: *Слово — серебро, молчание — золото; С собакой ляжешь — с блохами встанешь; У насмешливого зубы белые; Одна паршивая овца все стадо портит; Яблоко от яблони недалеко падает; Куй железо, пока горячо; Не плюй в колодец, пригодится воды напиться* или англ. *Blood is thicker than water; New brooms sweep clean; Fish begins to stink at the head; Don't put all eggs in one basket; Look before you leap* и т. д.

Этот факт сам по себе, конечно, никого не удивляет. Мы просто говорим, что предложения первого типа выступают в своих прямых значениях, предложения же второго типа употреблены в переносном смысле. Но по каким критериям мы судим, что это именно так? Почему, например, предложения первого типа не ощущаются «переносными»? Что именно мешает нам воспринимать предложения второго типа в прямом смысле? Какова вообще сущность «перенесения значений» и какие семантические механизмы здесь работают?

Если пословица дана нам в некоем конкретном жизненном контексте, то сам этот контекст, наверное, помогает нам судить о том, соответствует или нет «прямой смысл» высказывания общему содержанию контекстной ситуации. Но мы находим себя способными отличать пословицы с прямым значением от пословиц с образным значением и без помощи какого-либо конкретного контекста. Следовательно, мы пользуемся в данном случае своим **общим опытом**, в первую очередь своими знаниями и представлениями о том: а) каковы отношения предметов и явлений в «самой жизни», т. е. во **внеязыковой действительности**, б) что означают слова в данном Л-языке и в) что представляют собой **пословицы**, по каким семантическим правилам они конструируются, расшифровываются и употребляются.

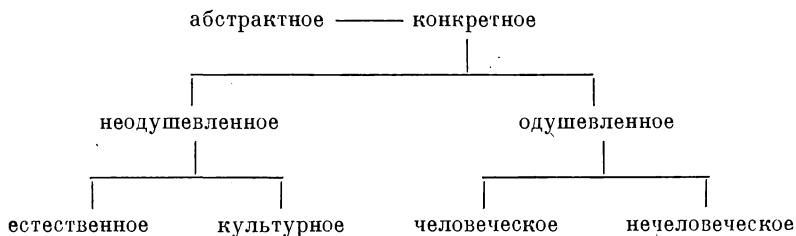
Итак, нам придется опять возвратиться к Л-значениям наших текстов, ибо они являются для нас единственной смысловой данностью. Явно различие состоит не в том, что предложения первого типа казались нам в своих Л-значениях **истинными**, предложения же второго типа — **ложными**. Легко убедиться, что *Мнения расходятся* и *Яблочко от яблони недалеко падает* могут казаться нам одинаково истинными, сплошь тривиальными, а, например, *Все на свете к лучшему* и *У насмешливого зубы белые* могут вызывать у нас серьезные сомнения в их универсальной истинности или выраженности в них какой-либо закономерности вообще.

Если же взять под наблюдение конкретный **словарный состав** тех и других предложений, то сразу же бросятся в глаза значительные различия. Предложения первого типа состоят почти исключи-

тельно из формальной и абстрактной лексики, т. е. из слов, денотаты которых имеют очень большой понятийный объем, или которые не имеют за собой никаких конкретных вещественных референтов, или которые вовсе не означают самостоятельных «вещей» (предметов и явлений), а лишь их отношения или самые отвлеченные параметры. Так, *и, нет, все, никогда* — типичные «кванторные слова»; *добро, худо, лучше* — почти что аксиологические кванторы; *какое . . . таков* и *расходиться* означают отношения по сравнимости; *время, поздно, начало, конец, место, свет* — соответствующие параметры бытия и связанные с ними отношения; *жить, думать, делать, учиться* — некоторые специфические формы существования и функционирования и т. д. Прямо противоположная картина открывается в поговорах второго типа: здесь фигурирует множество конкретных названий веществ (металлов, жидкостей), свойств материальных объектов (растений и животных, частей тела живых существ), физиологических и нейрофизиологических действий, целенаправленных, в том числе трудовых, действий и т. п. ●

На основании этого можно выдвинуть гипотезу: поскольку предложения с абстрактным лексическим составом удовлетворяют нас в своих Л-значениях, а поговорки с конкретной лексикой не удовлетворяют и требуют переосмысления, то можно предположить, что это переосмысление должно осуществиться как-то так, чтобы в результате из них также получились бы предложения с абстрактным «действительным значением» (П-значением).

Но состоятельна ли наша гипотеза и, если да, каким путем такое «абстрагирование» достигается? Оксфордский исследователь Н. Барли [1, с. 738—739] выдвигает два основных вида паремических изречений: (а) максимум, которая «is already expressed in general terms that are to be interpreted quite literally», и (б) поговорку (proverb), которая «is metaphorical and is expressed low on the axis of particularisation». Нетрудно заметить сходство этих классов с нашими первым и вторым типами поговорок. Притом Барли исходит из предположения, что семантические признаки, применяемые для различения лексических составляющих поговорок, могут быть упорядочены в иерархическую классификацию следующим образом:

Соответственно, по мнению Барли, максима доминирует над всей областью находящихся «под ней» более частных ситуаций и применяется к ним в направлении «сверху вниз», в то время как поговорка

действует в горизонтальном направлении, перерабатывая, например, натуральные Л-значения в культуральные П-значения и, наоборот, культуральные Л-значения в натуральные П-значения, а также человеческие Л-значения в нечеловеческие П-значения и наоборот.

Но действительно так ли это? Работают ли пословичные механизмы переноса значений с равным успехом как «слева направо», так и «справа налево»? Для выяснения этого проведем маленькое наблюдение. Возьмем ряд пословиц, которые на уровне Л-значений говорят о (неодушевленных) естественных объектах, и попытаемся переосмыслить их так, чтобы в их П-значении фигурировали (неодушевленные) культурные объекты, и наоборот. Ту же процедуру повторим в разрезе 'человеческое/нечеловеческое'.

А) Естественное: Культурное

Предположительно, к числу слов с Л-семантическим признаком 'естественное (неодушевленное)' могли бы относиться, например: названия веществ, «стихий», метеорологических явлений, светил, элементов ландшафта и т. п. Признак 'культурный' мог бы быть присвоен словам, означающим все искусственно созданное человеком, например названиям культивируемых земель, видов поселений, зданий и других сооружений и их частей, орудий труда, предметов домашнего обихода, одежды и обуви, изготовленных блюд и т. п.

Приведем 10 эстонских пословиц, которые в своих Л-значениях содержат названия разных естественных (неодушевленных) объектов.

- (1) *Mets on vaese mehe kasukas* (букв. *Лес — шуба бедняка*).
- (2) *Külm kuu on küllili, soe kuu on selili* (букв. *Холодная луна на боку, теплая луна на спине*).
- (3) *Loodetuul on taevaliid* (букв. *Северо-западный ветер есть небесная метла*).
- (4) *Kevadine lumi on sõnnikukorra eest* (букв. *Весенний снег — за слой навоза*).
- (5) *Tuul on teise inimese abi* (букв. *Ветер есть помощь другого человека*).
- (6) *Vaga vesi, sügav põhi* (букв. *Тихая вода — глубокое дно*).
- (7) *Veerev kivi ei sammaldu* (букв. *Катающийся камень мхом не обрастет*).
- (8) *Kus suitsu, seal tuld* (букв. *Где дым, там и огонь*).
- (9) *Madal mets saab enne taasika* (букв. *Приземистый лес раньше получит (т. е. вырастит) землянику*).
- (10) *Kus mäge, seal väge* (букв. *Где гора (т. е. масса), там и сила*).

О данных предложениях можно сказать следующее.

1. В предложениях (1) . . . (4): а) слова, означающие естественные объекты, приемлемы только в прямом смысле, т. е. в Л-значениях; б) для приемлемого осмысления этих предложений как целых некоторые из остальных слов обязательно должны быть пере-

осмыслены; в) предикация производится посредством связки *on* (есть, является), которая на уровне П-значения осмысливается как 'похож на', 'то же самое, что'; г) слова, требующие переосмысления, означают на Л-уровне либо неодушевленные культурные объекты, либо человеческие объекты, либо свойства, присваиваемые прежде всего живым объектам.

2. В предложениях (6) . . . (9): а) слова, означающие естественные объекты, неприемлемы в своих Л-значениях; б) остальные слова с «предметным значением» также требуют переосмысления, причем весь содержательный блок пословицы воспринимается как семантически гомогенный и непротиворечивый; в) слова, означающие на Л-уровне естественные объекты, никаким образом не поддаются переосмыслению как (неодушевленные) культурные объекты на П-уровне; г) зато они очень удачно переосмысляются как означающие на П-уровне **человеческие** или **абстрактные** объекты; так, в (6) (*тихая*) *вода* хорошо приемлема в П-значении '(внешне скромный) человек' или '(внешне спокойная) ситуация', в (7) (*катящийся*) *камень* — как '(подвижный или духовно активный) человек', в (8) *дым* и *огонь* — как '(видимое) следствие' и '(скрытая) причина', в (9) (*приземистый*) *лес* — как '(скромный или покорный) человек'.

3. О предложениях (5) и (10) мы не можем, надеясь лишь на собственный опыт, сказать с полной уверенностью, должны в них критические слова *ветер* и *гора* осмысляться прямо или переносно. Например, предложение (5) может трактоваться двояко: а) как утверждение о ветре или б) как утверждение о помощи другого человека. Но какое бы из этих решений мы ни приняли, в обоих случаях предикативная часть предложения, безусловно, должна быть подвергнута переосмыслению, если понимать здесь связку *est* в значении 'есть как', 'похож на'. В первом случае у нас получилась бы примерно такая интерпретация: 'ветер способен оказывать человеку (например, путешественнику) довольно значительную помощь'. Во втором случае интерпретация была бы такова: 'помощь другого человека — это почти что ветер, т. е. столь же ненадежна, малоэффективна или поверхностна'.

Приведем теперь другую серию пословиц — таких, которые на Л-уровне содержат слова, означающие разные (неодушевленные) культурные объекты.

- (1) *Heinamaa on põllu ema* (букв. *Сенокос — мать поля*).
- (2) *Head riistad on pool tööd* (букв. *Хорошее орудие — половина труда*).
- (3) *Pudrul on leib põies* (букв. *У каши хлеб в пазухе*).
- (4) *Raha paneb rattad käima* (букв. *Деньги колеса заводят*).
- (5) *Susi on swine kangas* (букв. *Волк есть летняя ткань*).
- (6) *Ära aja vana kaevi enne täis, kui uus valmis* (букв. *Не засыпай старый колодец, пока новый не готов*).
- (7) *Madalast aiast astub igaiüks üle* (букв. *Низкую ограду всякий переступает*).

- (8) *Uus luud pühib puhta toa* (букв. Новая метла чисто метет комнату).
 (9) *Terav kirves leiab kivi* (букв. Острый топор найдет камень).
 (10) *Ree ja ratta surm on tee ääres* (букв. Смерть дровней и колеса — на обочине).

Здесь можно констатировать следующее.

1. В предложениях (1) . . . (4): а) слова, означающие соответствующие (неодушевленные) культурные объекты, употребляются в Л-значении; б) в предикативных частях данных предложений некоторые слова или словосочетания обязательно требуют перетолкования; в) предикация, как и в соответствующих номерах предыдущей серии, часто происходит через связку *on* (есть), понимаемую и здесь как 'похож на' или 'то же самое, что'; г) синтагмы, подлежащие переосмыслению, часто включают в себя слова, означающие на Л-уровне другие (неодушевленные) культурные объекты.

2. В предложениях (6) . . . (9): а) слова, означающие культурные объекты, неприемлемы в своих Л-значениях; б) вся содержательная ситуация в пословице воспринимается как гомогенная и предложение целиком — как требующее переосмысления; в) слова, означающие культурные объекты, никак не допускают своего переосмысления как означающие (неодушевленные или одушевленные) естественные объекты; г) зато данные слова очень естественно осмысляются как означающие на П-уровне **человеческие** или **абстрактные** объекты; например, слово *kolodec* в предложении (6) может пониматься как 'человек или занятие, (к которому относятся непочтительно)', (*низкая*) *ограда* в предложении (7) — как '(покорный или податливый) человек, например девушка' или 'малое препятствие вообще', слово (*новая*) *метла* в (8) — как '(новый) функционер' или '(новый) порядок', (*острый*) *топор* в (9) — как '(злой или слишком критически настроенный) человек'.

3. В предложении (5) порядок субъекта и предиката является инверсивным, поэтому мы, возможно, не сразу угадаем, пойдет ли в нем речь о «настоящем волке» или о «настоящей ткани»; но сразу станет ясным, что без переосмысления либо *волка*, либо *ткани* нам не обойтись, ибо на уровне Л-содержания данное предложение как целое представляет собой бессмыслицу. (На самом деле *летняя ткань* должна здесь пониматься буквально, а *волк* — переносно, т. е. в значении 'плохой «как волк» (для ткачихи)'.) Предложение (10), вероятно, внушает буквальную интерпретацию элементов *телега* и *колесо*, однако вполне мыслимым представляется также выдвинутое Э. Норманн [2, с. 207] толкование этих элементов в переносном смысле 'трудящийся человек' и соответственно интерпретация предложения в целом 'смерть работника (происходит) на работе'.

Б) Нечеловеческое: Человеческое

Припомним, что у Барли для объектов нечеловеческого типа задается ограничение 'одушевленное', значит, здесь должны подразумеваться животные любого рода.

Рассмотрим опять серию примеров.

- (1) *Sää sk on tees mihklipäevani* (букв. *Комар является мужчиной до Михайлова дня*).
- (2) *Hundile on idu onu, vihm veli, aga kaste kaelalõikaja* (букв. *Для волка туман — дядя, дождь — брат, а роса — головорез*).
- (3) *Lehtm lüpsab smist, kana tühed nokast* (букв. *Корова доится из рта, курица кладет яйца из клюва*).
- (4) *Jüripäeval annab lammas kiue, mihklipäeval kasuka* (букв. *Овца дает в Юрьев день куртку, а в Михайлов день — шубу*).
- (5) *Havi peas on rohket küi rumala mehe peas* (букв. *В голове цуки больше, чем в голове глупого мужчины (или: человека)*).
- (6) *Ega hiir viljasalve sure* (букв. *Мышь в закроме не умрет*).
- (7) *Pime kana leiab ka tera* (букв. *И слепая курица зерно находит*).
- (8) *Küll koer koera tunneb* (букв. *Уж собака собаку знает*).
- (9) *Üks kärnane lammas ajab terve karja kärna* (букв. *Одна паршивая овца сделает все стадо паршивым*).
- (10) *Vaga siga koti naaber* (букв. *Тихая свинья — сосед мешка*).

Легко заметить, что выделенные в данных пословицах слова означают 'одушевленные нечеловеческие объекты', т. е. животных в самом широком смысле этого слова. Семантический статус этих предложений будет характеризоваться прежним путем.

1. В предложениях (1) . . . (4): а) говорится о животных в прямом смысле; б) в то же время некоторые другие слова, входящие в состав предикативных синтагм, обязательно должны восприниматься как образные, т. е. быть подвергнуты «разгадыванию» и переосмыслению; в) в половине случаев предикация осуществляется посредством связки *on*; г) слова, подлежащие переосмыслению, означают на уровне Л-языка объекты разного происхождения: и соматические, и человеческие, и неодушевленно-культурные.

2. В предложениях (6) . . . (9): а) слова, означающие животных, могут быть восприняты только в переносном смысле; б) вся Л-языковая содержательная ситуация ощущается как гомогенная и требующая переосмысления *in toto*; в) названия животных не могут на уровне П-значения означать ничего иного, кроме **человеческих** или **абстрактных** объектов: слово *мышь* (в закроме) в (6) приемлемо в значении 'человек, (имеющий доступ к некоторым ценностям или находящийся с ними в постоянном контакте)', слово (*слепая*) *курица* в (7) — как '(беспомощный, неуклюжий, недогадливый) человек', слово *собака* в (8) — как 'дурной человек, мошенник, представитель враждебной группы и т. п.', (*паршивая*) *овца* в (9) — как '(порочный, например аморальный) человек или паникер, подстре-

катель и т. п.' или как 'малый очаг нежелательного влияния вообще'.

3. Пословица (5) может пониматься двояко в зависимости от актуализации: а) как высказывание об умственных способностях «настоящей щуки», причем сравнение с глупым человеком трактуется как гипербола «с точки зрения щуки», или б) как высказывание о глупом человеке, причем сравнение со щукой воспринимается образно, т. е. как литота «с точки зрения человека». Предложение (10) является примером «сломанного» тропа, для его осмысления нужны два семантических хода: а) ликвидация несовместимости слов в синтагме *sosed meшка* путем переосмысления соседа как 'постоянно находящегося в близости' и б) переосмысление полученной ситуации «чисто свиного мира» как ситуации человеческого мира.

Приведем, наконец, ряд таких пословиц, которые заключают в себе слова, означающие на уровне Л-языка разные (социальные, половые, возрастные и т. п.) подвиды людей.

- (1) *S õber sõbra püksid koorib* (букв. Друг дружбы брюки сдерет).
- (2) *Naine jõuab põllega rohkem välja kanda kui tees seitse hobusega sisse vedada* (букв. Жена сумеет вынести в переднике больше, чем муж привезти на семи лошадях).
- (3) *Vaene on rikka roog* (букв. Бедный — корм богатого).
- (4) *Saksa katel keeb salaja* (букв. Котел ба р и н а тайком кипит).
- (5) *Lesk on katusea hoone* (букв. Вдова есть здание без крыши).
- (6) *Lõigatud laps kardab nuga* (букв. Обрезавшийся ребенок ножом боится).
- (7) *Mispärast sepp käed tulle pistab, kui tal pihid on* (букв. Зачем кузнецу руки в огонь совать, раз у него есть клещи).
- (8) *Urrija haarab õlekõrrestki kinni* (букв. Утопающий и за соломинку хватается).
- (9) *Kelle laps, selle nimi* (букв. Чье дитя, того имя).
- (10) *Mis noortees teeb, seda vanatees rikub* (букв. Что молодой человек делает, то старик портит).

О данных пословицах можно сказать следующее.

1. В предложениях (1). . .(4): а) слова, означающие людей, воспринимаются в прямом смысле; б) для приемлемого осмысления этих пословиц в целом некоторые другие их слова или синтагмы должны быть переосмыслены; в) предикация может осуществиться посредством связки *on*; г) слова, требующие переосмысления, означают, например, неодушевленные культурные объекты или животных.

2. В предложениях (6). . .(9): а) слова, означающие людей, приемлемы только в переносном смысле; б) содержательная ситуация целиком воспринимается на уровне Л-языка как гомогенная и непротиворечивая; в) слова, означающие на Л-уровне людей, никак не могут быть осмыслены на П-уровне как означающие животных (а также неодушевленные предметы и явления); г) зато они очень успешно осмысляются как означающие **человеческие** или **абстрактные** объекты; такое осмысление достигается путем семантического «под-

нятия» данного Л-содержания в целом в направлении (физическое или биологическое в Л-смысле) → (этическое или социальное в П-смысле); например, (*обрезавшийся*) *ребенок* в предложении (6) приемлем в значении '(поврежденный любым образом) человек', *кузнец* (по отношению к *клевцам*) в (7) — как 'лицо (более высокого статуса по отношению к лицу более низкого статуса, например родитель по отношению к ребенку, начальник — к подчиненному, эксплуататор — к эксплуатируемому и т. д.)', *утопающий* в (8) приемлем в значении 'попавший в отчаянное положение вообще', в предложении (9) на уровне Л-содержания подразумевается процедура крещения ребенка, которая переосмысливается как процедура торговли, причем *дитя* приобретает значение 'товар' и *имя* — соответственно 'цена'.

3. Предложение (5), как и некоторые аналогичные примеры в предыдущих сериях, может на эстонском языке быть инверсионным и пониматься двояко: а) как говорящее о вдове, сравниваемой со зданием без крыши, или б) как характеризующее здание без крыши путем сравнения его с вдовой. Наша интуиция, правда, дает предпочтение первому из приведенных толкований, да это и на самом деле соответствует фактам традиционного применения данной пословицы. Предложение (10) представляет собой одно из тех редчайших (по крайней мере в пределах известного автору материала) исключений, где на Л-уровне говорится о людях, совершающих человеческие поступки, а подразумевается совершенно нечеловеческие явления. Данная пословица в эстонской традиции имеет примерно такой смысл: 'если во время полнолуния наступят заморозки, то во время ущерба луны последуют оттепели'.

Наши наблюдения можно подытожить в виде следующих гипотетических соображений.

1. Слова, означающие конкретные физические реальности разного рода (например, названия явлений неодушевленной природы, вещей, видов животных и людей), могут в принципе выступать в пословичном тексте в своих прямых, чисто языковых (Л-)значениях, а также приобретать разные переносные (П-)значения.

2. Слова этого типа часто выступают в пословичном тексте в качестве топикализируемых элементов, особенно подлежащего и дополнения на уровне поверхностного синтаксиса, или в падеже агентива, инструментала или объектива на уровне глубинного синтаксиса (о падежах глубинного синтаксиса см., например, [11; 12; 13]). Исходя из того, имеют ли они в этой синтаксической позиции прямое или переносное значение, можно в принципе говорить о двух типах пословиц — об ЛП-пословицах и ПП-пословицах.

3. Под ЛП-пословицами мы понимаем такие, в которых некое допускающее свою топикализацию существительное с конкретным вещественным Л-значением выступает в том же прямом Л-значении, а предикативная часть предложения целиком или некоторые отдельные ее элементы воспринимаются как переносные (т. е. требующие

переосмысления). На уровне Л-значения такие предложения ощущаются как внутренне противоречивые. (Притом, как было видно из только что приведенных примеров, может возникнуть проблема, в каком направлении они не уравновешены.) ЛП-пословица часто представляет собой поэтическую характеристику, своего рода «образную дефиницию» некоего объекта, который сам именуется непоэтически.

4. ПП-пословицы суть такие, в которых вся содержательная ситуация, включая Л-языковые референты и отношения между ними, должна быть переосмыслена. На уровне Л-значения такие предложения воспринимаются как гомогенные, внутренне согласованные, часто как тривиально истинные. Однако, как мы уже отметили, чувство истинности самого утверждения не играет при этом решающей роли. Скорее это ощущение гомогенности ПП-пословиц, как и ощущение гетерогенности ЛП-пословиц, зависит от привычности или непривычности соединения так называемых непосредственных составляющих и других элементов более низкого синтаксического порядка. Так, действительно существующая пословица *Голод не тетка* и ее нетрадиционное отрицание *Голод — тетка* представляются нам одинаково бессмысленными, поскольку отсутствует любая видимая семантическая основа для сопоставления понятий 'голод' и 'тетка' в рамках одного и того же языкового мира.

5. Явно несостоятельным оказывается предположение Барли о том, что пословичная метафора работает над так называемыми конкретными понятиями с равным успехом в обоих направлениях между семантическими областями (естественное $\Leftrightarrow$ культурное) и (нечеловеческое $\Leftrightarrow$ человеческое). Это в принципе возможно только в пословицах ЛП-типа. (Мы указали на Л-семантическую гетерогенность слов, входящих в образные части ЛП-пословиц, в приведенных примерах.) Зато в ПП-пословицах практически единственным П-референтом является человек. Если пословица хочет сказать нечто о настоящем явлении природы, настоящем растении, животном или вещи, то это может осуществиться почти всегда только путем наименования данного нечеловеческого объекта его «настоящим» Л-языковым именем и приобщения к нему обязательного образного предиката. Зато, подразумевая человека, можно его в пословице называть *водой, камнем, оградой, метлой, мышью, овцой* и т. д., а также и самим *человеком* и приписывать ему на уровне Л-значения всякие естественные свойства, действия и отношения этих нечеловеческих объектов, а также и самого человека. В последнем случае у нас получится нечто промежуточное между ПП-пословицей и ЛП-пословицей: на уровне Л-значения такая пословица воспринимается как содержательно гомогенная и непротиворечивая, однако на уровне П-значения одна часть человеческих референтов сохраняется, а другая часть Л-языковых (эксплицитно выраженных или имплицитно предполагаемых) референтов заменяется человеческими, если они на уровне Л-значения были нечеловеческими, или же «поднимается»

в направлениях (физическое → духовное) и (биологическое → социальное) и т. п., если они уже на Л-уровне были человеческими. В результате поднимается уровень всей содержательной ситуации в целом.

Учитывая и более общие наблюдения за пределами нашего эксперимента, можно сформулировать еще некоторые добавочные гипотезы.

6. Область действия вышеизложенных правил смысловой совместности/несовместности и человекосообразности/нечеловекосообразности пословиц не ограничивается рассмотренными лексическими полями. То же самое, что о словах, означающих физические явления природы, вещи и животных, можно сказать и о других видах слов с нечеловеческой Л-референцией, например о названиях растений, терминах времечисления и т. д.

7. В ПП-пословицах «очеловечиваются» или «поднимаются» не только существительные с нечеловеческой или элементарно человеческой Л-референцией, но и прилагательные, глаголы и наречия, означающие свойства, действия и т. п. нечеловеческого или элементарно человеческого типа. Уже из приведенных выше примеров (№ 6—9 в каждой серии) хорошо видно, что переосмысление самих предметных «пиков» паремических аллегорий (т. е. замена их нечеловеческих денотатов человеческими) в общем случае представляет собой процедуру довольно «формальную» или «малосодержательную». Так, в семантических репрезентациях этих слов мы были то и дело вынуждены «переводить» их не в отдельности от их Л-языкового контекста, а в сочетании с некоторыми другими (приложенными в скобках) словами, обычно относящимися к ним определениями, например не просто *вода* = 'человек', *ограда* = 'человек', *овца* = 'человек', а *тихая вода* = 'внешне скромный человек', *низкая ограда* = 'покорный или податливый человек', *паршивая овца* = 'порочный человек' и т. д. Это показывает, сколь существенную роль в понимании пословицы или в ее семантическом анализе играют внутритекстовые синтагматические отношения слов. Поэтому прав Г. Л. Пермяков, когда он говорит, что пословицы делают тем, что она есть, не столько «реалии» (т. е. Л-референты содержащихся в ней предметов, как 'вода', 'камень', 'топор', 'курица', 'свинья' и т. д.), сколько синтагматические связи, в которых эти «реалии» выступают в данном конкретном тексте [9, с. 25—26; 10, с. 19]. Рассмотрим, например, следующую серию текстов.

- (1) *Остер т о п о р, да и сук зубаст.*
- (2) *Семь т о п о р о в вместе лежат, а две прялки врозь.*
- (3) *Что написано пером, того не вырубишь т о п о р о м.*
- (4) *После струга — т о п о р о м.*
- (5) англ. *The a x goes to the wood where it borrowed its helve.*

Как видно, в каждом из этих изречений встречается слово *топор*, причем это слово выступает во всех примерах в образном смысле. Но в зависимости от того, с какими другими словами оно связано в тексте, оно может означать ряд довольно разных вещей. В тексте (1)

топор противопоставляется *суку* и приемлем в этом контексте как 'человек (или: группа), пытающийся сломить чье-то сопротивление'. В тексте (2) *топор* как 'типично мужское орудие труда' противопоставлен *прялке*, как 'типично женскому орудию труда' и осмысливается как 'мужчина'. В тексте (3) *топор* сопоставлен с *пером*; семантическую основу этого сопоставления составляют, видимо, оппозиции 'духовное : физическое' и 'маленькое : большое' на фоне «общего знаменателя» 'инструмент'; изречение целиком более естественно воспринимается как ЛП-пословица, чем ПП-пословица, и словоформа *топором* приемлема скорее как гипербола в несколько неопределенном смысле «даже топором», т. е. 'ничем', 'никаким способом', чем в определенном смысле 'неподходящим средством' или 'недостаточным средством'. В тексте (4) противопоставление *топора стругу* осуществляется посредством оппозиции 'тонкий : грубый', в которой *топор* выступает в качестве грубого члена и, как бы ни трактовалась эллиптическая суперструктура пословицы, осмысливается как 'лицо более низкой квалификации' или 'средство более грубого назначения'. В тексте (5) существенны семантические соотношения *топора* с двумя словами — *лес* и *топорище*, и *топор* приобретает в данном сочетании смысл 'неблагодарный человек (который, получив силу, пользуется ею против того, кто помог ему ее получить)'.

8. С другой стороны, никак нельзя игнорировать и **парадигматический** аспект семантических составляющих пословицы, т. е. Л-смысловые характеристики ее словесных элементов **вне** конкретной связанности с другими словами, особенно их так называемые **эмотивные** или **коннотативные** качества. Конкретные П-значения некоего слова, например *топор* в приведенных примерах, определяются **не только** его соотносительностью с конкретными синтагматическими партнерами. Эти разные возможности смыслоприобретения, по сути дела, запечатлены уже в суммарном Л-семантическом потенциале самого слова *топор*, а тот или иной конкретный синтагматический партнер только актуализирует некоторую субструктуру из этого потенциала. Возможности образного смыслоприобретения слова в пословице являются отнюдь не беспредельными. Существует, например, довольно определенная номенклатура парадигм, или оснований для образования «симметричных» противопоставлений, типичных как для паремического, так и для фольклорного параллелизма вообще. В наших пословицах «о топоре» реализованы, например, такие типы характерных пословичных оппозиций: 1) соотношение предмета с подобным ему «по роду», но отличающимся от него «по виду», в нашем примере с другими орудиями и инструментами (*прялка, перо, струг*); 2) соотношение предмета с его компонентами (*топорище*); 3) соотношение инструмента с типичным для него агентом (здесь в (2) имплицитно: 'мужчина'); 4) соотношение агента и/или инструмента с типичным для них объектом действия (у нас *сук, написанное, лес*). Но и конкретные действия и качества, посредством которых топор соединяется с ука-

занными типами конфигурантов, являются не любыми факультативными, а характерно «топорными»: топором действительно рубят, он на самом деле считается орудием довольно эффективным и в то же время довольно грубым, «деструктивным», он представляется острым, но может и притупиться, для выполнения своей функции он должен быть снабжен топорщиком и т. д. Да и так называемые коннотативные или эмотивные характеристики Л-значений слов, переходящие в состав их П-значений, не являются какими-то априорными сущностями, а имеют определенную основу в референциальной сфере тех же самых Л-значений. Эту основу составляет входящая в эти Л-значения косвенная информация о том, что некоторые качества подразумеваемых референтов могут казаться человеку либо приятными, либо неприятными и/или быть для него либо полезными, либо вредными. Ведь не случайно паремическая традиция приписывает глупость именно ослу, тупую строптивость и упрямство — именно барану, злость — именно волку, силу и неуклюжесть — медведю, хитрость — лисе, трусость — зайцу, пронизательность — игле, опасность — мечу и топору, липкость — грязи, жесткость и бесплодность — камню, беспредельность — морю и небу и т. д. Недоучет парадигматического аспекта семантики пословиц, т. е. индивидуальных Л-значений самих переосмысленных лексических элементов пословицы, может стать источником значительных ошибок, например, при семантической классификации пословиц. (Некоторые дополнительные замечания по этому поводу см., например, в нашей статье [4].)

В более общем плане рассмотренные факты могут быть объяснены как выражение всеобщей тенденции **антропоцентризма** пословицы. Паремистологам хорошо известно, что пословицы суть в первую очередь высказывания о человеке, в особенности о его духовных, этических и социальных аспектах. Однако довольно удивительно на первый взгляд, что это обстоятельство, проявляющееся в общетематическом плане лишь в качестве сильной тенденции, может на некоторых довольно «технических» уровнях поэтической семантики (тропобразования) выражаться в виде почти абсолютных принципов. Но и это можно объяснить, учитывая то обстоятельство более общего порядка, что пословицы суть по своему назначению прежде всего не чисто гносеологические, а **прагматические** орудия. Поскольку пословицы на этические и социальные темы являются, по существу, пословицами об отношениях человека и человека, то и пословицы на нечеловеческие темы могут, наверно, рассматриваться не просто как высказывания о явлениях природы, растениях, животных и вещах, как таковых, а как высказывания об отношениях человека и явлений природы, человека и животных, человека и вещей и т. п. (Признаком прагматического характера пословиц является уже тот факт, что они употребляются в ситуациях повседневного общения в целях разрешения всякого рода жизненных проблем:

ими доказывают свои утверждения, предсказывают и приказывают, выражают сомнения, делают упреки, извиняются и т. д.) Прагматический характер пословицы как факт более общего порядка может, видимо, оказать нам помощь и при объяснении некоторых других, более частных фактов в плане понимания семантического образа в ней.

1. Проблема происхождения правила, по которому ПП-пословицы, такие, как: *Где дым, там и огонь; Собака лает — ветер носит; Новая метла чисто метет; Что посеешь, то и пожнешь* и т. п., не могут быть на уровне П-значения восприняты как пословицы о настоящем дыме, настоящем огне, настоящей собаке и т. п. Дело, видимо, в том, что напоминание этих истин в буквальном смысле лишено прагматического значения или «нагрузки», отсутствует практическая надобность ссылаться на них в прямом их смысле.

2. Статус пословиц с так называемым абстрактным Л-содержанием. Приведенные на с. 153—154 тексты и другие, подобные им, могут в прагматическом плане также трактоваться не просто как пословицы об абстрактных объектах и их отношениях, а как пословицы об отношениях человека с этими отвлеченными категориями. «Человекообразность» пословицы выражается не только в том, что в ней прямо говорится *дурак*, или в том, что говорится *осел* и подразумевается под этим 'дурак'. Пословица носит и в своих формальных аспектах множественные признаки того, что она является творчеством человека о человеке и для человека. Посмотрим на те же примеры пословиц с абстрактным Л-содержанием. Предложения *Лучше поздно, чем никогда; Never too much of a good thing; Все на свете к лучшему; Нет худа без добра* так или иначе говорят имплицитно о человеке уже в силу того, что заключают в себе аксиологические понятия 'хорошо', 'плохо', 'лучше', которые немислимы в «объективных» описаниях событий или закономерностей, не вмещающих человека в качестве содержательного составного элемента и безынтересных для человека. Так, первый из данных примеров содержит имплицитное предписание для человека, который тем самым станет одновременно и элементом «сюжета» самой пословицы, и участником (адресатом) мыслимой ситуации общения между ним и безличным отправителем пословицы: 'хотя оптимальное время для совершения некоего действия и прошло, все же попытайся совершить это действие, если для этого существует надобность'. Третью же пословицу можно перефразировать как 'все на свете к лучшему для человека' или 'все люди на свете стремятся к лучшему'. Также и формула *Каково . . . таков* в пословице *Каково начало, таков и конец* внушает прежде всего оценочную интерпретацию: 'если хорошее. . . то хороший. . . а если плохое. . . то плохой. . .'. Предложения *Сначала подумай, а потом делай; Не живи, как хочется, а живи, как можется; Do as you would be done by* суть человекообразные как в референциальном плане (говорится нечто о человеке), так и в модальном (из данных альтернативных возможностей извлекается императив,

а императивы, как известно, применимы также только по отношению к человеку). Даже *Всему свое время* более естественно осмыслится в производных человекообразных (императивных) вариантах 'не будь нетерпеливым!', 'не спеши слишком!', 'делай все в правильное (подходящее) время!', нежели в чисто абстрактном, констатирующем смысле 'всему назначено определенное время'.

Итак, «формальные» компоненты пословичного текста не только служат для соединения референциальных (отсылочных) элементов и показа характера их отношений **внутри** текста, но и задают некоторые «свободные валентности» для соединения данного текста с мыслимыми (виртуальными) или действительными (актуальными) контекстами человеческого общения.

Поэтому, с одной стороны, есть основание думать, что содержание пословичного текста должно рассматриваться как сумма и единство всех его возможностей смыслоприобретения как в референциальном, так и в синтаксическом и модальном планах, а следовательно, и рассмотрение конкретных семантических операций при перекодировании референциального Л-значения пословицы в ее референциальное П-значение практически не может произойти без интерпретации синтаксических связей элементов текста, отражающих связи соответствующих референтов, а также без учета возможностей модально-функционального соединения текста с коммуникативным контекстом. Однако, с другой стороны, из-за недостатка места, а также достоверных и упорядоченных знаний автора об отношениях пропозициональных и модальных компонентов в семантической структуре пословицы и о ее логической природе вообще мы вынуждены ограничиться лишь несколькими фрагментарными замечаниями, касающимися модальных аспектов и «семантики синтаксиса» пословиц; затем мы рассмотрим некоторые примеры, уделяя опять-таки главное внимание конкретным механизмам семантических подстановок и других операций при движении от референциального Л-значения к референциальному П-значению.

1. В предыдущих работах [3; 5] нами были выдвинуты следующие тезисы. (1) В повседневной коммуникации пословица выполняет одновременно несколько разных коммуникативных задач, например информирующую, оценивающую и предписывающую. Эти функции пословицы — утверждающая, оценочная и прескриптивная — должны как минимум учитываться и при виртуальном рассмотрении семантики пословичного текста. (2) Для выражения первой и третьей из этих модальностей в языках большинства народов существуют эксплицитные грамматические средства в виде повествовательного и повелительного наклонения, зато оценочная ступень выступает, как правило, имплицитно. (3) Действительно манифестированное в пословице утверждение или повеление составляет ее поверхностную функцию, по отношению к которой остальные могут рассматриваться как глубинные. (4) Восприятие пословицы может рассматриваться как движение информации по этим модальным ступеням: в направле-

нии утверждение → оценка → предписание в случае поверхностного индикатива и в противоположном направлении в случае поверхностного императива. (5) Пословичный текст, в особенности бесконтекстный, является в модальном плане неопределенным. Например: а) оценочная установка, выраженная повествовательной пословицей, может в зависимости от разных текстовых или контекстовых обстоятельств трактоваться либо как положительная, либо как отрицательная, а оттого и зависящий от оценки прескриптивный намек может показаться то рекомендующим или позволяющим, то запрещающим; б) формально повествовательное предложение может иногда трактоваться либо как утверждение о действительности, либо как формулировка нормы; в) повествовательная пословица может иногда трактоваться либо как непосредственное утверждение о действительности, либо как утверждение о некоем мнении или установке. Отдельно от проблемы модальностей в этих работах рассматривались также возможности разных конфигураций текста с заданным отрывком контекста в плане так называемого актуального членения пословицы. Притом неопределенность актуального членения пословицы рассматривалась как самостоятельный аспект среди других проявлений семантической неопределенности пословицы.

2. Кажется, однако, что процесс восприятия и понимания содержания пословицы может быть объяснен и в пределах некоей единой суммарной модели, в основе которой лежит известная ленинская схема развития познания: живое восприятие → абстрактное мышление → практика — и которая описывала бы восприятие информации (в том числе и паремической), например, по такой градации модальных ступеней: онтологическая → эпистемическая → временная → аксиологическая → деонтическая → онтологическая (следующей ступени). Движение познания по этим ступеням может быть тогда описано при помощи следующей схемы:

	этап восприятия		этап мышления		этап практики	
СТУПЕНЬ	онтологическая	эпистемическая	временной ориентации	аксиологическая	деонтическая	онтологическая (след. ступ.)
ДИНАМИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ МЕЖДУ СТУПЕНЯМИ	внесение информации	сравнение с имеющимся знанием	сравнение с целями и установками реципиента	сравнение с имеющимися средстами	практическая реакция	
РЕЗУЛЬТАТ НА КОНЦЕ ПРОХОДА СТУПЕНИ	мир и реципиент	новое знание	ретроспективные и предсказательные выводы	оценочный вывод	прескриптивный вывод	изменившийся мир

3. Как было уже отмечено на с. 151, крайне поверхностным и механическим является в нынешней паремиологии понимание семантической природы синтаксических суперструктур пословицы. На наш взгляд, существует два основных типа таких структур, которые могли бы условно именоваться: а) «паремическим сопоставлением» и б) «паремической импликацией». Первый является, видимо, отношением более высокого порядка, поскольку с его помощью можно связывать между собой элементы, исходящие из разных языковых (Л- и П-) миров. Оно является отношением статическим, и его общей семантической интерпретацией могло бы быть: 'А сопоставим с Б', а точнее, 'А похож на Б' и 'А отличается от Б'. В языковой манифестации оно иногда отмечается в пословице союзами *и, или, а, но, как, зато* и т. п., которые, однако, чаще пропускаются и в случае несимметричной суперструктуры вовсе немислимы. «Паремическая импликация» является операцией более низкого порядка и может считаться динамическим (временным, каузальным) отношением. Она связывает только элементы одного и того же (либо Л-, либо П-)мира. Ее общей семантической интерпретацией могло бы быть 'из А следует Б', а точнее, 'если А, то, следовательно, будет (было) Б' или 'если А, то делай Б'. Каковы более определенные свойства этих основных отношений, об этом мы почти ничего не знаем. Следует думать, что эти свойства не могут быть определены априорно, и еще раз предупредить, чтобы их не путали с логическими операциями конъюнкции, дизъюнкции, импликации и т. п.

Приступим теперь к рассмотрению конкретных пословичных примеров.

Пример 1.

Loodetuul on taeva luud (букв. *Северо-западный ветер есть метла (для) неба*).

1. Оценка материальной непротиворечивости Л-содержания отрицательная: а) определенное движение газов не может быть тождественным с определенным твердым телом, б) не существует метел для метения неба. Следовательно, мы имеем дело с ЛП-пословицей.

2. Выбор направления неуравновешенности: поскольку в предикативной части предложения уже встречается смысловая несовместимость (*метла неба*), то предположим обычное направление Л → П.

3. Гипотеза о суперструктуре: поскольку имеется дело с ЛП-пословицей, можно предположить сопоставительную суперструктуру.

4. Характеристика суперструктуры: ожидаемая при полной сопоставительной суперструктуре синтаксическая симметрия явно отсутствует, следовательно, можно предположить каталектическую или эллиптическую сопоставительную суперструктуру. (Притом интересно отметить, что с эвфонической стороны текст производит впечатление симметричности своей 2 + 1 + 2-словесной композицией, регулярным ритмом и рифмой.)

5. Выведение полной формы суперструктуры путем нахождения позиции «четвертого члена»: в линейном плане семантическая гомо-

генность яснее всего прерывается между словами *метла* и *небо*; итак, предположим, что грань между необразной и образной частями проходит именно здесь. Учитывая семантику эстонского генитива и общее значение эстонской связки *on* в пословицах подобного типа, мы можем написать: 'северо-западный ветер является метлой по отношению к небу' и далее: 'северо-западный ветер по отношению к небу — это то же самое, что метла по отношению к x '. x может в первом приближении по аналогии с отношением ветра и неба трактоваться как 'какое-либо обычное место применения или область движения', например 'пол'. Тогда получим: 'ветер есть по отношению к небу то же самое, что метла по отношению к полу'. Это выражение и можно считать полной (симметричной) формой сопоставительной структуры данной пословицы. Первая пара терминов представляет в ней Л-языковую, «объясняемую» часть, вторая же — П-языковую, «объясняющую».

6. Теперь надо эксплицитно показать, в чем, собственно, заключается искомое соотношение *метлы* и *пола*. На уровне глубинных падежей *метла* выступает по отношению к *полу* как инструмент действия, а *пол* по отношению к *метле* — как объект действия. Самим этим действием является, по всей видимости, *метение* (эст. *pühkimine*). Что означает *pühkima* (*мести*)? Семантическими предпосылками должны быть, например: а) интенциональный агент и/или неинтенциональный инструмент; б) некая 'твердая (предположительно гладкая) поверхность'; в) некое 'вещество, находящееся на этой поверхности'; г) нежелательность наличия данного вещества на данной поверхности; д) более общие условия как физический контакт между инструментом и веществом и т. д. x *метет* (x = 'агент и/или инструмент'), это значит приблизительно: ' x переносит на вещество механическую энергию (определенным специфическим способом m , заключающим в себе характер движения инструмента и т. п.) и вызывает движение вещества в желаемом направлении и в результате его отсутствие на данной поверхности'.

7. То же отношение должно по предпосылкам иметь место и между *ветром* и *небом*. Проведя замену инструмента и освободившись от ограничения '(не)желательное' как несовместимого с неодушевленным инструментом, получаем: 'северо-западный ветер метет небо', т. е. 'передает веществу механическую энергию и (способом m_1) вызывает движение вещества в соответствующем направлении и в результате его отсутствие на данной поверхности'.

8. В этом выражении имеется референциальное «переменное» 'вещество', которое должно быть заменено «постоянным». По всей видимости, роль этого постоянного может исполнить слово *облака*.

9. В результате получим значение 'северо-западный ветер вызывает отсутствие облаков на небе', которое легко перефразируется в более привычную форму, например: 'северо-западный ветер обуславливает прояснение погоды'. Если в последнем предложении обозначить: x = ветер, P = северо-западный, y = погода, Q = прояснится,

то можно написать: $x(P) \supset y(Q)$. Под знаком $\supset$ мы, конечно, подразумеваем не обыкновенную, а паремическую импликацию.

10. Данная причинная связь может включиться в жизненный контекст несколькими разными вариантами с точки зрения временной ориентации:

а) если в действительности задан (т. е. имеет место и познан) факт, что ветер северо-западный, то данная пословица включается в эту ситуацию как ориентированная на будущее, как предсказание вероятного следствия;

б) если в действительности имели место оба факта, а познан только последний из них (то, что погода ясная), то употребление данной пословицы означает напоминание о том, что прояснению погоды предшествовал северо-западный ветер, т. е. ретросказание о полагаемой причине происшедшего;

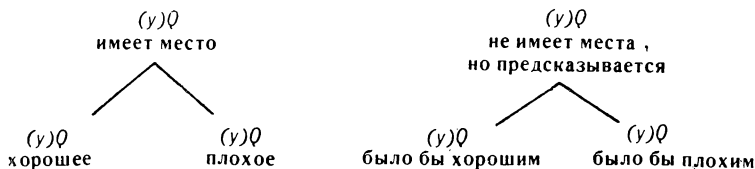
в) если же находят (или нашли) место оба факта и оба являются познанными, то употребление этой пословицы не может, видимо, приобрести качества ни временного пред-, ни временного ретросказания, ибо пословица составляет на временной ступени лишь тему, предикация же может рассматриваться как модальное ретросказание, указывающее на предшествующие модальные ступени, например на эпистемическую ('утверждение $x(P) \supset y(Q)$ является доказанным') или на онтологическую ('связь северо-западного ветра с прояснением погоды является неслучайной');

г) если в действительности не наблюдается ни северо-западного ветра, ни прояснения погоды, то употребление этой пословицы приобретает качество своего рода «модального предсказания», которое можно было бы интерпретировать примерно таким образом: 'положение $x(P) \supset y(Q)$ имеет аксиологическую ценность' или 'знание, что северо-западный ветер принесет за собой ясную погоду, имеет аксиологическую ценность'.

11. Далее, в каком из приведенных вариантов ни реализовался бы прием пословицы на временном уровне, у сказанного на самом деле должна предполагаться (при виртуальном анализе) или выясняться (при актуальной рецепции) аксиологическая ценность. В зависимости от того, какой вариант реализовался на временной ступени, переход на аксиологическую ступень либо может быть прямолинейным, либо произойти «через обратную связь». Мы не будем проследивать здесь все возможные варианты такого рода разветвлений, а представим лишь принципиальную схему работы «аксиологической клетки». В общем случае поиски аксиологического смысла пословицы начинаются с проверки того, не содержатся ли в тексте слова с явно выраженной оценочной отмеченностью, т. е. означающие на Л-уровне либо «универсально плохие», либо «универсально хорошие» вещи. В данном тексте таких слов, видимо, нет. Значит, оценочный смысл должен находиться в отношениях текста и (виртуального или актуального) контекста в сравнении сказанного с мыслимыми или действительными целями и установками участников коммуникации. Притом

оценочному определению должна сперва подвергаться именно преддицируемая часть информации, т. е. «консеквент» паремической импликации. В нашем случае консеквентом является $y(Q)$, т. е. 'прояснение погоды' или 'отсутствие облаков на небе'. В зависимости от характера контекста и типа реализации на временной ступени: а) ясная погода может либо быть дана в действительности, либо только предсказываться, либо задаваться как виртуальная возможность и б) она может оцениваться либо как добро, либо как зло в зависимости от конкретных контекстовых (сельскохозяйственных и прочих) соображений. Отсюда получается четыре аксиологических варианта, касающиеся консеквента:

А затем та же оценка, которую получил консеквент, переносится на антецедент, ибо ситуация $x(P)$ осмыслена как **причина**, доводящая до хорошего или плохого $y(Q)$.

12. И наконец, наша интерпретация должна пройти последнюю, деонтическую ступень. Соответственно оценке 'хорошо' или 'плохо', присужденной сперва консеквенту, а затем перенесенной и на антецедент, можно вывести имплицитное предписание, которое в общем случае, как и конечный оценочный вывод, касается именно антецедента. В пословичном репертуаре многих народов оказывается очень продуктивной общая прагматическая конструкция, которая отличается примерно следующей соотношенностью антецедента и консеквента паремической импликации.

Антецедент

Консеквент

(1) Субъект действия мыслится как активный , как агент	Субъект действия мыслится как пассивный , как объект
(2) Преддицируемое действие мыслится как свободно выбираемое	Преддицируемое состояние мыслится как необходимо последующее действию в антецеденте.
(3) Преддицируемое действие мыслится как аксиологически «скрытое» или «неотмеченное»	Преддицируемое состояние мыслится как аксиологически «открытое» или «отмеченное»

Примерами пословиц этого типа могли бы служить такие, как: *На сердитых воду возят; Кто другому яму роет, тот сам в нее попадет; Поспешишь — людей насмешишь; Что посеешь, то и пожнешь; Как волка ни корми, а он все в лес смотрит; С поклона голова не заболит* и многие другие. В этих и подобных им пословицах сперва выясняется оценка ситуации в консеквенте, затем та же оценка

приписывается и действию в antecedенте и, наконец, выводится соответствующее предписание — также по отношению к действию в antecedенте: 'не будь сердитым!', 'не замышляй плохое другому!', 'не спеши!' и т. д. Однако наше изречение о северо-западном ветре не относится, по всей видимости, к числу подобного рода пословиц. Безоблачное небо, как известно, не представляет собой ни универсального добра, ни универсального зла. Antecedent пословицы не содержит человека ни в качестве «действующего лица», ни в качестве «ты»-адресата, да и сама данная пословица, как таковая, вообще уже (и, разумеется, еще) очень далека от тех ступеней миропонимания, от которых стоило бы ожидать предписания каких-либо активных действий для вызывания либо отменения северо-западного или иного ветра. Но тем не менее эта пословица должна иметь какой-то прагматический смысл, оправдывающий ее возникновение и сохранение в традиции. Видимо, прескриптивный намек может здесь касаться только консеквента, т. е. состоять в рекомендации либо использовать предсказываемую ситуацию $y(Q)$; если она по контекстовым данным считалась хорошей, либо избежать или уменьшить ее следствия, если она считалась по контексту плохой.

Пример 2.

Haikiija koer ei hammusta (букв. *Лающая собака не кусается*).

1. Материального противоречия в Л-значении текста не наблюдается, с Л-референциальной точки зрения его лексические элементы можно считать конкретными; следовательно, у нас имеется ПП-пословица.

2. С синтаксической точки зрения предложение является одноаргументным, с этим аргументом (x =собака) соединяются два разных предиката (P =лает, лающий; Q =кусаются, кусающий) и образуются две синтагмы: $x(P)$ и $x(Q)$. Их связь, т. е. синтаксическую суперструктуру текста, нам не удастся трактовать как отрицательно-сопоставительную, т. е. ' $x(P)$ — это не то же самое, что $x(Q)$ ' (ср. такого рода сопоставительную структуру, например, у пословицы *Контужено — не ранено*: 'человек контуженный не то же самое, что человек раненный', или $x(P) \neq x(Q)$). Зато суперструктурная связь данных синтагм легко осмыслится как причинно-следственная, как «паремическая-импlicative»: 'если собака есть лающая, следовательно, она не есть кусающаяся', или $x(P) \supset x(Q)$.

3. Дадим приблизительную репрезентацию Л-значения предиката *haikita* (лаять). Предпосылки ситуации: а) аргумент x (=собака) является агентом преддицируемого действия P (мы не можем здесь более подробно обсуждать проблему, в какой мере животное вообще может считаться сознательным инициатором своих действий); б) вне x имеется объект y ; в) внимание x обращено к y ; г) x испытывает тревогу, раздражение или злость по отношению к y ; д) условия более общего характера как предполагаемое наличие некоторой пространственной дистанции между x и y и т. д. Так, выражение *x лает* означает приблизительно: ' x выражает свою тревогу, раздра-

женность или злость по отношению к *y* повторными специфическими звуками, которые производятся орально'.

4. Таким же путем интерпретируем и Л-значение слова *hamtista* (*кусаться*). Предпосылки: а) аргумент *x* (=собака) является агентом предципируемого действия; б) вне *x* имеется некий физический объект *y*; в) у агента *x* есть физиологический стимул для атаки *y* (ярость, голод, защитный инстинкт); г) у *x* есть возможность для приближения к *y* и установления физического контакта с ним. *x* кусает *y* или *x* кусается может тогда быть семантически описан как: 'х, побужденный либо пищевым или защитным инстинктом, либо рефлексом цели, устанавливает физический контакт между определенной частью своего тела (зубами) и объектом *y* и, используя эту часть тела в качестве инструмента, передает посредством нее объекту *y* однократно механическую энергию и причиняет физическую деструкцию (деформацию или разбитие) объекту *y*, сопровождаемую при живом *y* специфическими тактильными ощущениями (боль) и эмоциями (страх или гнев) со стороны этого объекта'.

5. Теперь, учитывая, что наш текст является III-пословицей, заменим нечеловеческие референты ('собаку' и имплицитно предполагаемый неопределенный объект *y*) человеческими. Притом допустим, что объекты лаяния и кусания на уровне человеческих референтов тождественны. Получится семантически несовместимое выражение 'человек, который лает на другого человека, не кусает его'.

6. Для восстановления совместимости переосмыслим и предикаты таким образом, чтобы в их семантическом составе не было несовместимых с человеческими референтами составляющих. Какие именно компоненты должны быть отброшены или заменены другими, человекообразными? В семантическом описании слова *лаять*, по-видимому, надо заменить только мыслимую акустическую специфику производимых звуков. Этим репрезентация данного слова приобретет следующий вид: 'х (=человек) выражает свою раздраженность или злость по отношению к *y* (=другой человек) повторными, специфическими для человека звуками, которые производятся орально'. Наконец, эту аналитическую форму можно заменить более сжатой и синтетической: 'специфические для человека повторяющиеся оральные звуки, производимые сознательно и назначенные для выражения каких-либо сообщений', видимо, могут означать не что иное, как 'говор', 'речь', а после добавления спецификации 'выражается раздражение или гнев агента' *лаять* приобретает смысл 'ругать', 'бранить', 'угрожать' или что-то им подобное.

7. В семантической репрезентации *кусания* мы также отбросим «чисто собачьи» компоненты, такие, как 'пищевой инстинкт (в качестве мотива кусания себе подобного)', 'зубы (в качестве орудия при атаке против себе подобного)', а также 'чисто инстинктивный характер мотивации атаки'. Проведя эти преобразования, попы-

таемся и здесь придать сохранившейся части выражения более сжатую форму. Оказывается, что такими эквивалентами слова *куса́ться* могут служить, например, 'атаковать физически', 'ударить' и т. п.

8. Итак, ближайшим (к исходному Л-значению) человекообразным референциальным П-значением данной пословицы может считаться выражение 'человек, которому свойственно выражать свой гнев руганью или угрозами, обычно не дойдет до физического нападения'.

9. Далее, это самое узкое П-значение может быть расширено путем снятия еще других семантических ограничений, заданных в Л-семантических репрезентациях предикатов. Например:

а) можно отвлечься от конкретности коммуникативной сцены и трактовать оппозицию 'ругань : удар' как оппозицию двух разных манифестаций — духовной и физической — более общей формы действия 'борьба' или 'атака', в результате пословица получила бы осмысление 'лицо или движение, много увлекающееся духовными (например, парламентарными, пропагандистскими и другими) формами борьбы, часто вовсе не доходит до физических (например, вооруженных) форм';

б) можно также отречься от ограничения 'гнев' или 'аффективная мотивация действия', этим понятие 'борьба' заменится более общим понятием 'воздействие', и пословица может приобрести, например, следующий смысл: 'воспитатель (или руководитель, или иной функционер), чрезмерно увлекающийся нравочениями, обычно не прибегает к радикальным, «действенным» мерам воздействия (например, наказаниям или иным санкциям)';

в) можно, наконец, отвлечься от ограничения ' y = конкретный человеческий объект вне x ' и понимать P и Q как 'формы деятельности вообще', противопоставляемые как 'выражение (каких-либо мыслей или намерений)': 'исполнение (этих мыслей или намерений)'; тогда пословица получит предельно широкий смысл 'кто много говорит, тот мало делает'.

10. Не манифестированный словесно «промежуток» от антецедента-«входа» имплицативной пословицы до его индикативного или императивного консеквента-«выхода» можно понимать как ряд предполагаемых каузальных процессов, мотивирующих связь членов импликации. Процессы, происходящие в этом «черном ящике», в принципе также входят в семантическую структуру пословицы. Припомним, что, разбирая пословицу о северо-западном ветре, мы не сумели сказать ничего более подробного об этих каузальных промежуточных звеньях, да и сами носители традиции вряд ли давали себе отчет о конкретных метеорологических причинах данного эмпирического соотношения. Однако в случае тематически человекообразных пословиц подобные открытия каузальной мотивировки оказываются в общем случае возможными, а иногда даже

необходимыми для понимания смысла текста. В данном примере мыслимы, например, следующие мотивировки:

а) у агента не возникает **внешней надобности** прибегнуть к «кусанию», поскольку его цель может быть достигнута уже «лаянием»;

б) у агента не возникает **внутренней надобности** для «кусания», ибо ему удастся разгрузить свой психический заряд путем «лаяния»;

в) агент не имеет **внешней возможности** приступить к «кусанию», поскольку он пропустил подходящий момент или другие благоприятные обстоятельства «лаянием»;

г) заметно интенсивное «лаяние» может оказаться симптомом того, что агент лишен **внутренних возможностей** для «кусания» (препятствиями могут быть, например, этические табу, оценка своих сил или просто страх).

11. Сказанному последует интерпретация на модальных уровнях, которой мы не будем проследивать здесь в деталях. Ее ход представляется в принципе аналогичным с операциями 10—12 в объяснении предыдущего примера. Отметим только, что человекосообразность здесь задана прямо на референциальном уровне, а не на прагматическом, хотя бы и косвенно, как это было в примере о северо-западном ветре. То есть переменные x и y могут здесь отождествляться с некоторыми актуальными человеческими референтами, в том числе некоторыми участниками коммуникативного контекста.

12. Общая оценочная конфигурация x и y примерно такова:

а) предикаты P и Q упорядочены по степени действенности: $P < Q$;

б) общий аксиологический статус агента воспринимается как хороший, притом действия P и Q осмысляются с его точки зрения как утилитарные;

в) общий аксиологический статус объекта воспринимается как плохой, притом действия P и Q осмысляются с его точки зрения как гедонические;

г) суть самого «аксиологического вывода» заключается в утверждении противоположного в пределах этих общих рамок: с исключением «кусания» тем самым исключается и возможность «наибольшего добра» для агента и «наибольшего зла» для объекта, и общее аксиологическое движение агента воспринимается как «нисходящее», движение же объекта — как «восходящее».

13. Прескриптивный намек в зависимости от конкретной ситуативной конфигурации может быть адресован либо «собаке», либо «объекту», либо кому-нибудь третьему. Например, предписание для агента может быть оформлено так: «не «лай» слишком много, иначе тебя перестанут бояться и будут игнорировать твоё «лаяние», или же ты можешь вовсе пропустить возможность для «кусания», предписание же для объекта: «не стоит особенно бояться того, кто много

«лает», ибо он, вероятно, не исполнит своих угроз, или же ты сам сможешь во время «лаяния» принять нужные меры».

Общие итоги наших наблюдений могут быть сформулированы следующим образом.

1. Понимание содержания пословицы включает в себе как минимум операции следующих трех видов: а) интерпретацию синтаксической суперструктуры; б) референциальную интерпретацию и в) модальную интерпретацию.

2. При объяснении процесса понимания пословицы можно в качестве пояснительных средств применять представления и приемы, происходящие, например, из: а) общей гносеологии и теории коммуникации (для определения общей номенклатуры и последовательности ступеней интерпретации пословицы); б) пропозициональной логики (для определения синтаксической суперструктуры текста); в) лингвистической семантики (для анализа референциального Л-значения пословицы); г) теории поэтики (для формулирования правил перехода от Л-значения к П-значению); д) модальной логики (для разбора модальных аспектов понимания пословицы).

3. Ядро понимания смысла пословицы составляет его референциальное понимание, исходным стимулом которого являются противоречия, проявляющиеся либо а) между ожидаемой от осмысленного высказывания степенью смысловой избыточности и действительной несовместимостью его Л-семантических составляющих (в случае ЛП-пословицы), либо б) между ожидаемой от осмысленного высказывания степенью информативности и действительной избыточностью его Л-содержания (в случае ПП-пословицы).

4. Центральным поэтическим принципом паремического тропообразования является принцип антропоцентричности, проявляющийся, например, в том, что переосмысление ПП-пословицы почти без исключения происходит «по направлению к человеку», т. е. почти не существует ПП-пословиц с нечеловеческой П-референцией.

■ ЛИТЕРАТУРА

1. Barley N. A Structural Approach to the Proverb and Maxim. — «Proverbium». 20. Helsinki, 1972. (Пер. на рус. яз. опубликован в настоящем сборнике, с. 127 и сл.)
2. Valimik eesti vanasõnu. Koostanud E. Normann. Tallinn, 1955.
3. Krikmann A. Some Additional Aspects of Semantic Indefiniteness of Proverbs. Remarks on Proverb Semantics 2. Preprint KKI-2. Tallinn, 1974.
4. Krikmann A. Some Difficulties Arising at Semantic Classifying of Proverbs. — «Proverbium». 23. Helsinki, 1974.
5. Крикманн А. А. К проблематике исследования содержания и мировоззрения пословиц. Автореф. канд. дис. Таллин, 1975.
6. Kuhn Th. S. The Structure of Scientific Revolutions. Ed. 2, Enlarged. Chicago, 1970.

7. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике. Вып. 1 (Введение, теория стиха). — «Труды по знаковым системам». 1. Тарту, 1964 («Ученые записки ТГУ», вып. 160).
8. Никитин Е. П. Объяснение — функция науки. М., 1970.
9. Пермяков Г. Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М., 1968.
10. Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М., 1970.
11. Fillmore Ch. J. The Case for Case. — E. Bach and R. T. Harms [ed.]. *Universals in Linguistic Theory*. N. Y., 1968.
12. Fillmore Ch. J. Some Problems for Case Grammar. — «Working Papers in Linguistics». 10. Columbus. Ohio, 1971.
13. Fillmore Ch. J. Types of Lexical Information. — D. D. Steinberg and L. A. Jakobovits [ed.]. *Semantics. An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology*. Cambridge, 1971.

3. К а н ь о

МЫСЛИТЕЛЬНО-ЯЗЫКОВЫЕ УСЛОВИЯ ОТРАЖЕНИЯ СТРУКТУРЫ ПОСЛОВИЦЫ

1. Члены культурного сообщества, в котором пословица является живым жанром, обладают интуитивным знанием того, что есть пословица: они могут решать, может или не может то или иное выражение рассматриваться как пословица, хотя на практике и встречаются случаи, когда к однозначному решению прийти нельзя. В другой области у них есть также еще одно интуитивное знание, а именно знание о предложении, причем, хотя последнее знание во многих отношениях и отличается от первого с точки зрения той роли, которую оно играет в человеческой мыслительной деятельности, тем не менее оба они, по нашему мнению, являются сущностями одной природы, поскольку основываются на условностях¹. Вот это интуитивное знание вместе с наличествующими материалами и образует эмпирическую основу для научного исследования, которое наряду с другими вещами должно выбирать это знание в качестве объекта исследования и давать объяснение того, почему определенные взаимосвязи рассматриваются так, а не иначе и вообще каковы те общие правила, которым подчиняется весь этот жанр, как таковой, или же этот жанр в определенном языке и в определенном обществе с фиксированными временными и пространственными границами и т. д. Научное исследование должно, таким образом, прояснять неопределенность и расплывчатость обыденных интуитивных понятий, но при этом парадоксально — и здесь важно отчетливо осознать этот парадокс, — что научная методика выявляет очевидную многозначность там, где прежде, казалось, царила полная однозначность. Тем самым мы хотим указать не только на известную важную способность научных языков давать возможность обнаруживать скрытые неоднозначности в естественном языке. Мы имеем в виду тот факт, что искомое объяснение в принципе может формулироваться на целом ряде различных научных языков, из которых далеко не просто выбрать язык, пригодный во всех отношениях. Другими словами, научные объяснения обусловлены свойствами применяемого научного языка, а это означает, в частности, что имеется принципиально возможная многозначность объяснений, которую, впрочем, может быть, даже следует признать многозначностью фактической.

2. Прежде чем двинуться дальше, посмотрим, что это значит применительно к пословицам. Очевидно, речь здесь идет о том, что

необходимо эксплицировать даваемое в естественном языке интуитивное указание «Это пословица», и притом эксплицировать его посредством определения, по возможности операционального. В паремиологии такое направление исследований существует довольно давно. Так, еще в классической риторике сентенция определялась в этом смысле как некоторая фигура мысли, и, кроме того, на основе обычной содержательной характеристики и на основе грамматического описания, считавшегося формальным, строился целый ряд подразделений этого понятия, преследовавших цель сделать это определение в области применяемого научного языка — классической грамматики и риторики — операциональным (ср. [30, Bd 2, с. 804—808]). Характерной чертой таких научных описаний является то, что в них обычно приводится с трудом обозримый длинный список семантико-грамматических точек зрения; типичный пример: в описании пословиц Зайлера [29], методологически основанном на таких же принципах, перечислено 45 различных метров, которыми может определяться просодическое членение немецких пословиц [29, с. 201—207]. Причина этого состоит в том, что в области применения такого научного языка описание и экспликация обычно остаются привязанными к уровню непосредственно наблюдаемых явлений. Абстрагирование осуществляется лишь интуитивно, причем синтаксические, семантические и прагматические следствия из принимаемых решений смешиваются друг с другом и не всегда выводятся формально оправданным путем; формальными методами, находящимися здесь в распоряжении исследователя, являются определенные, не слишком далеко заходящие трансформации структуры высказывания, а главным образом классификации на основе определенных языковых признаков. В дальнейшем наши примеры будут братья из современных паремиологических исследований.

Ближе всех к упомянутым вначале традиционалистам во многих отношениях стоят структуралисты, они точно так же хотят прежде всего строить классификации, а в том, что касается паремиологии, они по большей части только вновь открывают старые истины, по крайней мере это можно сказать о работе Греймаса [10]. Но это только одна сторона медали: здесь уже нам приходится иметь дело с таким научным языком, который совершенно отличен от научного языка традиционной грамматики, здесь тщательно разграничиваются синтаксис и семантика, в классификации проводятся новые, надежные принципы, применяются бинарные различительные признаки. В упомянутой статье Греймаса сама пословица представляется как бинарная структура и ее бинарность доказывается как на ритмико-фонологическом, так и на синтактико-грамматическом и семантическом уровнях.

А. Дандис отвергает лингвистический подход в случае фольклорных жанров, вместо этого он берется за определение специфической структуры в фольклористике. В случае пословицы он говорит о некоей «дескриптивной единице» (descriptive unit), состоящей

из «темы» (topic) и «толкования» (comment), причем «тема — это очевидный референт; это объект или сущность, который якобы описывается. Толкование — это утверждение о теме, обычно касающееся формы, функции или действия темы». По отношению к «теме» и «толкованию» как раз и различаются структурные типы пословиц: $A=A$, $A=B$, $A\neq B$ и т. д. [8, с. 37]².

Поднятая Дандисом проблематика «уравнительных» пословиц подвергается обстоятельному лингвистическому анализу в работе Голопенци-Эретеску [9], где за исходную принимается некая логико-семантическая глубинная структура и фиксируются различные языковые типы; таким образом, здесь вновь перекидывается мост в лингвистику из той области, для которой подчеркивался ее нелингвистический характер. Сформулированная в работах Пермякова [25; 26] теория клише развертывается в трех различных аспектах: исследуются логико-семиотический, языково-лингвистический аспекты текстов, а также аспект реалий, выраженных в текстах. Пословицы толкуются единообразно на основе структуры ситуаций, знаками которых эти пословицы являются, а уже эти онтологически объяснимые ситуации с помощью логико-семиотического аппарата сводятся к четырем глубинным, лежащим в основе формулам, которые затем через посредство различных трансформаций служат исходным материалом для вывода дальнейших вариантов и доопределяются на языковом уровне или на уровне реалий.

Попытка систематически эксплицировать пословицу на единой теоретической основе была предпринята нами в работе [13], где при помощи некоторой логической системы, а именно частичной трансформационной порождающей грамматики, получалось такое синтаксическое определение формулы пословиц, которое должно было отражать в себе эту логическую систему, и при этом в рамках такого порождающего устройства удавалось удовлетворительно раскрыть специфику риторико-поэтического воплощения языка в этих формулах, чему в данной работе уделялось особое внимание. На некоторых проблемах, связанных с этой системой, мы остановимся ниже.

Все эти примеры взяты из систем, относительно близких между собой с позиций научной теории, поскольку объем данной статьи не позволяет нам подробно рассматривать проблемы, связанные с точками зрения, которые отклоняются от принятой нами рационалистической модели науки или же открыто полемизируют с ней, — здесь можно упомянуть, к примеру, работы [2] или [27]. Приводившиеся примеры должны были служить лишь иллюстрациями к абстрактно сформулированному выше тезису о системно обусловленном значении терминов научного языка. Другими словами, единственного ответа на вопрос «Что такое пословица?» дать нельзя, а можно дать по меньшей мере столько ответов, сколько существует различных научных языков, но согласовать их друг с другом так же невозможно, как напрасно даже пытаться выработать переводные соответствия — в смысле однозначного отображения — для двух науч-

ных языков. Если в соответствии с классической риторикой мы скажем, что пословица — это такая фигура мысли, то нам придется иметь дело с термином, который полностью интерпретируется только внутри риторики. Однако можно, пожалуй, сказать, что логико-семантическая глубинная структура, предлагаемая в новейших исследованиях, в значительной мере эксплицирует смысл этого довольно-таки расплывчатого понятия, так что фигуры мысли могли бы соответствовать строго формально-определенным замкнутым логическим формулам; однако, даже если бы это и было так, основываясь на этом, еще нельзя было бы делать заключения об их полной тождественности, совсем наоборот: ведь здесь речь идет о настоящем проникновении в суть и познании³. Еще более ясный случай представляет собой попытка построить определение пословицы на основе определенных форм языковой глубинной структуры: в частности, термину «глубинная структура» нет соответствия в традиционной грамматике. Из всего сказанного, однако, не следует делать вывод, что упоминавшаяся вначале научная целеустановка попросту бессмысленна из-за различных, несоизмеримых друг с другом результатов. В то время как совершенно верно, что все эти научные языки в каком-то одном аспекте могут считаться вполне равноправными, точно так же не вызывает сомнения и тот факт, что в научной практике в зависимости от конкретных целей или теоретико-методологических вопросов эти языки будут оцениваться по-разному. Поэтому выбор языка, который и помимо этого определяется многими факторами, далеко не безразличен; он должен делаться с полным сознанием того, что следует считать оптимумом.

3. Все это необходимо было предпослать последующему изложению, поскольку упомянутый вначале парадокс в последнее время благодаря быстрому теоретико-методологическому развитию выступает в лингвистической теории особенно сильно: ведь теоретические изыскания в зависимости от определяющей школы ведутся в различных направлениях, что приводит к значительной дезориентации всех исследователей, которые, как и паремологи, заинтересованы в практическом применении результатов лингвистических исследований. Здесь мы должны указать и еще на одно воздействие такой быстроты изобретения новых теорий: наша монография о пословицах [13], издание которой по техническим причинам произошло с большим опозданием, при ее выходе в свет могла быть сочтена, глядя с вышки развития лингвистической теории, во многих отношениях устаревшей. Нижеследующие рассуждения имеют своей целью соотнести некоторые тезисы этой работы с релевантными результатами нескольких лингвофилософских школ, оказавшихся определяющими для науки 70-х годов. При этом мы постараемся заново сформулировать свое понимание пословицы на другом, более удачном с точки зрения научной теории научном языке.

3.1. Поскольку наша монография практически неизвестна, представляется необходимым сказать кое-что об этой работе; при этом

мы ограничимся логико-грамматическим определением структуры пословицы. В соответствии с нашим порождающим аппаратом нам было важно определить пословицу не в расчете на определенный фиксированный корпус фактов, а как возможную языковую структуру, имея в виду при этом соответствующую способность [Kompetenz] членов языкового сообщества; иначе говоря, посредством этого определения не должно было быть очерчено множество исторически наблюдаемых форм, а скорее установлено множество таких выражений, которые на основе их языкового определения в принципе (а между прочим, также и в действительности) могут выступать как пословицы. Решение вопроса о том, какие из этих возможных пословичных формул с определенной структурой конкретизируются в соответствующих случаях, связано с проверкой наличия многих прагматических факторов, которые к настоящему времени еще недостаточно исследованы, и здесь это обсуждаться не может. Класс указанных возможных пословиц или пословичных формул эксплицитно определен, с одной стороны, посредством некоторой трансформационной порождающей грамматики. Описательный аппарат этой логической системы основывается на модели Рейхенбаха [28], однако вместе с тем учтены также глубоко лежащие взаимосвязи с модальной и деонтической логикой. Эта логическая система, состоящая из девяти предложений, должна систематически порождать весь круг пословичных формул, исходя из одной базовой формулы, т. е. уже сама эта система строилась как порождающая. Чтобы читатели могли лучше представить себе суть этого метода, мы будем опираться на конкретный пример. Рассмотрим следующую пословицу:

(1) *Wer neidet, leidet.*

Кто завидует, [тот] страдает.

Как было указано ранее, в новейших исследованиях пословиц обнаруживается тенденция к тому, чтобы усматривать в подобной структуре некое — языковое или паралингвистическое — уравнение $A=B$; однако в работах Пермякова [25; 26], где также предпринят логический анализ пословиц, здесь усматривается уже импликация $P \rightarrow Q$ (ср. [25, с. 28—29; 26, с. 20—22]). На основе логического анализа языка можно легко показать, что прав Пермяков, правда, его формула требует несколько более аккуратного определения; наряду с разными предикатами следует различать также и разные аргументы, а именно по крайней мере объектные и временные аргументы, причем временные аргументы должны служить для обозначения моментов времени, а объектные аргументы — для всего прочего. Теперь нужно тщательно проверять, каким образом эти аргументы могут выступать в пословицах, могут ли они быть замещены константами, т. е. именами собственными, или связаны кванторами, такими, как квантор общности («всякий») или квантор существования («имеется некоторый. . .»). Логический анализ приведенного выше примера (1) приводит к следующей записи:

$$(2) \ \wedge x \ \wedge t \ [f(x, t) \supseteq g(x, t)],$$

где $\wedge$ = знак квантора общности

x = объектный аргумент

t = временной аргумент

f = предикат «завидует»

g = предикат «страдает»

$\supseteq$ = знак коннективной⁴ разновидности логической импликации.

В основу нашей работы положено следующее предположение: базовая формула имеет такой вид, как указано в (2), т. е. она представляет собой (коннективную) импликацию между двумя предикатами первого порядка, стоящими в области действия квантора общности по объектным аргументам и квантора общности по временным аргументам, и все это при условии, что все имеющиеся в формуле аргументы связаны кванторами общности или кванторами существования и формула лингвистически интерпретируема. Последнее замечание, с одной стороны, связано с тем, что в пословицах не допускается присутствие свободных переменных и констант, а с другой стороны, выражает требование того, что формулы должны быть такими, чтобы их можно было переводить на естественный язык, что само по себе не может быть обеспечено системно-имманентными правилами, так что требуется переход к лингвистически адекватной грамматической системе. Тот факт, что мы начали не с грамматического представления, а предпочли ему логическую систему, приложимую к естественному языку лишь в особой ситуации, объясняется тем, что ко времени написания нашей работы в грамматиках далеко не удовлетворительно был разработан вопрос о квантификации, который как раз для пословиц представляется решающим; таким образом, оказалось уместным изменить систему трансформационной порождающей грамматики в том направлении, чтобы с ее помощью находили свое адекватное языковое выражение связи, установленные в нашей логической системе.

Преимущество трансформационной порождающей грамматики — а здесь была использована так называемая стандартная модель, описанная в работе Н. Хомского [4], — состоит как раз в том, что она предоставляет в наше распоряжение формальный метод определения смысловой тождественности языковых структур благодаря тому, что вводятся трансформации, которые эксплицитно представляют связь между разными формами, их зависимость от одной и той же глубинной структуры и т. п. Впрочем, здесь обнаруживается ряд примеров, таких, как:

(3) *Wenn man neidet, dann leidet man.*

Если завидуют, то страдают.

(4) *Der Neider leidet.*

Завистник страдает.

(5) *Neid macht Leid.*

Зависть рождает страдание

(букв. *Зависть производит страдание*).

Интуитивно эти примеры представляются перифразами примера (1), однако в стандартной модели они выводятся из различных глубинных структур, ведь (4) — это простое предложение, в то время как (1) и (3) представляют собой различные типы сложных предложений — с придаточным определительным и с придаточным условным, а номинализация, явно имеющаяся в (5), ставит перед нами еще целый ряд проблем. Предлагаемое нами решение состоит в том, что все эти формы следует выводить из одной-единственной глубинной структуры, а именно из сложного предложения с придаточным определительным, наиболее близкого к логической импликации и правильно отражающего квантификацию с помощью квантора общности. Вследствие этого решения в правила построения порождающей грамматики привносятся некоторые изменения, так что правило подстановки, переводящее именную группу (NP) в цепочку «Детерминант (т. е. артикль) + Имя», должно быть модифицировано таким образом, чтобы оно вводило только квантифицированные именные выражения типа «jedermann» ('всякий'), «einige» ('некоторые'), «alle» ('все') и т. п., имена собственные и личные местоимения, а собственно имена выводились бы из предикатива. Все прочие формы можно было бы потом получать из этой базовой формулы с помощью трансформаций; эти трансформации, впрочем, отличались бы по своему характеру от трансформаций, допускаемых в стандартной модели, тем, что их применение обусловлено не только чисто синтаксическими, но и семантическими критериями, а сами они не являются сохраняющими смысл в классическом понимании этого термина. Практически наше решение означает не более и не менее как то, что в качестве грамматической формулы пословицы принимается глубинная структура предложения (3) — обобщенное предложение с придаточным условным; нами было сформулировано общее трансформационное правило, которое переводит такое предложение с придаточным условным в предложение с придаточным определительным типа (1); для этого трансформации было определено еще одно трансформационное правило, которое для выражения квантификации вводит артикль (ср. (4)); формы с номинализацией типа (5) в большинстве случаев могут быть произведены непосредственно от базовой формулы. Исследование привело нас к такому заключению, что для вывода пословиц нам потребуется не весь аппарат грамматики, а только часть грамматики, пригодная для того, чтобы определить весь данный жанр в указанном выше смысле потенциальной возможности. Это логико-грамматическое определение пословицы дополняется соображениями из области семантики, теории коммуникации, поэтики, риторики и стилистики, на которых мы в данной связи останавливаться не можем.

3.2. Возвращаясь к уже сказанному, можно с уверенностью заявить, что работа над проблемой квантификации, расцениваемой как определяющая для структуры пословиц, открывает такую тему, которую следовало бы считать центральной для лингвистической теории 70-х годов, поскольку это именно та точка, в которой сталкиваются друг с другом различные лингвофилософские течения. Трансформационная порождающая грамматика, методы которой были применены и в определенном отношении модифицированы в нашей работе, присоединяется как раз к течению, противоположному тому, которого мы придерживались, считая правильным. Его отправной точкой являются исследования в области порождающей семантики. Так, Лаков [16] попытался объяснить любопытные различия в значении между активной и пассивной формами следующего предложения, содержащего кванторы:

- (6) *Many men read few books.*
Много людей читает несколько книг.
 (7) *Few books are read by many men.*
Несколько книг читается многими людьми.

Если один из кванторов стоит выше другого, если один «командует» («commands») другим, то первый квантор, по общим наблюдениям, должен стоять левее, точнее говоря, в таком случае должны быть сформулированы ограничения на вывод, которые с самого начала исключили бы порождение дефектных цепочек. Такое ограничение на вывод могло бы выглядеть следующим образом.

Пусть $C_1 = Q^1$ командует Q^2
 $C_2 = Q^2$ командует Q^1
 $C_3 = Q^1$ предшествует Q^2
 / означает «при условии, что»

Ограничение 1: $P_1 / C_1 \supset [P_n / C_2 \supset P_n / C_3]$

Ограничение 1 представляет собой следующее утверждение: если два квантора Q^1 и Q^2 встречаются в исходной структуре P_1 , так что для нее выполняется условие C_1 , то тогда, если соответствующая поверхностная структура P_n удовлетворяет условию C_2 , эта поверхностная структура P_n должна удовлетворять и условию C_3 . Короче говоря, если исходное асимметричное отношение командования нарушается в поверхностной структуре, его функцию принимает на себя отношение предшествования [16, с. 240—241].

Детали этого анализа представляют меньший интерес, чем тот принцип, который в одном пункте существенно изменил суть понимания порождающей грамматики, по Хомскому: семантическая интерпретация предложения уже не зависит больше только от его глубинной структуры и лексических единиц, но определяется вместе с тем и поверхностной структурой этого предложения. Хомский, объявивший порождающую семантику вариантом своей концепции, отличным от нее лишь в форме записи, нашел такое предложение

по изменению модели обоснованным: «Эти факты⁵ . . . служат серьезным доводом в поддержку гипотезы о том, что поверхностная структура определяет (по крайней мере частично) сферу действия логических элементов, и в то же время представляют собой сильный контраргумент против стандартной теории в ее самой общей форме» [5, с. 209]. Все это привело к существенной переработке модели грамматики, конечным результатом которой в настоящее время является «теория следов» (trace theory). Главная идея этой теории состоит в том, что составляющая, подвергаясь трансформациям, оставляет за собой на своем исходном месте «след» (trace), функционирующий аналогично связанной переменной, так что в измененной структуре оказываются одновременно выраженными два важных типа информации: поверхностная структура и в ней — прозрачно — освобожденные позиции составляющих, бывшие занятыми в глубинной структуре. Определенная таким образом поверхностная структура интерпретируется правилами семантической интерпретации, относящимися к сфере действия грамматики предложения, что приводит затем к логическому представлению. Логическое представление вместе с другими когнитивными представлениями посредством дополнительных правил семантической интерпретации доводится до полного представления смысла (ср. [6]).

Чтобы иметь возможность сравнивать эту систему с нашей, мы могли бы сказать, сильно упрощая, что Хомский, так же как и мы, работает с двумя системами — порождающе-грамматической и логической, но исходной для него является грамматическая система, а логическая присоединяется к ней посредством дополнительных правил семантической интерпретации. Поскольку имеющиеся в естественном языке составляющие, которые выполняют функцию квантора, описываются в этой системе не единообразно — ведь они возводятся к разным категориям, таким, как Детерминант, Местоимение, Предикатив и т. д., — поскольку интересующая нас проблема на синтаксическом уровне остается в значительной степени не решенной. В этой системе пословицы можно определять как единый класс логических формул в лучшем случае с точки зрения семантической интерпретации; и соответственно на этой семантической основе следовало бы осуществлять точную проверку того, какие общности, обеспечивающие семантическое единообразие, остаются скрытыми в синтаксической структуре. Тем не менее эта принципиальная возможность остается неиспользованной, потому что семантика была и остается слабым местом порождающей грамматики Хомского. С другой стороны, ясно, что наше предложение не охватывает всей проблематики, связанной со сферами действия в естественном языке, в то время как в теории следов этот вопрос был систематически исследован и привел к выработке теоретически представительной концепции. Обладает ли теория следов какой-либо релевантностью для паремииологии — в том смысле, что с ее помощью можно удобнее и проще объяснить выступающие в этой области

специфические трансформации, названные нами «риторическими», — это еще вопрос, и точно так же неизвестно, дает ли теория следов во всех отношениях удовлетворительные решения для тех проблем, которые были поставлены, но не решены в стандартной модели.

3.3. Благодаря применению к естественному языку семантики теории моделей внутри лингвистической философии развилось новое направление, которое было сформулировано в работах Монтегю [21; 22; 23] и Льюиса [18]. Эти опыты знаменуют собой возврат к так называемой категориальной грамматике, которая по своему строению также относится к выводным, т. е., другими словами, порождающим грамматикам, но она представляет не тот тип, что грамматика Хомского, поскольку она является контекстно-свободной и в ней отсутствуют трансформации⁶. Понимание грамматики Монтегю предполагает наличие хороших математических знаний, а поскольку подробное описание всех применяемых в этой теории понятий и методов здесь невозможно⁷, мы должны удовлетвориться беглым обзором интересующих нас синтаксических и семантических вопросов.

«В грамматике Монтегю имеется синтаксический и семантический компонент. Синтаксический компонент, или система синтаксиса [у Монтегю — „язык“], служит для порождения и синтаксического анализа выражений рассматриваемого языка. . . Ядром системы синтаксиса является система структур [язык, лишенный неоднозначности], порождающая множество „сырых“ выражений. В алгебре Пеано, т. е. в операциональной системе порождения, в которой для каждого элемента имеется ровно один способ порождения, эти „сырые“ выражения строятся из атомарных выражений» [20, с. 75]. В этом процессе построения решающую роль играют категории. Постулируются две базовые категории, t и e , из которых t может быть сопоставлено с предложением, а e — с именной группой, а все прочие категории выводятся с помощью базовых категорий. Так, к примеру, категорией непереходного глагола является t/e , что означает, что здесь мы имеем дело с функтором, который, будучи применен как к аргументу к выражению с категорией e , дает в результате выражение с категорией t , т. е. предложение. В качестве категории наречия, служащего определением к непереходному глаголу, берется IV/IV , т. е. функтор, аргументом которого является IV , а значением — также IV . Относя определенные единицы лексикона к тем или иным категориям, мы получаем атомарные структуры (базовые выражения). От этих атомарных структур осуществляется переход к сложным выражениям, признаваемым правильно построенными в описываемом языке, и переход этот происходит таким образом, что применение операций по построению выражений ограничено синтаксически релевантными случаями. Таким образом, тут для всякого выражения, если оно однозначно, имеется определенный путь его порождения, отражающий его струк-

туру. Покажем это на примере вывода одного неоднозначного предложения, релевантного также и с точки зрения формул пословиц:

(8) *A woman loves every man.*

Одна женщина любит всякого мужчину.

Для этого нам потребуются следующие категории:

$B_{IV} = \{\text{run 'бежать', walk 'идти' talk 'говорить'}\}$, или категория непереходных глаголов;

$B_T = \{\text{John, Mary, he}_0 \text{'он}_0\}, \text{he}_1 \text{'он}_1\} \dots$ категория термов;

$B_{TV} = \{\text{love 'любить', find 'находить'}\}$ категория переходных глаголов;

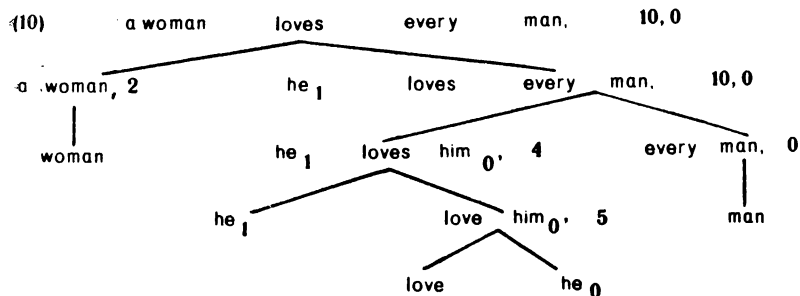
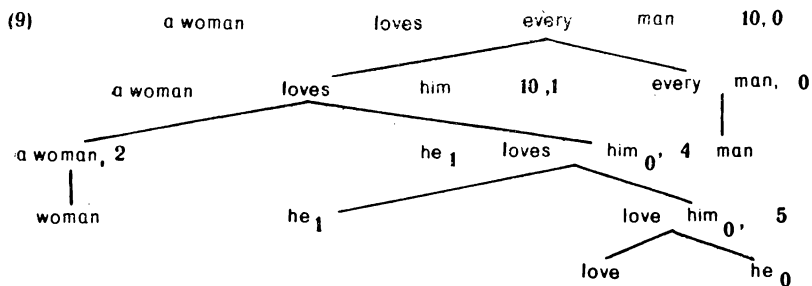
$B_{CN} = \{\text{man 'мужчина', woman 'женщина'}\}$ категория родовых имен.

Теперь мы сформулируем синтаксические правила, которые необходимы для построения предложения (8), причем ради простоты понимания мы сделаем это не на языке формул, а на естественном языке следующим образом⁸:

- S1. Все атомарные структуры (или базовые выражения) являются также структурами (выражениями, составляющими) синтаксиса.
- S2. К составляющей (группе) категории CN применяются синтаксические операции F_0, F_1, F_2 , где $F_0(\xi)$ **every** ξ ('всякий ξ '), $F_1(\xi) = \text{the } \xi$ ('этот ξ ', т. е. ξ с определенным артиклем), $F_2(\xi) = \text{a } \xi$ ('один ξ ', т. е. ξ с неопределенным артиклем), что дает в результате терм.
- S3. Пусть имеется группа категории t/IV и группа непереходного глагола; в результате действия операции F_4 из них образуется предложение, в котором эти группы располагаются в перечисленном порядке, а глагол получает окончание 3-го лица единственного числа настоящего времени.
- S5. Операция F_5 превращает группу переходного глагола и терм в группу непереходного глагола; если термом было he_n 'он_n', то такой терм приобретает вид him_n 'его_n'.
- S14. Операция $F_{10, n}$ применяется к предложению и терму. Результат этой операции — замена первого вхождения в предложение переменной he_n или him_n термом, а последующие вхождения той же переменной в зависимости от рода первой в данном выражении именной группы или группы категории T должны быть заменены на he/shi/it 'он/она/оно' или же соответственно him/her/it 'его/ее/его'.

Итак, по правилу S1 **love** 'любить' $\in P_{TV}$, т. е. является элементом составляющей переходного глагола, а he_0 'он₀' $\in P_T$, т. е. это терм. На основании S4 имеется операция F_5 , переводящая эти два элемента в группу непереходного глагола **love him**, $\in P_{IV}$. В результате действия правила F_4 эта глагольная группа в сочетании с термом he_1 $\in P_T$ дает предложение **he₀ loves him₁** 'он₀ любит его₁'. **Woman** 'женщина' — это родовое имя, т. е. элемент класса P_{CN} , так что к нему может быть применена операция F_2 , в результате чего мы получим **a woman** 'одна женщина' $\in P_T$. Аналогично из

man 'мужчина' $\in P_{CN}$ получаем с помощью F_0 every man 'всякий мужчина' $\in P_T$. Синтаксическая структура, а через нее непосредственно также и значение данного предложения определяются тем, в какой последовательности эти терминальные группы вводятся в предложение на основе правила S14. Это можно хорошо проиллюстрировать с помощью следующих деревьев анализа.

«Синтаксические структуры . . . не только синтаксически, но также и семантически однозначны. . . Система значения (или интерпретация) состоит из компонента приписывания значений атомарным структурам и алгебры, которая строится параллельно алгебре структур: ее базу образуют значения базовых структур, а ее операции соответствуют включаемым на том же месте синтаксическим операциям, семантический эффект которых они передают» [20, с. 75—76]. Семантическая интерпретация выражается в некоторой интенциональной логике, от описания которой в рамках данной статьи мы вынуждены воздержаться, хотя сила грамматики Монтегю состоит как раз в том, что она может интерпретировать предложения естественного языка в терминах семантики, принятой в теории моделей. Мы хотим рассмотреть здесь только правило для перевода интересующей нас квантификации.

T2. «Если $\xi \in P_{CN}$ и ξ переводится в ξ' то тогда every 'всякий' переводится в $\hat{P} \wedge x [\xi(x) \rightarrow P(x)]$ ». Эту формулу следует читать так: свойство P , которое имеют одновременно все x , если они есть ξ . Таким образом, практически предполагается, что квантором общности

вместо всех встречающихся свойств постулируется одно общее. И так, примеры (9) и (10) интерпретируются следующим образом:

- $$(11) \forall u [\text{woman}'_*(u) \wedge \forall v [\text{man}'_*(v) \rightarrow \text{love}'_*(u, v)]]$$
- $$(12) \forall v [\text{man}'_*(v) \rightarrow \forall u [\text{woman}'_*(u) \wedge \text{love}'_*(u, v)]]$$

где значки ' и * показывают, что речь идет о том, что является соответствиями для данных выражений в интенциональной логике.

Эта не так легко постижимая система может лучше осветить некоторые черты пословичных формул. Может показаться удивительным, что мы использовали логические формулы для синтаксических целей, в то время как в теории следов такие же формулы предназначаются для того, чтобы играть семантическую роль, но это справедливо, потому что формулам свойственны оба аспекта. Впрочем, в грамматике Монтегу проводится отчетливое различие между синтаксисом и семантикой; в синтаксисе имеют дело с системой порождения, которая производит правильно построенные выражения, а в семантике речь идет об их интерпретации. В случае квантификации синтаксическое правило вывода означает не более и не менее как то, что перед группой родового имени может ставиться квантор «every» ('всякий'), причем в этом случае категориальное значение всего комплекса меняется. Идя по такому пути, оказалось возможным строить выводы для фрагмента естественного языка с использованием строгих логических средств; мы же должны сравнительно с этим поставить себе в качестве критерия возможность перевода логических формул на естественный язык и не отступать от этого критерия под давлением имманентных правил системы, как это происходило здесь. Этот педантичный логический синтаксис не только далеко превосходит нашу вспомогательную логическую систему; кроме того, он в состоянии взять на себя некоторые функции, которые в нашей работе отводились на долю трансформационной порождающей грамматики. Тезис о том, что пословицы могут быть определены посредством частичной грамматики, может быть переформулирован в этой системе следующим образом: мы должны, очевидно, работать с некоторым фрагментом, среди базовых категорий которого категория термов обладает той особенностью, что она вводит лишь переменные $he_0, he_1, he_2 \dots$, но не имена собственные. Если же в пословицах выступают имена собственные, то они подвергаются квантификации, как, например, в предложении 13:

- (13) *Jeder Hans bekommt seine Grete.*
'*Всякий Ханс получает свою Грету*',

и тогда в свете правила S2 они представляют собой уже не термы, т. е. не имена собственные, а родовые имена, и как таковые требуют занесения в лексикон. Далее, мы должны будем потребовать, чтобы на место всех переменных были подставлены их значения, и специфическое для пословиц связывание переменных квантором общности следовало бы формулировать как раз в виде этого процесса под-

становки, например, следующим образом: категория P_i/IV в пословичной формуле может представлять собой терм, построенный из элемента категории P_{CN} применением операции F_0 . Таким способом мы могли бы получить основную формулу с квантором «every» ('всякий'). Семантическая интерпретация совпадает с формулой, которую мы приводили. Впрочем, есть и существенные отличия: у нас нет никакого жесткого механизма перевода, а вместо этого мы интерпретируем всего лишь интуитивно, наша логика экстенциональна, в то время как в естественном языке содержатся и интенциональные связи. Тот факт, что отражать сформулированные на естественном языке пословицы мы можем на языке экстенциональной логики, обусловлен тем, что в пословицах, как правило, бывает применен экстенциональный язык. Серьезный же семантический анализ может быть предпринят лишь относительно интенциональной семантики; выявление денотатов и в связи с этим принятие во внимание различных миров и времен упрочивают теоретическую основу для включения в рассмотрение упоминаемого Пермяковым слоя реалий по крайней мере на очень абстрактном уровне. Но вернемся к проблеме пословичных формул. До сих пор мы могли охватить эксплицитным образом только пословицы, зависящие от формулы с квантором every 'всякий'; теперь спрашивается, сможем ли мы вообще при отсутствии трансформаций моделировать связь, имеющуюся между разными языковыми формулировками. Сейчас система в принципе в состоянии показать, что, например, придаточные определительные, вводимые обобщающим местоимением, как в (1), или придаточные условные, как в (3), несмотря на свое синтаксическое несходство, имеют одинаковую семантическую интерпретацию, а именно импликацию под квантором общности. Если идти по такому пути, формулы пословиц были бы классом эквивалентности, устанавливаемым на семантическом уровне и получающим свое синтаксическое воплощение при помощи тех средств, которые предоставляет язык. Во всяком случае, следует заметить, что грамматика Монтегю может оказать не так уж много помощи в «вылавливании» всех релевантных синтаксических вариантов, поскольку она в значительной мере равнодушна к явлениям поверхностной структуры и все риторико-стилистические варианты, имеющие столь большое значение для паремииологии, остаются вне ее поля зрения.

3.4. Чтобы ослабить сложность грамматики Монтегю и лучше отразить структуру естественного языка, в категориальных языках был введен в употребление один оператор, занявший в них центральное место. Этот оператор называется λ -оператор («лямбда-оператор»), а языки с его использованием — λ -категориальные грамматики. λ -оператор применялся также и у Монтегю; он даже ввел в свою интенциональную логику особые сорта λ -операторов для каждой переменной; так, в приведенном выше правиле перевода имелся λ -оператор для свойств индивидуальных понятий. Формальное различие разных λ -операторов не является необходимым;

для любой структуры вида $\lambda \times (A)$ общим моментом является наличие такой функции, которая каждому значению переменной x приписывает соответствующее ему значение переменной A . Если $\lambda x (A) =$ «мужчины, которые любят Арабеллу», то в принципе для каждого отдельного мужчины можно решить, любит он Арабеллу или нет. Этот λ -оператор оказался очень гибким инструментом, который позволил отразить внутреннее расслоение языка в рамках категориальной грамматики, обогащенной Монтегю. Вслед за Кресвелом [7] выберем в качестве отправной точки следующий пример:

(14) *Everyone loves someone.*
 'Всякий любит кого-то'

Этот пример похож на обсуждавшийся раньше пример Монтегю (8) и, так же как и тот, является неоднозначным; категориальные связи мы здесь вообще не будем затрагивать, а проиллюстрируем лишь роль λ -оператора. Мы будем исходить из того, что ядром предложения является глагол *love* 'любить' с двумя аргументами x и y :

$\langle \text{loves}, x, y \rangle$
 $\langle \text{любит}, x, y \rangle$

Эти два аргумента пока еще не определены, они восстанавливаются при помощи λ -оператора, и кванторы «everyone» 'всякий' или «someone» 'кто-то' относятся теперь уже к переменным, связанным λ -оператором. Неоднозначность и здесь является следствием различной упорядоченности квантификации:

(15) $\langle \text{everyone}, \langle \lambda, x, \langle \langle \lambda, y, \langle \text{loves}, x, y \rangle \rangle, \text{someone} \rangle \rangle \rangle$
 (16) $\langle \langle \lambda, y, \langle \text{everyone}, \langle \lambda, x \langle \text{loves}, x, y \rangle \rangle \rangle, \text{someone} \rangle \rangle$

Если мы сравним (15) и (16) с (9) и (10), то мы увидим, что деревья анализа замещаются здесь последовательностью λ -операторов. Глубинная структура в формулировке на λ -категориальном языке отличается от поверхностной структуры только использованием λ -операторов, во всем остальном число и последовательность составляющих являются теми же самыми. Функция λ -оператора состоит, очевидно, в том, чтобы определять структуру. Вывод поверхностной структуры происходит путем удаления λ -операторов. Следует заметить, что в некоторых новейших лингвистических исследованиях это описанное в общих чертах простое отношение выступает в гораздо более сложном виде; мы сошлемся на работы Бальвега [2] и Бальмера [1], которые показывают применение λ -категориальных языков к анализу естественного языка, однако подробно заниматься здесь возникающими в этой связи проблемами мы не можем. Нам надо, однако, упомянуть следующее: Кресвел сознательно отказывается от обычной интерпретации квантора общности «every». Его обоснование таково: «Если мы переводим $\supset$ как if 'если', мы оказываемся втянутыми в дискуссию о том, следует ли интерпретировать союз if в английском языке как материальную импликацию,

а если же мы вводим $\supset$ как технический символ, мы несколько не продвигаемся вперед в анализе слова *every* в английском языке. Хотя [данное определение] может не отражать обычное употребление слова *every* в английском языке, для него шансы быть принятым в качестве приближения огромны по сравнению с шансами выражения $\vee$ быть принятым в качестве отражения употребления союза *if* в английском языке» [7, с. 137]. Кресвел справедливо напоминает о проблеме, которая возникла в связи с попытками интерпретации условных предложений в естественных языках в смысле материальной импликации, и если он хочет решать этот вопрос так, чтобы благодаря новому нейтральному решению держаться подальше от этих споров, то это его право. Впрочем, его собственное решение, как он сам признается, не является во всех отношениях удовлетворительным, однако спрашивается, не поставит ли уже сама эта отличная от всего попытка решения проблемы наш тезис о словосочинных формулах под сомнение. Мы полагаем, что это не так. Ведь наш тезис не обязательно должен был быть привязан к некоему конкретному истолкованию квантификации, а классы эквивалентности, устанавливаемые с учетом квантификации, могли бы быть выделены и в том случае, если бы даже ни формула с квантором *every*, ни общезначимое предложение с *if* не возводились к импликации, связанной с квантором общности, но при этом логическая экспликация обоих типов была бы конгруэнтна. Во всяком случае, осторожный подход Кресвела едва ли сулит нам, что при каком-нибудь удачном решении вопроса удастся обойти все критические моменты; такого результата скорее надо ожидать либо от какого-то однозначного разрешения старых дискуссий на основе вновь добытых знаний, либо даже от какого-нибудь радикально нового направления исследований.

3.5. Й. Хинтиikka предложил такое в работе [11], а именно: принципиально новая интерпретация для кванторов, в которой были пересмотрены как результаты начатого Лоренцем направления исследований с применением теории игр, так и прагматически ориентированная лингвистическая философия, восходящая к позднему Витгенштейну (ср. [31]). Исходя из положения Витгенштейна «значение в употреблении» («meaning in use»), он пытается отразить выполняемые кванторами функции посредством соответствующих глаголов и таким образом приходит к глаголам *suchen* 'искать' и *finden* 'находить'. Хинтиikka доказывает, что производимая с этими словами языковая игра не только является игрой в витгенштейновском приблизительном смысле слова, но допускает интерпретацию также и в строгом смысле теории игр. Эта игра ведется нами с природой, которую можно представлять себе и как злого гения (*malin génie*), который делает все, чтобы нас разозлить⁹. Моя цель в игре состоит в том, чтобы для нормальной формы, упорядоченной в виде матрицы, достичь такой подстановки, которая сделала бы эту форму истинной, а противник стремится достичь такой подстановки, при которой она оказалась бы ложной. В случае квантора существования

я могу сделать такой ход: я выбираю индивидуум, имя которого следует подставить на место переменных, связанных этим квантором. В случае квантора общности ход делает мой противник: ему разрешается выбрать индивидуум, имя которого следует подставить потом на место переменных, связанных квантором общности. Порядок ходов определяется порядком кванторов, игра заканчивается однозначной победой одного из участников. Хинтикка характеризует поведение игроков как «Поиски» и «Находки», языковую игру с гносеологически решающим значением, поскольку в ходе игры нужно ручаться за существование индивидуумов. В зависимости от того, исходит ли игрок из наилучшего возможного случая, в котором существование определенных индивидуумов предполагается бесспорным, как это и бывает в большинстве случаев в логике, или же он просто создает, конструирует новые сущности для подстановки с помощью множества-модели, — очевидно, в этих случаях мы имеем дело с разными языковыми играми, логико-философские условия и особенности которых здесь подробнее обсуждать нельзя. Но и без этого ясно, что то понимание кванторов, которое является без учета сказанного общепринятым в символической логике, представляет собой в свете этого такое упрощение, которое допустимо лишь в смысле пограничного значения и, как таковое, должно быть соответствующим образом переработано. Входить в технические подробности в этой связи все же не нужно, а применительно к жанру пословиц нам кажется гораздо более важным то, что говорит Хинтикка о языковой игре поисков и находок. Эта мысль позволяет нам, в частности, придать более точную форму нескольким предположениям, которые были сформулированы нами относительно этого жанра в работе [13]. А именно: если пословица — это такой жанр, логико-языковая структура которого, по определению, входит в сферу действия одного или нескольких кванторов, если, далее, наличие языкового выражения для этой квантификации является предварительным синтаксическим условием первого ранга, невыполнение которого с самого начала исключает такую ситуацию, чтобы некоторая языковая формула была истолкована в качестве пословицы, то тогда характерная для этих кванторов языковая игра поисков и находок должна быть в значительной степени определяющей и для жанра пословиц. Этот жанр практически вырастает из такой языковой игры, он есть ее полностью развернутая форма, в которой в распоряжение человека даются общие формулы, приносящие ему победу в игре против природы. Таким образом, мы полагаем, что здесь, как правильно сказал Йоллес, выступает некоторая простая форма, возникающая из самого духа языка, однако в отличие от этого исследователя мы не стали бы усматривать в этом генезисе ничего мистического и иррационального, кроме как специфическое дальнейшее развитие заложенных в языке структур. В случае пословицы это развитие означает не что иное, как то, что здесь в первую очередь важен не столько даже процесс поисков и находок,

сколько то, что найденное представляется как нечто такое, для чего имеется языковая формулировка, подчиняющаяся особым правилам; однако в основе всех этих изменений лежит все же простая и исконная языковая игра, которую просто трудно распознать в образе квантификации, но которая тем не менее как раз в такой сублимированной форме представляет определяющую черту сущности пословицы.

4. На этом мы заканчиваем сопоставление наших тезисов с идеями различных новейших лингвистических школ. Мы не хотели бы этим сказать, что в других направлениях о кванторах и квантификации не было сказано ничего существенного, но вклад рассмотренных здесь школ мы по разным причинам расцениваем все же как особенно важный.

Мы придерживаемся того мнения, что такое сопоставление наших тезисов с этими новыми школами не было безрезультатным, поскольку мы на его основе смогли прийти к некоторым новым взглядам относительно структуры пословиц. Во всяком случае, если бы нас спросили, какой научный язык мы считаем в настоящий момент оптимальным для экспликации структуры пословиц, мы были бы в большом затруднении, потому что для решения этой задачи нам не кажется во всех отношениях пригодной ни одна из рассмотренных грамматик, а скорее какой-то специфический смешанный язык. Что касается основы этого смешанного языка, то мы бы решились, по всей видимости, на категориальную грамматику, а именно ее λ -категориальный вариант, его можно было бы расширить посредством интерпретации Хинтикки, а кроме того, могло бы оказаться необходимым ввести трансформации для учета риторико-стилистических вариантов. Грамматики такого типа пока не существует; ее разработка на таком уровне, на котором можно было бы эксплицировать любую пословицу некоторого естественного языка, требовала бы немало труда, и, что гораздо хуже, по окончании этой работы практическое исследование пословиц, сформулированное на этом соответствующем своему времени смешанном языке, с большой вероятностью окажется сильно устаревшим с точки зрения состояния теоретических исследований, которое будет достигнуто к тому времени. Теоретические исследования продвигаются вперед очень быстро, они вновь и вновь обращаются ко все более абстрактным фрагментам, а вопросы, относящиеся к поверхностной структуре, оставляют без внимания. Исследователю, интересующемуся как раз вопросами этого круга, не остается ничего другого, кроме как принять к сведению это парадоксальное состояние, возникшее в ходе научного развития, и соответствующим образом на него реагировать, выбирая свою стратегию. Что же именно должно быть стратегически верной реакцией на это изменившееся положение — это очень сложный вопрос, на который едва ли можно ответить одной фразой. Но чтобы вернуться после проведенного анализа к проблеме многозначности научных языков, поставленной в начале

статьи, мы хотели бы выразить мнение, что исследователь не должен допустить ни того, чтобы такие парадоксы, острее чувствующиеся при изменениях, довели его до того, что он утратит чувство развития языка и науки вообще, ни того, чтобы он мог быть уведен на ложный путь, где при исследовании материала он ограничится простой адаптацией перенятых у других методов и теорий. Ибо определение пословицы нельзя передоверить никакой другой науке, и только паремиология в согласии с современной научной методологией и на основе собственных научно-исторических традиций должна по мере возможностей дать новый ответ на вопрос о смысле пословицы — и это вовсе не для того, чтобы увеличивать упомянутую многозначность, а в надежде заменить ее однозначностью, сознавая в то же время, что это намерение утопично.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В связи с представленной здесь лингвофилософской концепцией, согласно которой условность является определяющим фактором, ср. работы Льюиса [18], Шиффера [30], Куммера [15].

² Сформулированная Дандисом концепция была заново развита в работе Кёнгэс-Маранды и Маранды [14, с. 80—81] с привлечением терминологии Левистроса.

³ Об экспликации понятий ср. книгу Карпана [3].

⁴ Относительно термина «коннективный» ср. у Рейхенбаха [28].

⁵ Хомский ссылается здесь на примеры, аналогичные фразам (6) и (7) [5, с. 209].

⁶ В этом отношении работа Льюиса [18] составляет исключение, поскольку в ней приняты также и трансформации.

⁷ Из введений в грамматику Монтегю мы укажем на работы Парти [24] и Лёбнера [20].

⁸ Эти правила сформулированы на основе работы [23], и здесь следует дать их в той форме, в какой они приведены в оригинале.

«S 1. $B_A \subseteq P_A$ для всякой категории A .

S 2. Если $\xi \in P_{CN}$, то $F_0(\xi)$, $F_1(\xi)$, $F_2(\xi) \in P_T$, где $F_0(\xi) = \text{every } \xi$ ('всякий ξ '), $F_1(\xi) = \text{the } \xi$ ('этот ξ ', ξ с определенным артиклем), $F_2(\xi)$ — это либо $a\xi$, либо $an\xi$ в зависимости от того, принимает ли первое слово в ξ неопределенный артикль в виде a или an .

S 4. Если $\alpha \in P_{t/IV}$ и $\delta \in P_{IV}$, то $F_4(\alpha, \delta) \in P_t$, где $F_4(\alpha, \delta) = \alpha, \delta'$ и δ' — это результат замены первого глагола (т. е. члена класса B_{IV} , B_{TV} , $B_{IV/t}$ или $B_{IV/IV}$) в составе δ на его форму 3-го лица единственного числа.

S 5. Если $\delta \in P_{IV/t}$ и $\beta \in P_T$, то $F_5(\delta, \beta) \in P_{IV}$, где $F_5(\delta, \beta) = \delta\beta$, если β не имеет вид he_n 'он_n', и $F_5(\delta, he_n) = \delta him_n$ ('его_n').

S 14. Если $\alpha \in P_T$ и $\varphi \in P_t$, то $F_{10,n}(\alpha, \varphi) \in P_t$, где либо (I) α не имеет вид he_k ('он_k') и $F_{10,n}(\alpha, \varphi)$ получается из φ заменой первого вхождения элемента he_n 'он_n' или him_n 'его_n' на $\begin{cases} he & \text{'он'} \\ she & \text{'она'} \\ it & \text{'оно'} \end{cases}$ или $\begin{cases} him & \text{'его'} \\ her & \text{'ее'} \\ it & \text{'его'} \end{cases}$

соответственно в зависимости от того, является ли род первого B_{CN} или

V_T в составе $\alpha \left\{ \begin{array}{l} \text{муж.} \\ \text{жен.} \\ \text{ср.} \end{array} \right\}$, либо (II) = he_k ('он_k') и $F_{10,n}(\alpha, \varphi)$ получается

из φ заменой вхождения элементов he_n или him_n на he_k или him_k соответственно [23, с. 251—252].

⁹ Укажем прежде всего на статьи «Language Games for Quantifiers» («Языковые игры для кванторов») и «Quantifiers Language-Games and Transcendental Arguments» («Языковые игры с кванторами и трансцендентные аргументы») в книге Хинтикки [11, с. 53—82 и 98—122].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ballmer Th. Sprachreconstructionssysteme und einige ihrer Anwendungsmöglichkeiten in Satz- und Textlinguistik. Kronberg, 1975.
2. Ballweg J. Eine Generative Grammatik mit λ -kategorialer Basis. Eine Theorieskizze. Institut für Deutsche Sprache Projektgruppe «Verbvalenz» Arbeitspapier VV 42. Mannheim, 1975.
3. Carnap R. Meaning and Necessity. A Study in Semantics and Modal Logic. Ed. 2. Chicago — London, 1975.
4. Chomsky N. Aspekte der Syntax-Theorie. B., 1970.
5. Deep Structure, Surface Structure, and Semantic Interpretation. — D. D. Steinberg and L. A. Jakobovits [ed.]. Semantics. An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology. Cambridge, 1971, с. 183—216.
6. Conditions on Rules of Grammar — Linguistic Analysis. 2. 1976, с. 303—351.
7. Creswell M. J. Logics and Languages. L., 1973.
8. Dundes A. Trends in Content Analysis. [Пер.] — «Midwest Folklore». 1, 1962, с. 31—38.
9. Golopenția - Eretescu S. La structure linguistique des proverbes équationels. — «Cahiers de linguistique théorique et appliquée». 2, 1965, с. 63—69.
10. Greimas A. J. Les proverbes et les dictions. — A. J. Greimas. Du Sens. Essais sémiotiques. P., 1970, с. 309—314.
11. Hintikka J. Logic, Language-games and Information. Ox., 1973.
12. Jolles A. Einfache Formen. Legende/Sage/Mythe/Rätsel/Spruch/Kasus/Memorabile/Märchen/Witz. Ed. 2. Halle/Saale, 1956.
13. Kanyó Z. Zur Theorie der Einfachen Formen (Sprichwörter). Eine semio-tisch-literaturtheoretische Untersuchung. Szeged, 1973 (рук. канд. дис.). Переработанный вариант: «Sprichwörter — Analyse einer einfachen Form. Ein Beitrag zur generativen Poetik». Budapest, 1981.
14. Köngäs Maranda E., Maranda P. Structural Models in Folklore and Transformational Essays. The Hague — Paris, 1971.
15. Kummer W. Grundlagen der Texttheorie. Zur handlungstheoretischen Begründung einer materialistischen Sprachwissenschaft. Reinbek, 1975.
16. Lakoff G. On Generative Semantics. — D. D. Steinberg and L. A. Jakobovits [ed.]. Semantics. An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology. Cambridge, 1971, с. 232—296.
17. Lausberg H. Handbuch der literarischen Rhetoric. Grundlegung der Literaturwissenschaft. Bd 1—2. München, 1960.
18. Lewis D. Konventionen. Eine sprachphilosophische Abhandlung. B.—N. Y., 1975.
19. General Semantics. — D. Davidson and G. Harman [ed.]. Semantics of Natural Language. Dordrecht, 1972, с. 169—218.
20. Löbner S. Einführung in die Montage-Grammatik. Kronberg, 1976.
21. Montague R. English as a Formal Language. — R. H. Thomason [ed.]. Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague. New Haven—London, 1974, с. 188—221.

22. Universal Grammar. — R. H. Thomason [ed.]. Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague. New Haven — London, 1974, с. 222—246.
23. The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English. — R. H. Thomason [ed.]. Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague. New Haven—London, 1974, с. 247—270.
24. Partee B. Montague Grammar and Transformational Grammar. — «Linguistic Inquiry». 2, 1975. с. 203—300.
25. Пермяков Г. Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М., 1968.
26. Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. М., 1970.
27. Petsch R. Spruchdichtung des Volkes. Vor- und Frühformen der Volksdichtung. Ruf, Zauber- und Weisheitsspruch, Rätsel, Volks- und Kinderreim. Halle/Saale, 1938.
28. Reichenbach H. Elements of Symbolic Logic. N. Y., 1966.
29. Seiler F. Deutsche Sprichwörterkunde. München, 1922.
30. Schiffer S. R. Meaning. Ox., 1972.
31. Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. — L. Wittgenstein. Schriften. Bd 1. Frankfurt a. M., 1964, с. 278—544.

Е. Н. Саввина

О ТРАНСФОРМАЦИЯХ КЛИШИРОВАННЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В РЕЧИ

§ 0. ВВЕДЕНИЕ

Целью настоящей работы является характеристика трансформаций, которым подвергаются пословицы, поговорки и близкие к ним «клишированные» фразы и выражения (далее — КВ) при употреблении их в речи.

На первый взгляд постановка этой проблемы сама по себе кажется парадоксальной. Дело в том, что воспроизводимость в готовом виде обычно указывается как один из основополагающих признаков того класса языковых единиц, который интересует нас в данной работе (ср. [8, с. 189 — 190; 20, с. 157]), однако, несмотря на это, реальное употребление их в речи обнаруживает довольно большое разнообразие форм почти у любого КВ. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить лишь несколько первых попавшихся употреблений пословиц (например, в газетах или в текстах литературных произведений) с теми более или менее нормативными «вариантами» тех же самых пословиц, которые приводятся в словарях или сборниках пословиц, — расхождения не заставят себя ждать. Высказавшись в предыдущей фразе довольно осторожно по поводу «более или менее нормативных вариантов» пословиц, мы тем самым хотели привлечь внимание и к другой стороне интересующей нас проблемы.

Для пословиц, пословичных выражений, афоризмов и т. п., как ни для каких других единиц языка, характерна вариативность (ср. [7, с. 101—102]). Здесь мы имеем в виду хотя бы чисто формальную, буквальную вариативность — наличие нескольких более или менее отличных друг от друга планов выражения, например, у одной и той же пословицы (или, говоря точнее, планов выражения, о т н о с и м ы х к одной и той же пословице). Эта вариативность обнаруживается, как мы уже говорили, при употреблении пословиц в речи, однако, кроме того, она обнаруживается еще и в том, что в разных словарях и сборниках пословиц зачастую приводятся более или менее несовпадающие тексты одной пословицы или же даже в пределах одного словаря (ср., например, [6] или [22]) пословицы и фразеологизмы снабжаются пометами, отражающими допустимую «нормой» вариативность каждой из них.

Таким образом, проблема изучения трансформируемости КВ ока-

зывается тесно связанной с проблемой разграничения «инварианта» и «вариантов» КВ, проблемой характеристики понятия «устойчивость» КВ. В настоящей статье мы не претендуем на то, чтобы рассмотреть эту проблему во всей ее широте (в частности, мы не анализируем, например, те уровни вариативности, которые предложены в работе [26]), однако попытаемся сделать определенные шаги в сторону уточнения этих понятий.

Материал, на котором рассматриваются указанные проблемы, берется в довольно широком охвате. Обращаясь преимущественно к русским пословицам, мы не отказываемся от рассмотрения также и других КВ, относимых к фразеологии в широком смысле: фразеологических оборотов (не терминологических), поговорок (т. е. синтаксически не замкнутых пословиц — см. [15]), присловий, афоризмов, крылатых слов и т. п., т. е. устойчивых языковых единиц в виде словосочетаний размером больше, чем одно слово, но не больше, чем одно предложение (возможно, сложное). В качестве образцов употребления этих языковых единиц мы использовали современную периодическую печать (большая часть фактического материала этого рода была любезно предоставлена нам Г. Л. Пермяковым), а также литературные примеры из художественных произведений — русской и советской прозы и поэзии, — приводимые в качестве иллюстраций в словарях [6; 22; 11] * и статьях по фразеологии.

Говоря о трансформациях клишированных выражений в речи, мы заинтересованы в анализе этого явления с сугубо внешней точки зрения, т. е. пытаемся описать инвентарь преобразований п л а н а в ы р а ж е н и я и условия их применения и ответить тем самым на вопрос о том, когда и как может изменяться в н е ш н и й о б л и к клишированных выражений. В то же время даже фразеологические обороты, не говоря уже о пословицах; как единицы языка представляют собой чрезвычайно сложные образования. Поэтому, если трактовать язык как многоуровневую модель, задающую соответствие между текстами и выражаемыми в них смыслами, то и функционирование клишированных единиц в этой модели необходимо описывать на многих разных уровнях. Таким образом, нами, естественно, анализируется не только план выражения, но и план содержания. Принимая в дальнейшем изложении ту систему уровней, которая разработана в рамках теории моделей «Смысл—Текст» (см. [2]), мы должны сравнить ее также и с различными другими «планами» или уровнями, выделяемыми применительно к пословицам в структурной паремиологии (см. [16; 23]).

Все сказанное выше представляется особенно существенным, если учесть, что обнаруженные нами «трансформации» далеко не всегда можно считать преобразованиями, тождественными с точки зрения содержания (или смысла) высказываний (ср. [14, с. 198]),

* Автор пользуется случаем выразить благодарность И. Л. Латаш за помощь в обработке фактического материала.

поэтому термин «трансформация» используется здесь в расширительном смысле по сравнению с тем смыслом, который придается ему в настоящее время в теории трансформационных порождающих грамматик. Вместе с тем ряд формальных аналогий, и прежде всего естественная формальная классификация трансформации (см. раздел 3.0), заставляют нас сохранить именно этот термин.

В соответствии со сказанным выше настоящая работа складывается из четырех разделов. В разделе 1 обсуждается функционирование неоднословных клишированных языковых знаков на разных уровнях многоуровневой модели языка. Раздел 2 посвящен общей проблеме инварианта и вариативности клишированных выражений. Раздел 3 содержит описание конкретных трансформаций пословиц и других клишированных выражений. Наконец, в разделе 4 дан обзор условий применения трансформаций с точки зрения словарного описания клишированных выражений, т. е. уточняется, какой информацией необходимо снабдить эти языковые единицы в словаре так, чтобы информация адекватно отражала возможности употребления этих единиц в речи и их трансформационный потенциал.

§ 1. КВ КАК ЯЗЫКОВЫЕ ЗНАКИ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ В МНОГОУРОВНЕВОЙ МОДЕЛИ ЯЗЫКА

В современной паремиологии и лингвистике можно считать уже достаточно общепринятой точку зрения, согласно которой пословицы, поговорки, фраземы и другие КВ признаются языковыми знаками. Как и другие, более традиционные языковые знаки (например, морфема, слово), КВ имеют четыре составляющие: означаемое, означающее, синтактику и прагматику.

Что касается означающего, то КВ, безусловно, имеют здесь довольно яркую специфику сравнительно с некоторыми другими языковыми знаками. Она состоит в том, что КВ являются сложными и знаками, включающими в свой состав другие знаки (слова). В то же время это свойство присуще не одним только КВ; в частности, слово или, точнее, словоформа часто представляет собой сложный знак, состоящий из двух или более морфем.

Что же касается остальных трех составляющих языковых знаков, то тут КВ по сравнению с другими языковыми знаками проявляют скорее черты общности, чем специфики. Отвлекаясь от особенностей, связанных с прагматикой, посмотрим внимательнее на синтактику КВ и на их семантику (т. е. означаемое).

Синтаксически такие КВ, как фраземы или поговорки (=незамкнутые пословичные выражения — см. [16]), ведут себя в составе предложения практически так же, как слова: они вступают в различные синтаксические отношения с другими словами предложения, включаясь тем самым в общую систему отношений, образующих синтаксическую структуру предложения, и это включение чаще всего

происходит на основе их модели управления — системы в а л е н т н о с т е й, которыми они обладают так же, как и обычные слова. Так, в примере (1):

- (1) *Надо строго спросить как с любителей снимать «сливки», так и с тех, кто смотрит на их машины сквозь пальцы*

фразема *смотреть сквозь пальцы* выступает как обычный двухактантный глагол, имеющий валентности на подлежащее и на предложное дополнение: первая валентность заполняется местоимением *кто*, а вторая — предложной группой *на их машины*.

Несколько иначе обстоит дело с пословицами, афоризмами, крылатыми словами, т. е. с КВ, представляющими собой замкнутое предложение, в котором заполнены все валентности. В своей «словарной форме» (в неизменном виде) они, как правило, могут либо включаться в текст как отдельное полноценное предложение, либо вводиться в другое предложение: 1) как аппозитивное пояснение к слову *пословица* (или *поговорка*):

- (2). *Он живет по пословице «Повинную голову и меч не сечет»;*

2) как придаточное дополнительное или прямая речь:

- (3) *«Лиха беда начало», — воодушевлял ученика мастер.*

Однако, будучи трансформированными, эти КВ могут вполне естественно вплестаться в живую ткань предложений самых разных форм и типов:

- (4) *Вот теперь, когда коготок увяз, с птичкой можно разговаривать без церемоний.*
 (5) *К чему эти пустые речи, эта мутная вода, в которой кое-кому легко ловить рыбу?*

Из последнего примера видно, что цельная пословица (*В мутной воде хорошо рыбу ловить*) также может иметь валентность (в данном случае валентность на дативное дополнение: *кому хорошо?*), сохраняющуюся даже при синонимической замене одного слова на другое (*хорошо* → *легко*) и способную заполняться в контексте.

Разумеется, активными синтаксическими валентностями не исчерпывается синтактика языкового знака, призванная описывать сочетаемость этого знака вообще. Однако можно полагать, что и другие свойства сочетаемости слов и сочетаемости КВ являются аналогичными. Мы еще вернемся к этому вопросу в § 4, посвященном требованиям к лексикографическому описанию КВ.

Обратимся, наконец, к семантике КВ. С точки зрения семантики КВ и слова сходны именно в силу того, что и те и другие являются языковыми знаками — готовыми имеющимися в языке обо-

значениями для тех или иных фрагментов действительности. Некоторое различие все же отмечается (например, Г. Л. Пермяковым [16]) между фразеологическими выражениями и словами, с одной стороны, и пословицами и поговорками — с другой: первые характеризуются им как знаки понятий, а вторые — как знаки ситуаций. Интуитивно это разграничение понятно (хотя в конкретных случаях иногда бывает непросто решить, является ли данное незамкнутое выражение поговоркой или фраземой). В то же время одно из важнейших достижений современной семантики состоит в том, что в явном виде было провозглашено [2; 27] требование тождественности формы описания смыслов слов и смыслов предложений. Тем самым означаемое предложения, описывающего некоторую ситуацию, и означаемое слова, описывающего некоторое понятие, должны представляться в одной и той же форме записи, должны быть сравнимы между собой. Сказанное не означает, что на уровне семантического представления слово нельзя отличить от предложения; бесспорно, те или иные отличия, связанные в первую очередь с незаполненностью валентностей у слова, имеются. Однако формально и семантическое представление слова, и семантическое представление предложения мыслится как сложный семантический граф, и поэтому обнаруживающиеся отличия не принципиальны.

В предлагавшихся вариантах модели «Смысл — Текст» включение фразеологических единиц как цельных знаков в структуру предложения осуществлялось на уровне глубинно-синтаксической структуры. На предшествующем ему (при синтезе) уровне семантического представления фразеологической единице соответствовал подграф, изображающий ее смысл в терминах достаточно абстрактных элементарных семантических единиц и отношений между ними (см. [2]); затем на уровне глубинного синтаксиса этому подграфу ставился в соответствие единственный узел глубинно-синтаксической структуры, который только на уровне поверхностного синтаксиса развертывался в соответствующее поддерево зависимостей; в дальнейшем, на более поверхностных уровнях, преобразования осуществлялись уже по более или менее общим правилам (см. [25, с. 34]).

Такая трактовка фразеологических единиц основывается на убеждении об их единстве, цельности и неизменности их компонентов. Однако просторы их реального варьирования в речи оказываются столь широки, что требуется гораздо менее жесткий аппарат, позволяющий отражать «встроенность» фразеологической единицы в предложение на всех уровнях представления, а также соотносить разнообразные варианты с некоторой «исходной» формой, не вводя дополнительных правил-трансформаций ad hoc, а используя многие из уже имеющихся. (Подробнее см. § 3.5.)

Можно показать, что проблема представления семантики КВ связана с такими важными проблемами лингвистики, как анафорические связи (возможна анафорическая отсылка к одному из компо-

нентов КВ) или однородность (один или несколько компонентов КВ могут вступать в однородную связь со словами из остального текста, не являющимися КВ). Наконец, такие явления, как контаминация КВ, например:

- (6) *Он был добрый и простой человек и видел не далее своего носа, за который водила его жена* [«видеть не далее своего носа» + «водить за нос»] (Марлинский).
- (7) *Но если речь идет о кадровом рабочем, отдавшем заводу почти 30 лет жизни, неужели было лишним семь раз отмерить, прежде чем ударить в колокола?..* [«Семь раз отмерь, а один раз отрежь» + «Не посмотрев в святцы, да и бух в колокола»].

или же просто трансформация, осуществляющаяся на достаточно глубоком уровне:

- (8) *Они даже обязаны были не стараться проникать в тайны, чтобы не подвергать дитя опасности от семи нянек, а получили, что им распределялось от отца-командира* (Лесков).

заставляют записывать КВ в их полной форме, т. е. в максимально развернутом виде, уже прямо на каком-то уровне, близком к самому глубокому — семантическому. Таким уровнем, по всей видимости, не может быть уровень глубинного синтаксиса, поскольку тогда с трудом были бы представлены явления контаминации КВ и к КВ были бы неприменимы синонимические преобразования семантического уровня, связанные с разложением значений слов на отдельные семы. В то же время собственно уровень семантических представлений разумно считать зарезервированным за переносным смыслом КВ, записываемым на достаточно сухом абстрактном метаязыке.

Чтобы разрешить это противоречие, не остается ничего иного, как поискать дополнительный уровень. Его можно найти, распространив дихотомию «поверхностный — глубинный», свойственную большинству уровней в модели «Смысл — Текст», и на семантический уровень, т. е. постулировав глубинно-семантический (ГСем) и поверхностно-семантический (ПСем) уровень¹. Тогда переносный, фактический смысл КВ может быть отражен на ГСем уровне, а прямой смысл КВ — на ПСем уровне, причем представление прямого смысла может быть произведено на этом уровне с той же степенью разложения на элементарные семантические единицы, что и для обычных сочетаний слов, не являющихся КВ.

Целесообразность различения д в у х семантических подуровней для описания КВ может быть обоснована, в частности, тем, что в этом противопоставлении наблюдается то же соотношение национального и интернационального, какое имеет место для других пар подуровней

в модели «Смысл — Текст» применительно к их специфике. Оно отражено в следующей таблице.

Уровни	Подуровни	
	поверхностный	глубинный
Фонология	Конкретные фонетические реализации (звуки) обычно несравнимы по языкам	Абстрактные единицы — фонемы допускают, например, запись одними и теми же буквами в разных языках и оказываются сравнимыми
Морфология	Конкретные морфемы, как правило, не совпадают в разных языках как по своему фонемному составу, так и по комбинации выражаемых ими грамматических значений (пример — английские окончания числа у существительных и русские падежно-числовые окончания)	Грамматические значения, приписываемые лексемам, чаще обнаруживают совпадение между собой в разных языках
Синтаксис	Каждый язык имеет свой специфический набор поверхностно-синтаксических отношений (ПСО)	Набор глубинно-синтаксических отношений (актантные, общепредельительное, сочинительное и вводное ГСО) единый для всех языков
Семантика	Пословицы с одним и тем же смыслом могут получать в разных языках разное лексическое наполнение	Одинаковый смысл пословиц в разных языках записывается одинаково, несмотря на разницу в лексическом наполнении

Для получения абстрактных толкований пословиц на ГСем уровне можно опираться на систему Г. Л. Пермякова, в соответствии с которой смысл всякой пословицы можно считать сложной комбинацией значений трех переменных: 1) инвариантная тематическая пара + 2) логико-семиотический (формообразующий) вариант + 3) тип логического трансформации, воплощенный в данной пословице (см. [17]). Сложность заключается только в том, чтобы суметь перевести простую совокупность этих трех значений в формулу семантического метаязыка (см. [2]). Грубо говоря, переменные 2 и 3 определяют структуру такой формулы, а переменная 1 задает значения предикатов в этой формуле. Однако описание точного соответствия между семантическим метаязыком, предлагавшимся в рамках модели «Смысл — Текст», и системой Г. Л. Пермякова — это, безусловно, полезная, но не такая уж простая задача, требующая отдельного исследования.

Заметим в заключение, что предложенная модель описания КВ определенным образом соотносится с теоретическим описанием посло-

вицы в работе Кууси [23]. Кууси различает идею, ядро и структуру пословицы. Идея — это абстрактный смысл пословицы, т. е., грубо говоря, ее представление на уровне ГСем в нашей модели. Ядро характеризует образный смысл пословицы, следовательно, оно сопоставимо с нашим представлением пословицы на уровне ПСем. И, наконец, структура отчасти соотносится с представлением на уровне ГСинт, хотя это соотношение, по-видимому, самое непростое.

§ 2. ИНВАРИАНТ И ВАРИАНТЫ КВ

Проблема установления инварианта и вариантов КВ является частью более широкой проблемы вариативности в лингвистике вообще. Более того, эта проблема обнаруживается также во многих других науках, достаточно далеких от гуманитарной сферы. Теория инвариантов существует в качестве одной из отраслей математики; в физике также исследуются варианты и инвариантные свойства различных явлений, ведущие, например, к формулировке так называемых «законов сохранения»; биология и химия, имеющие дело с природным многообразием живых и неживых объектов, неизбежно сталкиваются с задачей изучения их изменчивости, т. е. вариантов, и выявления свойств, конституирующих инвариант.

Таким образом, проблема инварианта и вариантов является своего рода общенаучной проблемой и состоит в том, чтобы применительно к конкретному объекту данной науки определить, что может меняться, как меняться и что должно при таких допустимых изменениях оставаться неизменным.

Для лингвистики вообще обычным является исследование допустимых изменений плана выражения при неизменном плане содержания. Другими словами, в центре внимания оказывается синонимия, а смысл (понятие, вообще говоря, неопределяемое) трактуется при этом как инвариант синонимических преобразований. При изучении вариантов КВ мы принимаем в принципе эту установку на исследование вариативности.

Телия [21], однако, была провозглашена необходимость и другого подхода, вытекающая из наличия у языкового знака как плана выражения, так и плана содержания. Этот подход состоит в том, чтобы исследовать варианты п л а н а с о д е р ж а н и я фразеологических единиц при более или менее неизменном плане выражения. Мы понимаем эту задачу, во-первых, как требование отчетливой фиксации в словаре разных значений одной пословицы (или различения пословиц-омонимов), а во-вторых, как установление законов неаддитивности соединения значений языковых единиц при соединении их в тексте (ср. [2, с. 79—94]). Как кажется, фразеологические единицы не обнаруживают при этом особой специфики, и мы надеемся, что в данной работе от этого аспекта можно отвлечься.

Хотя за основу изучения вариативности КВ здесь принимается установка на исследование синонимии, сужение объекта исследова-

ния таким образом представляется все же необоснованным. Специфика КВ по сравнению с другими языковыми знаками проявляется прежде всего в нетривиальности соотношения их представлений на уровнях ГСем и ПСем соответственно. Если у слова эти представления практически совпадают, то у КВ семантический граф на ГСем уровне соотносится с семантическим графом на ПСем уровне крайне прихотливым образом (метафоричность, переносные значения и т. п.). Этот переход (от ГСем к ПСем) не описывается никакими общими правилами и является жестко фиксированным для каждого конкретного КВ. Дальнейшие переходы между ПСем и другими, более поверхностными уровнями также могут быть жестко закреплены для данного КВ. В совокупности они как раз и образуют то, что, по нашему мнению, следует называть *устойчивостью* КВ. Это понятие много раз служило предметом обсуждения в литературе по фразеологии (ср. [19]), но общепризнанного определения так и не получило. Как видно из сказанного выше, наиболее приемлемой нам кажется точка зрения В. Л. Архангельского [4, с. 121], согласно которой «устойчивость... устанавливается на всех... уровнях по совокупности».

В многоуровневой модели языка типа «Смысл — Текст», если рассматривать ее с точки зрения процесса синтеза, синонимия на каждом следующем уровне увеличивается, т. е. при переходе с уровня на уровень количество равно допустимых способов выразить смысл, определенным образом представленный на предыдущем уровне, возрастает. Тогда устойчивость КВ можно трактовать как допустимые для данного КВ ограничения и расширения общей синонимии. Именно эта сторона и будет интересовать нас в настоящей работе: 1) какие общие правила синонимии применимы, а какие — неприменимы к КВ, 2) каковы те специфические правила, которые обеспечивают синонимию (или, шире, устойчивость) КВ, но несвойственны языку в целом?

Некоторые обнаруженные нами преобразования КВ действительно нельзя назвать синонимическими в полном смысле слова, тем не менее они не влияют на *устойчивость* КВ определенного типа, и прежде всего не затрагивают специфического соотношения ГСем и ПСем всего КВ или хотя бы его части. Таким образом, здесь исследуются такие преобразования КВ, при которых данное КВ будет интерпретироваться носителем языка как «*то же самое*», т. е. некоторая инвариантная единица.

Уточняя постановку задачи, следует оговорить также различие вариативности в языке и в речи. Варианты КВ в языке — это обычно фиксируемые в словарях более или менее различающиеся способы выражения одного и того же смысла. Указание разных вариантов в словаре, во-первых, призвано закрепить все приводимые варианты как нормативные, а во-вторых, часто обусловлено непродуктивностью соотношения между этими вариантами. Примером может служить фразеологическое выражение *глазом / бровью / ухом /*

носом не ведет (при невозможности *щекой / лбом / веком / губой / ртом не ведет). Нас интересуют преимущественно речевые варианты и более или менее продуктивные правила соотношений между ними. Поэтому примеры языковых вариантов, также удовлетворяющих таким правилам, будут оговариваться особо. Для них важно то, в какой степени они способны в будущем дать жизнь продуктивным правилам.

Заметим, наконец, что глобальным ограничением на применение всякого правила варьирования к некоторому КВ является наличие в языке другого готового КВ с отдельным смыслом, внешне совпадающего с результатом применения преобразования к данному КВ. Так, например, варьирование морфологических категорий наклонения и времени глагола, обычное для многих пословиц, недопустимо для пословицы *Не дай бог корове рога*, когда в результате получается другая пословица *Не дал бог корове рога*: первая применяется к ситуации, в которой лицо, способное злоупотребить властью или какой-то возможностью, злоупотребляет ею, а вторая — когда оно не может злоупотреблять этой властью или возможностью по причине отсутствия таковой. Подобные примеры — не столь уж частое явление, но их можно обнаружить практически для любого из выявленных преобразований.

§ 3. ТРАНСФОРМАЦИИ КВ

3.0. Принципы классификации трансформаций КВ. За основу классификации приводимого ниже перечня трансформаций КВ взят характер изменения плана выражения. Изменение — в самом общем виде — может представлять собой либо 1) добавление каких-либо посторонних элементов, либо 2) устранение (опущение) каких-либо элементов, т. е. сокращение КВ, либо 3) подстановку каких-либо элементов вместо тех или иных уже имеющих, либо, наконец, 4) перестановку тех или иных элементов внутри КВ. По всей видимости, никаких других изменений либо вообще не может быть, либо они представляют собой комбинацию перечисленных.

Дальнейшая типология преобразований связана с тем, в терминах какого уровня разумно описывать данное конкретное преобразование, и наш анализ внутри каждой из четырех перечисленных групп преобразований выделяет преобразования разных уровней, начиная от глубинно-семантического и кончая самым поверхностным фонетическим (или графическим).

Помимо этого каждое преобразование оценивается с точки зрения того, является ли оно синонимическим или несинонимическим, причем в случае синонимии важна также характеристика степени общности правила, поскольку, как указывалось выше, для КВ интересны случаи ограничения общей синонимии языка. Наконец, дополнительный интерес представляет указание о том, от-

носятся ли рассматриваемое преобразование к серии «логических трансформаций» выделенных Пермяковым [17]. Имея в виду все эти параметры, перейдем непосредственно к рассмотрению преобразований.

3.1. **Д о б а в л е н и я.** К числу добавлений самого глубокого уровня — уровня ГСем — мы относим добавление отрицаний, модализаторов и так называемых актуализаторов.

Добавление отрицания — очевидным образом трансформация несинонимическая, однако добавление двух отрицаний уже может в силу законов логики привести к синонимии. Добавление отрицания, как и добавление модализаторов, привязывается к самому глубокому уровню, поскольку это семантические единицы, для которых существенно понятие семантической сферы действия (возможно; не совпадающей с синтаксической), и, кроме того, модальности и отрицание могут включаться в толкование таких лексических единиц, как, например, антонимы, что имеет значение для лексического оформления КВ на уровне ГСинт. С добавлением отрицания связаны многие из логических трансформаций Г. Л. Пермякова [17], что также говорит о достаточной «глубинности» этих единиц.

Приведем примеры. Добавление отрицания:

- (9) *Дорого, да мило* → *И дорого, и немило.*
 (10) *Лучше меньше, да лучше* → *И больше, и лучше.*
 (11) а) *Язык мой — враг мой* → [*Эта передача поможет нашим зрителям убедиться, что*] *язык наш — не враг наш.*
 а) *Язык мой — враг мой* → *Язык мой — друг мой.*
 (12) *Кому много дано, с того много и спросится* → *Мало дано, много спрашивается.*

Языковые варианты с наличием / отсутствием отрицания:

- (13) *Игра стоит свеч* ↔ *Игра не стоит свеч.*

Добавление модализаторов:

- (14) *Лестницу метут сверху* → *Если уж мести лестницу, то надо начинать мести ее сверху.*
 (15) *Любишь кататься — люби и саночки возить* → *Подлецы мы... Любим кататься на саночках, а возить саночки приходится невинным деточкам (Чехов).*
 (16) *Паршивая овца все стадо портит* → *От одной овцы паршивой все стадо пострадать может.*

Актуализаторами мы называем конкретные актаны, привязанные к той ситуации, ради описаний которой употреблена пословица, и заполняющие «пустые» валентности тех или иных предикатов. Например:

- (17) *Мал, да удал* → *Мал стан, да удал.*

«Пустота» некоторых валентностей в нормативном варианте КВ может быть двоякого рода (или по крайней мере может трактоваться двояко): либо это действительно незаполненная валентность (как скорее всего обстоит дело в примере (17)), либо это нулевое местоимение со значением какого-либо квантора, чаще всего квантора общности (ср. [13]). Во втором случае получается не добавление актанта, а скорее подстановка (см. раздел 3.3) вместо нулевого местоимения, как, например, в примере (18):

- (18) *Своя рубашка ближе к телу [Øвсякому] → Известное дело, в тяжелую минуту Егору всегда своя рубашка была ближе к телу.*

По выражению на поверхностном уровне актуализаторы могут быть двух типов:

а) собственно актанта или сирконстанты в виде именных или предложных групп, например (17), (18) или (19):

- (19) *Была бы шея, а хомут для нашего брата всегда найдется;*

б) определения:

- (20) *На своем молоке обжегся, на чужую воду дуешь.*
 (21) *Москва наши м-то слезам не верит.*
 (22) *...нужно твердо идти своим... путем, не оглядываясь на то, что будет говорить кадетская Марья Алексеевна (В. И. Ленин).*
 (23) *На то они и Моськи, чтобы лаять на пролетающего слона (В. И. Ленин).*

Где-то между уровнями ПСем и ГСинт происходит соединение контаминированных частей (здесь часто бывает достаточно трудно решить, что к чему добавляется; примеры см. во Введении), а также добавление экспликатов и усилителей. Экспликатory — это лексически полноценные заместители либо кванторных, либо анафорических нулей, тождественные им по смыслу. Такого, например, первое вхождение слова *саночки* в примере (15) — в нормативном варианте его нет. Другие примеры:

- (24) *Баба что мешок: что в него положишь, то и несет.*
 (25) *Плохо не клади, в грех не вводи → [В России говорят:] «Не клади плохо, не вводи вора в грех».*
 (26) *Всякому своя рубашка ближе к телу.*

Усилители представляют собой слова, близкие по смыслу к лексической функции Magn (см. [2, с. 45]). При перекодировке абстрактного уровня ГСем в конкретно-образный уровень ПСем и далее в конкретно-лексический уровень ГСинт, если в намерения

говорящего входит «усиление» значения слов, образующих КВ, он может употребить усилители, соответствующие выбранной лексике. Например:

- (27) *Была бы крепкая шея, а хомут найдется.*
 (28) *Слово не воробей, вылетело — обратно не воротить.*
 (29) *На горячем молоке я обжегся, теперь на холодную воду приходится дуть.*

Добавление экспликаторов дает вполне синонимическое преобразование, а добавление усилителей можно также считать синонимическим преобразованием, относя те смысловые добавки, которые ощущаются носителями языка, не к области семантики, а к области прагматики. Усилители (или их аналоги) могут реализоваться на поверхностном уровне не только в виде отдельных слов, но и в виде некоторых словообразовательных значений, например:

- (30) *Волка ножки кормят.*

Между уровнями ГСинт и ПСинт могут осуществляться и другие добавления словообразовательно-морфологического плана, такие, как, например, добавление субстантиваторов, адъективизаторов, каузативов и т. д., например:

- (31) *О наплевании в колодец, из которого можно напиться* (заголовок статьи).

Наконец, на еще более поверхностных уровнях внутрь КВ могут вставляться вводные слова, обращения и т. п., никак не затрагивающие саму структуру КВ, а потому не представляющие для нас особого интереса, за исключением того, что они подчеркивают «нецельнооформленность» КВ в отличие от таких языковых знаков, как слова.

3.2. О п у щ е н и я. Прежде всего следует отметить, что среди опущений могут фигурировать прямые аналоги многих добавлений с тем отличием, что преобразование идет «в обратную сторону». Например, опущение отрицания:

- (32) *Дареному коню в зубы не смотрят → Дареному коню в зубы смотрят.*

Специфическими опущениями на уровне ПСем являются использование г о т о в о й п о г о в о р к и «отколовшейся» от своей пословицы, вместо всей этой пословицы либо использование о б р а з а из пословицы. Примеры поговорок:

- (33) *Стреляного воробья на мякине не проведешь → а) стреляный воробей, б) (не) провести кого-либо на мякине.*
 (34) *В тихом омуте черти водятся → тихий омут.*
 (35) *Воду в ступе толочь — вода и будет → толочь воду в ступе.*

Примеры использования пословичных образов (и их обыгрывания в контексте):

- (36) *Коготок увяз — всей птичке пропасть* → *Еще коготок не увяз и лапки чисты, а вы уже пишете, что пропала птичка* (Чехов).
- (37) *У него [некоего Риверса] что ни слово, то не воробей, а ястреб. Заклюет, прежде чем успеешь поймать.*
- (38) *Чижилов рассуждал справедливо, что таможня как бы то ни было все еще не более как журавль в небе, а комиссия уже была синица в руках* (Гоголь).

По-видимому, использование поговорок является синонимичной трансформацией, а образы — это только осколки целых КВ как с точки зрения плана выражения, так и с точки зрения плана содержания, и поэтому синонимии в данном случае нет.

Особый вид опущения — *компрессия* — на уровне ГСинт обнаруживается при опущении стивных глаголов, когда имевшееся при них дополнение с обстоятельственным значением превращается в синтаксическое обстоятельство, например:

- (39) *Си деть у моря и ждать погоды* → *ждать у моря погоды.*
- (40) *С волками жить — по-волчьи выть* → *С волками надо выть по-волчьи.*

На уровне ГСинт иногда наблюдается также своеобразное *переразложение* структуры некоторых КВ, близкое к вычлениению поговорок, но характеризующееся тем, что два актанта некоторого предиката начинают мыслиться и употребляться как одно целое, семантически и синтаксически связанное, а сам предикат теряет свой смысл, сопоставляемый ему на уровне ПСем, и мыслится уже, в сущности, как полувспомогательный глагол типа лексических функций *Гипс* или *Орег* (см. [2]). Например, имеется фразеологическое выражение *наводить тень на плетень*, в котором глагол *наводить* управляет двумя актантами, не имеющими между собой непосредственной синтаксической связи, однако эти два актанта могут быть употреблены и без глагола, ср., например:

- (41) *Вот теперь профкому и разобратсья бы, что правда, а что тень на плетень в характеристике тов. Батаева.*

Любопытно, что здесь сохраняется даже форма винительного падежа, управляемая именно глаголом *наводить*, хотя в других подобных случаях обычнее замена винительного падежа предложным (ср. *сердце в пятках*). Аналогичный анализ подобных употреблений КВ дается в статье [9].

На уровне ГСинт по общим правилам может происходить также логический вывод, часто связанный с «вычитанием» чего-либо (например, каузатива) на более глубоком уровне:

(42) *Всяк своей бедой ума (себе) прикупит* → *Бедя ума прикупит.*

Это один из случаев одностороннего применения правил общей синонимии, т. е. имплекативного преобразования (см. [2]). Имеются и другие такие случаи, например:

(43) *Свет не без добрых людей* → *Не без добрых душ на свете.*

В газетных заголовках, в прямой речи часто встречается и наиболее поверхностный вид сокращения КВ, который В. Л. Архангельский [4] называет «антиципацией»: из некоторой конкретной (как правило, наиболее нормативной) поверхностной реализации КВ просто берется ее начало или конец (редко — середина; впрочем, антиципацию из середины можно представлять себе как дважды примененную операцию отсечения конца и начала) и используется как намек для читателя или слушателя на целое КВ. Примеры таких случаев крайне многочисленны: по началу — *Я не я. . . , Ни в какие ворота. . . , А лес-то рубят. . . , От каждого по способностям. . .* и т. д.; по концу — *Контора пишет, Белыми нитками, . . . а щепки летят, . . . а денежки врозь, Дома лучше* и т. д. Подобные сокращения следует считать скорее всего синонимичными преобразованиями, усматривая аналогию между ними и аббревиатурами, или сокращениями слов при конспектировании, или древнерусским способом написания слов с титлом.

3.3. Подстановки. Промежуточным случаем между подстановками и опущениями являются подстановки на основе прямого смысла: часть КВ сохраняется без изменения, а вместо другой, как бы опущенной части подставляется нужное в данном контексте обычное языковое выражение того или иного фрагмента действительности. Примеров этого бесконечно много:

(44) *Смелого пуля боится* → *Смелого рекорд боится.*

(45) *Куда конь с копытом, туда и рак с клешней* → *Куда Вашингтон с копытом, туда и Бонн с клешней.*

(46) *Своя рубашка ближе к телу* → *Своя машина ближе к телу.*

и многие другие. Некоторые КВ дают особенно благодатную почву для трансформаций такого рода, ср.:

(47) *Не хлебом единым [жив человек]* → *Не морем единым . . . , Не сказкой единой . . . , Не диссертацией единой . . . , Не клубом единым. . .* и т. д.

Подобное свойство КВ иногда может даже находить отражение в словаре, как это сделано в словаре [5] для КВ «*Нет бога, кроме бога, и Магомет — пророк его*», где указано, что выделенные слова «заменяются соответствующими данному случаю именами».

Подстановки на основе прямого смысла могут играть роль как конкретизации ситуации, так и просто частичной замены образного выражения на необразное. Примеры последнего рода приводятся в статье [10]: *падение с неба в жизнь* (М. Булгаков) вместо *падение с неба на землю*; *в мутной воде ловить свою презренную выгоду* (А. Новиков) вместо *ловить рыбу в мутной воде*; *претерпевать горькую чашу* (Гоголь) вместо *пить горькую чашу*.

Конкретизация ситуаций при помощи подстановок на основе прямого смысла часто является очень емким средством описания ситуации, поскольку она позволяет не прямо, а намеком указать на тождество замещающего и замещаемого и поэтому пользуется большой популярностью у авторов и говорящих; ср. характерный пример также из статьи Мелерович:

- (48) *Стихотворений помещать не намерен, ибо и Христос запретил метать бисер перед публикой [= свиньями?]; на то проза — мякина* (Пушкин).

Подстановку на основе прямого смысла можно считать почти синонимическим преобразованием, несинонимичность же состоит в добавлении смысла отождествления (или по крайней мере утверждения о сходстве) замещающего и замещаемого. Добавление этого смысла следует, по-видимому, относить к уровню ГСем, а саму подстановку — к уровню ПСем или даже ГСинт (когда уже осуществлено лексическое оформление смыслов).

Подстановками непосредственно на уровне ГСем мы считаем логическую трансформацию вопроса, когда значение утвердительности и соответствующая модальная рамка заменяются значением вопроса², например:

- (49) *Стоит ли овчинка выделки?*
(50) *Пятое ли колесо?* (заголовок статьи),

а также замену формообразующей группы: здесь мы имеем в виду преобразование, близкое к контаминации, когда из двух пословиц получается одна таким образом, что из одной пословицы данного языка берется тематическая пара, а из другой — формообразующий инвариант (см. [17]), например:

- (51) *Это еще цветочки, а ягодки впереди* (тематическая пара «Порождающее—Порождаемое») + *Каковы сами, таковы и сани* (формообразующая группа «Природно-качественное соответствие — Несоответствие вещей») *Каковы цветочки, таковы и ягодки.*

К уровню ГСинт с учетом уровня ПСем следует отнести подстановки на основе тождества образов. Это преобразования, не меняющие глубинного, абстрактного смысла КВ (на уровне ГСем) и почти не меняющие их образного смысла (на уровне ПСем). В связи с этим довольно трудно указать, является ли это преобразование синонимическим: оно синонимическое относительно одного уровня и несинонимическое относительно другого. Наиболее показательны и частотны примеры подобного преобразования в случае замены конкретных числительных с абстрактным значением 'много':

(52) *1000 няnek вокруг ЭВМ* (заголовок статьи).

(53) *999 раз отмерь и один раз отрежь.*

Иногда допустимость подобной замены создает также особо благоприятные условия для подстановки на основе прямого значения (см. выше):

(54) *Естественно, что у этих пяти няnek [=главков] дитя [=подведомственное предприятие] оказалось без глаза.*

Имеются и другие (с точки зрения лексики) случаи подстановок на основе тождества образов, например (из статьи [12]):

(55) *to soil one's fingers* букв. 'марать пальцы' (вместо *to soil one's hands* 'марать руки');

(56) *to drag one's heels* букв. 'волочить каблуки' (вместо *to drag one's feet* 'медлить, мешкать', букв. 'волочить ноги'),

а также

(57) *бросать камни / бросать грязью в кого-либо.*

На уровне ГСинт, когда уже фиксирован лексический состав КВ, можно говорить о заменах значений морфологических категорий, приписанных лексемам, входящим в состав КВ. Что касается грамматических значений элементов КВ, то здесь, как кажется, надо различать три случая: 1) рассматриваемая грамматическая категория у данной лексической единицы в данном КВ вообще не фиксирована, т. е. в словаре ей вообще не приписано никакого значения, а в тексте она получает такое значение, какое нужно; так, в частности, обстоит дело с глагольными категориями у большинства фразем с ядром-глаголом, например: *строить на песке* (*построенный/строит/строил/построить/строят* и т. п.); 2) рассматриваемая грамматическая категория может принимать разные значения, но это не влияет на ее смысл ни на уровне ГСем, ни на уровне ПСем; в словаре при этом может быть указано либо одно значение, либо несколько — как языковые варианты, например: «*Не поглядыв в святцы — да и бух в колокол / в колокола*»; иногда же, напротив, у слова, вообще говоря, могут быть разные значения рассматриваемой категории, но в со-

ставе данного КВ возможно только одно из них, хотя никакого отношения к абстрактному смыслу данного КВ (на уровне ГСем) это фиксированное значение не имеет, например:

(58) *У него денег куры не клюют,*

но не

(59)* *У него денег курица не клюет;*

3) для данного КВ в норме фиксировано одно или несколько значений (но не все) определенной грамматической категории некоторого слова, однако применительно к конкретной ситуации может быть выбрано ненормативное значение, например:

(60) *Ну вот, поспешили и людей насмешили.*

По-видимому, только в последнем случае можно говорить о своего рода подстановке на основе прямого смысла.

3.4. *Перестановки.* Очевидно, что для такого сложного образования, как КВ, поверхностные перестановки, т. е. изменение линейного порядка составляющих КВ элементов, представляют лишь незначительный интерес. Гораздо важнее возможность перестановок на более глубинных уровнях, а поскольку представления КВ на более глубинных уровнях не линейны, то здесь речь может идти только о каких-то синтаксических перестройках. Понятно, что серьезные чисто структурные перестройки легко могут существенным образом нарушить те правила заполнения валентностей, которые были соблюдены в исходной структуре, поэтому большинство перестановок практически сводится к мене актантов у таких предикатов, которые предъявляют более или менее одинаковые требования к тому, что может заполнять их валентности. Это могут быть либо две валентности одного и того же предиката, например:

(61) *Обер-полицмейстер... не только умеет сделать из мухи слона, но так же легко умеет сделать из слона муху* (Лесков).

(62) *Худой мир лучше доброй ссоры* → *Добрая ссора все-таки предпочтительнее, чем худой мир* (Салтыков-Щедрин),

либо «одинаковые» валентности у одинаковых или сходных предикатов, семантически подчиненных — может быть, не непосредственно — другому «общему» для них обоих предикату (в примере (63) таким общим предикатом является конъюнкция 'и'):

(63) *Нет дыма без огня* [= 'Не бывает так, чтобы был дым и не было огня'] → *Нет огня без дыма.*

Таким образом, уже сам состав КВ накладывает достаточно жесткие ограничения на возможность применения такого преобразования, как перестановка (на каком-либо глубинном уровне).

Перестановка актантов на уровне ГСем, ПСем или ГСинт — преобразование в большинстве случаев несинонимическое; многие перестановки представляют собой отмеченные Пермяковым логические трансформации (см. [17]).

Что же касается простой мены линейного порядка слов, упомянутой в начале данного раздела, то это явление чисто поверхностное, а его допустимость—недопустимость при условии соблюдения общих правил порядка слов данного языка для каждого конкретного КВ определяется индивидуально и входит в общую характеристику устойчивости этого КВ (см. § 2).

3.5. Заключительные замечания

З а м е ч а н и е 1. При рассмотрении четырех основных типов преобразований не были приняты во внимание общезыковые синонимические преобразования, применяемые — возможно, с определенными ограничениями — к КВ. В связи с этим особый интерес представляет указание необходимых ограничений. Мы полагаем, однако, что эти ограничения носят не общий, а индивидуальный характер и зависят от сформулированного выше (см. § 2) представления об устойчивости КВ. Предложенная в § 1 многоуровневая модель КВ в принципе дает возможность применять к КВ весь имеющийся арсенал синонимических преобразований языка (ср., например, [21]) как на уровне ПСем, так и на уровне ГСинт. Однако, если в словарной статье некоторого КВ фиксируются и более поверхностные уровни представления, это означает, что данное КВ является более жестким и должно получать свою окончательную поверхностную реализацию не по общим, а по индивидуальным правилам; тем самым соответствующим образом ограничивается и возможность применения общих синонимических преобразований.

З а м е ч а н и е 2. В разделе 3.0 было обещано, что каждый из четырех рассмотренных типов преобразования будет прослежен на разных уровнях, вплоть до самого поверхностного фонетического (для устной речи) или графического (для письменной). Однако в действительности нигде, кроме, пожалуй, случая опущений, мы до сих пор не имели дела даже с фонологическим уровнем, не говоря уже о графическом/фонетическом. Это связано с тем, что выше нас интересовали инвариантные преобразования КВ, связанные с их смыслом и в силу этого касающиеся слов как сложных комплексов сем или по крайней мере отдельных сем. В заключение этого параграфа хотелось бы сказать несколько слов и о самых поверхностных преобразованиях. К ним относятся к а л а м б у р ы, связанные с перечисленными выше четырьмя типами преобразований, если они применяются к звуковому составу лексических единиц, т. е. добавление звука или слога, опущение звука или слога (например, «Концы в оду»), замена звука или слога («Семь лет — один ответ» или «Не битьем, так катаньем»), перестановка звуков или слогов. Сами по себе эти преобразования нельзя отнести к и н в а р и а н т-

ны м преобразованиям КВ. Преобразованное таким образом КВ перестает быть тем же самым КВ, оно лишь намекает на свой оригинал (например, в случае «Ученые свет, а неученых — тьма») ³. Однако если чисто звуковое преобразование приводит к тому, что новое КВ может быть проинтерпретировано как результат одного из перечисленных выше «осмысленных» преобразований (например, «Не битьем, так катаньем»), то преобразование оказывается инвариантным.

§ 4. СЛОВАРНОЕ ОПИСАНИЕ КВ

Очевидно, что всякое КВ должно иметь отдельное лексикографическое описание, содержащее всю информацию, необходимую для правильного употребления КВ в предложении. Как и любой другой языковой знак, КВ должно быть снабжено (1) семантическим описанием, (2) синтактикой, (3) парадигматической характеристикой и, вероятно, (4) прагматикой. Кроме того, как сложный языковой знак, КВ должно иметь (5) специфическую дополнительную характеристику составных частей. Рассмотрим эти элементы словарной статьи КВ подробнее.

Семантика КВ, как и семантика слова, должна задаваться в виде толкования, записанного на достаточно абстрактном семантическом метаязыке (см. [2; 17]). Такие толкования должны строиться для каждого значения КВ, если у него можно усмотреть несколько значений. Однако специфика КВ в отличие от слова состоит в том, что на таком же достаточно абстрактном языке должно быть записано и представление смысла КВ на уровне ПСем, где в терминах семантического метаязыка представляется уже не переносный, а прямой смысл единиц и синтаксических конструкций, образующих КВ. Далее, если это необходимо, должны быть приведены и более поверхностные представления КВ. Семантическим описанием в узком смысле можно считать только первые два уровня, однако семантическое описание в широком смысле включает и более поверхностные уровни в силу общей идеи многоуровневой модели языка, состоящей в том, что представление более глубокого уровня трактуется как семантическое относительно представления ближайшего к нему более поверхностного уровня.

Синтактика КВ должна, безусловно, включать в себя модель управления во всех тех случаях, когда КВ имеет какие-либо незаполненные валентности, и особенно в таких случаях, когда модель управления КВ невыводима из моделей управления составных частей этого КВ. Например, фразеологизм *кошка пробежала* имеет сильную валентность на предложное дополнение с предлогом *между*, отсутствующую, вообще говоря, у глагола *пробежать*. Примеры фразеологически связанной реализации валентностей дают, во-первых, фразеологизм *бабушка набвое сказала*, способный управлять относительным предложением с частицей *ли* (*Ну, это еще бабушка*

надвое сказала, найдут ли они дорогу туда) или косвенным вопросом (. . . *кто первый найдет туда дорогу*), что возможно у глагола *сказать*, только если при нем есть отрицание, а во-вторых, пословица *Стриженая девка косы не залетет*, употребляющаяся не как отдельное предложение в значении «Не может произойти невозможное», а в значении фразеологизма «не успеет произойти даже столь кратковременное событие» и тогда управляющая придаточным предложением с союзом *как*. Помимо модели управления синтактика КВ может включать и другую информацию, обычно включаемую в словарную статью лексемы — например, так называемые лексические функции (см. [2, с. 43]), и в частности значения лексической функции *Magp* для отдельных элементов пословицы, способные играть роль усилителей (см. выше, раздел 3.1).

Парадигматическая характеристика КВ состоит в указании всех ограничений на свободное приписывание значений всех тех морфологических категорий, которые не являются синтаксически связанными в соответствии с более или менее фиксированной синтаксической структурой данного КВ. Эти ограничения могут носить характер запретов, или допущений, или предпочтений (ср. раздел 3.3).

Прагматика в целом представляет собой достаточно неисследованную область, чтобы здесь можно было говорить о ней подробно. На первый взгляд прагматика КВ должна включать в себя по крайней мере пресуппозиции (см. выше, § 2), а также допустимость тех или иных модализаторов (см. раздел 3.1), что применительно к таким КВ, как пословицы, приближается, на наш взгляд, к характеристике возможных текстовых ф у н к ц и й пословицы (ср. [16; 7]).

Наконец, специфическая дополнительная характеристика составных частей КВ призвана отражать особенности КВ как сложного знака. Хотя КВ может преобразоваться из представления одного уровня в представление другого уровня ц е л и к о м, тем не менее нужно все же указать все имеющиеся изоморфизмы составных частей КВ на разных уровнях. Тем самым будет зафиксирована большая или меньшая «членимость» КВ на разных уровнях. Именно здесь должна даваться характеристика разных элементов КВ в терминах, например, понятий, предложенных М. Кууси [23]: с одной стороны, различение (1) ядерных элементов (выражающих основное содержание), (2) заполнителей (аналог наших экспликаторов — см. раздел 4.1) и (3) формульных элементов (разного рода грамматических элементов), а с другой стороны, противопоставление (1) стабильных и (2) лабильных элементов (т. е. элементов, допускающих варьирование). Такая характеристика составных частей КВ в значительной степени поможет автоматически гарантировать применимость или неприменимость многих из рассмотренных выше преобразований к тем или иным конкретным КВ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наше предложение различать два семантических уровня, вообще говоря, не ново — ср. [3; 24, с. 335]. Однако в указанных работах выдвигались другие основания для различения этих двух уровней, от изложения которых здесь мы вынуждены отказаться.

² По-видимому, следует различать трансформацию вопроса на уровне ГСем, приводящую действительно к вопросу, и трансформацию вопроса на каком-то более поверхностном уровне, приводящую к риторическому вопросу.

³ Заметим, кстати, что намек на связь с оригиналом содержится также и в случае употребления КВ в прямом смысле (так называемые «дефразеологизации» устойчивых сочетаний, например: *прятать концы в воду* — из статьи о браконьерах, прячущих в воду концы, т. е. веревки от сетей, при приближении инспектора рыбнадзора; этот и другие подобные примеры приводятся в статье [18]; см. также [1]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамович И. М. Об индивидуально-авторских преобразованиях фразеологизмов. — Проблемы фразеологии. М.—Л., 1964, с. 216—218.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
3. Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл—Текст». — «Wiener slawistischer Almanach». Sonderband 1. Wien, 1980.
4. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблема общей фразеологии. Ростов-на-Дону, 1964.
5. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1966.
6. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1966.
7. Крикманн А. А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы. — Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М., 1978.
8. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
9. Литвин Ф. А. Инвариант и вариант при «деформации идиом». — Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Тула, 1968.
10. Мелерович А. М. Семантический анализ фразеологических единиц. — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки». 1979, № 5.
11. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Т. 1—2. М., 1901.
12. Павлова З. А. Замена компонентов фразеологических единиц тематически близкими словами (на материале газеты «Morning Star»). — Фразеологическая система языка. Челябинск, 1976.
13. Падучева Е. В. О производных диатезах отпредикатных имен. — Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.
14. Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М., 1978.
15. Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М., 1970.
16. Пермяков Г. Л. К вопросу о структуре паремнологического фонда. — Типологические исследования по фольклору. М., 1975.
17. Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1979.
18. Попова Л. В. О дефразеологизации устойчивых сочетаний. — Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Тула, 1968.
19. Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц (Материалы межвузовского симпозиума). Тула, 1968.
20. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.
21. Телия В. Н. Что такое фразеология? М., 1966.
22. Фразеологический словарь русского языка (под ред. А. И. Молоткова). М., 1967.

23. Kuusi M. Ein Vorschlag für die Terminologie der parömiologischen Structuranalyse. — «Proverbium». 1966, № 5.
24. Leech G. Semantics. Harmondsworth, 1974.
25. Mel'čuk I. Das Wort. Zwischen Inhalt und Ausdruck. München, 1976.
26. Voigt V. Les niveaux des variantes des proverbs. — «Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae». 20, 1970.
27. Weinreich U. Explorations in Semantic Theory. — Current Trends in Linguistics, III — Theoretical Foundations. London — The Hague — Paris, 1966.

Е. В. Падучева

О СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ
МЕЖДУ БАСНЕЙ И ЕЕ МОРАЛЬЮ
(НА МАТЕРИАЛЕ БАСЕН ЭЗОПА)*

§ 1. СООТВЕТСТВИЕ МЕЖДУ РАССКАЗОМ И МОРАЛЬЮ

1. Любое исследование басни исходит из того, что человек способен осознавать соответствие между басней и моралью. Во всяком случае, на гипотезу о наличии такой способности опирается любое доказательство несоответствия между содержанием басни и моралью. Возьмем, например, известный анализ басен И. А. Крылова, проведенный Л. С. Выготским [3], который обнаруживает, в частности, что содержание басни «Ворона и лисица» не соответствует тезису *Лесть гнусна* (= 'Льстец гнусен'); что басня «Стрекоза и муравей» не убеждает в моральном превосходстве муравья, поскольку наши симпатии полностью на стороне стрекозы; что в басне «Лебедь, щука и рак» дело вовсе не в том, что *в товарищах согласия нет*, и т. д. Ясно, что этот анализ может быть обращен только к такому человеку, который обладает интуитивным представлением о соответствии между басней и моралью.

Несоответствие между басней и моралью может быть и гораздо более грубым, чем в приведенных изысканных примерах. Например, явно несуразна (т. е. не отражает рассказа) в дошедших до нас сборниках басен Эзопа мораль к басне «Лисица и виноград» (15)¹: *Так и у людей иные не могут добиться успеха по причине того, что сил нет, а винят в этом обстоятельства* (естественнее было бы сказать так: *. . . не могут добиться успеха по причине того, что сил нет, а делают вид, что цель перестала быть желанной*). Ср. мораль к басне «Лиса и виноград» Федра², которая, наоборот, вполне соответствует содержанию рассказа:

*Кто на словах порочит непосильное,
Свое здесь должен видеть поведение.*

Ср. также известную басню «Человек с проседью и его любовницы» (31) и ее морали: *Так повсюду неравенство бывает пагубно* (Эзоп); *Опасно доверяться женщинам* (вариант Эзопа); *Всегда мужчины — влюбленных ли, любимых — грабят женщины* (Федр); *Беда*

* Сокр. вариант опубл.: «Ученые записки Тартуского гос. университета». Вып. 422, 1977 (Труды по знаковым системам, IX).

тому, кто в руки попадет к бабам: они его отпустят, обобрава, голым (Бабрий). Ни одна из этих моралей не отражает подлинного смысла басни, которая скорее является вариацией на тему о погоне за двумя зайцами, чем на тему о пагубности женщин.

Разумеется, наличие интуитивного представления о семантическом соответствии между рассказом и моралью можно продемонстрировать не только на отрицательных, но и на положительных примерах. Показательно, в частности, изменение морали, сопровождающее даже не очень значительное варьирование сюжета в разных баснях на одну и ту же тему. Так, в басне «Волк и ягненок» у Крылова волк, прежде чем съесть ягненка, предъявляет ему, хоть и издевательское, обвинение; соответствующая рассказу мораль: *У сильного всегда бессильный виноват*. Между тем у Эзопа ягненок находит убедительные для самого волка оправдания на все его обвинения, но волк съедает ягненка, несмотря на то что тот оправдался; этому различию в сюжете соответствует различие в формулировке морали, которая у Эзопа выглядит так: *Кто заранее решился на злое дело, того и самые честные оправдания не останавливают*.

Задача данной работы — исследовать это интуитивное представление о соответствии между басней и моралью, т. е. выявить формальные правила перехода от рассказа к морали или по крайней мере обнаружить какие-то повторяющиеся в разных баснях семантические соотношения.

Помимо противопоставления морали, соответствующей и не соответствующей рассказу, существенным является противопоставление морали полной и неполной: неполная — это такая мораль, которая соответствует не всему рассказу, а лишь одному из его мотивов. Поскольку в басне Эзопа должна быть только одна мораль, последовательное соединение в рассказе нескольких разнородных мотивов, по-видимому, должно восприниматься как признак несовершенства рассказа. Так, в басне «Лисица и козел» (9), где соединяются два мотива: 1) глупость козла, который согласился на предложение лисы прыгнуть в колодец, и 2) вероломство лисы, которая обещала козлу вытащить его после того, как он поможет ей вылезти, а сама нарушила уговор, мораль отражает только один мотив — глупость козла: *Так и умный человек не должен браться за дело, не подумав сперва, к чему оно приведет*. По-видимому, соединение мотивов ощущалось как недостаток, поскольку в вариантах этой басни (см. комментарий М. Л. Гаспарова к «Басням Эзопа» [5, с. 278]) один из мотивов выпадает из рассказа. См. начало одного из вариантов (козел заменен зайцем): *Зайцу захотелось пить, и он опустил в колодец*; здесь остается только мотив глупости козла-зайца. Другой вариант начинается так: *Лиса и козел упали в колодец*; здесь остается только мотив вероломства лисы.

Было бы желательно определить соответствие между рассказом и моралью таким образом, чтобы понятие полной/неполной морали определялось на основе этого соответствия.

2. Современная лингвистическая семантика существенно опирается на гипотезу о том, что многие языковые способности говорящего могут быть сведены к способности осуществлять те или иные преобразования текста. Из различных языковых способностей говорящего современная семантика ориентируется в первую очередь на способность к синонимическому перифразированию, т. е. на способность осуществлять синонимические преобразования текста (см. [12]), которая, хотя и является действительно самой важной (поскольку понятие синонимического преобразования дает возможность определить смысл текста как инвариант при синонимических преобразованиях, ср. [18]), не исчерпывает всех языковых способностей говорящих.

Описание способности человека к более глубокому осмыслению текста затруднено тем, что в большинстве случаев результат такого рода осмысления не поддается непосредственному наблюдению, а должен оставаться чистой абстракцией³. Между тем басня представляет собой такую относительно редкую разновидность текста, где результат осмысления текста, хотя и не всегда адекватно, представлен в виде морали, т. е. тоже в виде текста, ср. [6, с. 23]: «Идейное содержание басни в отличие от других литературных жанров не остается скрытым в образах и мотивах, а декларативно формулируется в морали». Таким образом, басня представляет разновидность текста, на примере которого мы можем в какой-то мере продолжать описывать языковые способности человека как способности к преобразованию текста в текст, а именно описывать способность понимать идею басни как способность преобразовывать текст басни в текст морали.

Следует, конечно, отдавать себе отчет в том, что мораль нельзя полностью отождествлять с идейным содержанием басни, а соответствие между рассказом и моралью — с чисто семантическим соотношением. Поскольку мораль есть часть басни как художественного произведения, она может не быть в строгом смысле слова выражением идейного содержания басенного рассказа; она может жить по своим законам, приобрести относительную самостоятельность и полную или частичную невыводимость из текста. Иначе говоря, в басне возможно нарушение соответствия между рассказом и моралью, служащее художественным приемом (что и показывает в своем анализе Выготский). Случаи сознательного обыгрывания неполного соответствия басни и морали встречаются уже в баснях Федра (ср. [6]), не говоря уже об использовании жанра морализующей концовки для достижения комического эффекта в поздней литературе; ср. в качестве примера заключительную строфу «Домика в Коломне», о которой говорит Вяч. Вс. Иванов [9], или заключительную фразу (явно играющую роль своего рода морали) гоголевского «Носа»: *Что ни говори, подобные происшествия все-таки бывают на свете, редко, но бывают*. Очевидно, при семантическом анализе мы должны отвлекаться от возможных случаев несоответствия

морали рассказу в реальных баснях — аналогично тому, как при синтаксическом анализе мы отвлекаемся от возможных грамматических неправильностей в реально употребляемых предложениях.

Как показано в работах Вygотского [3], Ю. М. Лотмана [11], Б. Успенского [16], полное понимание существа художественного приема и выяснение источников художественного эффекта литературного произведения требует предварительного описания собственно языковых норм, на фоне которых возникает этот эффект, поскольку эффект, как правило, является результатом частичного нарушений этих норм. Таким образом, предварительный анализ «нормального» соответствия между рассказом и моралью может дать более точную основу для анализа художественного эффекта, возникающего при нарушении соответствия.

З а м е ч а н и е. Басни Эзопа представляют собой разновидность текстов, в гораздо большей степени поддающихся чисто лингвистическому семантическому анализу, чем обычный художественный текст. В отличие от большинства литературных текстов басни Эзопа ориентированы исключительно на передачу смысла, а не на способ выражения, форму, как это естественно для литературного текста. Действительно, для Эзоповой басни (см. [6, с. 22]) «не существует какого-либо аутентичного текста, по сравнению с которым все другие являются вариациями: все версии для риторика равноправны»; см. в [6] также о том, что античная басня до Федра и Бабрия «лишена художественной обработки». Таким образом, басни Эзопа в каком-то смысле существуют только на уровне глубинной, а не поверхностной структуры. Это делает басню Эзопа более законным объектом собственно лингвистического семантического анализа, чем художественный текст, содержание которого (в отличие от содержания, например, научного текста или текста обычной разговорной речи) не исчерпывается его семантическим представлением (см. [2]), т. е. инвариантом при перифразировании. Иначе можно сказать, что басня Эзопа — это разновидность текста в котором относительно большая часть его содержания поддается раскрытию лингвистическими методами.

Разумеется, и про басни Эзопа нельзя сказать, что их содержание полностью исчерпывается чисто лингвистическим анализом. Например, в задаче семантического анализа текста в рамках лингвистики скорее всего не входит анализ юмора. Между тем юмор является характеристическим признаком басни, а в некоторых случаях распознавание смешного в басне является обязательным условием осознания читателем связности текста. Например, в басне «Орел, галка и пастух» (2) читателю должно быть понятно, что галка, которой кажется, что она орел, смешна; если же это непонятно, то непонятна будет и выведенная из этого текста мораль, ссылающаяся на то, что галка вызывает смех.

В некоторых случаях для осознания связности текста необходимо понимание ложности некоторого высказывания. Так, в морали басни «Должник» (5) говорится о ложной клятве, а чтобы понять мораль, читатель должен понять ложность утверждения о том, что свинья поросится в августе, а потом снова в октябре, и о том, что свинья рождает козлят. Между тем описание истиности/ложности предложений не входит в задачи лингвистической семантики.

§ 2. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

1. Морали-аллегории и морали-каламбуры

В соответствии с определением античных риториков (см. [6, с. 34]) мораль — «это сентенция, прибавляемая к басне и разъясняющая содержащийся в ней полезный смысл». Чаще всего басня описывает

конкретный эпизод, а мораль — это общее положение, справедливость которого этим эпизодом иллюстрируется. Ср. басню «Женщина и курица» (58) (о женщине, которая перекормила курицу в надежде, что та будет нести больше яиц) и ее мораль: *Басня показывает, что многие люди, стремясь из жадности к большему, теряют то, что у них есть.*

Одной из разновидностей морали является то, что можно назвать моралью-аллегорией; эта мораль содержит не обобщение, а сравнение, указание ситуации, в которой данную басню можно было бы применить, т. е. ситуации, которая «изоморфна» басенной. Таковы, например, морали в баснях (26), (47), (153), (181), (193); ср. мораль басни «Волки и овцы» (153): *Так и государства, которые без сопротивления выдают народных вождей, незаметно для себя становятся вскоре добычей врагов* (в басне речь идет о том, как овцы выдали волкам стороживших их собак).

Морали-аллегии (в баснях Эзопа встречаются значительно реже, чем обычные морали) мы в дальнейшем не рассматриваем.

Другая необычная разновидность морали — мораль-каламбур. Это мораль, в которой некоторое слово употребляется в ином значении, чем в рассказе. Обычно различие состоит в том, что в рассказе слово используется в своем конкретном значении, а в морали — в переносном; так, в басне «Дрозд» (81) мораль — *Так для многих сластолюбие становится причиной великих несчастий*, а в рассказе говорится о дрозде, который объелся сладкого; в басне «Ласка» (59) мораль — *Басня рассказывает о тех, кто сам себе вредит страстью к препирательству*, а в рассказе речь идет о ласке, которая лизала пилу и перетерла себе язык. Мораль к басне «Рыбак» (26) *Так и демагогам в государстве тогда живет лучше всего, когда им удаётся завести в отечестве смуту* (в басне описывается рыбак, который ловит рыбу в мутной воде) является каламбуром и аллегорией одновременно.

Басня с моралью-каламбуром — это текст, рассчитанный на одновременное обращение к нескольким различным значениям слова, что нарушает некоторую важнейшую семантическую закономерность нормального функционирования языка (см. [2]). Поэтому в дальнейшем соотношение с рассказом для моралей-каламбуров не рассматривается, как и для моралей-аллегорий, и под словом «мораль» понимается без дальнейших оговорок только собственно мораль.

2. Структура морали: афоризм и оценка

С точки зрения своей внутренней структуры морали басен Эзопа делятся на два типа: (I) морали-афоризмы, излагающие некоторое положение вещей (как правило, в обобщенном виде); (II) морали-оценки (т. е. морали, содержащие оценку какого-либо лица или явления — осуждение или, реже, поощрение, восхваление, сочувствие). Как указывает Гаспаров [6, с. 232], в немецкой литературе

о басне различаются понятия *Moral* («мораль») и *Lebensklug* («житейская мудрость»). По-видимому, *Lebensklug* можно отождествить с понятием афоризма, а *Moral* — с морально-оценкой.

Мораль-оценка семантически является результатом соединения афоризма с оценкой, т. е. оценка обычно накладывается на какой-то афоризм, поскольку должно быть сказано, что именно (обычно — какое поведение) осуждается или поощряется (ср. редкий случай в басне Крылова «Гуси», где мораль является фактически оценкой в чистом виде: *Смысл басни можно бы и боле пояснить, да чтоб гусей не раздражить*; ясно, что гуси, т. е. гусеподобные люди, осуждаются, но за что именно — в самой морали не указано).

Примеры моралей-афоризмов: «Рыбаки» (21) — *Так часто случай нам дарует то, чего не могло принести искусство*; «Лисица и лев» (20) — *Басня показывает, что и к страшному можно привыкнуть*; «Хозяйка и служанка» (55) — *Так для многих людей собственные хитрости становятся причиной несчастий*; «Старик и смерть» (60) — *Басня показывает, что всякий человек любит жизнь, как бы он ни был несчастен*; «Путник и медведь» (65) — *Басня показывает, что настоящие друзья познаются в опасностях*.

Примеры моралей-оценок: «Оратор Демад» (63) — *Так и среди людей неразумны те, кто пренебрегает делами необходимыми, а предпочитает дела приятные*; «Потерпевший кораблекрушение» (30) — *Так и нам следует не только молиться богам, но и самим о себе заботиться*.

Рассмотрим отдельно морали-оценки, чтобы выяснить, какими различными средствами может быть выражена оценка. Здесь имеются следующие возможности.

1. Оценка выражена предикатным словом в функции сказуемого. Примеры:

(54) «Улитки» — *Басня показывает, как не пристойно все, что делается не ко времени*;

(93) «Гадюка и пила» — *Глуны те, кто надеется разжиться у скряги*⁴.

2. Оценка выражена модальным словом. Примеры:

(30) «Потерпевший кораблекрушение» — *Так и нам следует не только молиться богам, но и самим о себе заботиться*;

(33) «Хвастливый пятиборец» — *Если что можно доказать делом, то на это не за чем тратить слова*.

Другие примеры модальных слов в моральях: *недаром, нечего, не должно, должен, нельзя, надо*.

3. Оценка выражена словами *басня учит, басня осуждает, басня обличает, басня направлена против, басня применима против*. Сюда же можно отнести морали без сказуемого вообще, например мораль басни «Зевс и люди» (108): *Против человека, могучего телом, но неразумного духом* (= «Басня направлена против человека, могучего телом, но неразумного духом»). Примеры:

(43) «Лягушки» — *Басня учит нас не братья за дело, не подумав*;

(89) «Гермес и Тиресий» — *Эта басня применима против вора*.

4. Оценка может быть выражена словами *басня относится к, басня применяется к*. Хотя сами по себе слова *относится, применяется* нейтральны, в контексте слова *басня* они воспринимаются как синонимы слов *осуждает, обличает* (хотя эксплицитно выраженная в басне оценка может быть не только отрицательной, но и положительной, ср. басню (23) «Петухи и куропатка»). Примеры:

(27) «Лисица и ласка» — *Басня относится к человеку, который телом величествен, а душой неразумен;*

(40) «Звездочет» — *Эту басню можно применить к таким людям, которые хвастаются чудесами, а сами не в силах сделать того, что может всякий.*

5. Оценка выражена определением или обстоятельством с оценочным значением. Примеры:

(19) «Лисица и терновник» — *Так и среди людей лишь неразумные просят помощи у тех, кому от природы свойственнее приносить вред;*

(23) «Петухи и куропатка» — *Умным людям легче переносить обиды от соседей, если они видят, что те и ближних своих не щадят;*

(72) «Пасечник» — *Так иные люди, не умея разобратсья, от врагов не защищаются, а друзей отталкивают.*

6. Оценка выражена оценочным существительным (обычно уничижительным). Примеры:

(49) «Петух» — *Эту басню можно применить к неудачникам, которые ищут то, чего у них нет, а потом не знают, как избавиться от того, что нашли.*

7. Наконец, возможно соединение в одном предложении оценок разных типов по отношению к одному и тому же явлению.

(9) «Лисица и козел» — *Так и умный человек не должен браться за дело, не подумав, к чему оно приведет* (оценка типа 2 и типа 5);

(56) «Ворожея» — *Басня обличает обманщиков, которые сулят великое, а попадают на малом* (оценка типа 3 и типа 6).

Разные способы выражения оценки синонимичны друг другу; ср. возможности синонимического варьирования морали в басне «Оратор Демад» (63): *Так среди людей неразумны те, кто пренебрегает делами необходимыми, а предпочитает дела приятные* (оценка типа 1) ↔ *Не следует пренебрегать делами необходимыми, предпочитая дела приятные* (оценка типа 2)⁵ ↔ *Басня осуждает тех, кто пренебрегает делами необходимыми, а предпочитает дела приятные* (оценка типа 3) ↔ *Так и неразумные люди пренебрегают делами необходимыми, а предпочитают дела приятные* (оценка типа 5) ↔ *Басня относится к бездельникам, которые пренебрегают делами необходимыми, а предпочитают дела приятные* (оценка типа 6). Переход от одного способа оценки к другому может требовать преобразования предложения в именную группу (ср. *Неразумные люди пренебрегают делами необходимыми* ↔ *Неразумны те, кто прене-*

брегает делами необходимыми) и некоторых других, легко формализуемых. Эта синонимия дает возможность в дальнейшем говорить об оценке безотносительно к средствам ее выражения.

Мораль-оценку часто можно представить в семантическом плане как пару <афоризм; оценка>. Например, смысл морали басни «Оратор Демад» (63) может быть представлен так: *«Некоторые люди пренебрегают делами необходимыми, а предпочитают дела приятные; Эти люди неразумны»*. Такое простое расчленение морали-оценки на два компонента возможно, однако, не всегда; в примерах, приведенных ниже, связь между оценкой «дурной» и афоризмом такова, что простое вычитание оценки из морали дало бы бессмысленный афоризм.

(221) «Зевс и змея» — *Любезности дурных людей опасны;*

(209) «Пастух и волчата» — *Спаси дурных людей — значит укрепить их силы против себя же первого.*

Между моральями-афоризмами и моральями-оценками нет четкой границы. Во-первых, один и тот же компонент предложения может иметь двойное истолкование; ср. эпитет *ничего не стоящие* в басне (62), который может рассматриваться и как чисто оценочный, и как соответствующий определенной детали рассказа, в котором уточняется, что «пескарь — это такая маленькая рыбешка»:

(62) «Дельфины и пескарь» — *Так иные люди, ничего не стоящие, набивают себе цену в смутные времена.*

Во-вторых, к афоризму может с большей или меньшей степенью однозначности примысливаться оценка, как правило отрицательная; возможно, это проявление того общего пессимизма, свойственного идеологии басен Эзопа, о котором говорит Гаспаров [4]: Поэтому в некоторых случаях, формально непредсказуемых, морали-афоризмы могут быть практически синонимичны моральям-оценкам:

(34) «Человек, обещающий невозможное» — *Басня показывает, что люди легко обещают на словах то, чего и не думают выполнять на деле (↔ Басня относится к тем людям <=> осуждает тех людей > которые легко обещают на словах то, чего и не думают выполнять на деле);*

(76) «Олень и лев» — *Так иные люди из страха перед малыми опасностями бросаются в большие беды (↔ Так иные неразумные люди из страха перед малыми опасностями бросаются в большие беды);*

(55) «Хозяйка и служанка» — *Так для многих людей собственные хитрости становятся причиной несчастий (следовательно, хитрить не следует).*

Разумеется, примысливание к афоризму имплицитной оценки вовсе не обязательно; например, мораль-афоризм в басне (91) нельзя однозначно понять как содержащую осуждение или одобрение, а следовательно, скорее всего это просто констатация:

(91) «Собака и осел» — *Басня показывает, что от природы не всем дается одинаковый удел.*

Выготский [3] приводит высказывание Наполеона, считавшего, что басня «Волк и ягненок» у Лафонтена с моралью *La raison du plus fort est toujours la meilleure* 'Довод сильнейшего всегда наилучший' «грешит в своем принципе и в правоучении», поскольку выдвигает в качестве поучения то, что достойно порицания. Возмущение Наполеона, однако, не учитывает существование моралей-афоризмов, которые являются простыми констатациями, а то и содержат имплицитное осуждение (ср. басни (34), (76) у Эзопа), а вовсе не восхваление существующего порядка вещей.

В дальнейшем мы не относим к оценочным те компоненты морали, которые прямо соответствуют каким-то словам в рассказе, и не относим к моральям-оценкам те морали, которые лишь имплицитно содержат оценку (в частности, морали в баснях (34), (76), (55), (62) считаются афоризмами).

3. Тематический компонент морали и тематический персонаж басни

Следующее важное обстоятельство, касающееся структуры морали (как морали-афоризма, так и морали-оценки), — это наличие в ней тематического компонента (=тематического имени). Этот компонент обладает следующими свойствами.

1. Тематический компонент морали — это ее тема в том смысле, в котором понимается этот термин в теории актуального членения, т. е. это то лицо или явление, о котором идет речь в данном предложении. Например, в басне «Лягушки» (69) с моралью *Таки люди с дурными привычками погибают раньше, чем приобретают хорошие* тематический компонент морали — *люди с дурными привычками*.

Рассматривая рассказ басни под углом зрения ее морали, мы можем сказать, какого персонажа имеет в виду тематический компонент морали, и этот персонаж можно тоже назвать тематическим. Так, в басне «Лев и лягушка» (141) с моралью *Против человека болтливого, который только языком умеет работать* тематическим персонажем является лягушка (а не лев, как естественно ожидает читатель).

2. Тематический компонент морали — это та именная группа, которая включает слово *человек* или какие-то его синонимы, например *тот, кто* (= 'тот человек, который'). Так, в морали к басне «Дельфины и пестряк» (62) *Так иные люди, ничего не стоящие, набивают себе цену в смутные времена* тематическим компонентом служит группа *иные люди, ничего не стоящие*, которая включает слово *человек* (мн. ч. *люди*); в морали басни «Ласточка и птицы» (39) *Кто умеет предугадывать события, тот легко избегает опасности* тематический компонент — *кто . . . тот*. Вместо слова *человек* могут быть употреблены слово *мы* или нулевой заместитель: «Лев и дельфин» (145) — *Так и мы, уговариваясь о дружбе, должны выбирать себе таких союзников, которые в опасности будут нам помогать;*

«Орел, галка и пастух» (2) — *Соперничество* (имеется в виду 'соперничество людей') с людьми вышестоящими ни к чему не приводит; «Растолстевшая лисица» (24) — *Трудные обстоятельства* ('людей') со временем сами собой делаются легче. Соответственно тематические персонажи рассказа — в (62) песткарь, в (39) ласточки, в (145) дельфины, в (2) галка, в (24) первая лисица.

Все имена живых существ, входящие в мораль, кроме тематического имени строятся через отношение соответствующих персонажей к тематическому персонажу басни. Например, в басне «Тунец и дельфин» (113) с моралью *Люди легче переносят свои несчастья, если видят, как бедствуют и виновники этих несчастий* тематический компонент морали, имеющий в виду пострадавшего тунца, — *люди*, а имя другого упоминаемого в морали персонажа построено через отношение этого персонажа к тунцу: *виновники этих несчастий* (имеется в виду несчастье, происшедшее с тунцом).

Ср. другие примеры (тематическое имя дано курсивом, производное имя — разрядкой):

(45) «Воля и ось» — Так и *некоторые люди*: другие трудятся, а они притворяются измученными;

(149) «Лев, лисица и осел» — Несчастья ближнего становятся для *людей* наукой;

(25) «Зимородок» — Так и *некоторые люди*, опасаясь врагов, неожиданно страдают от друзей.

Имя может быть производным от имени тематического персонажа даже и тогда, когда сам тематический компонент выражен нулевым заместителем:

(159) «Волк и овца» — Нередко и враг <человка> уступает правде.

В следующем примере второе из выделенных разрядкой имен производно от первого, в свою очередь производного:

(23) «Петухи и куропатка» — *Умным людям* легче переносить обиды от соседей, если они видят, что те и ближних своих не щадят.

3. В моралях-оценках тематический компонент обязательно является объектом оценки, ср. басню «Лисица и терновник» (19) с моралью *Так и среди людей лишь неразумные просят помощи у тех, кому от природы свойственнее приносить вред*.

Второй и третий критерии могут давать неоднозначный ответ, поскольку мораль может содержать несколько различных упоминаний человека и несколько различных оценок:

(143) «Лев и бык» — От *разумных* людей хитрости злодеи не укроются;

(52) «Крестьянин и собаки» — Остерегаться надо *людям* более всего тех, кто даже своих близких не колеблется обидеть;

(226) «Черепаша и заяц» — Нередко труд *одних людей* берет верх над природными способностями *других людей*.

Тематический компонент в некоторых моралях — а соответст-

венно и тематический персонаж в рассказе — можно выявить лишь после синонимических преобразований морали. Ср. басню «Гадюка и водяная змея» (90) с моралью *Где нужда в делах, там словами не поможешь* (= *нельзя помочь, = никто не может помочь*), имеющей перифразу *Кому нужна помощь делом, тому никто не может помочь словами*, из которой ясно, что мораль имеет в виду гадюку (тематический персонаж) и лягушек.

Есть басни, где не один, а два или три «близнецных» тематических персонажа, совершающие аналогичные поступки (хотя и в разное время и по разным мотивам), так что тематический компонент морали имеет в виду всех этих персонажей одновременно. Ср. басни «Юноши и мясник» (66), «Человек с проседью и его любовницы» (30), «Юноша и ласточка» (119). Эти басни, однако, немногочисленны и все производят впечатление имеющих неполную мораль (видимо, потому, что в рассказе между поступками разных персонажей есть какая-то связь, которая в морали выпадает).

Ясно, что для вывода морали из басенного рассказа необходимо прежде всего выделить в нем тематический персонаж. Однако тематический персонаж не предопределен однозначно расстановкой действующих лиц в рассказе: тематическим может быть как главный персонаж рассказа⁶ (как должник в басне «Должник» (5) или афинянин в басне «Потерпевший кораблекрушение» (30)), так и его контрагент (как ось в басне «Воли и ось» (45), жук в басне «Муравей и жук» (112) или лягушка в басне «Лев и лягушка» (141)). Тематический персонаж не определяется и оценкой: он может быть как осуждаемым лицом (как лягушка в басне (141)), так и поощряемым (как куры в басне «Кушка и куры» (7) или ястреб в (4) «Соловье и ястребе»).

З а м е ч а н и е. М. Нейгор [20], подробно исследовавший структурные связи басни Эзопа с ее моралью, утверждает, что тематический персонаж басни Эзопа (в его терминологии, *personnage visé par la moralité*) может быть обнаружен на основе внутреннего анализа рассказа, без обращения к морали, а именно утверждает, что тематическим персонажем является слабый — тот, кто терпит поражение. У этого правила достаточно много исключений: во-первых, есть много басен, где тематическим персонажем является выигравший, ср. басни «Лев, осел и лисица» (149), «Путник и гадюка» (176) и многие другие; во-вторых, во многих баснях слабого нет вообще, как в «Лисице и маске» (27); в-третьих, во многих баснях слабый не выделяется однозначно, поскольку материальную победу одерживает один персонаж, а словесную — другой, как в басне «Волк и ягненок» (155). Главное возражение против тезиса о предопределенности тематического персонажа рассказом состоит, однако, даже не в наличии весьма большого числа исключений, а в том, что правилу Нейгора имеется простое объяснение, показывающее его случайный со структурной точки зрения характер: басни, где тематическим персонажем является слабый, преобладают в сборнике ровно в той мере, в какой в нем преобладают морали, осуждающие побежденного; от том, что в эзоповском сборнике есть много моралей на одну и ту же тему, см. [4].

Таким образом, басенный рассказ, как правило, оставляет некоторую свободу для выбора тематического персонажа, и мораль реализует лишь одну из возможностей.

4. Свободное действие

Мораль не только выделяет из разных персонажей одного, который становится ее темой, но и из разных поступков этого персонажа один, который ставится в центр внимания. М. Нейгор [20] вводит в этой связи термин «свободное действие» (*action de choix*). Внутренняя структура этого термина такова: мораль выносит оценку, а оценивать можно только поступки, совершенные в условиях свободы выбора⁷.

Нейгор считает, что свободное действие можно выявить в басенном рассказе самом по себе, на основе одного только анализа его семантической структуры. Он сам приводит, однако, много примеров басен, в которых действием, выделяемым моралью, оказывается такое, которое даже в контексте басни, со свойственным ей расплыванием границ естественного, не кажется следствием свободного выбора, а является нечаянным, произвольным, вызванным законами природы и пр., ср. басни (11), (38), (72), (120), (236), (242) (так, в басне «Пахарь и волк» (38) волк нечаянно впрягся в ярмо и поволок плуг по пашне, а в морали он обвиняется в том, что его обещания стать хорошим не заслуживают доверия). И, наоборот, в басне может быть несколько свободных действий, которые имеют равные основания попасть в центр внимания в морали.

Как видим, басенный рассказ оставляет некоторую неопределенность в отношении выделения одного действия тематического персонажа в качестве центрального.

Теперь можно перейти к описанию структурных связей между басней и моралью. Поскольку некоторые морали не содержат оценки, а в других она может быть выделена в отдельный компонент, мы можем говорить по отдельности о том, как из рассказа басни извлекается афоризм (см. § 3, 4), и о том, как извлекается оценка (см. § 5). Соединение афоризма с оценкой состоит из достаточно простых синтаксических операций.

§ 3. ПЕРЕХОД ОТ КРАТКОГО ПЕРЕСКАЗА К АФОРИЗМУ

Переход от басенного рассказа к афоризму можно разделить на два этапа:

- (А) Переход от рассказа к краткому пересказу басни.
 (Б) Переход от краткого пересказа к афоризму.

Например, для басни «Лев, осел и лисица» (149) краткий пересказ таков: *Смерть осла, разделившего добычу со львом поровну, научила лису, как надо делить добычу со львом, чтобы остаться живой*; а переход от краткого пересказа к афоризму складывается из следующего ряда элементарных преобразований:

- 1) *смерть* → *несчастье*⁸;
- 2) *осел, разделивший добычу со львом поровну* → *осел*;
- 3) *осел* → *ближний*;

4) несчастье ближнего научило лису делить добычу со львом → несчастье ближнего стало для лисы наукой в отношении того, как делить добычу со львом;

5) наукой в отношении того, как делить добычу со львом, чтобы остаться живой → наукой;

6) лиса → человек;

7) несчастье ближнего < конкретное > стало < в конкретный момент > для человека наукой → несчастье ближнего < всякое > становится < всегда > для человека наукой;

8) несчастье → несчастья; ближний → ближние; человек → люди.
В результате получаем мораль-афоризм басни (149) у Эзопа: *Несчастья ближних становятся для людей наукой.*

Рассмотрим вначале этап (Б), т. е. перечислим участвующие в нем преобразования. Эти преобразования можно разделить на три типа: синонимические, генерализующие и сокращающие.

1. Синонимические преобразования

а) Называние контрагентов тематического персонажа через их к нему отношение; пример:

(151) «Лев и осел»

лев → тот, кто хорошо знает осла.

б) Введение лексемы вместо расчлененного описания ситуации, в которой она может быть употреблена; пример:

(10) «Лисица и лев» — Персонаж X от повторения события У < страшного > перестал его бояться → Персонаж X привык к событию У < страшному >.

Соотношение между расчлененным описанием ситуации и единой лексемой, описывающей эту ситуацию, не всегда в точности синонимия. Часто от баснописца требуется еще некоторая смелость, чтобы «назвать вещи своими именами». Так, в басне (10) появление в морали слова *привыкла* явно содержит элемент неожиданности (хотя, согласно словарям, одно из значений слова *привыкнуть* — «перестать испытывать неприятные ощущения»).

в) Прочие синонимические преобразования, в частности **к о н в е р с н ы е** преобразования разного рода, позволяющие перевести синтаксически обязательные подчиненные в необязательные, с тем чтобы их можно было впоследствии опустить без нарушения синтаксической правильности; преобразования с **а н т о н и м а м и** (ср. [1]).

Примеры:

(30) *мы должны → нам следует;*

(149) *Гибель осла научила лису, как делить добычу со львом → Гибель осла стала для лисы наукой в отношении того, как делить добычу со львом;* дополнение (*научила — чему?*) переходит в обстоятельство (*стало наукой — в отношении чего?*);

(145) *Следует выбирать таких друзей, которые в опасности могут нам помогать → Не следует выбирать таких друзей, которые в опасности не могут нам помогать.*

г) Преобразования-усиления, в частности замена слова или сочетания со значением 'х' на сочетание со значением 'х, а не anti (х)' (ср. [1]) или замена единственного числа на множественное, однократного действия на многократное. Примеры:

(17) *дает советы ради собственной выгоды* → *дает советы ради собственной выгоды, а не от чистого сердца;*

(149) *несчастье* → *несчастья.*

II. Генерализующие преобразования⁹

а) Замена более конкретных имен на более общие имена — классификаторы; примеры:

(30) *молиться Афине* → *молиться богам;*

(32) *убийство* → *преступление.*

б) Замена более конкретных предикатов на более общие; примеры:

(119) *Сорные растения здоровые, а домашние чахлые* → *Сорные и домашние растения несхожи;*

(51) *невозможно помириться* → *трудно помириться;*

(24) *Лиса попала в дупло и не может выбраться* → *Лиса попала в трудные обстоятельства;*

(156) *Волк не съел цаплю* → *Волк не причинил цапле зла;*

(139) *Чайка упала мертвой* → *Чайка попала в беду.*

в) Замена конкретного описания ситуации на ее следствия, причины, истолкования и пр. примеры:

(1) *Орел съел детей друга-лисы* → *Орел предал дружбу с лисой;*

(122) *Воры хотят зарезать петуха* → *Ворам ненавистен петух;*

(62) *Пескарь предлагает себя в примирители дельфинам* → *Пескарь набивает себе цену.*

г) Замена имени тематического персонажа на слово человек (чисто басенная генерализация); пример:

(143) *От быка не укрылась хитрость* → *От человека не укрылась хитрость.*

д) Замена конкретного имени на переменную с квантором существования; примеры:

(82) *Осел, видя унижение своего врага, преисполнился самоуверенности* → *Некоторые люди, видя унижение своего врага, преисполняются самоуверенности*¹⁰;

(159) *Враг овцы уступил правде* → *Нередко и враг уступает правде.*

е) Замена конкретного имени на переменную с квантором общности; примеры:

(3) *Жук не бессилен настолько, чтобы не отомстить за оскорбление* → *Никто не бессилен настолько, чтобы не отомстить за оскорбление;*

(36) *Человек не смог обмануть божество* → *Божество обмануть невозможно (= 'никто не может').*

Преобразования II.д и II.е имеют помимо замены имени на переменную с квантором дополнительный семантический эффект, который внешне выражается в изменении времени или времени и вида

глагола (ср. соотношения *уступил — уступает* в (159), *не смог — невозможно* в (36)). В семантическом отношении это замена конкретного времени на гномическое, т. е. событие из единичного превращается в регулярное.

ж) Переход от *post hoc* к *propter hoc*. Данное преобразование обычно применяется не само по себе, а в составе более сложного преобразования. Рассмотрим следующие примеры:

- (139) *Человек взялся за несвойственные себе занятия и попал в беду* → *Тот, кто берется за несвойственные себе занятия, попадает в беду*;
 (148) *Лев был недоволен умеренным доходом, а потерял то, чем владел* → *Тот, кто недоволен умеренным доходом, теряет то, чем владеет*;
 (191) *Лиса задумала зло против товарища и сама себя погубила* → *Тот, кто замышляет зло против товарищей, часто сам себя губит*.

Соотношение в этих и аналогичных примерах можно разложить на три преобразования — два с изменением смысла (α и β) и одно чисто синонимическое (γ):

α . Переход от описания серии событий к утверждению обусловленности одного события другим.

β . Переход от утверждения следования для конкретных событий к утверждению отношения следования для событий данного класса.

γ . Замена условного предложения определительным.

Например, переход от первого предложения ко второму в примере (139) осуществляется через следующие два промежуточных этапа: . . . → (α) *Человек взялся за несвойственное себе занятие и поэтому попал в беду* → (β) *Если человек берется за несвойственное себе занятие, он попадает в беду* → (γ) . . .

Переход β можно считать частным случаем преобразования генерализации: примеры (139), (148) — это частный случай преобразования II.д (в с е г д а событие X вызывает событие У), пример (191) — преобразования II.е (ча с т о X вызывает У). Таким образом, единственным новым здесь является преобразование α .

III. С о к р а щ а ю щ и е п р е о б р а з о в а н и я

а) Устранение подчиненных слов, заполняющих необязательную синтаксическую валентность; примеры:

- (149) *Гибель осла послужила лисе наукой относительно того, как делить добычу* → *Гибель осла послужила лисе наукой*;
 (57) *Лекарь разоблачил себя как вора* → *Лекарь разоблачил себя*.

В семантическом отношении это преобразование близко к замене конкретного актанта на переменную с квантором существования, т. е. к генерализации: *Гибель осла послужила лисе наукой* $\approx$ 'Гибель осла послужила лисе наукой в отношении чего-то'; *Старуха разоблачила лекаря* = 'Старуха разоблачила лекаря в каком-то отношении'. Однако это не генерализация: при генерализации — замене конкрет-

ного имени на переменную с квантором существования — остается направленность внимания на тот аспект, в котором конкретное имя уточняло ситуацию; между тем при данном преобразовании этот аспект вовсе выпадает из поля зрения.

б) Устранение источника сведений; пример:

(30) *Один из товарищей по несчастью сказал, что богатому афинянину следует не только молиться Афине, но и самому о себе заботиться* → *Богатому афинянину следовало не только молиться Афине, но и самому о себе заботиться.*

З а м е ч а н и е. Переход от единичного случая к заключению об общей закономерности, достигаемый преобразованием II.e, ничем не оправдан и является чисто басенным способом делать общие заключения на основе существенно неполной индукции. Однако есть басни, в которых можно уловить специальную ориентацию рассказа на последующее заключение общего характера.

1. Рассказ может касаться такого представителя некоторого класса, для которого описываемое событие наименее вероятно; поэтому, если оно происходит для этого последнего, его можно считать закономерным для класса в целом. Так, жук в басне «Орел и жук» (3) в силу своей малости является последним, кого можно заподозрить в способности отомстить, а старик, который звал смерть, в басне «Старик и смерть» (60) — последним, кого можно заподозрить в любви к жизни.

2. Общий характер некоторого явления может «доказываться» типичным для фольклора трехкратным повторением его при слегка изменяющихся условиях, ср. построение рассказа в баснях «Убийца» (32), «Зевс, Прометей, Афина и Мом» (100), «Летучая мышь, терновник и нырок» (171).

3. Возможно, использование в басне животных или лиц с постоянными функциями — рыбаков, пастухов, угольщиков и т. д., о чем говорит Выготский [3], также имеет назначением облегчить последующее общее заключение: поскольку каждое из действующих лиц выполняет только те действия, которые естественно вытекают из его внутренней природы, возникает ощущение неизбежности, а следовательно, общего характера происходящего.

Примеры перехода от краткого пересказа к афоризму на основе синонимии, генерализации и сокращения

Пример 1. «Орел и лисица» (1).

Краткий пересказ: Орел съел детенышей лисицы, с которой он перед этим решил жить в дружбе; лисица не могла ему отомстить за это, но он сам поплатился: у него погибли орлята.

Мораль: Тот, кто предал дружбу, даже если уйдет от мести обиженного, не уйдет от кары богов (мораль-афоризм).

Переход от пересказа к афоризму:

1. Лисица не могла отомстить орлу → Орел ушел от мести лисицы (I.в).

2. Орел съел детенышей лисицы, с которой он перед этим решил жить в дружбе → Орел предал дружбу с лисицей (II.в) → Орел предал дружбу (III.а).

3. Орел ушел от мести лисицы → Орел ушел от мести обиженного (I.а).

4. Орел поплатился за то, что предал дружбу, тем, что у него погибли орлята → Орел поплатился за то, что предал дружбу

(III.a) → Орел не ушел — за то, что он предал дружбу, — от кары богов (I.в).

5. Орел предал дружбу, и хотя ушел от мести обиженного, но не ушел от кары богов → Поскольку орел предал дружбу, то, хотя он и ушел от мести обиженного, он не ушел от кары богов (II.α) → → Если орел предал дружбу, то, даже если он уйдет от мести обиженного, он не уйдет от кары богов (II.e) → Если человек предал дружбу, то, даже если он уйдет от мести обиженного, он не уйдет от кары богов (II.γ) → Тот, кто предал дружбу, даже если уйдет от мести обиженного, не уйдет от кары богов (I.в).

Пример 2. «Ласка и Афродита» (50).

Краткий пересказ: Ласка, полюбившая юношу, преобразилась в девушку, но по повадкам осталась лаской.

Мораль: Так и люди «дурные от природы», как ни меняют обличье, права своего изменить не могут (мораль-оценка; оценка, которая на данном этапе не порождается, заключена в скобки).

Переход от пересказа к афоризму:

1. Ласка, полюбившая юношу, преобразилась в девушку → → Ласка преобразилась в девушку (III.a; опускается мотивировка действия).

2. Ласка преобразилась в девушку → Ласка изменила обличье (II.б).

3. Ласка по повадкам осталась лаской → Ласка не изменила своего права (I.в).

4. Ласка изменила обличье, но не изменила своего права → Некоторые люди, изменив обличье, не меняют права (II.γ, II.д) → Некоторые люди, как ни меняют обличье, не могут изменить своего права (I.д).

Разумеется, подобное простое соотношение между кратким пересказом и афоризмом характерно не для всех басен; однако таких достаточно большое число; ср., например, басни (17), (46), (48), (49), (50), (55), (60), (63), (140), (173) и др.

§ 4. ПЕРЕХОД ОТ БАСНИ К КРАТКОМУ ПЕРЕСКАЗУ

Переход от басни к краткому пересказу требует предварительного выбора носителя точки зрения, т. е. персонажа басни, которому принадлежит принимаемая в морали версия (осмысление) рассказанных событий¹¹. Выбор носителя точки зрения произволен, т. е. не предопределен рассказом, а зависит от воли рассказчика.

Ниже следуют примеры варьирования краткого пересказа в зависимости от выбора носителя точки зрения (сокращенно — НТЗ); пересказ, на котором основана действительная мораль басни Эзопа, приводится вторым.

(106) «Зевс и черепаха»:

а) *Черепаха слишком гордилась своим домом* (НТЗ — Зевс);

- б) *Приятнее жить скромно в своем доме, чем идти на богатый пир в дом Зевса* (НТЗ — черепаха).
- (62) «Дельфины и пескарь»:
 а) *Дельфины предпочитают погибнуть, чем принять помощь от пескаря* (НТЗ — пескарь);
 б) *Пескарь набивает себе цену во время беспорядков* (НТЗ — дельфины).
- (151) «Лев и осел»:
 а) *Лев пользовался услугами осла, а заслуг его не признал* (НТЗ — осел);
 б) *Осел похвалялся перед львом, который знает его ослиную природу, и стал посмешищем в его глазах* (НТЗ — лев).
- (45) «Волы и ось»:
 а) *Волы только свой труд видят, а чужого не замечают* (НТЗ — ось);
 б) *Ось притворяется измученной, когда другие работают* (НТЗ — волы).

Из этих примеров видно, что различных пересказов может быть в принципе столько, сколько есть различных персонажей в басне. Их может быть, однако, даже больше, чем персонажей. Новые пересказы возникают тогда, когда носитель точки зрения включается в краткий пересказ в качестве автора своей версии.

- (156) «Волк и цапля»:
 а) *Волк считает, что если он не откусил цапле голову, то это ей уже достаточная награда за ее услугу*;
 б) *Если волк не откусил цапле голову, то это ей уже достаточная награда за ее услугу*.
- (51) «Крестьянин и змея»:
 а) *Змея считает, что после долгой вражды трудно примириться*;
 б) *После долгой вражды трудно примириться*.

Если носитель некоторой точки зрения включается в краткий пересказ в качестве автора своей точки зрения (т. е. если версия событий отчетливо излагается как версия, принадлежащая данному лицу), то данный персонаж перестает быть носителем точки зрения, а становится тематическим персонажем. Происходит переход к внешней точке зрения, т. е. к точке зрения внешнего наблюдателя (см. [17]). Выше в баснях (156) и (51) версия б) отражает точку зрения одного из персонажей, а версия а) соответствует внешней точке зрения.

Античные риторика допускали (см. [6, с. 36]), что «одна и та же басня может. . . иметь несколько моралей, если мы будем исходить из разных ее мотивов». Однако если мораль имеет в виду просто один из мотивов рассказа, игнорируя остальные, то она производит впечатление неполной (или рассказ — загроможденного); ср., например, басню «Лиса и козел» (9), разобранный в § 1. Понятие носителя точки зрения дает возможность описать механизм, благодаря кото-

рому басня может иметь несколько моралей, каждая из которых соответствует, вообще говоря, всему рассказу, но по-разному его интерпретирует.

Носитель точки зрения является по самому своему существу переменной величиной, т. е. может совпадать с любым из персонажей басни. В частном случае носителем точки зрения может быть наблюдатель — персонаж, который не участвует в действии, а только произносит заключительную реплику, содержащую осмысление событий. Ниже следует перечень возможных размещений носителя точки зрения среди персонажей басни.

1. НТЗ — персонаж-наблюдатель. Примеры: «Потерпевший кораблекрушение» (30), «Бесхвостая лисица» (17).

2. НТЗ — контрагент тематического персонажа. Примеры: «Ворон и лисица» (124), НТЗ — лисица; «Лисица и терновник» (19), НТЗ — терновник; «Орел, галка и пастух» (2), НТЗ — пастух.

3. НТЗ — тематический персонаж. Примеры: «Крестьянин и собаки» (52), НТЗ — собаки; «Петухи и куропатка» (23), НТЗ — куропатка; «Мухи» (80), НТЗ — мухи; «Лев и бык» (143), НТЗ — бык.

4. НТЗ не совпадает ни с одним из персонажей рассказа (т. е. принимается внешняя точка зрения). Примеры: «Волк и цапля» (156), «Лев и медведь» (147), «Пахарь и волк» (38), «Гранатовое дерево, яблоня и терновник» (213), «Муж и жена» (95).

Самые обычные соотношения — это 1 и 2. Соотношение 3 встречается лишь как исключение. Иными словами, в нормальном случае НТЗ и тематический персонаж не совпадают. Отсюда ясно, при каких условиях тематический персонаж не совпадает вопреки ожиданию с главным действующим лицом рассказа: для этого достаточно, чтобы главное действующее лицо оказалось носителем точки зрения. Так, в басне «Лев и лягушка» (141) главное действующее лицо, лев, является носителем точки зрения; соответственно тематическим персонажем оказывается его контрагент, лягушка, а лев в морали вообще не упоминается.

Имеются некоторые формальные критерии выявления носителя точки зрения. Так, если в басне есть заключительная реплика, то нормально для типов 1—3, чтобы НТЗ совпадал с автором реплики (исключения — например, басня «Два жука» (84), где заключительная реплика принадлежит первому жуку, который, однако, явно не НТЗ, так как мораль его осуждает, или басня «Гадюка и водяная змея» (90), где в таком же положении лягушки, — достаточно редки). Тип 4 выделяется с наибольшей определенностью в тех случаях, когда мораль трактует заключительную реплику как свободное действие, как это имеет место, например, в басне «Волк и цапля» (156), где волк осуждается именно за свою заключительную фразу.

Для современного читателя имеются определенные ограничения относительно того, на какие точки зрения он в состоянии встать при изложении события. Можно сформулировать, в частности, следующие ограничения:

а) читатель неохотно принимает точку зрения заведомо неосведомленного лица, т. е. лица, которое не понимает подлинного смысла происходящего (некомпетентный НТЗ);

б) читатель неохотно принимает точку зрения того лица, которое (или версия которого) имеет целью преднамеренный обман другого лица или издевательство (коварный НТЗ);

в) читатель неохотно принимает точку зрения лица, которое совершает поступки, противоречащие его (читателя) моральным принципам (аморальный НТЗ);

г) читатель неохотно принимает точку зрения персонажа, осужденного рассказом — в заключительной реплике или в заключительном действии (осужденный НТЗ).

Таким образом, по современным представлениям, если в морали воспроизводится версия событий, представляющая такому «неполноценному» персонажу, то сам этот персонаж должен быть тематическим (т. е. должен быть объектом морали, а не ее автором), — так, как это имеет место, например, в басне «Волк и цапля» (156). Анализ басен Эзопа показывает, однако, что в них эти ограничения не действуют. Ниже приводятся примеры моралей, основанных на версии событий, принадлежащей некомпетентному, коварному, аморальному или осужденному носителю точки зрения.

Носитель точки зрения некомпетентен:

(27) «Лисица и маска». Лисица по своему незнанию назначения маски считает, что это красивая голова, в которой странным для нее образом нет мозга. Однако мораль отражает точку зрения лисицы: *Басня относится к человеку, который телом величествен, а душой неразумен.*

(35) «Человек и сатир». Сатир осуждает человека за то, что тот дует на руки, чтобы их согреть, и на еду, чтобы ее охладить, называя его двуличным: у него, мол, из одних и тех же губ идет тепло и холод. Хотя, по нашим представлениям, сатир не прав, тем не менее именно его точка зрения отражена в морали: *Так и мы должны остерегаться дружить тех, кто ведет себя двулично.*

(158) «Волк и старуха». Мы понимаем, что старуха, которая пугает ребенка присказкой: «Перестань, а то отдам тебя волку!», говорит это заведомо не всерьез, а волк по неведению принимает ее слова за правду. Между тем мораль отражает точку зрения волка: *Эта басня относится к людям, у которых слово расходится с делом.*

Носитель точки зрения коварен:

(11) «Рыбак». Рыбак обвиняет рыб, пойманных им и выброшенных на берег, в том, что они пляшут, когда он уже перестал играть. Это явное издевательство, поскольку рыбы пляшут не по своей воле. Мораль, однако, как бы не замечает того, что слова рыбака — издевательство: *Басня относится к тем, кто делает все невпопад.*

(24) «Растолстевшая лисица». Советчица говорит лисице, которая объелась хлебом, спрятанным в дупле, и не может вылезти из дупла: «Придется тебе сидеть здесь, пока не станешь такой, как вошла».

Этот совет издевательский: пока лисица будет худеть, пастухи придут за своим хлебом и убьют ее. Однако мораль на стороне советчицы: *Трудные обстоятельства со временем сами собой делаются легче.*

(54) «Улитки». Эта басня почти повторяет басню (11).

(189) «Осел и лягушки». Осел стонет, потому что свалился в болото. А лягушки упрекают его за жалобы, говоря, что они сидят в болоте гораздо дольше, чем он, и то молчат. Этот упрек издевательский, так как лягушкам вовсе не плохо в болоте. Мораль, однако, соответствует издевательской версии лягушек: *Эту басню можно применить к человеку малодушному, который падает духом от самых малых неприятностей, между тем как другие спокойно выносят и более тяжёлые.*

Носитель точки зрения аморален:

(4) «Соловей и ястреб». Ястреб — хищник, угнетатель, и, если он поймал соловья, это не значит, что он владеет им по праву. Однако мораль гласит: *Нет глупее тех людей, которые в надежде на большее бросают то, что имеют.*

Носитель точки зрения осужден:

(100) «Зевс, Прометей, Афина и Мом». Про Мома с самого начала говорится, что он оговаривает творения Зевса, Прометея и Афины из зависти. Больше того, за клевету Зевс выгоняет его с Олимпа. Тем не менее мораль отражает точку зрения Мома: *Нет ничего столь совершенного, чтобы быть свободным от всяких упреков.*

(106) «Зевс и черепаха». Черепаху за то, что она слишком ценит свой дом, Зевс наказывает; поэтому читателя ставит в тупик сохранение черепахи в качестве носителя точки зрения в морали: *Так многим людям приятнее жить скромно у себя, чем богато у чужих.*

Итак, мы можем заключить, что для построения краткого пересказа необходимо найти в басенном рассказе следующие три элемента: носителя точки зрения, тематический персонаж, свободное действие тематического персонажа. Поскольку каждый из этих элементов не обязательно единствен, переход от рассказа к краткому пересказу существенно неоднозначен. Можно выделить лишь один простой частный случай, когда внутри рассказа есть осмысление его содержания в виде заключительной реплики одного из действующих лиц. В этом случае — при условии, что принимается точка зрения автора этой реплики, — получение краткого пересказа сводится к переводу прямой речи в косвенную и элиминированию местоимений. Так, конец басни «Потерпевший кораблекрушение» (30) таков: *Один из товарищей по несчастью сказал богатому афинянину: «Афине молись, да и сам шевелись».* Краткий пересказ: *Один из товарищей по несчастью сказал богатому афинянину, что ему следует не только молиться Афине, но и самому о себе заботиться (мораль: Так и нам следует не только молиться богам, но и самим о себе заботиться).*

§ 5. ИЗВЛЕЧЕНИЕ ОЦЕНКИ

Источниками моральной оценки внутри басенного рассказа могут быть:

а) Заключительная реплика или заключительное действие. Так, в басне «Лисица и дровосек» (22) осуждение дровосека подкрепляется тем, что его ругает лисица; в басне «Ласка и Афродита» (50) осуждение ласки происходит из-за того, что на нее рассердилась Афродита; в басне «Оратор Демад» (63) осуждение народа согласовано с тем, что на него гневается Деметра.

б) Развитие басенного сюжета и простые аксиомы типа: *Достиг цели — хорошо, не достиг — плохо; Взял — хорошо, отдал — плохо; Благодарность, дружба — хорошо, смерть, опасность — плохо*. Так, в басне «Дуб и тростник» (70) дуб не достиг цели и погиб, поэтому он осуждается; в басне «Волк и коза» (157) коза разгадала хитрость волка и спаслась от смерти, она восхваляется.

Однако есть басни, в которых моральная оценка противоречит развитию сюжета или заключительной реплике. Так, в басне «Лев и лягушка» (141) в глупом положении оказывается лев, который принял лягушку за большого зверя и испугался и в своей заключительной реплике осуждает себя; мораль, однако, осуждает лягушку. В басне «Два жука» (84) заключительная реплика оправдывает первого жука, а мораль его осуждает.

Во многих баснях оценка в морали соответствует заключительной реплике, но сама реплика кажется необоснованной. Это в особенности касается басен, где автор заключительной реплики — тематический персонаж, восхваляющий сам себя; ср. басни «Петухи и куропатка» (23), «Лиса и барс» (12).

Возникает парадоксальная ситуация: притом что басня — это рассказ, «сочиняемый с целью поучения и пользы», по Афтонию (см. [5]), способ извлечения моральной оценки — это наиболее слабый пункт в соотношении басни с ее моралью. Следствием беспристрастности басни Эзопа (риторическая басня не предназначена для «возбуждения душевного волнения») является то, что читатель, по крайней мере современный, фактически не в состоянии вынести моральную оценку героев из рассказа, так что оценка во многих случаях произвольна.

Существенным фактором здесь является полное отсутствие стилистической характеристики персонажей. Ср., например, басню Эзопа «Лев и осел» (151) и басню Федра 1.11 «Осел и лев на охоте». Федр готовит читателя к тому, чтобы тот встал на точку зрения льва, эпитетом *заносчивый*, применяемым к ослу, словесной характеристикой осла, выдающей его хвастливость, и пр.; в отличие от Эзопа, который осуждает осла без всякой подготовки.

То, что возможность менять точки зрения для автора эзоповского сборника важнее, чем обоснованность оценки, проявляется и в отсутствии постоянства оценок у одноименных персонажей в разных баснях, даже у таких характерных, как волк или осел; ср. [20,

с. 141]: «Персонажи одной басни не имеют никакой связи с одноименными персонажами в другой».

По-видимому, непредсказуемость «точки зрения в плане оценки» [17] внутренне связана с отмеченной ранее произвольностью выбора «точки зрения в плане психологии».

Едва ли можно поверить в то, что неестественные соотношения морали с рассказом в баснях Эзопа — это просто оплошность, как, видимо, склонен думать Лессинг и вслед за ним Выготский, который из всего множества эзоповских басен со странной моралью рассматривает одну только басню «Человек и сатир» (35), не учитывая того, что эта басня вовсе не единична по своему устройству, а имеет массу себе подобных.

Мораль, отражающая точку зрения некомпетентного, коварного, аморального или осуждаемого персонажа, встречается не только в тех баснях, где мораль как бы побочна (как, например, в басне «Зевс и черепаха» (106), которая принадлежит к числу этиологий). Наоборот, основную часть басен со странной моралью составляют такие, которые без своей странной морали вообще лишаются смысла, как басня «Лисица и маска» (27). Морали, отражающие точку зрения скомпрометированного персонажа, встречаются не в каких-либо периферийных, случайных баснях, а как раз в таких, для которых засвидетельствовано их использование в современной им литературе и жизни; ср. использование басни «Рыбак» (11) Киром, описанное у Геродота, или использование басни «Соловей и ястреб» (4) у Гесиода (см. [5]), притом именно с тем идейным содержанием, которое отражено в морали.

Используя критерий Выготского [3], который ставит в один ряд такие явления, создающие художественный эффект, как отступление слов от их естественного порядка, объединение звуков в мелодию, отступление сюжета от естественной последовательности событий («Эта кривая линия. . . и будет кривой художественной формы»), можно добавить в тот же ряд и отступление морали от естественного семантического соответствия с басней.

Выготский полагает, что в поэтической басне аномальная мораль — это проявление сказового начала, состоящее во включении в текст носителя иной точки зрения. Проведенный анализ показывает, однако, что непоэтической, по оценке Выготского, эзоповской басне игра на точках зрения свойственна, пожалуй, даже в еще большей мере, чем поэтической басне. Для нынешнего читателя басни Эзопа с их смещением точек зрения вступают в прямую связь с современными жанрами литературы — вроде пьесы Тома Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн», где заглавные действующие лица являются основными героями, а Гамлет — статистом.

Интересно, что последующая обработка эзоповских басен со странной моралью часто была направлена на то, чтобы устранить

возникающий эффект. Так, в басне «Лиса и маска» у Лессинга приняты специальные меры для того, чтобы устранить возможное подозрение читателя о том, что суждения лисы о маске вызваны ее некомпетентностью: — *Вот так голова! — промолвила лиса, разглядывая ее. — Без мозга и с открытым ртом! Не была ли она головой болтуна? Эта лисица знала вас, неумолчные ораторы и т. д.* Федр сохраняет в басне «Лиса и маска» (1.7) соотношение рассказа и морали в точности эзоповское, т. е., с нашей точки зрения, странное. Однако во многих других античных обработках басен Эзопа игра на точках зрения пропадает. Ср. басню Эзопа (158) и басню Бабрия «Волк и старуха» (16), где волк сознает свою глупость: *... на беду поверил я бабам*; басню Эзопа (11) и басню Бабрия «Рыбак, играющий на дудке» (9): *Не ожидай, что без труда придет прибыль; зато, когда добудешь то, чего хочешь, тогда уж смейся и шути волю* (выявлена издевка!); басню Эзопа (100) и басню Бабрия «Зевс, Посейдон, Афина и Мом» (59): *... не старайся ублажить зависть, а делай то, что кажется тебе нужным*. В басне Крылова «Рыбья пляска» имеется тот же мотив пляшущих рыб, что в эзоповской басне «Рыбак» (11); однако версия мужика о том, что рыбы пляшут от радости, здесь предназначена только для льва, которого мужик водит за нос, а не для читателя.

К более комическим примерам исправлений, направленных на отказ от скомпрометированных носителей точки зрения, относится пример, приводимый Выготским [3, с. 147]: басня «Стрекоза и муравей» в обработке А. Е. Измайлова кончается словами: «Но это только в поученье ей муравей сказал. А сам на прокормление из жалости ей хлеба дал».

§ 6. БАСНЯ И ПОСЛОВИЦА

То, что басня несет в себе в качестве своей части свой собственный смысл (сформулированный эксплицитно в виде морали), составляет лишь одну из уникальных семиотических особенностей басни как разновидности текста. Другая незаурядная семиотическая особенность басни состоит в том, что басня как целое является единым знаком, имеющим закрепленный «ситуативный экстенционал» — класс внеязыковых ситуаций, где данная басня может быть уместным образом применена, т. е. рассказана или напомнима к месту. Как говорит Потебня, басня является «постоянным сказуемым к переменчивым подлежащим, взятым из области человеческой жизни» [14, с. 11].

Наличие ситуативного экстенционала сближает басню с пословицей: пословица, как и басня, с одной стороны, представляет собой текст (т. е. произведение речи), а с другой стороны, имеет употребление, которое в данном языковом коллективе фиксировано в целом (т. е. как бы принадлежит языку): оно более или менее едино для всех членов коллектива, не будучи при этом вполне мотивировано внутренней структурой текста.

Ниже мы рассмотрим одну разновидность пословиц (своего рода метапословицы, где одна пословица вставлена в другую), темой — или по крайней мере *point*'ом — которых служит аномальное соотношение между текстом вставленной пословицы или изречения и внеязыковой ситуацией, в которой они были применены. Аномалия такого типа представляет интересную аналогию отмеченному выше аномальному соотношению между басней и моралью.

У басни закрепление области ее применения, т. е. фиксирование денотативных рамок, иногда производится с помощью самого ее текста: указание денотативных рамок может подменять собой мораль, ср. приводившиеся в § 2.2 морали, включающие слова *басня относится, осуждает, обличает, направлена против, применима против, басню можно применить* и т. д., например: *Басня относится к человеку, который телом величествен, а душой неразумен* («Лисица и маска» (27)).

В пословице в отличие от басни область ее применимости эксплицитно не указана (и в этом смысле пословица подобна обычным единицам языка, например слову или предложению). Однако можно утверждать, что знание человеком пословицы, даже в случае пословиц высокой степени метафоричности¹², включает в себя знание области ее законных употреблений в применении к ситуациям действительности. Разумеется, применение пословицы в конкретной ситуации — это в общем случае творческий процесс: применение может быть тривиальным, а может быть неожиданным, остроумным, метким или проницательным. Однако это не отличает принципиальным образом пословицу от слова. Важно то, что денотативный потенциал пословицы не выводится однозначно из общих семантических законов переносного употребления слов и абстрагирования от конкретных признаков объектов, а является для каждой данной пословицы специальным образом фиксированным. Иначе говоря, семантическая неопределенность текста пословицы, взятого самого по себе (т. е. если про данный текст известно только то, что он — пословица и должен пониматься метафорически), существенно преодолевается в узусе — в практике употребления этого текста в общении: знание данной пословицы включает в себя знание пределов и направленности ее метафорических средств, которые определяют ее денотативный потенциал. Только это знание спасает человека от неуместного употребления пословиц чужого языка, которое ставит его в дурацкое положение, что неоднократно служило объектом обыгрывания в комических жанрах литературы.

Например, русская поговорка *Скатертью дорожка* могла бы, вообще говоря, если исходить только из ее смысла, закрепленного в тексте, применяться как радостное приветствие (т. е. *дорожка* = «дорожка к говорящему») или как благожелательное напутствие (т. е. *дорожка* = «дорожка к цели, которую поставил себе идущий»); между тем единственное законное ее применение — с отрицательной оценкой (потому что *дорожка* = «дорожка прочь от говорящего»).

Не мотивированное языковым смыслом сужение денотативного потенциала пословицы касается прежде всего оценки упоминаемого явления. Так, пословица *Под лежащий камень вода не течет* понимается со значением 'и это плохо', хотя подтекание воды под человека (поскольку *лежащий камень* — это, разумеется, человек), да даже и под камень, само по себе не представляет собой ничего хорошего. Пословица *Яблоко от яблони недалеко падает* употребляется всегда со значением отрицательной оценки (оба сближаемых между собой объекта плохие), в то время как в пословице *Каков поп, таков и приход* такой априорной отрицательной оценки нет. И в том и в другом случае знание о наличии/отсутствии оценочного компонента входит в знание пословицы.

По свидетельству Дж. Милнера [19], противоположные в аксиологическом плане значения пословицы *Rolling stone gathers no moth* — а) 'скиталец не наживает себе состояния'; б) 'человек, постоянно активный и ищущий, не зарастает духовным мхом' — соответствуют вариантам, распространенным на разной территории: версия а) — английская, версия б) — шотландская (см. об этом также [10]). Действительно, если судить по материалам русского языка, то каждая пословица стремится к аксиологической однозначности (что не противоречит наличию пословиц с противоположной оценкой одних и тех же явлений, как и пословиц с противоположным смыслом, что было отмечено Г. Л. Пермяковым [13]).

Сужение исходной общесемантической неопределенности, достигаемое в реальном употреблении пословицы, касается не только оценки, но и общего направления, по которому идет метафорическое переосмысление слов в ее тексте. Так, французская пословица *À bon chat bon rat* — букв. «На хорошую кошку — хорошая крыса», если исходить из одной лишь семантики слов, вполне могла бы пониматься в значении 'На ловца и зверь бежит'. Между тем правильное ее употребление — только в значении 'Нашла коса на камень'.

Для правильного применения русской пословицы *Ночная кукушка дневную перекукует* нужно знать, что *ночная кукушка* — это только жена (см. [7]), и никакие другие метафорические применения этой пословицы не будут признаны соответствующими ее смыслу.

Интересный разбор приводит А. А. Крикманн [10] для эстонской пословицы *Tähi kott ei seisa püsti* с буквальным значением 'Пустой мешок не стоит (прямо)', которая не применяется, как это было бы естественно по общим правилам метафорических переносов в пословицах, к глупому человеку, а имеет в качестве основного понимание 'Голодный потеряет работоспособность' или 'Голодное (домашнее) животное потеряет работоспособность (продуктивность)'.

В этой связи представляет интерес разновидность пословиц, которые А. Тейлор [22] называет в е л е р и з м а м и, поскольку пословицами этой разновидности пересыпана речь диккенсовского Сэма Уэллера (хотя сами пословицы такого рода известны со времен античности в языковых традициях самых разных стран Европы).

Велеризм состоит из высказывания и указания ситуации, в которой это высказывание было сделано. Указание может включать уточнение говорящего лица или упоминаемого объекта или же описывать общую обстановку или сопровождающее действие; в любом случае это уточнение денотативного контекста высказывания. Важно, однако, что комментарий не просто уточняет какие-то детали ситуативного контекста высказывания, а уточняет их таким образом, что обнаруживается противоречие между данным контекстом и тем, который мог бы считаться для данного высказывания уместным: «Существенной для велеризма является несообразность сочетания здравого суждения с совершенно неподходящей для него ситуацией» [21, с. 217]. Примеры: *«I see», — said the blind man* («Посмотрим», — сказал слепой); *«The week is beginning well», said one who was to be hanged on Monday* («Ничего себе начинается неделя», — сказал человек, которого должны были повесить в понедельник); *«Prau, good folk, let us not step on each other», said the cock to the horse* («Пожалуйста, добрые люди, не будем наступать друг на друга», — сказал петух лошади).

Как отмечает Тейлор, в велеризмах, которые имеют широкое распространение, цитируемая реплика представляет собой устойчивое выражение или, часто, поговорку (см. [22, с. 109]); так, английское *I see* означает не столько *Видю*, сколько *‘Понимаю’*, т. е. имеет фразеологизованное значение.

Примеры велеризмов, в которых вставленная ремарка — поговорка (велеризмы английские, по Тейлору [21]; приводятся в переводе): *«Ошибатся свойственно человеку», — сказала хозяйка, насыпая перец в кофе; «У каждого свой вкус», — сказал фермер и поцеловал корову; «Все хорошо, что хорошо кончается», — сказал павлин, взглянув на свой хвост; «Что-то лучше, чем ничего», — сказал волк, проглотив <нечаянно> вошь; «Подобное стремится к подобному», — сказал дьявол шахтеру. Ср. также датскую поговорку [22, с. 108]: *Man må se med sine egne øjne, sagte den blinde mand* («На всё надо смотреть своими собственными глазами», — сказал слепой).*

Интересно, что во многих случаях несообразность сочетания ремарки с контекстом проистекает из того, что контекст лишает ремарку того метафорического смысла, который она, как правило, имеет сама по себе, а эксплуатирует ее исходный тривиальный смысл (так, выражение *смотреть своими глазами* означает *‘иметь собственную точку зрения’*, но в контексте происходит обращение к исходному конкретному смыслу его слов; слово *конец* в составе поговорки имеет переносное употребление в применении к абстрактным объектам, а здесь *конец павлина* — это его хвост).

Многие велеризмы построены на том, что одно из слов вставленной реплики приобретает в специальном контексте неожиданный денотат: *«Вот хорошие манжеты», — сказал вор про свои наручники; «All the women we need are inside», said the bridegroom and closed the door on the bride; «Nos poma natamus»* <мы, яблоки, плывем>, —

сказали лошадиные яблоки и поплыли вместе с яблоками вниз по реке; «I punish my wife with good words», said the peasant and threw the Bible at her head; «Дураку бог поможет», — сказал Педли.

Для понимания последнего примера важно знать, что Педли — королевский шут, так что слово *дурак* не имеет обычного для поговорки обобщающего значения, а относится к самому говорящему. В пословице «*Every little helps*», said Mr. Little and took the six little Littles out to help him saw a pile of wood («*Всякая малость может быть в помощь*», — сказал м-р Малость и вывел шесть маленьких Малостей, чтобы они помогли ему распилить дрова) денотативный сдвиг доходит уже до каламбура.

Ясно, что центром внимания в велеризме является именно указанного рода несоответствие между обычным значением пословицы или фразеологизма и тем применением, которое они приобретают в контексте. Тем самым вставленная пословица теряет свое исходное содержание, становясь иллюстрацией лишь к растяжимости смысла слов. Отсюда — тот факт, что велеризм свойственно отсутствие назидательной морали, т. е. дидактики в полном смысле слова. В каком-то смысле велеризм действительно является извращением пословицы (как считал Мартин Лютер, см. [21, с. 206]).

То, что центр тяжести в велеризме переносится на сам факт смыслового несоответствия, подтверждается тем, что из велеризма легко получают обычные поговорки, построенные на семантическом противоречии (типа *стриженная бевка косы не заплетет*), ср. у Тейлора в статье, специально посвященной велеризму о видящем слепом [22], примеры: «*I see*», said the blind man who couldn't talk; «*I see*», said the blind man as he threw away his glasses или рассказ о том, как слепой увидел кролика, а голый положил его себе в карман.

Из сказанного ясно, что игра на несоответствиях между составляющими семиотического треугольника свойственна паремиям разных видов и может служить аргументом в пользу предположения о том, что несоответствие между текстом и моралью в баснях имеет осознанный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее имеется в виду собрание басен Эзопа в кн.: Басни Эзопа. Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1968. Нумерация басен дается по этому же изданию. Рассматриваются «Басни основного эзоповского сборника» и «Басни из отдельных рукописей эзоповского сборника». Текст басен не приводится.

² Здесь и далее используется издание: Фед р, Б а б р и й. Басни. Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1962.

³ Ср. понятие темы художественного произведения как «гипотетической фигуры», существование которой определяется ее закономерными соответствиями с наблюдаемыми элементами текста [15].

⁴ Многие морали начинаются стандартным оборотом *Басня показывает, что...* Здесь и иногда далее в приводимых примерах этот оборот для краткости отбрасывается.

⁵ Стрелка ↔ — знак синонимии.

⁶ Понятию главного персонажа басенного рассказа можно, видимо, дать

формальное определение: это персонаж, который фигурирует во всем рассказе, а не в какой-то его части и является наиболее активным. Разумеется, в басне может быть два или несколько персонажей одинаково главных, ср., например, басню «Лев и крестьянин» (140).

⁷ Слово «действие» следует, разумеется, понимать достаточно широко. Так, свободным действием часто является пара поступков, а не один, ср. басни (72), (132), (226).

⁸ Стрелка (→) — знак преобразования.

⁹ О роли такого рода преобразований в структуре связного текста см. [15].

¹⁰ Здесь и ниже для простоты сопоставления с басней примеры строятся таким образом, что стрелка (→) соответствует не только данному преобразованию, но и преобразованию П.г — замены тематического имени на слово *человек*.

¹¹ Понятию точки зрения и его роли в художественном произведении посвящена книга Б. Успенского [17]. Из различных «планов рассмотрения», выделяемых в [17], — точка зрения в плане оценки, в плане фразеологии, в плане пространственно-временной характеристики и в плане психологии — здесь имеется в виду последний.

¹² Ср. разбор Г. Л. Пермяковым [13, с. 31] пословицы *Одна ласточка не делает весны*, для которой законным является применение в значении 'Снижение цен на какой-то товар не означает общего повышения жизненного уровня', 'Отдельный признак явления не позволяет говорить о том, что явление имеет место', 'Один выигранный бой не знаменует победы в войне' и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексические антонимы и преобразования с ними. — Проблемы структурной лингвистики, 1972. М., 1973.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
3. Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968.
4. Гаспаров М. Л. Сюжет и идеология в эзоповских баснях. — «Вестник древней истории». 1968, № 3.
5. Гаспаров М. Л. Комментарии. — Басни Эзопа. М., 1968.
6. Гаспаров М. Л. Античная литературная басня. М., 1971.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1955.
8. Здоровов Ю. А. К вопросу о связности текста. — «Ученые записки Тартуского государственного университета». Вып. 308, 1973.
9. Иванов Вяч. Вс. Комментарий. — Л. С. Выготский. Психология искусства. М., 1968.
10. Крикманн А. А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы. — Паремнологический сборник. Пословица, загадка (Структура, -смысл, текст). М., 1978.
11. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике. — «Ученые записки Тартуского государственного университета». Вып. 109, 1964.
12. Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8 (Работы сотрудников лаборатории машинного перевода 1 МГПИИЯ). М., 1964.
13. Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1970.
14. Потемнян А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1894.
15. Предварительные публикации Проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике ИРЯ АН СССР. Вып. 22. М., 1971.
16. Успенский Б. А. О семантике искусства. — Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. М., 1962.
17. Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970.
18. Черч А. Введение в математическую логику. М., 1960.
19. Milner G. V. Quadripartite Structures. — «Proverbium». № 14, 1969.
20. Nøjgaard M. La fable antique. København, 1964, vol. 1.
21. Taylor A. The Proverb. Hatboro, 1962.
22. Taylor A. The Use of Proper Names in Wellerisms and Folk Tales. — A. Taylor. Selected Writings on Proverbs. Helsinki, 1975.

О СЕМИОТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ МАЛЫХ ФОРМ

(И. И. Р е в з и н. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977, гл. 6. «Некоторые направления семиотических исследований», с. 210—212).

6.1.3.1. Пионером семиотического изучения «малых форм», несомненно, следует считать В. Я. Проппа, основополагающая работа которого вышла еще в 1928 г. (Пропп, 1928), задолго до работ Леви-Стросса на Западе, и была недавно переиздана (Пропп, 1969), как бы переживая свое второе рождение.

В. Я. Пропп выдвигает в качестве основного структурного принципа определенную последовательность так называемых «функций» из некоторого фиксированного словаря, содержащего 31 элемент. Примеры функций: *e* — отлучка; *b* — запрет; *b* — нарушение; *e* — выведывание; *w* — выдача; *z* — подвох; *g* — пособничество; *A* — вредительство; *a* — недостача; *B* — посредничество и т. п. Не все функции встречаются в каждой сказке, но порядок их строго определен, поэтому комбинаторика их вполне может быть описана в формализованной модели.

Эта работа не только наметила путь формального изучения сюжетов, но и подсказала способы для описания типичных ситуаций в языке через фиксацию перифрастических смыслов (автор считает несомненной генетическую связь между схемой Проппа и теорией семантического синтеза, ср. 5.1.0.).

Многие авторы стали объединять пропповский анализ с методологией Леви-Стросса, вырабатывая при этом и собственный подход к парадигматике (Мелетинский и др., 1969).

6.1.3.2. Наиболее интересным с лингвистической и общесемиотической точки зрения оказалось здесь то, что удалось построить дихотомическую систему бинарных семантических противопоставлений, во многом напоминающую фонологическую систему, значение которой для развития собственно лингвистической семантики трудно переоценить. Так, Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров детально исследовали отражение в славянском фольклоре и мифологии следующих противопоставлений:

I: 1) счастье—несчастье, 2) жизнь—смерть, 3) чет—нечет.

II: 1) правый—левый, 2) верх—них, 3) небо—земля и земля—преисподняя, 4) юг—север, восток—запад, море—суша.

III: 1) день—ночь, 2) весна—зима, 3) солнце—луна, 4) светлый—

темный (белый—черный, красный—черный), 5) огонь—влага, 6) земля—вода.

IV: 1) свой—чужой, 2) близкий—далекий, 3) дом—лес, 4) мужской—женский, 5) старший—младший, 6) главный—неглавный, 7) предки—потомки, 8) сакральный—мирской (Иванов, Топоров, 1965).

Важно, что отдельные противопоставления оказываются многократно связанными между собой, часто переходят друг в друга.

В табл. 14 даются некоторые связи (выписывается лишь первый член).

Таблица 14

Понятие	счастье	жизнь	правый	верх	небо	день	весна	солнце	свет- лый	муж- ской
счастье	×	+	+	+	+	+	+	+	+	
жизнь	+	×	+	+	+	+	+	+	+	
правый	+	+	×	+	+					+
верх	+	+	+	×	+					
небо	+		+	+	×					
день	+	+			+	+			+	+
весна	+	+			+	+	×			
солнце	+	+			+	+		×		
светлый	+	+				+			×	
мужской			+			+				×

В работе Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова прослеживается и ряд других связей. Если синтагматический анализ позволял вскрыть внутреннюю логику фольклора, то связи между признаками позволяют зафиксировать определенную модель мира (ср. важность связи между противопоставлениями добрый—злой, красивый—некрасивый, истинный—ложный в европейской модели мира, в особенности после эпохи Возрождения, и полное разделение их в некоторых других культурах). Наконец, в ряде исследований Вяч. Вс. Иванова (ср. Иванов, 1968) было показано, что подобные противопоставления построены, как и в фонологии, асимметрично, с выделением маркированного и немаркированного членов. Это позволяет надеяться, что какой-то формальный аппарат может быть перенесен из фонологии в семантику. С другой стороны, общесемиотические различия, введенные в 2.1, оказываются здесь столь же полезными, как, скажем, при анализе стихотворения Рильке. В этом отношении интересны работы Г. Л. Пермякова, посвященные анализу пословиц и поговорок (Пермяков, 1968).

6.1.3.3. Г. Пермяков разработал способ анализа, позволяющий представить каждую пословицу и поговорку в виде весьма общего высказывания (мы несколько изменяем способ записи), например:

1) если вещь обладает одним свойством, то она обладает и другим, в символической записи: $P(x) \rightarrow Q(x)$; примеры: *Короткому*

не быть длинным (чувашское); Лошадь никогда не может стать ослом (хинди); С угля черноту не смоешь (бенгальское); Алоэ сладким не сделать (суахили);

2) если имеется явление X , то имеется явление Y , в символической записи: $X \rightarrow Y$, примеры: Молния сверкнула — быть грому (корейское); Без огня нет и дыма (индонезийское); Без ветра деревья не качаются (уйгурское);

3) если какая-либо вещь x зависит от другой вещи y и y обладает свойством P , то x обладает свойством P , в символической записи: $[(y - x) \& P(y)] \rightarrow P(x)$, примеры: Будет хороший товар, будет хороша и обувь (даргинское); Если отец — лев, то и сын — львенок (вьетнамское); Из кривого дымохода и дым кривой (узбекское); Какова змея, таковы и змееныши (хинди);

4) если вещь x обладает каким-нибудь (положительным) свойством P , а вещь y не обладает этим свойством, то x лучше y , в символической записи: $P(x) \& \overline{P(y)} \rightarrow (x > y)$ — где $>$ — отношение «лучше», примеры: Близкая солома лучше далекого ячменя (татарское); Сегодняшнее яйцо лучше завтрашней курицы (турецкое); Живая кляча лучше мертвого рысака (японское). Г. Л. Пермяков показывает, что к тем или иным трансформациям этих схем можно свести все пословицы и поговорки.

Общесемиотический интерес этого исследования в том, что здесь все пословицы в пределах одной группы могут считаться имеющими один перифрастический смысл (разумеется, на уровне естественного языка здесь нельзя говорить о перифразах). Категориальный смысл разных пословиц в пределах одной группы различен. Для отражения его Пермяков разбирают все пословицы по логико-тематическим группам, исследуя их обобщенную семантику (любопытно, что некоторые противопоставления, например «свое» и «чужое», близки к тем, которые выделяются в работе В. В. Иванова и В. Н. Топорова).

При этом Пермяков наглядно выявил тот любопытный факт, что очень многие пословицы и поговорки прямо противоположны друг другу по смыслу; например, оказывается, что в пределах одного языка (в последующих примерах японского) существуют такие пословицы и поговорки: Жена да циновка, чем свежее, тем лучше; Жена да кастрюля, чем старее, тем лучше; Сколько ни шлифуй черепицу, драгоценным камнем не станет; Если отполировать, то и черепица станет драгоценным камнем.

Часто противоположность изречений становится очевидной лишь при выявлении общности их логической структуры и логико-семантического класса. Ср.: а) Чужой огонь холоднее снега (пушту); б) Чужой осел кажется сильнее своего (пушту), где по типу 4) и по обобщенной семантике мы имеем высказывания: а) свое лучше чужого и б) свое хуже чужого.

Автор объясняет это тем обстоятельством, что каждый проверб является знаком, ярлыком определенной ситуации, а поскольку

в жизни встречаются весьма разнообразные, в том числе и противоположные, ситуации, то знаки ситуаций повторяют эти особенности. Представляется, что обнаруженный Пермяковым факт может получить и другое, более глубокое истолкование. Поговорки в силу своей афористичности легко передаются и, как таковые, могут служить формой хранения основных схем логического вывода. При этом семантическое наполнение схемы может играть второстепенную роль, наоборот, наличие семантически противоположных высказываний в рамках одной логической схемы лишь подчеркивает саму структуру схемы, которая тем легче запоминается. Здесь на первый план выдвигается перифрастический смысл. Наоборот, при конкретном применении к конкретной ситуации становится существенным категориальный смысл.

Исследование Пермякова находится непосредственно на границе поэтики и лингвистики, ибо, с одной стороны, изучаются законченные произведения фольклора, а с другой — мы имеем дело с фразеологией естественного языка. Но и в других работах данного направления анализ поэтической (в данном случае фольклорной) проблематики обогащает собственно лингвистический анализ. В самом деле, проведенный учеными указанного направления анализ семантики фольклора показал необычайную устойчивость как семантических, так и синтаксических связей, устойчивость, которая и позволяет зафиксировать их в четких формализованных схемах. Близкая устойчивость свойственна и семантике обычного разговорного языка. В связи с этим из огромного богатства грамматически возможных фраз фактически реализуется лишь минимальное число. Возможность реализации остальных остается и часто осуществляется в поэзии. Поэтому именно анализ поэтического языка позволяет по-иному подойти к проблеме грамматической правильности и ее соотношения с нормой.

ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ПОСЛОВИЦАХ РАЗНЫХ НАРОДОВ

(Б. Н. П у т л о в. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976, гл. 3. «Проблемы исторической типологии жанров», с. 109—114)

Современные проблемы фольклорных взаимоотношений на материале латышских и эстонских пословиц ставит Э. Кокаре (К о к а р е Э. О своеобразии и сходстве латышских и эстонских пословиц. — Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов. Рига, 1970). Она рассматривает обширный круг тематических параллелей, специально выделяя относительно небольшое число идентичных пословиц. Общность здесь, по мнению автора, трудно возводить к единому источнику либо объяснять контактами. Эти последние были осложнены тем, что «латышский и эстонский языки принадлежат к разным семьям, и, по-видимому, основной фонд пословиц каждого из наро-

дов — носителей этих языков сформировался самостоятельно» (там же, с. 87).

Есть, однако, особые случаи, когда «в основе общих для обоих народов пословиц лежит аллегорическая форма выражения мысли, причем одинаковые образы и композиции побуждают искать более глубокие причины сходства» (там же, с. 99).

Идентичные произведения «большой частью обнаруживаются среди паремий интернационального типа» (там же, с. 102). Латышские и эстонские пословицы в ряде случаев «принадлежат к популярным интернациональным типам в качестве их национальных вариантов и синонимов. . .

Проблемы, возникающие при изучении пословиц этой группы, — справедливо заключает Э. Кокаре, — выходят за рамки констатации взаимных влияний фольклора нескольких народов. Их решение требует глубокого исследования взаимосвязей между философским и эстетическим мышлением народа и принципами создания поэтических образов» (там же, с. 106—107).

Добавим к этому важность изучения языковой природы пословичных изречений. Недавний опыт такого изучения, осуществленный Г. Пермяковым, принес значительные результаты (Пермяков Г. Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М., 1968).

Понимание пословиц и поговорок как «знаков определенных ситуаций или определенных отношений между вещами» и в свете этого перенос центра тяжести с «внешней образности» выражений на «суть передаваемой ими жизненной (или мыслимой) ситуации» (там же, с. 26) в принципе меняют наши представления о характере и природе общности и различий в области паремиологии.

Изучение материала по логико-тематическим группам привело к открытию такой важной особенности, как возможность выражения одной и той же мысли (ситуации) «большим числом разных, хотя и вполне определенных логических форм» (там же, с. 32).

«Подобное варьирование близких по смыслу и образам пословиц и поговорок оказалось свойственным всем без исключения языкам, с которыми мы имели дело, причем у каждого народа в точности повторялись все детали варьирования» (там же).

Опыт распределения Г. Пермяковым пословиц разных народов согласно структурной (языковой) классификации и по логико-семиотическим инвариантам и логико-тематическим группам выразительно характеризует единство этого материала, основанное на закономерностях типологии и структуры языка и паремиологического творчества (см. также: Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М., 1970).

В другой работе Э. Кокаре в результате анализа нескольких структурно-семантических типов пословиц делается вывод: «В основе происхождения адекватных пословиц лежит преимущественно сходство закономерностей мышления, основных принципов возникнове-

ния образов. . . Одинаковые условия, явления, события у разных народов определили одинаковое отношение к ним» (К о к а р е Э. Параллели в латышских, литовских и русских пословицах и поговорках. — Фольклор балтских народов. Рига, 1968, с. 250—251).

«Сравнительно ничтожно число тех произведений, которые можно считать общим достоянием индоевропейских или балто-славянских народов. Еще меньше таких, которые перешли в латышский фольклор в результате непосредственных контактов как заимствования» (там же, с. 278).

О КОММУНИКАТИВНОЙ ФОРМЕ ПОСЛОВИЦ

(Z. K a n у ó. Kommunikationsform der Sprichwörter. Vortrag an der Konferenz «Kommunikation und Rezeption». Halle, 1978. Автореферат)

В последнее время в фольклористике замечен возрастающий интерес к коммуникативному аспекту. Эта тенденция, по нашему мнению, вполне оправданна, поскольку таким образом оказывается возможным связать определенные явления культуры с общественными условиями, порождающими эти явления. Ниже будет вкратце описана такая языковая условность в коммуникации пословиц, чтобы в дальнейшем можно было выдвигать более общие тезисы.

Сравним какой-нибудь речевой акт, нашедший свое выражение в некоторой непосредственной коммуникации, например:

(i) Ich werde dich morgen besuchen.

Я зайду к тебе завтра

с употреблением не в ироническом смысле какой-либо пословицы, например:

(ii) *Kalte Hände, heißes Herz.*

букв. *Холодные руки, [зато] горячее сердце.*

В первом случае мы имеем дело с речевым актом, и это означает, в частности, что говорящий, осуществляя этот речевой акт, берет на себя в определенном смысле ответственность за сказанное; иными словами, выразив содержащееся в предложении (i) обещание, говорящий обязан — в смысле условности, связывающей данные немецкие слова с их значением, — сдержать свое обещание. Во втором же случае говорящий не является собственно производителем данного речевого акта, его роль сводится лишь к тому, чтобы воспроизвести в настоящий момент некую формулу, истинность которой в данном обществе заранее очевидна, а говорящий отвечает единственно за адекватность ее употребления. Само собой разумеется, говорящий и во втором случае, употребив эту пословицу, может выразить многое: метко констатировать факт, намеком дать обещание и т. д., однако существенная разница состоит в обусловленной ответственности: это «говорят» люди вообще, а не просто один говорящий. Тем самым говорящий здесь в столь же малой степени является

говорящим в смысле теории речевых актов, как и, например, актер на сцене; такой говорящий скорее имеет статус передающего. *W*

Принятие роли передающего означает возвращение к безличностному, формульному образу мышления, которое лингвистически может обуславливаться такой языковой системой, которая сама подчиняется дополнительным грамматическим кодам помимо обычных грамматических правил. Это выражается в том, что на основе громоздкой системы, отчасти сходной с бернштейновским социолингвистическим кодом, варьирующееся содержание действительности в разных случаях воплощается в установленные формулы, а частностям, отклоняющимся от общего, не придается никакого значения. Впрочем, отмеченная связь между устно-формульным жанром и грамматикой лежит даже глубже. Основополагающая проблема, которую должно решать общество применительно к этому жанру, — это соответствующая передача. Поддерживать жизнь устного жанра означает для общества, во всяком случае, не более и не менее как то, что для всего общества или для определенной его части должна быть организована постоянная практика, открывающая молодому поколению доступ к овладению этим жанром, а другим членам общества предоставляющая возможности исполнения или творчества. Иными словами, общество, которое обладает только устной культурой, должно обеспечить передачу и сохранение этого жанра с помощью единственно доступных такому обществу средств — подчиняющейся определенным правилам постоянно повторяемой устной коммуникации — и посредством такой практики сделать правила, действующие в рамках данного жанра, общим достоянием. Если же эта развернутая в масштабах всего общества строгая практика как-либо нарушается — либо потому, что этому жанру не придают больше прежней ценности, либо потому, что при воспроизведении, или хранении, или передаче были внесены какие-то изменения, — то тогда меняется и весь характер коммуникативной формы, основательное знакомство со специфическими правилами данного жанра утрачивается и знание отдельных примеров постепенно уходит в область книжной премудрости. Однако если не переступать границы устного жанра, то тогда задача переноса устной традиции из поколения в поколение может быть легче всего решена в том случае, когда в качестве модели берется основная разновидность устной коммуникации — язык — и его внутренняя организация — грамматика. Мы уже знаем, что в качестве пословицы может выступать вовсе не любое языковое выражение, взятое безотносительно к ситуации и использованное непосредственным образом, поскольку здесь имеет место формульная речь, что можно выразить также следующим образом: для порождения пословиц должно быть достаточно частичной грамматики, и причем так, чтобы не оставалось на волю случая то, какие грамматические составляющие выступают в пословицах, а какие — не выступают. Однако, с другой стороны, та система правил, которая лежит в основе текстов

данного жанра, не только не проще, а значительно сложнее, чем «нормальная» грамматика, ведь здесь выступают такие правила, которые в прочих формах коммуникации не носят характера правил. И если в этой связи заходит речь о грамматике, то она понимается отнюдь не метафорически, поскольку специфические правила этого жанра равным образом являются достоянием всего культурно-языкового сообщества, они усваиваются вместе с отдельными примерами [поговорок], и тогда, когда данный жанр является фактически живым, они не просто соблюдаются, но и применяются творчески.

Ограничившись частичной грамматикой, но при этом такой грамматикой, которая подпадает под действие дополнительных правил, выходящих за пределы «нормального» грамматического структурирования, мы можем объяснить формульность [поговорок], а она уже создает основу для запечатлеваемости их в памяти: если определенные тексты, с одной стороны, могут быть выведены с помощью сравнительно небольшого числа грамматических правил, а с другой стороны, демонстрируют в своем составе в качестве специфического принципа построения регулярную рекуррентцию определенных элементов или признаков, то такие тексты представляют собой не что иное, как обычные поэтические структуры: параллелизмы, рифмы, смысловые рифмы, ритмические ряды и т. д. Совпадение упомянутых свойств — простоты, формульности, запечатлеваемости, поэтичности — это определено не случайно, а логическое следствие специфической формы устной коммуникации: вся структура должна быть заложена таким образом, чтобы она оставалась относительно легко и просто запоминаемой. Это же определяет и принципы второго порядка: в большинстве случаев они покоятся на рекуррентции эквивалентных и оппозициональных единиц, а действие других поэтических принципов, таких, как неоднозначность, проявляется здесь лишь в единичных случаях. Таким вот образом и проявляются определенные, частично еще применяющиеся сегодня поэтические явления как реликты специфической грамматики, обусловленной историко-социологическими факторами, как реликты меняющейся со временем языковой игры.

К СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЯ «ПОДТЕКСТ» В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(М. А. Черкасский. Тезисы доклада на межвузовской конференции. Материал из архива автора. [Название и дата конференции составителю неизвестны.] Калинин, 1969)

1. Так как естественный язык признается частным случаем знаковой системы вообще, следует ожидать, что многие понятия лингвистической теории должны найти свое соответствие в общей теории знаковых систем, т. е. в семиотике. Исходя из этого, по аналогии с лингвистическим понятием «речевая деятельность» представляется

закономерным родовое по отношению к нему семиотическое понятие «коммуникативная деятельность». Если, далее, речевая деятельность составляет предмет теории, именуемой «психолингвистикой», то теорию коммуникативной деятельности можно было бы — столь же удачно или неудачно — назвать «психосемиотикой».

Одним из явлений, которое интересно рассмотреть в психосемиотическом аспекте, представляется феномен подтекста. В настоящем сообщении предпринята попытка выяснить сущность этого явления и определить его место среди смежных семиотических явлений.

2. Феномен подтекста входит в круг явлений, объединяемых понятием **семиотической сложности текста**. Под семиотической сложностью подразумевается свойство некоторых текстов содержать не одну, а несколько линейных структур («сообщений»), взаимодействующих в едином акте коммуникации. Таким образом, семиотически сложный текст обладает наряду с «мелодическим» также и «гармоническим» измерением.

Семиотическая сложность текста наблюдается в двух формах, которые, впрочем, часто сочетаются в одном и том же тексте: **семиотическая неоднородность** текста и **семиотическая многоярусность** текста (термины здесь и ниже сугубо условны; важно лишь разграничить разные явления).

3. **Семиотическая неоднородность текста** — это взаимодействие в одном тексте нескольких разных знаковых систем. Естественно, что анализ указанного явления предполагает в качестве своей предпосылки классификацию типов «синтагматического» взаимодействия разных знаковых систем в пределах текста. А это, в свою очередь, требует предварительной классификации типов «парадигматических» отношений между знаковыми системами. Ниже предлагается один из возможных вариантов такой классификации, основанный на характере соотношения планов выражения и содержания знаковых систем.

А. Системы, составляющие **классы эквивалентности**, т. е. параллельно моделирующие внешнюю для данных систем реальность (в том числе моделирующие другие знаковые системы).

1) Системы **взаимно транспонирующиеся**, т. е. обладающие изоморфизмом планов содержания.

а) Системы **однозначно транспонирующиеся**, т. е. обладающие изоморфизмом планов выражения. Пример: язык светофора и язык жестов человека-регулирующего.

б) Системы **неоднозначно транспонирующиеся**, т. е. не обладающие изоморфизмом планов выражения. Пример: естественный язык и язык рисунков-идеограмм.

2) Системы **взаимно нетранспонирующиеся**, т. е. не обладающие изоморфизмом планов содержания. Пример: язык живописи и язык музыки.

Б. Системы, составляющие **иерархические классы**, т. е. моделирующие внешнюю для них реальность, последовательно интерпретируя одна другую.

1) Системы **субстанционально-тождественные**, т. е. такие, когда каждая нижестоящая система служит формой выражения для вышестоящей, а субстанция выражения для всей иерархии общая. Пример: естественный язык — язык мифологии — язык религии.*

2. Системы **субстанционально-нетождественные**.

а) Системы **однозначно-интерпретирующиеся**, т. е. обладающие изоморфизмом планов содержания и планов выражения. Пример: язык музыки — язык нотописи.

б) Системы **неоднозначно интерпретирующиеся**, т. е. обладающие изоморфизмом планов содержания, но не обладающие изоморфизмом планов выражения. Пример: естественный (звуковой) язык — традиционные орфографические системы.

4. В зависимости от характера «парадигматических» отношений между знаковыми системами выделяются следующие типы «синтагматического» взаимодействия этих систем в пределах семиотически неоднородных текстов.

А. Взаимодействие систем, составляющих классы эквивалентности (фактически реализуется далеко не всякой парой систем, находящихся в отношениях этого типа).

1. Взаимодействие систем взаимно транспонирующихся — **дублированность** текста. Пример: словесный сигнал «тревога!» + звук сирены.

2. Взаимодействие систем взаимно нетранспонирующихся — **синкретизм** текста. Пример: песня = словесный текст + музыка.

Б. Взаимодействие систем, составляющих иерархические классы (как правило, реализуется только субстанционально-тождественными системами), — **многослойность** текста. Пример: произведения художественной литературы = язык событий (ситуаций) + язык художественных образов + естественный язык.

5. **Семиотическая многоярусность текста** — это наличие в тексте по крайней мере двух планов содержания, один из которых эксплицитно выражен, а другой лишь имплицитно присутствует в нем. Как правило, семиотическая многоярусность текста сочетается с его семиотической неоднородностью, так как планом выражения такого текста служит естественный язык (часто транспонированный в графическую субстанцию). Семиотическая многоярусность текста существует в двух формах.

А. **Аллегоричность** текста. Имплицитная и эксплицитная части плана содержания расположены параллельно. Вторая служит шифром для первой.

Б. **Афористичность** текста. Имплицитная и эксплицитная части плана содержания расположены последовательно как компоненты

* Ср.: А. А. Зализняк, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделируемых семиотических систем. — Структурно-типологические исследования. М., 1962.

единой линии развертывания текста. Вторая вытекает из первой как результат преобразования исходной информации.

6. Интересующий нас феномен подтекста наблюдается в случае афористичности текста. Подтекст — это имплицитная часть плана содержания афористического текста, связанная с эксплицитной частью отношением **инкарнации** (воплощение). Последнее основано на ассоциациях понятий, которые (ассоциации) актуальны для носителей данной знаковой системы. Всю цепочку линейного развертывания афористического текста можно представить как генеративную историю той части текста, которая непосредственно эксплицирована в плане выражения. Это наводит на мысль о возможности построения **порождающей модели**, на вход которой подается из памяти исходная информация в виде ряда аксиом, а на выходе получается эксплицированная часть текста. Цель такого моделирования — экспликация подтекста и наблюдения над цепочкой преобразований, ведущих от исходной информации к эксплицитной части текста.

Наибольший интерес с точки зрения такого рода моделирования представляют клише типа паремий (поговорок и афоризмов), так как этот вид текстов специализирован именно как носитель афористических функций.

[7. Далее в сообщении излагается попытка построения семиотической порождающей модели паремий класса *Лучше быть бедным, но здоровым, чем богатым, но больным; Лучше синица в руке, чем журавль в небе; Лучше заработанный ломоть, чем краденый каравай; Лучше меньше, да лучше* и т. п.]

К ВОПРОСУ О ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ МИНИМУМЕ

I. О паремиологическом уровне языка и русском паремиологическом минимуме

(G. Permjakov. On the paremiological level and paremiological minimum of language. Theses for symposium on Paremiology in connection with Sixth International Congress for Folk Narrative Research. Helsinki, June 16—21, 1974. — «Proverbium». № 22, 1973, с. 862—863)

1. О паремиологическом уровне языка. 1.1. Изоморфизм слова, фразеологического оборота и паремии (клишированность, знаковый характер, мотивированность или немотивированность значения, синонимия и омонимия, парадигматика и ряд других общих свойств). 1.2. Современная теория уровней и ее основные недостатки. 1.2.1. Уровни речи и уровни языка. 1.2.2. Паремии как элементы языкового словаря.

2. Обоснование идеи паремиологического минимума. 2.1. Необходимые и достаточные условия для владения каким-либо естественным языком. 2.1.1. Знание словаря и грамматики. 2.2. Лексический и фразеологический минимумы. 2.3. Употребление в речи значительного числа немотивированных и усеченных устойчивых словосочета-

ний, представляющих различные паремиологические знаки. 2.3.1 Важность знания определенного количества наиболее употребительных паремий.

3. Массовый паремиологический эксперимент по отбору наиболее употребительных русских народных изречений. 3.1. Цели эксперимента. 3.1.1. Проверка информантов на пассивное и активное знание паремий и составление соответствующих частотных списков. 3.1.2. Установление личных паремиологических фондов. 3.1.3. Составление перечня паремий, наиболее распространенных в Москве и Московской области. 3.2. Методика. 3.2.1. Подготовка опросных списков и анкет. 3.2.2. Подбор информантов. 3.2.3. Многоступенчатость опроса. 3.2.4. Способы определения активного и пассивного знания изречений. 3.3. Некоторые итоги эксперимента. 3.3.1. Число и характер знаемых и незнаемых изречений. 3.3.2. Состав личных паремиологических фондов. 3.3.3. Обязательное знание всеми информантами хотя бы одного пословичного изречения из каждой синонимической группы. 3.3.4. Изречения всеобщей знаемости. 3.3.5. «Семейные» анкеты. 3.3.6. Предварительные данные о возрастных и половых различиях в знании и употреблении паремий.

4. Выявление пассивного паремиологического минимума. 4.1. Нахождение «точки отсечения» при помощи графиков дифференциального и интегрального распределения. 4.2. Основные свойства тысячи наиболее знаемых русских народных изречений. 4.2.1. Представлены все структурные паремиологические типы. 4.2.2. Представлены все логико-семиотические типы, все ряды и классы логических трансформов. 4.2.3. Представлены все основные тематические группы, базирующиеся на инвариантных парах противопоставлений. 4.2.4. Представлены все языковые (в том числе и грамматические) типы предложений. 4.2.5. Содержится около двух тысяч реалий, большая часть которых относится к числу наиболее частотных.

5. Построение активного паремиологического минимума. 5.1. Соотношение пассивного и активного паремиологических минимумов. 5.2. Смысл и задачи последнего. 5.3. Создание на основе свойств пассивного паремиологического минимума списка изречений, предназначенного для активного усвоения в процессе обучения русскому языку.

6. Некоторые соображения о паремиологических минимумах других народов. 6.1. Сопоставление наиболее употребительных русских пословичных изречений с пословицами и поговорками народов Европы, Азии и Африки. 6.2. Сходство и различие между паремиями разных языков. 6.3. Предположения об общем и особенном в паремиологических минимумах различных народов. 6.3.1. Необходимость проведения соответствующих экспериментов. 6.4. Целесообразность создания универсального (международного) паремиологического указателя.

II. Русский паремиологический минимум и его роль в преподавании русского языка

(А. Барулин. Тезисы доклада. — Второй международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Варна, 3—8 сентября. 1973 года. Тезисы. София, 1973, с. 171)

1. Для того чтобы овладеть каким-либо языком, недостаточно выучить его грамматику и усвоить какой-то запас слов и так называемых идиом или фразеологизмов. Для этого необходимо также запомнить и определенный набор пословиц, поговорок, загадок, примет, поверий и других народных изречений (или паремий), хорошо известных носителям данного языка и поэтому часто ими употребляемых.

2. Важность владения хотя бы минимумом паремиологических текстов заключается не только в том, что они часто употребляются, но и в том, что многие из них из-за привычности употребления функционируют в речи в усеченном или грамматически трансформированном виде. Для иностранца, незнакомого с полной формой этих клише, представляет большую трудность их понимание. Так же обстоит дело и с паремиями, перешедшими в пословично-поговорочный фонд из басен, известных анекдотов, художественных произведений и т. д., смысл которых нельзя понять, не зная текста, из которого они взяты.

3. В 1971—1972 гг. советским ученым Г. Л. Пермяковым был проведен массовый паремиологический эксперимент на 250 информантах — носителях русского языка, проживающих в Москве и Московской области. Эксперимент показал, что для хорошего понимания русской речи необходимо пассивное знание порядка 1000 паремиологических единиц. На основе этого эксперимента применением математической статистики был составлен паремиологический словарь-минимум.

4. Основную часть этого минимума (75%) составляют пословицы и поговорки, представляющие собой знаки (а часто и модели) ситуаций. Кроме них в минимум входят приметы, поверья, пожелания и т. п., а также некоторое число загадок, скороговорок, шуток и других устойчивых изречений, обладающих моделирующей, прогнозирующей, дидактической или магической текстовыми функциями.

5. Паремии всегда охотно привлекались педагогами для обучения иностранному языку; однако чаще всего их функции видели в «оживлении» материала. Между тем возможности клишированных фольклорных изречений как неотъемлемой части языка представляются значительно более широкими. Прежде всего это набор правильных синтаксических конструкций всех типов, которые даны в форме, удобной для запоминания. Во-вторых, они отражают основные типы жизненных ситуаций, тематические группы и основные пары противопоставлений, существующих в языке. В-третьих,

в них содержатся многие из числа наиболее распространенных реалий, что особенно важно с точки зрения страноведения.

6. Отмеченные моменты свидетельствуют, на наш взгляд, о настоятельной потребности активного использования паремиологического фонда языка на основании достижений науки в преподавании как русского, так и любого другого языка в качестве иностранного.

III. О включении наиболее употребительных русских народных изречений в русско-иноязычные словари

(Г. М. Пермяков. Из статьи «К вопросу о русском паремиологическом минимуме». — Словари и лингвострановедение. Под ред. Е. М. Верещагина. М., 1982, с. 131—137)

Наличие общеупотребительных пословиц, поговорок и других паремиологических клише, относящихся к фоновым знаниям рядовых носителей русского языка, выдвигает на повестку дня вопрос о целесообразности включения таких клише в разного рода словари, рассчитанные на иноязычного читателя. В самом деле, раз существуют языковые формы, без знания которых нельзя понять обычной разговорной речи или несложной статьи в центральной советской печати, то должны существовать и справочники, в которых эти формы находили бы свое объяснение. И самым подходящим местом для таких справок, конечно, могут быть различные русско-иноязычные словари, и прежде всего учебные, включая сюда и словари-минимумы.

Надо сказать, что в хороших двуязычных и многоязычных переводных словарях (см., например, «Киргизско-русский словарь» К. Юдахина или «Опыт словаря тюркских наречий» В. Радлова) всегда приводится много пословиц, примет, загадок и других паремиологических клише исходного (описываемого) языка. Однако они, как правило, приводятся там для иллюстрации нормативного употребления тех или иных слов, входящих в данное изречение, т. е. фактически в качестве «отмеченных фраз»: раз так говорится в пословице, значит, так наверняка можно сказать.

Между тем многие клишированные изречения (по крайней мере те, что входят в паремиологический минимум данного языка) следует вводить в словари в качестве самостоятельных языковых знаков, наравне со словами и наиболее употребительными фразеологическими оборотами.

Для этого есть достаточно веские основания.

Во-первых, названные клише действительно являются особым рода языковыми знаками, и прежде всего знаками типовых жизненных (и логических) ситуаций или типовых отношений между объектами. И мы пользуемся ими как знаками этих отношений. Вместо того чтобы долго и нескладно описывать какую-нибудь часто

встречающуюся ситуацию, например: «Если какая-то вещь порождает другую вещь, то свойства порождаемой вещи сходны со свойствами (порождающей)», мы просто говорим: *Яблочко от яблони недалеко падает*. И каждый человек, знающий русский язык, сразу понимает, что мы имеем в виду. Иными словами, поговорка «*Яблочко от яблони. . .*» используется нами в качестве знака описанной выше типовой ситуации. Между прочим, точно таким же образом мы обращаемся и со словами как знаками вещей или понятий; так, вместо неуклюжего описания стола как предмета домашней утвари, используемого для того, чтобы ставить на него пищу или класть письменные принадлежности, и состоящего из доски-столешницы определенной формы и подпирающих ее ножек или тумб, мы просто говорим слово *стол*, т. е. называем знак соответствующей вещи. И каждый слушающий нас русский сразу же узнает, о чем идет речь.

Во-вторых, паремиологическое клише, как правило, представляет собой нечто цельное, хотя и состоит из нескольких вроде бы самостоятельных слов-компонентов. При этом общее значение клише, т. е. значение суммы его компонентов, не равно сумме их значений (включая сюда и значение синтаксической связи). Это легко увидеть на так называемых нечленимых сентенциях и фразах, т. е. на изречениях, не обладающих непосредственной мотивировкой своего общего значения, например на цитатах из общеизвестных стихов, басен или анекдотов, смысл которых совершенно не вытекает из смысла составляющих эти изречения слов (вспомним, к примеру, строки из басни И. А. Крылова «Квартет», ставшие известной поговоркой: «*А вы, друзья, как ни садитесь, / всё в музыканты не годитесь*»).

Примерно то же самое можно обнаружить и в обычных поговорках. Для этого достаточно сравнить любую из них с омонимичным ей свободным (переменным) сочетанием слов. Прделайте такую операцию с поговоркой *Под лежачий камень вода не течет; Где тонко, там и рвется* или какой-нибудь другой, и вы тут же заметите разницу их смыслов: у поговорок в отличие от свободного сочетания он непременно будет переносным.

После сказанного становится понятным, почему паремиологические клише, и прежде всего поговорки и поговорки, следует вводить в словари только в качестве цельных словарных единиц и почему их нельзя рассматривать как обычные членимые тексты, пригодные для иллюстрации словоупотребления. Действительно, можно ли в словаре слово *семь* «подкреплять» поговорками *Семь раз отмерь — один раз отрежь; У семи нянек дитя без глазу* или *Семеро одного не ждут*, как это обычно у нас делается (см., например, «Русско-английский словарь» под ред. О. С. Ахмановой)? Разумеется, нет. Ведь во всех приведенных поговорках, как, впрочем, и во всех других, содержащих слово *семь*, оно означает вовсе не *семь* (7, sieben, seven), а *много* (ср. соответствующее английское изречение *Too many cooks spoil the broth*). То же можно сказать

о словах *синица*, *журавль* и других лексических компонентах пословицы *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*. Ведь «синица» здесь вовсе и не синица, а нечто малое и не очень ценное, но доступное, а «журавль» — не журавль, а нечто большое и ценное, однако совершенно недостижимое. Само собой понятно, что подобных примеров можно привести сколько угодно.

Как же, по нашему мнению, следует включать паремии в те или иные словари?

Все зависит от типа словаря. Если это специальный паремиологический словарь (сборник), то материал в нем лучше всего располагать по типам изречений: пословицы, приметы, загадки, головоломки и т. д., а внутри их — по темам. В свою очередь, внутри тематических подборок изречения можно расположить по характеру моделируемых в данных изречениях ситуаций (для пословиц и поговорок), по характеру прогноза (для примет), по характеру использованного в паремии логического приема (для загадок) и т. п. Что же касается обычных русско-иноязычных переводных словарей, в том числе и учебных, то в них паремии следует помещать по алфавиту, отбирая для этих целей наиболее употребительные варианты и логические трансформы общеизвестных изречений. Так, из трех пословиц «про синицу и журавля» — *Лучше синица в руках, чем журавль в облаках*, *Лучше синица в руках, чем журавль в небе* и *Не сули журавля в небе, дай синицу в руки* — для словаря следует отобрать вторую. А из трех следующих ниже («про овчинку и выделку») — *Овчинка не стбит выделки*, *Овчинка стбит выделки* и *Стбит ли овчинка выделки?* — первую. Остальные употребительные варианты или логические трансформы тех же изречений тоже имеет смысл поместить в словарь (на свои места по алфавиту). Однако вместо словарной статьи их можно снабдить простой отсылкой к «основному» варианту. Например:

Не сули журавля в небе, дай синицу в руки — см. *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*.

Словарную статью для изречений наиболее распространенного паремиологического типа — пословиц и поговорок, видимо, следует строить так:⁵ Сначала привести саму пословицу (или поговорку) на исходном (русском) языке, затем дать ее пословный перевод. Потом описать основную ситуацию, моделируемую данной пословицей *, и, наконец, привести ее иноязычное соответствие. В отдельных случаях, кроме того, можно дать необходимые сведения о происхождении данной пословицы и об особенностях ее употребления.

* Мы говорим «основную», так как пословица иногда может служить словесной моделью нескольких родственных ситуаций, одна из которых обычно является более значимой. Подробнее об этом говорится в нашей последней работе «Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов». М., 1979.

Приведем для примера два небольших образца «словарной статьи» для русско-немецкого словаря среднего объема (на 15—20 тыс. единиц), относящихся к пословичным изречениям. В образцах используются следующие индексы:

ПП — пословный перевод (на языке издания);

Т — толкование или краткое описание ситуации, моделируемой в данном изречении;

НЭ — немецкий эквивалент;

ДС — дополнительные сведения.

1. У семи нянек дитя без глазу — пословица. — ПП: Если о ребенке заботятся (если за ребенком следят) сразу семь нянь, он останется без присмотра. — Т: Если каким-либо делом занимается (слишком) много людей (или у этого дела много руководителей), оно обречено на неудачу. — НЭ: Viele Köche verderben den Brei.

2. На воре шапка горит — пословица. — ПП: Шапка (находящаяся) на голове вора горит (загорелась). — Т: Виновник (своими действиями) сам себя выдает. — ДС: Изречение основано на русском народном анекдоте о воре, который, услышав в толпе возглас «На воре шапка горит!», схватился за голову и тем самым выдал себя. — НЭ: Das Gesicht verrät den Wicht.

В толковых словарях можно также приводить цитаты из художественных произведений, иллюстрирующие употребление данных пословиц.

Несколько иначе следует вводить в словари изречения других паремиологических типов: приметы, загадки, общественно-политические клише и т. д. Каждый из них требует своего подхода. Исторические афоризмы и крылатые изречения выдающихся деятелей нуждаются, видимо, в справке об авторе и времени своего создания. У примет, по всей вероятности, должен помечаться характер предсказания: одно дело *Ласточки низко летают — скоро быть дождю* и совсем другое *Черная кошка дорогу перебежала — к несчастью* (примета про ласточек имеет естественнонаучное объяснение, а про кошек — относится к числу суеверий).

Особо должны описываться клише, бытующие в различных паремиологических ипостасях, например, такие, как *Лежачего не бьют* или *Зимой и летом одним цветом*, первое из которых употребляется в качестве пословицы и в качестве правового изречения, а второе — в качестве загадки (с отгадкой: сосна, ель) и в качестве поговорки с прямой мотивировкой общего значения (так обычно говорят о человеке, постоянно носящем одну и ту же одежду).

Впрочем, дело не в технической стороне вопроса, а в принципиальном его решении. Нам думается, что включение наиболее употребительных русских изречений в русско-иноязычные словари не только теоретически оправдано, но и практически целесообразно: оно поможет людям, изучающим русский язык, быстрее и успешнее справиться со своей задачей.

ОБ ОДНОМ МЕТОДЕ ОПИСАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ ПОСЛОВИЦ

(Фрагмент статьи румынского паремполога Д. Станчу «Румынские пословицы на Балканах» [рукопись, 1978 г.]

Всякую пословицу можно представлять себе как поучительную (дидактическую) форму для передачи некоторой идеи. Идея, передаваемая в пословице, кодируется средствами естественного языка, однако эта кодировка осуществляется не непосредственно, а с привлечением определенных художественных средств. Художественные средства дополняют понятийный скелет идеи пословицы так же, как украшения дополняют общую архитектурную линию здания. Эстетические эффекты, добавленные к понятийным, обогащают и укрепляют их. Можно различать эстетические эффекты двух видов — связанные с понятиями и не связанные с понятиями. К последним относятся второстепенные эффекты, реализуемые при помощи ритма, интонации, пауз и т. п. и, возможно, также рифм и аллитераций.

Эстетические эффекты, связанные с понятиями, в случае пословицы и поговорки предстают перед нами прежде всего в виде тропов. Выбрав наиболее часто повторяющиеся и характерные для большинства языков тропы: метафору, сравнение и эпитет, можно предложить непротиворечивую классификацию пословиц и поговорок по их художественным средствам, опирающуюся на то, присутствуют ли в пословице (или поговорке) те или иные из указанных трех тропов.

В зависимости от этого логически возможны восемь типов пословиц. Они приведены в виде условных сокращений, где М обозначает наличие метафоры, С — наличие сравнения, Э — наличие эпитета, а черта над буквой — отсутствие соответствующего тропа в пословице.

(1) МСЭ	(5) МС̄Э
(2) МС̄Э	(6) М̄СЭ
(3) М̄СЭ	(7) М̄С̄Э
(4) М̄С̄Э	(8) М̄С̄Э

Ниже приводятся некоторые комментарии и иллюстрации к этой схеме на материале румынских пословиц и поговорок.

Тип 1 характеризуется максимумом стилистического богатства и встречается довольно редко. Вообще типы 1—3 и 5, в которых присутствует метафора, в общих чертах совпадают, по-видимому, с тем классом паремий, которые определяются у Г. Л. Пермякова как паремии «с образной мотивировкой общего значения» и образуют класс «собственно пословиц и поговорок», а типы 4 и 6—8 — это соответственно паремии «с прямой мотивировкой общего значения» (класс афоризмов и присловий), хотя, конечно, это совпадение далеко не точно, поскольку в паремиях с прямой мотивировкой значения могут встречаться элементы, понимаемые метафорически

и, следовательно, требующие отнесения такой паремии к какому-либо из типов 1—3 или 5. Возможным примером, относящимся к типу 1, может служить пословица *Decît orb și călare, mai bine șchiop și pe jos* (Лучше быть хромым пешеходом, чем слепым всадником).

Наличие образной мотивировки в виде метафоры отчасти мешает использованию сравнения, однако примеры типа 2 все же имеются; такова, например, пословица *Oțetul luat pe degeaba e mai dulce ca mierea* (Бесплатный уксус слаще меда), где «уксус» употребляется в переносном смысле и вместе с тем имеется употребление известного сравнения «слаще меда».

Эпитет достаточно широко используется наряду с метафорой в собственно пословицах и поговорках для характеристики объектов по их свойствам. Типичным представителем типа 3 является пословица *Pe lupul bătrîn îl rîd cîinii* (Над старым волком и собаки смеются). Здесь подчеркивается эпитетом свойство «старый», необходимое для правильной интерпретации пословицы в ее переносном смысле.

Эпитет и сравнение (тип 4) в отсутствие метафоры могут совмещаться в одной грамматической форме слова, как, например, они совмещаются в пословице *Foamea e cel mai bun bucătar* (Голод — самый лучший повар) в форме превосходной степени слова «хороший»: «самый лучший» — «такой хороший, что лучше всех других».

Метафора без эпитета и сравнения дает стилистически наиболее типичный и частотный вид пословиц — тип 5. Примером может служить пословица *Nu toate muștele fac miere* (Не все мухи делают мед).

Сравнение, лишённое метафоры и эпитета (тип 6), переводит нас скорее уже в область фразеологически застывших сравнений, как, например, в словосочетании *flămînd ca un lup* (голодный как волк).

Эпитет может служить единственным украшением для афоризма, понимаемого в прямом смысле (тип 7); ср. *Cinstea fără bani este să-răcie goală* (Честь без денег — сплошная бедность), где понятие «бедность» усилено эпитетом «сплошная».

И, наконец, отсутствие каких бы то ни было стилистических эффектов (тип 8) наблюдается в типичных примерах афоризмов, таких, как *Se poți face astăzi nu lasa pe mîine* (То, что можно сделать сегодня, не откладывай на завтра).

О «СВОДЕ ПОСЛОВИЦ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА»

(Сообщение Б. Тилавова из Душанбе)

В последние годы таджикские паремииологи завершили большой (пятитомный) «Свод пословиц таджикского народа». Этот свод объемом в 200 авторских листов составляет неотъемлемую часть общего академического «Свода таджикского фольклора» в двадцати томах,

принципы и методику которого разработал известный советский фольклорист Исидор Левин.

Названный Свод пословиц является результатом глубокого изучения современного пословичного репертуара таджикского народа. Свод создан на основе ранее не изученных и недоступных широкому кругу ученых-филологов богатейших материалов рукописного фонда фольклора таджиков (ФФ), который хранится в Институте языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР. Материалы ФФ собраны за годы Советской власти на территории Средней Азии и отражают современное состояние устно-поэтического творчества таджикского народа. В этом фонде содержится около 200 000 страниц и насчитывается более 150 000 единиц фольклорных записей — образцов всех жанров. При этом каждая пятая запись ФФ представляет собой пословицу или поговорку, что само по себе свидетельствует о той большой роли, которую пословицы и поговорки играют в духовной жизни таджиков.

Ознакомившись с содержанием материалов ФФ, Отдел фольклора института им. Рудаки организовал ряд планомерных научных экспедиций в ранее не изученные районы Средней Азии, населенные таджиками, что значительно пополнило ФФ, и в частности записи пословиц.

Для создания Свода пословиц и поговорок использовались современные количественные методы исследования и обработки материала. Работой руководила специальная паремиологическая группа, созданная в рамках Отдела таджикского фольклора института им. Рудаки и возглавленная автором этих строк.

Первым этапом работы паремиологической группы явилось составление сводного каталога таджикских народных пословиц и поговорок. В каталог вошло более ста тысяч карточек, охвативших около 25 000 пословичных типов. Тексты записей каждой пословицы на этих карточках сопровождаются всей необходимой документацией, в частности указанием времени и места записи, ссылками на страницы рукописного фонда и т. п. Карточки расположены в каталоге по алфавиту опорных (стержневых) слов пословиц и поговорок. Материалы каталога обработаны с таким расчетом, что при необходимости могут быть использованы для решения возникших проблем при помощи ЭВМ.

Благодаря созданному сводному каталогу появилась возможность для всестороннего изучения современного пословичного репертуара таджикского народа. В каталоге учитывалась, в частности, степень употребительности каждого изречения: а) общеупотребительные (общенародные и часто используемые), б) областные, диалектные, а также в) редкие (устаревшие) и г) новые (еще малоупотребительные) типы пословиц и поговорок. На базе сводного каталога были проведены тщательные историко-типологические, текстологические, социологические, поэтические, стилистические и прочие исследования существующих материалов. Все это послужило осно-

вой для создания пятитомного «Свода пословиц таджикского народа»*.

В составлении Свода пословиц помимо автора этих строк непосредственное участие принимали Ф. Муродов и К. Хисомов. В рецензировании, обсуждении и редактировании всех материалов Свода участвовали многие таджикские филологи и советские иранисты.

Расскажем об этом Своде более подробно.

В качестве основы Свода мы отобрали 807 наиболее популярных и распространенных (по материалам ФФ) типов пословиц (от Т001 до Т807), каждый из которых представлен в записях от 53 до 5 раз. Пословицы записывали как специалисты-филологи, так и любители фольклора (всего 101 человек) на обширной территории Средней Азии, главным образом Таджикистана и Узбекистана, у таджикоязычного населения разных социально-возрастных групп и разных профессий (всего около 700 информантов) в период с 1945 по 1968 г.

Следует отметить, что более половины пословичных типов, вошедших в Свод, встречается в персидско-таджикских письменных источниках X—XX вв., в толковых словарях, сборниках пословиц и поговорок, широко употребляется в художественной литературе. Они вошли в литературный язык, имеют международные аналогии в славянских, западноевропейских, иранских и тюркских языках. Интернациональные элементы в пословичном репертуаре таджикского народа занимают значительное место. А каждая девятая пословица имеет литературно-книжное происхождение и восходит к афоризму того или иного классика персидско-таджикской литературы.

Всего в основную часть Свода включено 9330 текстов указанных 807 типов наиболее популярных таджикских пословиц. Каждый такой тип (Т001—Т807) имеет в среднем в ФФ 12 текстов (записанных в разное время и в разных местах). Читатель Свода будет иметь возможность ознакомиться со всеми существующими текстами (версиями, вариантами, вариациями) каждого типа пословицы, со всей необходимой научной документацией.

При определении пословичных типов, их вариантов и нормальных версий мы исходили из следующих критериев.

а) Различные тексты, имеющие одни и те же опорные слова и те же мотивы (или идею), а также тексты, имеющие большинство общих опорных слов и одинаковые мотивы, мы считали одним типом, одним произведением. Такие тексты мы объединяли в Своде в одну типовую группу. А частные различия между отдельными пословицами представляли разные варианты данного типа.

б) В результате тщательного текстологического сопоставления всех имеющихся текстов нами были выделены так называемые нормальные версии. В качестве нормальной версии каждого данного

---

* Надо сказать, что в настоящее время аналогичные каталоги составлены для жанра народных двустиший — бейтов и для загадок. Ведется также работа по составлению сводного каталога таджикских частушек — ашула.

типа мы брали наиболее характерные, распространенные, бытующие в народе тексты пословиц.

Основная часть Свода (т. I—IV) содержит следующие материалы:

а) нормальные версии пословичных типов от Т001 до Т807 в современной таджикской и персидской графике, их точные русские и английские переводы с указанием письменных источников и международных аналогий каждого типа;

б) систематизированный список существующих текстов всех типов пословиц от Т001 до Т807;

в) список сигнатуры: научные данные о каждом тексте;

г) картограммы;

д) хроносоциограммы;

е) сведения о собирателях;

ж) сведения о сказителях-информантах;

з) частотные словари мотивов и опорных слов пословиц, а также алфавитный словарь с указанием изафетных словосочетаний (около 11 тыс. единиц словоформ и словосочетаний);

и) различные таблицы;

к) библиографию таджикских пословиц и поговорок (около 500 наименований исследований и публикаций образцов, списков, сборников).

Методом количественного анализа Р. Ширинова выяснила степень стабильности текстов пословиц. В соответствии с уровнем стабильности пословицы разделены на четыре группы. К третьему тому Свода приложена специальная таблица с указанием группы стабильности для разных типов пословиц.

Пятый том Свода содержит нормальные версии малоупотребительных и редких типов пословиц и некоторые образцы тех пословичных изречений, которые в ФФ имеют только один текст. Всего в пятом томе представлено несколько тысяч пословичных изречений. Так же как и в четырех основных томах, в пятом даются русский, английский и персидский переводы и сигнатура оригинального таджикского текста.

В предисловиях к томам I—IV и V обобщены результаты всестороннего анализа современного устного пословичного репертуара таджикского народа в целом и текстов Т001—Т807 в частности.

Работой таджикских фольклористов и паремистов в последние годы заинтересовались ученые из соседних с нами республик, а также фольклористы Москвы и Ленинграда, Украины, Белоруссии и зарубежные коллеги из Венгрии, Чехословакии, Польши, ГДР, Монголии, ФРГ и некоторых других стран.

«Свод пословиц таджикского народа» вводит в научный обиход оригинальные материалы рукописного фонда таджикского фольклора и, как нам думается, вносит значительный вклад в фольклористику и пранистику.

Выход в свет пятитомного Свода предполагается в 1983—1987 гг.

Часть III

ПАРЕМИИ, БЛИЗКИЕ К ПОСЛОВИЦАМ

А. А. Быкова

СЕМИОТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВЕЛЕРИЗМОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЕЛЕРИЗМОВ НЕЯСНО,
И ЗАГАДКА ЭТА — НЕ ИЗ ЛЕГКИХ.

А. Тейлор

§ 1. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЛЕРИЗМЫ

Паремии, состоящие из высказывания в форме прямой речи (спич), говорящего лица (спикер) и указания на условия или обстоятельства высказывания (ситуация), были известны собирателям и исследователям мини-клишированных изречений с тех времен, как проявился интерес к народной мудрости коротких форм — анекдоту, басне, притче, максиме, загадке, пословице, поговорке, меткому словечку-высказыванию. Их помещали в самые разные разделы тематических, алфавитных и структурных классификаций.

Тейлор первый увидел в них нечто настолько нестандартное среди малых фольклорных форм, что дал им особое название — велеризмы (Диккенс использовал велеризмы как стилистический прием характеристики действующего лица в «Записках Пиквикского клуба» — Самуэла Веллера) и посвятил им несколько разделов своего классического труда [20].

Собственно, в полную меру специфичность этого типа пословиц проявилась после того, как Диккенс устами Самуэла Веллера блестяще раскрыл и отполировал скрытые в велеризмах возможности остроумной, иронической, меткой характеристики действующих лиц и событий. Велеризмы получили благодаря Диккенсу свое второе искусственное литературное рождение и заставили обратить пристальное внимание на своих предков и сородичей из неписьменных фольклорных текстов. Иногда фольклорные велеризмы и литературные велеризмы похожи друг на друга не более, чем придворные дамы на крестьянок. У них разная цель. Литературные велеризмы развлекают, шутят, иронизируют, смеются. Народные — дело серьезное, в них содержится целая наука, которую можно назвать человековедением. Народные велеризмы объясняют, что в человеке

хорошо, что плохо, что наказуемо, с чем нужно бороться, чему следует подражать, взяв за образец, что неизбежно как следствие природных и общественных законов.

Достаточно сравнить три пары следующих велеризмов, где в роли спикеров выступают животные, чтобы почувствовать эту разницу.

Литературные: 1. *«Все хорошо, что хорошо кончается!»* — сказал павлин, посмотрев на свой хвост [20, с. 210]. 2. *«Аккуратно и неброско!»* — сказала обезьяна, покрасив свой хвост в голубой цвет [20, с. 210]. 3. *«Вот какие дела случаются на море!»* — сказал морж, когда ему прострелили один глаз [20, с. 212].

Фольклорные: 1. *Волку нравоучение читали* — сказал: *«Поторопитесь, а то стадо уходит»* (арм.) [13, № 56]. 2. *Лиса в капкан попала и во весь голос закричала: «Если всю курицу не дадите, то от ножки я отказываюсь»* (груз.) [13, № 357]. 3. *Утопая, муха говорила: «Пусть вода зальет весь мир!»* (ассир.) [13, № 332].

При всей привлекательности и блеске литературных велеризмов следует признать, что наибольшую ценность для исследования законов речевого мышления представляют именно велеризмы фольклорные. В них спрессованы и апробированы те наборы понятий, которые в течение веков использовались для фабулогизации событий, для повествования в связной форме о непрерывно сменяющихся ситуациях действительности и об отношении человека к тому общему, что повторялось в них с регулярностью закономерности.

Впрочем, деление велеризмов на литературные и фольклорные условно. Следовало бы, очевидно, различать велеризмы, подвергшиеся литературной обработке и такой обработке не подвергшиеся, при этом принимая во внимание и период их появления. Вторичные велеризмы продолжают появляться и в наше время, как свидетельствуют следующие два примера: 1. *«Искушайте и узнаете!»* — сказал гид, когда туристы его спросили, какова глубина реки [20, с. 203]. 2. *«Хорошенького понемножку!»* — сказала старушка, вылезая из под трамвая (из разговора на улице).

Культурные животные и растения рассказали людям о скрытых в их диких собратях возможностях к обучению, литературные велеризмы открыли несколько тайн семиотической структуры велеризмов фольклорных.

§ 2. РЕЧЕВЫЕ ВЕЛЕРИЗМЫ И ВЕЛЕРЕМА

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что пищевой вторичных велеризмов часто оказываются всем известные пословицы и поговорки, как, например: *«У каждого свой вкус!»* — сказал фермер и поцеловал корову [20, с. 210]; *«Человеку свойственно ошибаться!»* — сказала домохозяйка, засыпав перец в кофе [20, с. 220].

Приведенные мини-клише, вошедшие в состав велеризмов, многократно употреблялись и продолжают по сей день употребляться

и в устной речи, и в литературе в ситуациях типа: «*Человеку свойственно ошибаться!*» — сказал продавец, извиняясь за то, что неправильно сдал сдачу; сказал контролер, возвращая зрителю билет на вчерашний концерт; «*У каждого свой вкус!*» — сказала девушка, отказываясь от яркого платья; сказал младший брат и поехал отдыхать на Север; сказала молодая учительница и уехала работать в деревню. Примеры ситуаций можно умножить, каждый неоднократно слышал и читал подобные высказывания, но у него не было повода увидеть в этих случаях что-то необычное, в то время как в двух приведенных выше велеризмах с теми же самыми пословицами и поговорками это необычное налицо.

Дело в том, что обычные пословицы и поговорки относятся к актуализирующей ситуации, как заглавие книги к ее содержанию, указывая на некоторые общие, существенные черты для многих ситуаций. Одной из таких важнейших составляющих для расшифровки информационной значимости ситуации является указание на причинно-следственную связь между событием, ситуацией и источником возникновения этой ситуации (потому что человеку свойственно ошибаться, потому что у каждого свой вкус). У велеризмов связь между высказыванием и ситуацией иная, и мы испытываем такое же удивление, как если бы, раскрыв книгу под заглавием «Электроника», нашли бы в ней роман Дюма.

Кроме того, эта необычная связь между высказыванием и актуализирующей ситуацией у велеризмов клиширована, она носит речевой характер, она получает статус языкового феномена, она обязательна, ее не создают условия узуса, наоборот, употребление, узус, выбор подходящей ситуации зависят уже от этой связи. Таким образом, для велеризмов обязательны две ситуации. И два говорящих лица. Одна пара клиширована и входит в состав этих необычных пословиц, другая, так же как у всякой пословицы и поговорки, иллюстрирует «мудрость многих и остроумие одного», как очень метко заметил Бертран Рассел.

Итак, вторичные (литературные) велеризмы показали, что всякая пословица и поговорка, включаясь в речь говорящим лицом в определенную ситуацию, образуют своеобразный «речевой велеризм», состоящий из лица, выбирающего пословицу или поговорку, из самой пословицы (в момент актуализации это прямая речь) и из актуализирующей ситуации. Иными словами, знаковое отношение к ситуации у пословиц и поговорок иное, чем у других языковых знаков. Денотатами паремий являются не сами актуализирующие ситуации, а нечто такое в их сценарии и исполнении, между чем и пословицей существует стабильная связь. Таким образом, вторичные велеризмы созданы по образу и подобию некоей модели речевого поведения, которую можно назвать велеремой. Велерема может быть реализована на речевом уровне, носить окказиональный характер речевого велеризма, а может быть клиширована и превратиться в паремнологический знак, в паремию-велеризм.

Далее, вторичные велеризмы заставили по-иному взглянуть на общеизвестный факт. Многие пословицы и поговорки возникли из басен, побасенок, анекдотов, коротких притч. Понимая важность этой связи для толкования и употребления пословиц и поговорок, многие собиратели паремий приводят в своих сборниках и их источники. При этом обнаруживается весьма примечательное обстоятельство: как правило, пословицы и поговорки в таких случаях есть не что иное, как *п р я м а я р е ч ь* одного из участников ситуации. Так, например, курдская пословица *Осталось найти три подковы и коня* восходит к следующей истории: *Говорят, у одного пахаря не было коня. Однажды он решил пойти в город, чтобы купить его. На дороге он увидел подкову и поднял ее. Встречает его приятель, спрашивает: «Как дела?» — «Вот нашел одну подкову, осталось найти еще три да коня»* [7, с. 388].

Возникает закономерный вопрос, почему в процессе конденсации истории в пословицу при буквальном сохранении прямой речи опущены говорящее лицо и указание на ситуацию, хотя оба опущенных члена легко и логично могли бы вписаться в пословицу по модели велеремы. Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы сопоставили пословицы и поговорки, возникшие из прямой речи, с теми элементами экситуации, которые соответствуют спикеру и ситуации в велереме.

Пословицы	Экситуация в сжатом виде
1. <i>«По тысяче причин, во-первых, пороха не было»</i> (перс.) [12, с. 225]	ответил солдат, когда командир спросил его, почему он не стрелял
2. <i>«Будешь квакать или нет, я деньги заплачу, все равно съем»</i> (перс.) [12, с. 197]	сказал пастух, когда из завернутой в лаваш зелени послышалось кваканье лягушонка
3. <i>«Принеси, не называя!»</i> (перс.) [12, с. 201]	приказал Бахраш-шах, когда в ответ на просьбу дать одеяло крестьянин сказал, что у него есть только попона.
4. <i>«Я ухожу, но так хозяйство не ведут»</i> (перс.) [12, с. 204]	сказал вор хозяевым, не найдя, что украсть
5. <i>«И это от старости!»</i> (перс.) [12, с. 217]	сказал врач больному, когда тот, рассердившись на то, что все его жалобы врач объясняет старостью, высунул язык

6. <i>«Я умираю не от стрелы, а от твоих слов»</i> (курд.) [7, с. 379]	сказала раненая газель лягушке, когда та назвала ее «сестричка»
7. <i>«Теплый хлеб и вода ничего не стоят, но не каждый ими угостить сумеет»</i> (курд.) [7, с. 396]	сказал гость бедной, но радушной хозяйке
8. <i>«Я для себя бегу, а ты для других»</i> (курд.) [7, с. 379]	ответил заяц борзой, когда она его спросила, почему он бежит быстрой ее

Сравнивая приведенные пословицы с окказиональными речевыми велеризмами, можно заметить, что и в том и в другом случае связь между пословицей и актуализирующей ситуацией логична: ситуация вытекает из пословицы, или пословица вытекает из ситуации. Иными словами, пословица содержит либо причину, либо следствие ситуации, либо то и другое одновременно. Поэтому утверждение, что пословица является знаком ситуации или класса ситуаций¹, по меньшей мере не точно, так как она относится к ситуации как имплицативный знак, как часть к целому, причем целым является не ситуация, а велерема. Содержание пословицы не равно содержанию ситуации, как это видно из приведенных выше примеров, это две равновеликие семиотические единицы, связанные причинно-следственной связью. Именно поэтому носитель языка по пословице угадывает вероятную ситуацию, а по ситуации — вероятную пословицу, пользуясь закономерностями велеремы.

Размеры статьи не позволяют остановиться на таком чрезвычайно важном вопросе, как направление и механизм паремиологической компрессии, а также на проблеме реконструкции велеремы как промежуточной стадии между «историей, фактом, высказыванием по поводу» и пословицей или поговоркой. Сделаем лишь несколько замечаний, имеющих значение для последующего изложения.

Экситуация опускается, в частности, потому, что ее наличие сужает круг возможных причинно-следственных связей. Так, сохранение экситуации при пословице «Принеси, не называя!» (пример № 3 из приведенной выше подборки) привязало бы это высказывание к вещественным причинам с определенными артефактами. Чтобы правильно и свободно употреблять пословицу, носитель языка должен, как это ни парадоксально, **з а б ы т ь** предметное наполнение и конкретный сценарий ситуации, породившей пословицу, но усвоить ее логико-семиотическую структуру², держать в уме ее сжатую схему, формулу, которая позволяет осуществить перенос отношений, открытых в конкретном, на абстрактное, открытых в неодоушевленном — на одушевленное и т. д.

В велеризмах ситуация не опускается в силу особых, специфических связей между прямой речью, говорящим лицом и ситуацией, связей настолько необычных или важных, что они не могут быть адекватно отгаданы по одному члену велеремы — по прямой речи. Поэтому велеризмы можно охарактеризовать как паремии, позволяющие носителю языка выразить причинно-следственную оценку ситуации через призму сложных связей между компонентами велеремы (спикер + спич + ситуация).

Сложное целое речи, состоящее из речевого велеризма и клишированного велеризма, можно представить следующей схемой:

Речевая конфигурация велеризма - паремии
и речевого велеризма'

{Говорящее лицо + Прямая речь (спикер + спич + ситуация) +
Актуализирующая ситуация} велеризм-паремия

§ 3. СТЕПЕНЬ ПОНЯТИЯ-РЕЛЯТОРА И БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ

Заманчивая цель исследовать «кирпичики мышления» и вскрыть глубинные структуры, формирующие речемыслительную деятельность, привела семиотику в паремиологию. Паремии оказались идеальным объектом изучения логико-семиотических составляющих содержания и типов их организации по следующим причинам.

1. Паремии являются **цельнооформленными** единицами не только в плане выражения, но и в плане содержания. Содержание любой единицы обычного текста всегда фрагментарно, не закончено и входит на правах части в содержание единицы более высокого ранга. Эта фрагментарность известна как несоответствие плана содержания плану выражения. Паремии представляют **законченные** единицы мысли. Более того, мысль в них почти отделена от лингвистического выполнения и представляет удобный объект для расчленения на рекуррентные составляющие.

2. Наборы и комбинации смысловых составляющих паремий почти стабильны. То новое, тот «привар» мысли, ради которого каждый раз заново видоизменяется фабулогизация действительности, обеспечивается в случае паремий вариантами отношения паремии к сценарию, репертуару и исполнению ситуаций действительности, которые никогда не повторяются полностью, а также отношением говорящего к этому отношению (выбор паремии, голос, мимика, жест). Автосемантичность и независимость наборов и комбинаций глубинных составляющих от лингвистического и прагматического контекста создают идеальные условия для изучения инвариантности содержания единиц языка и степени их неопределенности, их информационного потенциала.

3. В составе смысловых составляющих паремий хорошо представлена особая группа **понятий-реляторов**, являющихся инструментами сравнения текстов, установления их сходства и различия. Их роль в организации речемыслительного содержания особенно наглядна в паремиологии. Под углом зрения таких понятий-реляторов, как *Одушевленность*, *Культурное*, *Абстрактное* и др., исследуется и сопоставляется содержание паремиологических текстов, что дает возможность установить бинарные оппозиции содержаний по степени общности их с понятием-релятором.

Степень общности и различия паремий по одному и тому же релятору варьируется. Так, понятие *Культурного* широко используется в паремиологических исследованиях в качестве понятия-релятора. В широком смысле к сфере Искусственного, не природного, можно отнести и артефакты (предметы и вещи, созданные трудом человека), и домашних животных и растения (выведенные человеком), и сверхъестественные понятия типа *бог*, *дьявол*, созданные воображением человека, и денотаты абстрактных понятий типа *терпение*, *смерть*. Однако степень отнесенности во всех этих случаях к понятию-релятору Искусственное различна, различна, следовательно, и степень их противопоставленности Естественному, Дикому, Некультивированному.

Степень противопоставленности паремий по релятору Искусственное можно уточнить, выделив видовые понятия искусственного способа возникновения объектов. Для нашего материала релевантными оказались Рукотворное, Созданное Словом, Созданное Мыслью (*Рук*, *Сл*, *Мыс*). Следовательно, артефакты можно охарактеризовать по наличию двух дифференциальных видовых признаков — *Рук*, *Мыс* (задумано и сделано человеком) — и по отсутствию признака *Сл*; «культурные животные и растения» — *Рук*, *Сл*, *Мыс* (результат ухода, постепенного влияния на отбор); *бог*, *дьявол* — *Рук*, *Сл*, *Мыс* (созданы мыслью, воображением человека); «абстрактные понятия типа *терпение*» — *Рук*, *Мыс*, *Сл* (создано речевым мышлением); «явления и предметы природы, дикие животные и растения» — *Рук*, *Сл*, *Мыс*.

Естественно, подобное разбиение на видовые понятия релевантно для атеистического мировоззрения. Для религиозного сознания разбиение понятия-релятора на видовые и интерпретация групп денотатов наборами дифференциальных признаков будут несколько иными, что важно учитывать при этнографических исследованиях паремий. В этой же связи необходимо сделать еще одно замечание: стабильность наборов, комбинаций и противопоставлений составляющих содержания паремий обеспечивается, в частности, длительной консервацией оппозиций. Понятие одушевленности, например, изменило свое содержание от противопоставления «наличие души» — «отсутствие души» в сторону противопоставления «живое» — «неживое», но до сих пор во многих языках «бог», «смерть» отвечают на во-

прос «кто?», а растения — на вопрос «что?». Поэтому такие объекты исследования, как паремии, предполагают различие нескольких содержаний — в соответствии с разными типами мировоззрений и в соответствии с разными лингвистическими культурами и традициями³. Без этого вряд ли может быть решен в каждом конкретном случае вопрос о структуре и механизме паремиологического тропа.

Разбиение понятий-реляторов на видовые связано с проблемой оценки удельного веса видовых подкатегорий в составе родовой категории. «Цена» видового признака зависит от двух моментов.

1) Рекурентность видовых подкатегорий. В паремиологических исследованиях противопоставления «мысль—дело», «слово—дело», «мысль—слово» широко используются при описании и классификации материала. Поэтому можно полагать, что из возможных разбиений понятия-релятора Искусственное на видовые предложенное нами разбиение имеет достаточную эвристическую ценность.

2) Иерархия видовых признаков, их «цена» по отношению друг к другу. Можно предложить два подхода к решению этого вопроса:

а) дедуктивный — логическое обоснование предпочтения признаков. Применительно к разбираемому нами случаю: первичность «мысли», вторичность «слова» и завершающая роль «дела» — так выглядит логическая предпочтения и последовательность этапов процесса от естественного к искусственному;

б) индуктивный — обеспечение смысловазличительных возможностей подкатегории видовыми подкатегориями второй, третьей и т. д. ступени, т. е. смысловым объемом родо-видового дерева, функционирующего в пределах данной микросистемы. Так, центральное видовое понятие «дело» в реляторе Искусственное получает на нашем материале дальнейшее вариативное толкование: по материалу, инструменту, способу; по качеству, прочности, употреблению; по субъекту, объекту и сопутствующим обстоятельствам творческого акта; по назначению, результату и следствию произведенного артефакта. При этом каждый из вариантов дает десятки экспликантов в языке. Смысловазличительный объем видовой подкатегории «мысль» в пределах релятора Искусственное имеет только три вариации: мысль-замысел, мысль — реакция на обратную связь (доля сознательности в процессах культивации животных и растений) и мысль-воображение. Составляющая «слово» не имеет вариантов в реляторе Искусственное. Поскольку при трех дифференциальных признаках возможно восемь различных комбинаций, можно ввести соответственно оценки 4, 2 и 1 так, чтобы каждый набор имел свою сумму весов⁴. Тогда триада мысль—слово—дело для микросистемы спикер в велеризмах будет выглядеть следующим образом: ДЕЛО — 4, МЫСЛЬ — 2, СЛОВО — 1 в качестве видовых признаков понятия-релятора Искусственное.

С помощью малого квадрата Вейтча⁵ можно рассчитать степени релятора Искусственное:

	ДЕЛО		ДЕЛО	
С Л О В О	ДСМ	ДСМ	ДСМ	ДСМ
	рел. 5	рел. 7	рел. 3	рел. 1
С Л О В О	ДСМ	ДСМ	ДСМ	ДСМ
	рел. 4	рел. 6	рел. 2	рел. 0
	МЫСЛЬ		МЫСЛЬ	

В соответствии с нашей аргументацией широко известное в паремологии противопоставление «слово—дело» в микросистеме веле-ризмов в чистом виде (по одному положительному дифференциальному признаку) не имеет максимальной степени противопоставленности: РелИскус₄ (Д С М) — РелИскус₁ (Д С М). Так, между спикером «терпение» и спикером «котел» расстояние по степени искусственности равно трем семантическим единицам: *Терпение говорит: «Терпи!»* (курд.) [7, № 1394]; *Котел котлу говорит: «Ты черный!»* (перс.) [12, № 646].

Косвенным подтверждением правильности предложенной нами градации утилитарных оценок для данного случая может быть введение понятия-релятора Перцептуальное с подвидовыми понятиями «наблюдаемый зрительно», «воспринимаемый тактильно» и «воспринимаемый на слух». Естественно, денотаты-объекты с первыми двумя характеристиками ближе к понятию «создано, сделано, сотворено человеком», чем слово, воспринимаемое на слух, и мысль, воспринимаемая концептуально.

При изменении «цены» видового признака в пределах других микросистем семантическое расстояние между теми же наборами дифференциальных признаков будет другим. Поэтому под бинарными оппозициями типа Одушевленное—Неодушевленное, Абстрактное—Конкретное, Культурное—Дикое могут скрываться самые разные признаки, свойства и предметы.

И тем не менее бинарная оппозиция является центральным понятием в самых разных направлениях семиотики, лингвистики и филологии. Из противопоставленных понятий исходят как из основных и очевидных и вместе с тем ими завершают сложные построения, но часто забывают требование, выдвинутое еще Аристотелем: «Необходимо, чтобы все противоположности либо относились к тому же самому роду, либо принадлежали противоположным родам, либо чтобы сами они представляли собою роды». ⁶ Противоположность, по Гегелю, «есть единство тождества и разности», и уже Платон учил, что противопоставле-

ние Начала Концу основано на том, что Начало вмещает в себя в свернутом виде все то, для чего оно является Началом, Конец же в сжатом виде смещает в себя все то, для чего он является Концом⁷.

Противоречащие оппозиции, связанные только отрицанием, не имеют ценности для семиотических исследований, так как они заполняют весь объем родового понятия и между ними не может быть средних членов. Кроме того, отрицательный член таких оппозиций не имеет положительного содержания (естественное — неестественное) и не может быть интерпретирован на исследуемом материале.

Смысловое расстояние между членами оппозиции должно быть достаточным для разбегания на степени перехода одного члена противопоставления в другой. Эти степени перехода должны иметь содержательную интерпретацию в материале.

Наше рассуждение можно обобщить в виде формулы.

Пусть p и x — максимально отстоящие от некоторой точки отсчета («нуля») противоположные понятия (подклассы, элементы множества) некоторого родового понятия (класса, множества), а $\neg p_1, \neg p_2, \neg p_3, \neg x_1, \neg x_2, \neg x_3$ — средние члены противопоставления, полученные в результате обоюдного отрицания p и x . $\cup$ — множество, объединяющее, например, подклассы противопоставления «Искусственное — Естественное»: $\neg p_1$ (рукотворное), $\neg p_2$ (культивированное), $\neg p_3$ (воображаемое), $\neg x_3$ (цивилизованное), $\neg x_2$ (дикое), $\neg x_1$ (природное).

Тогда формула содержательной бинарной оппозиции должна быть следующей:

$$\{p[\neg p_1, \neg p_2, \neg p_3, \neg x_3, \neg x_2, \neg x_1]x\}$$

$$\{+\}. . . . .\{0\}. . . . .\{-\}$$

Основную ценность для семиотических исследований в паремнологии представляют **контрарные** оппозиции, одна из которых в качестве примера⁸ была описана нами в данном разделе. Паремии позволяют не только инвентаризировать основные смыслы, но и установить родо-видовые отношения между ними и, следовательно, сократить расстояние между абстрактными моделями типа «Смысл—Текст» и речевой действительности, основанной на принципе доминанты⁹.

§ 4. КВАЗИВЕЛЕРИЗМЫ

Тейлор считает, что в трехчастной структуре велеризма третья часть не обязательна. Велеризм может иметь форму «То-то сказал такой-то» [20, с. 214—215]. Например: *Бог сказал: «Благословение от меня, а труд от тебя»* (курд.) [7, № 763]; *Алмасты радуется: «Собаки на меня лают — за человека принимают»* (адыг.) [13, № 1].

Несмотря на то что оба приведенных примера формально двухчастны, семиотическая структура их различна. Второй пример допускает интерпретацию «Алмасты ($\approx$ кикимора) радуется, потому что. . .», первый пример такой интерпретации не допускает. Во втором примере в вводящем прямую речь слове *радуется* в склеенном виде содержится указание на акт речи и на обстоятельства речи (сказал радуясь — «как?»). Однако прямая речь может быть введена и без самого указания на акт речи вообще: «*Подковали верблюда, блоха подняла ногу: «Меня тоже подкуйте!»*» (перс.) [12, № 1039]. Все это указывает, во-первых, на **четырёхчастную** структуру велеризма, а во-вторых, на возможность различных комбинаций из этих четырех частей: 1) спикер + интродуктор (слово или слова, вводящие речь) + спич + ситуация; 2) спикер + интродуктор + спич; 3) спикер + спич + ситуация.

Анализ собранного нами материала показывает, что из четырех частей велеремы (То-то, сказал, тот-то, при таких-то обстоятельствах) обязательна экспликация любых двух, но при условии, что одной составляющей будет прямая речь (спич). Кроме приведенных выше вариантов комбинаций возможны еще следующие: 4) интродуктор + спич + ситуация: *Рассердившись на дрозда, убил скворца, приговаривая: «И ты черный!»* (абхаз.) [13, № 157]; 5) интродуктор + спич: *Говорит: «К чему рука моя не дотянулась, пусть это будет за упокой души моего отца»* (курд.) [7, № 403]; 6) ситуация + спич: *На улице: «Гей, Гей!», а дома: «Ой, ой!»* (узб.) [19, с. 70].

Оставляя открытым вопрос о вариативности экспликации велеремы (в частности, о количестве спикеров, обстоятельств, интродукторов), необходимо разделить велеризмы на два архетипа: на собственно велеризмы с четырехчастной структурой и на квазивелеризмы с частичной экспликацией велеремы, так как последние характеризуются группоидными свойствами.

Как предмет самостоятельного исследования мы также оставляем в стороне вопрос о связи между пословицами и поговорками и одночастной экспликацией велеремы.

§ 5. СПИКЕР

Употребляя обычную пословицу, не велеризм, актуализирующее говорящее лицо выражает согласие с наблюдениями, оценками, нормами, рекомендациями, содержащимися в тексте пословицы, а следовательно, несет полную ответственность за истинность высказывания, за адекватность использования паремии в данной актуализирующей ситуации. В случае велеризма прямая речь препоручается некоему представителю актуализирующего говорящего лица с эвфемистической целью.

Введение спикера освобождает актуализирующее говорящее лицо от прямой ответственности за прямую речь, позволяет остаться в тени, не указывать на свое личное отношение к прямой речи, вложенной в уста спикера. Естественно, отношение актуализирующего говорящего лица к прямой речи все равно существует и проявляется в самом выборе велеризма. Но отношение это не маркировано (согласен — не согласен), оно может быть интерпретировано как «интерес» к тому, что по сходному поводу сказал некто, как, например: *Некто разошелся с женой и говорит: «Стань моей возлюбленной»* (курд.) [7, № 1610].

Далее, введение спикера позволяет усилить (уменьшить) достоверность, истинность, реальность высказывания: не мое личное, так говорят многие, люди вообще, следовательно, высказыванию придается характер коллективного суждения. Иными словами, введение спикера меняет модальность высказывания. Например: *Скиталец от горя ушел в горы, а люди сказали: «Счастливец, нашел покой»* (азерб.) [1, с. 115]. В роли спикеров практически не встре-

IV. Артефакты	РелОдуш ₀ , РелИскус ₆ , РелЧелов ₀
V. Предметы и явления природы	РелОдуш ₁ , РелИскус ₀ , РелЧелов ₀
VI. Абстрактные понятия	РелОдуш ₀ , РелИскус ₁ , РелЧелов ₀
VII. Сверхъестественные образы	РелОдуш ₂ , РелИскус ₂ , РелЧелов ₇

Степень метафоризации спикера прямо пропорциональна разнице между степенями реляторов рассматриваемой группы и группы I (Люди). Например: *Стекло говорит: «Разобьюсь, лишь бы не зазвенеть»* (курд.) [7, № 2156]. Разница реляторов между спикером «стекло» (артефакт) и первой группой равна 19. *Земля говорит: «Пронзи меня, и я тебе жизнь подарю»* (азерб.) [1, с. 16]. Разница реляторов между спикером «земля» и первой группой равна 13. *Пошло дерево к богу жаловаться на топор. Бог сказал: «А у топора рукоятка деревянная»* (арм.) [2, с. 41]. Разница реляторов между спикером «бог» и первой группой равна 5. Сопоставляя спикеры «стекло», «земля» и «бог», можно убедиться в том, что степень необычности, яркости, нестандартности говорящего лица соответствует семантическому расстоянию от первой группы.

Поскольку механизм тропа состоит в нейтрализации оппозиций, следует различать максимальный, средний и минимальный перенос свойств. Вопрос этот требует дальнейшего исследования, и в частности исследования системы родовидовых реляторов, разбивающих выделенные семь групп на подгруппы. Так, например, для дальнейшего дробления на подгруппы I используются видовые понятия следующих родовых понятий-реляторов: дискретности, модальности, целенаправленности, смысловых партнеров которых можно обнаружить в других частях велеремы (интродуктор, спич, ситуация). Без такого дополнительного детального исследования нельзя окончательно решить вопрос о семантическом синтезе велеризмов.

§ 6. ИНТРОДУКТОР

Прямая речь может вводиться не словом, а делом, как, например: *Привяжи рядом две лошади, хан т у т к а к т у т*: «Подари мне одну!» (азерб.) [1, с. 26]; *Привели мышей, и летучая мышь я в и л а с ь*: «Я тоже грызун» (азерб.) [1, с. 122]; *Лошади поскакали, а жеребенок приосанился*.

Слово может быть в н е ш н и м, произнесенным вслух, и может быть в н у т р е н н и м, т. е. остаться мыслью. Таким образом, мы опять встречаемся с триадой мысль—слово—дело как видовыми понятиями родового понятия-релятора Способ, но удельный вес этих признаков уже иной: ведущая роль принадлежит с л о в у (варианты — говорить, сказать, ответить, спросить, приказать, наказывать, предложить, попросить, утешать, уговаривать, успокаивать, удивляться, выкручиваться, обещать, кричать, вопить, орать, твердить, приговаривать, горевать, беспокоиться, кручиниться), на втором месте — м ы с л ь (варианты — думать, мечтать, соображать, признать, намереваться, предположить,) д е л о как разновидность интродуктора представлено единичными случаями.

Вторым родовым понятием-релятором для микросистемы интродуктор является понятие «инициативы» с подразделениями на видовые понятия: говорение-акция, говорение-реакция, говорение-обращение. Мера инициативы в высказывании имеет оттенок причинности: по внутреннему побуждению (акция), по побуждению извне (реакция), по обусловленности системой коммуникации (обращение к). Этот релятор позволяет различать группы оттенков, связан-

При девяти видовых дифференциальных признаках количество эксплицированных вариантов достаточно велико для того, чтобы каждый экспликант имел свой собственный набор признаков, ту уникальную комбинацию, которая позволяет нам безошибочно распознавать в речи все оттенки значения.

§ 7. СИТУАЦИЯ

Эта часть велеремы содержит в себе причину или условие употребления прямой речи и потому ограничивает возможный ситуативный потенциал высказывания. Мы уже обсуждали в § 2 возможную причину отказа пословиц и поговорок от своих экситуаций; сохранение всех частей велеремы привязывает изречение к определенному репертуару и затрудняет нейтрализацию оппозиций, необходимую для метафоризации актуализирующей ситуации. Перефразируя известное изречение Хосе Ортеги-и-Гассета «Я есть Я и мои обстоятельства»¹⁰, можно сказать, что велеризм есть высказывание и обстоятельства этого высказывания. Велеризмы сохраняют ситуацию с целью конкретизации метафоры, уменьшая степень обобщения при ситуативной интерпретации высказывания. Так, например, прямая речь приводимого ниже велеризма могла бы использоваться и в качестве пословицы отдельно, без спикера, интродуктора и ситуации, так как она достаточно афористична и сентенциозна: *Собака сидит возле скирды и говорит: «Какая у меня тень большая»* (арм.) [2, с. 51]. Однако в случае употребления прямой речи в качестве пословицы снимается весьма существенное ограничение — «наличие у соседнего объекта аналогичных свойств, но более ярко выраженных»: Без этого ограничения высказывание могло бы быть использовано применительно к любой ситуации, в которой есть материал для вывода: «свои свойства всегда оцениваются необъективно».

Таким образом, ситуация в велеризмах ограничивает использование прямой речи определенными условиями, и родовым понятием-ректором для ситуации является понятие **границы**, которое мы запишем как «*В* граница *А*», где *В* — ситуация, а *А* — высказывание.

Родовое понятие «*В* граница *А*» делится на два видовых понятия: «*В* внешняя граница *А*» (место, время, причина, цель, условие, уступка, последующее действие, сопутствующее действие, исключение из, направление, результат, следствие) и «*В* внутренняя граница *А*» (мера, качество, интенсивность, частотность, способ проявления, характеристика). Например: *Когда нет людей, лягушка говорит: «Озеро мое!»* (каз.) [13, № 153] — «*В* темпоральная граница *А*»; *Гуляя в лесу, сказал: «Здесь нет дров»* (ассир.) [13, № 51] — «*В* локальная граница *А*»; *Дурак, кто говорит: «Они имеют в виду моего друга, а не меня»* (ашанти) [13, № 14] — «*А* следствие *В*»; *Стоит петух на кровле и удивляется: «Как только эти дома меня выдерживают?»* (арм.) [13, № 645] — «*В* характеристика *А*».

Оставляя открытым вопрос о семантической структуре обстоятельств на уровне лингвистической экспликации, отметим лишь три момента.

1. Обстоятельственная семантика может не иметь специального экспликанта, как, например: *Глухой сказал: «Руки-ноги пляшут, только барабаник не играет»* (бенгальск.) [13, № 176]. В приведенном примере спикер и «В причина А» эксплицированы одним словом — «глухой».

2. В велеризмах обстоятельственные отношения, как правило, синкретичны, т. е. варианты отношений могут сосуществовать и поддерживать друг друга, как, например: *В железном веке дети отцу говорят: «А ну-ка принеси табак»* (бенгальск.) [13, № 59], где В является одновременно и темпоральной границей, и причиной А.

3. В велеризмах мы встречаемся с усложненными вариантами причинно-следственных отношений, мало изученных в логике.

а) «А причина В» и «А цель В».

Разберем такой пример: *«Зима рано или поздно придет, ребята», — сказали финны и начали продажу лыж* [20, с. 212]. Здесь А является причиной и одновременно целью В. Но отношения эти осложнены модальными операторами¹¹, необычно использованными. Как правило, «А причина В» соответствует предикатному выражению: «Если есть А, то возможно или необходимо В». В приведенном примере вместо квантора экзистенции «есть» использован оператор «когда-нибудь возможно», состоящий из «условного времени» и «возможно». Этим достигается комический эффект: «Если когда-нибудь возможно А, то возможно или необходимо В». Иными словами, достаточность причины ставится под сомнение, условный характер А ослабляет квантор необходимости между А и В. Таким образом, вместо « $A \rightarrow \diamond B \vee \square B$ » мы имеем « $\diamond A \rightarrow \diamond B \vee \square B$ ».

Цель обычно соответствует двум предикатным выражениям: «Необходимо В, поэтому необходимо А» и «Если есть А, то возможно В». В нашем примере квантор «необходимо» заменен на «возможно» перед А в первом предикатном выражении, что тоже вызывает комический эффект: «Необходимо продать лыжи, поэтому возможна зима». Таким образом, вместо « $\square B \rightarrow \square A$) $\wedge$ (« $A \rightarrow \diamond B$)» мы имеем

$$(\diamond A \rightarrow \square B) \wedge (\square B \rightarrow \diamond A).$$

б) «А несмотря на В».

Например: *В юрте нет даже ложки айрана, а дочь называют: «Госпожа простокваша»* (кирг.) [13, № 43]. «А несмотря на В» соответствует здесь двум импликациям с разными кванторами — квантором всеобщности $\forall$ и квантором экзистенции $\exists$, которые взаимно отрицают друг друга. Уступительное отношение соответствует исключительной импlicative связи между В и А и тем самым отрицает типичную импlicative связь между В и А — $\exists (B \rightarrow A) \equiv \neg \forall (B \rightarrow A)$. Довольно часто в велеризмах и без того слож-

ное уступительное отношение осложняется и дает двойную уступку, которая лежит в основе ложной сентенции (см. § 8). Например: *Собака бежит под телегою и говорит: «Я тащу!»* (калмыц.) [13, № 164] — «Несмотря на то что собака только бежит под телегою, она говорит: „Я тащу“» и «Несмотря на то что собака говорит: „Я тащу“, она только бежит под телегою». «В несмотря на А» и «А несмотря на В». Для осложнения простой уступки здесь используется операция, логический смысл которой находится в обратном отношении к закону достаточного основания Лейбница.

Мы рассмотрели варианты отношений между ситуацией и прямой речью, отвлекаясь, сколько возможно, от тематического наполнения А и В. Вместе с тем самые тонкие варианты отношений и передаются и реализуются тематическими элементами А и В.

§ 8. ВЫСКАЗЫВАНИЕ

Прямая речь содержит отношение спикера к велеремной ситуации.

А. Ситуация может рассматриваться как закономерное явление, вытекающее из свойств природы и человека, и поэтому признаваться неизбежной. Свои наблюдения относительно сущности вещей, свойств и отношений спикер формулирует в таком случае в афористической форме¹². Здесь проявляются мировоззренческие установки спикера, его отношение к диалектике жизни и смерти, его понимание судеб Вселенной и человека. В наших материалах велеризмы были посвящены следующим афористическим темам: 1) человек у свойственнo: желать лучшего, ко всему привыкать; выдавать стихийные события за желаемые, подражать другим людям, любить свое потомство, забывать данные в трудную минуту обещания, выдавать желаемое за возможное, считать нелюбимое нехорошим, придавать значение своему происхождению, выдавать свои недостатки за достоинства, утешаться ненужностью потерянного, обращаться за поддержкой к «своим», не верить в собственные пороки и недостатки, предпочитать порок позору; 2) по мн и, ч т о: не все от судьбы, многое от себя самого; вся земля — наш общий дом; польза ума и глупости зависит от обстоятельств; всякое действие вызывает ответное действие; много работающий о смерти не думает; выше себя не прыгнешь; доброе имя важнее власти; 3) к а к п р а в и л о: мы сами являемся причиной своих несчастий; скрытый порок опаснее открытого; суждение о том, чего сам не испытал, ложно; есть вещи самоочевидные для каждого; постоянный страх уродует душу и тело; для старого и шаг подвиг; сытый голодного не разумеет; бедный всегда виноват, а богатый всегда прав; общая беда не делает исключений; материнская любовь не имеет предела; страх — причина ложной почтительности.

Перечисленные афористические истины используются велеризмами при экспликации отношений и оценок, все разновидности которых можно свести к родовому понятию квантора всеобщности V.

Б. Если высказывание носит не обобщенно-афористический характер, то оно **сентенциозно**, нравоучительно и содержит осуждение, одобрение или сочувствие спикера к оцениваемому факту.

Основная тема осуждения — тема зла. Велеризмы представляют краткий каталог неблагоприятных, опасных и злонамеренных поступков, вытекающих из отрицательных свойств человеческой природы и состояний, вызванных страданиями. Осуждение в первую очередь связано с анализом мотивов поведения и установлением вины. Велеризмы-осуждения являются своего рода фольклорным уголовным кодексом: «Зло опасно, с ним нужно бороться».

Осуждаются: 1) **поступки**, причиной, целью или способом осуществления которых были: ложь, убийство, побои, злословие, обман, наказание, провокация, оскорбление, присвоение себе чужих заслуг, унижение, расправа, хвастовство, развод, погоня, кража, хитрость, клевета, донос, притворство, подстрекательство; 2) **свойства человека**, чреватые опасными последствиями: лень, жадность, скупость, глупость, жестокость, злость, невежество, лицемерие, бесстыдство, неблагодарность, бессердечие, сластолюбие, обжорство, тщеславие, ограниченность, самовлюбленность, упрямство; физическое безобразие (кривой, глухой, плешивый и т. д.); 3) **носители качеств**, опасных для окружающих: вор, картежник, убийца, подстрекатель, дармоед, хвастун, скряга, деспот, лентяй, обжора, болтун, сплетник, дурак, лгун, трус.

Сочувствие спикера вызывает отрицательные состояния, переживаемые человеком: горе, страх, голод, обида, смерть, старость, ненависть, болезнь, ранение, поражение, опасность, беда, сознание вины.

Спикер одобряет: соблюдение родства, веру в человека, благодарность, мудрость, доброту, гордость, мужество, твердость, трудолюбие, прилежание, терпение, жизнестойкость, ум, здоровье, долголетие, скромность, красоту, сострадание, силу, ловкость, находчивость; положительные поступки типа подарка, сватовства, женитьбы, нравоучения; положительные эмоции, вызванные стремлением отыскать истину, любовью к дому и родине, уважением к добытой трудом пище.

И афористичные и сентенциозные высказывания **антропocентричны**. Объективными темами высказывания являются предметы и явления природы, такие, как огонь, восход солнца, естественные препятствия.

Размеры данной публикации не позволяют подробно остановиться на взаимодействии всех частей велеремы в процессе семантического синтеза. Рассмотрим лишь в качестве примера один из вариантов семантического целого с очень интересным смысловым содержанием, которое можно было бы охарактеризовать словами Данте как «истину, принявшую образ лжи», когда ложное утверждение, вложенное в уста спикера, выполняет цель разоблачить, предать гласности и осуждению: ложное обещание, притворное

желание, притворную попытку действия, провокационный вопрос, притворное поздравление, ложную опасность, притворное доброжелательство, ложную храбрость, мнимое сходство, притворный поиск, притворное участие, притворную радость, ложную удачу, ложную награду. При этом во всех случаях используется уступительная модель отношений, описанная нами в § 7 и осложненная различными логическими фигурами, изучение которых заслуживает самого пристального специального исследования, как это видно из приводимых ниже примеров.

1. Ложь—ошибка—высказывание: *Дурак пошел на свадьбу и сказал: «Здесь лучше, чем у нас дома»* (арм.) [13, № 124].

2. Ложь—ошибка—обращение: *Один от голода вопит, а сын правителя ему говорит: «Почему похлаву не ешь?»* (курд.) [7, № 1612].

3. Ложь—ошибка—ответ: *Спросили у дурака, сколько ведер воды в реке Аракс. «Четыреста семнадцать с половиной», — подумав, ответил он* (арм.) [2, с. 33].

4. Ложь—вымысел—утверждение: *Бесстыжему плюнули в лицо, а он говорит: «Слава богу, дождь идет»* (арм.) [2, с. 58].

5. Ложь—вымысел—обращение: *Когда кошке сказали: «Твой помет — лекарство», она зарыла его поглубже* (арм.) [2, № 223].

6. Ложь—вымысел—ответ: *У заблудившегося человека спросили его имя, ответил: «Проводник»* (перс.) [12, № 294].

7. Ложь—вымысел—оправдание неудачи: *Не допрыгнула кошка до мяса и сказала: «Фу, какое!»* (узб.) [19, с. 72]; *беспомощности: Когда река понесла лягушку, она сказала: «Мне самой хотелось к морю поплыть»* (абхаз.) [№ 64].

8. Ложь—вымысел—выгода: *Скряга, умирая, богу обещал: «Спаси, в день по червонцу буду тратить!»* (груз.) [10, с. 49].

9. Ложь—искажение—скрытие причины—высказывание: *Сказал вор: «Если бы мясо перестало быть вкусным, я бы красть перестал»* (каз.) [6, с. 31].

10. Ложь—искажение—оправдание—обращение: *У мужа душа не лежала к жене, он говорил: «Когда муку просеиваешь, слишком качаешься»* (курд.) [7, № 601].

* * *

Проведенное исследование носит предварительный характер, в нем лишь намечена основная проблематика, возникающая при изучении велеризмов, но несомненно одно: семиотическая структура велеризмов представляет сложную конфигурацию нескольких уровней. Наблюдение многоаспектных отношений групп дифференциальных признаков и расстановки сил понятий-реляторов не только проливает свет на механизм, направление и результаты семантического синтеза паремиологической семантики, но и способствует уточнению отдельных вопросов, связанных с теорией отражения человеческим сознанием окружающего мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. работы Пермякова, Крикманна, Черкасского в кн.: Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М., 1978.

² Ср.: Г. Л. Пермяков. Логико-семантический план пословиц и поговорок. — «Народы Азии и Африки». 1967, № 6.

³ Ср. родо-видовое «древо Порфирия» III в. н. э. для анализа класса «существ». См., например: Н. И. К он д а к о в. Логический словарь. М., 1971, с. 144.

⁴ Не исключена возможность, что предложенные нами утилитарные оценки не есть величины случайные. Наблюдения над семантической структурой единиц разного уровня показывают, что сосуществование видовых составляющих в экслицированных единицах основано на принципе доминанты и скачкообразном (в два раза) квантовании семантики.

⁵ О методике применения квадратов Вейтча в лингвистических исследованиях см.: И. В. А р н о л ь д. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Док. дис. Л., 1966; А. А. Х а д е е в а - Б ы к о в а. Эвристические возможности квадрата Вейтча. — ВИИЯ. Методический бюллетень № 5. М., 1971.

⁶ А р и с т о т е л ь. Категории. М., 1939, с. 42—43.

⁷ А. Ф. Л о с е в. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969, с. 370.

⁸ Противопоставление Искусственное—Естественное может входить не только в родовое понятие «способ возникновения», но и в такие понятия, как «объект воздействия» (по материалу, например) и «воздействующее начало» (человек, природа, например). Многократность контрарных пар должна быть предметом специального исследования, так как это явление тесно связано с неопределенностью содержания паремий.

⁹ См. ряд работ по этому вопросу в сборниках: Механизмы доминанты. Л., 1967, А. А. У х т о м с к и й. Доминанта. М.—Л., 1966.

¹⁰ А. Б. З ы к о в а. Учение о человеке в философии Х. Ортеги-и-Гассета. М., 1978, с. 55 и сл.

¹¹ См.: Я. А. С л и н н. Теория модальностей в современной логике. — Логическая семантика и модальная логика. И., 1967, с. 119.

¹² Ср.: М. А. Ч е р к а с к и й. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (Пословицы и афоризмы). — Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М., 1978, с. 37.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ВЕЛЕРИЗМОВ

1. Азербайджанские пословицы и поговорки. Баку, 1959.
2. Армянский фольклор. М., 1967.
3. Армянские пословицы и поговорки. М., 1964.
4. Дхаммапада. М., 1960.
5. Древнеиндийские афоризмы. М., 1966.
6. Казахские пословицы и поговорки. А.-А., 1975.
7. Курдские пословицы и поговорки. М., 1972.
8. Марийские пословицы, поговорки, загадки. Йошкар-Ола, 1960.
9. Мордовские пословицы и загадки. Саранск, 1959.
10. Мудрість народна. Грузинські прислів'я та приказки. Київ, 1975.
11. Пословицы и поговорки удмуртского народа. Ижевск, 1960.
12. Персидские пословицы и поговорки. М., 1961.
13. Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1961.
14. Сказки и пословицы Мадагаскара. М., 1962.
15. Тамильские народные пословицы и поговорки. М., 1962.
16. Турецкие пословицы и поговорки. М., 1966.
17. Туркменские пословицы и поговорки. Аш., 1961.
18. Узбекско-русский словарь афоризмов. Таш., 1967.
19. Узбекские пословицы и поговорки. Таш., 1959.
20. The Proverb and an Index to the Proverb by Archer Taylor. Copenhagen, 1962.

Е. Г. Павлова

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ

1. Приметой мы называем паремию с доминантной прогностической функцией (см. [11, с. 256]). Своим функциональным признаком — прогнозом — она отличается от всех других непрогностических фольклорных паремий. Не являются, например, приметами похожие на них, но не содержащие прогноза паремии-наблюдения: *Пчела не садится на опавшие цветы* (кит.); *Зимой заяц бежит по одной и той же тропе* (кор.); *В июле у сахарного тростника все соки в верхушке* (вьет.).

2. Мы предлагаем все типы паремий с прогностической функцией (приметы, поверья, вещи сны и гадания), данные в классификации типов паремий по прагматическим текстовым функциям Г. Л. Пермякова [11, с. 258], объединить в общий тип примет, поскольку поверья — это **суеверные приметы**, вещи сны — **снящиеся приметы**, а гадания — **приметы альтернативные**, заключающие в себе позитивное и негативное начало.

Предметом исследования нашей статьи являются **естественные и суеверные приметы**.

3. У одних примет **прогноз** — единственный функциональный и смысловой признак, т. е. с его утратой примета обесмысливается. Так, если примету *Собака ест траву — запасай воду* (кит.) лишить прогнозной части (предсказываемого), она разрушится. Такие приметы мы называем **приметами — собственно прогнозами**.

4. Другие приметы имеют помимо прогноза функциональные признаки **совета** или **запрета**, и поэтому утрата функционального признака прогноза не влечет за собой полного разрушения примет. Если у примет *Не руби дров около костра, в дороге не будет гореть огонь* (эвенк.) и *В новую колыбель положи щенка, чтобы ребенок не болел* (эвенк.) отнять прогнозную часть, они все же останутся приметами: *Не руби дров около костра, В новую колыбель положи щенка*. Такие приметы мы называем **приметами-правилами**. (Это приметы магического характера.)

Для данной группы характерно бытование (и большого количества) примет с утраченным (забывшимся?) прогнозом¹, но он в них непременно подразумевается, и мы можем безошибочно определить его позитивный или негативный характер (к добру — не к добру): *Колыбель новорожденному должен делать чужой человек* (эвенк.); *Третий не прикуривает* (рус.); *Сети плети в полнолуние* (белорус.).

5. Приметы — собственно прогнозы не зависят от человеческого волеизъявления: *Если ворон будет каркать на вершине дома, кто-нибудь умрет* (яп.); *Радуга на востоке — к хорошей погоде, на за-*

паде — к дождю (кит.); Если вы нашли четыре листочка у клевера, к вам придет удача (амер.).

6. Все приметы-правила, наоборот, зависят от человеческого волеизъявления: Если человек стел голову воробья, то он разобьет посуду (кор.); Не утирайтесь двое одним и тем же полотенцем и в одно и то же время, не то поругаетесь (болг.); Пролезь через радугу, если желаешь сделаться из мальчика девочкой или из девочки мальчиком (болг.)².

7. Группа «приметы — собственно прогнозы» включает две подгруппы: «приметы природные» и «приметы человеческие». **Природными** мы называем приметы, прогнозирование в которых совершается как без волеизъявления человека, так и без его участия: Если запылют (в воздухе) стрекозы, будет буря (яп.); Зима снежная — лето дождливое (даг.); Филлин ухает — к несчастью (вьет.). **Человеческими** мы называем приметы, в которых прогнозирование совершается хотя и без волеизъявления человека, но с его участием: (Если) Уроните гребень (расческу), будете обмануты (амер.); Найти пенни — к добру (амер.); Зачешется грудь — кто-то вспомнил (эвенк.); Встретишься с пустым кувшином — жди неудачи (арм.).

8. Группа «приметы-правила» тоже имеют две подгруппы: «табу» и «колдовство». Приметы-правила **негативного характера** входят в подгруппу «табу»: Мальчикам нельзя давать есть мясо с передней ноги медведя. Когда будет охотиться, [медведь] расцарапает ему лицо когтями (эвенк.). Приметы-правила **позитивного характера** образуют подгруппу «колдовство»: Чтобы ружье било в цель, надо вытереть его ствол кровью из мизинца, промыть водой, которой мыли мертвеца (белорус.).

9. Как приметы — собственно прогнозы, так и приметы-правила во всех названных подгруппах подразделяются на естественные и суеверные.

Мы отказались от традиционного деления примет на научные и суеверные, поскольку их границы чрезвычайно подвижны и зависят от степени развития естественных наук. Критерий же деления примет на естественные и суеверные обеспечивает неподвижность границ между ними.

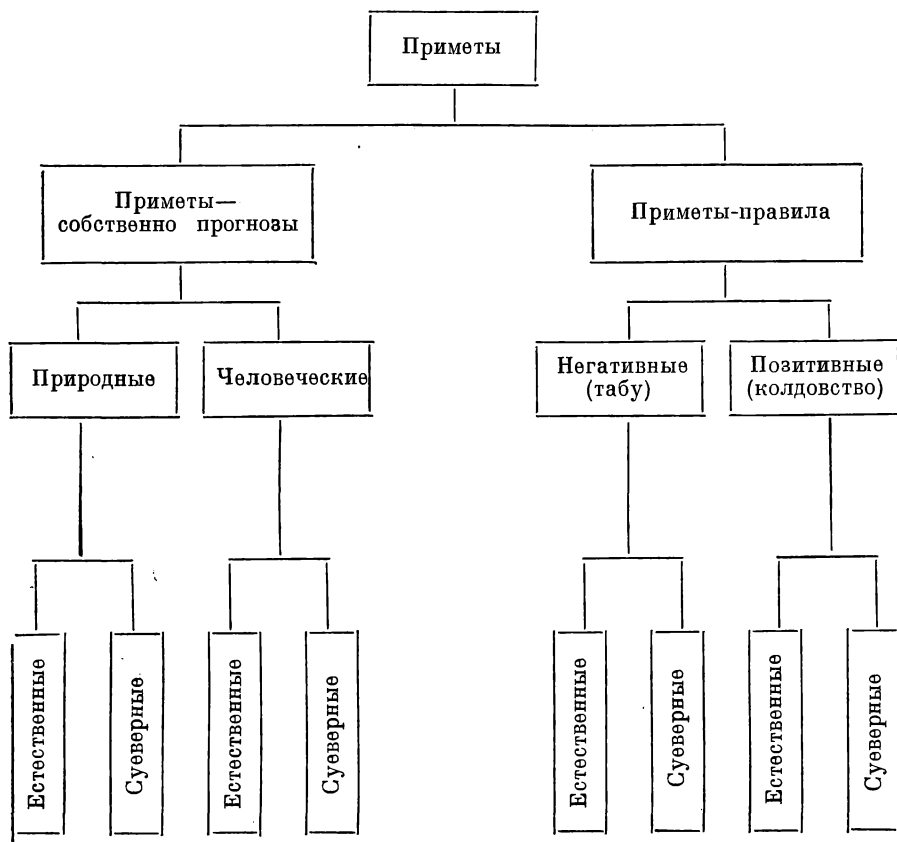
Естественными мы называем приметы, в которых, прогнозируются природные явления самими же природными явлениями: Гром в сентябре предвещает теплую осень (рус.); Если случится землетрясение, то будет богатый улов сельди и трески (кор.); Если мыши осенью придут в хату, будет наводнение, не придут — не будет (укр.); На Новый год дует северо-восточный ветер — к большому урожаю (кит.); Кошка думывается — к дождю (арм.); Если в день зимнего солнцестояния будет сильный мороз, то в этом году расплодится много тигров (кор.); Ноги ломят или горят — к ненастью (рус.)³; Иногда икота поднимается к ветру (рус.)⁴.

10. **Суеверными** мы называем (1) приметы, в которых прогнозируется человеческая жизнь вне зависимости от ее аспекта и от того,

чем она прогнозируется, а также (2) небольшое число примет, в которых прогнозируются явления природы случайными или преднамеренными человеческими действиями:

(1) *Если с потолка свисает на паутине паук, то быть в доме гостю (кор.); Если возле солнца (или звезды?) появится звезда, то быть в стране смуте (кор.); На Новый год гром — будет восстание (кит.); Когда отправляешься на работу и встретишь священника, то будешь иметь неприятность (болг.); Если у вас чешется нос — придут гости (амер.); Если, [собираясь] торговать, при выходе отступить, то из торговли ничего не выйдет (яп.).*

(2) *Если в дождливый день вымыть голову, то быть дождю в день свадьбы (кор.); Когда в мае месяце проезжает горшечник, то стаци у него один новый горшок и разбей его: будет идти дождь (болг.); Если готят, чтобы пошел дождь, то в колодец сыплют священный мак (белорус.); Если идет град, нужно выбросить на улицу кочергу и лопату. Тогда град перестанет (укр.); Если упадет женщина — будет дождь (кит.); Если упадет мужчина — будет ясно (кит.).*

11. Деление примет на естественные и суеверные, как указывалось выше, мы осуществляем в подгруппах «природные — человеческие» и «табу — колдовство».

Природные	
Естественные	Суеверные
<i>Утреннее зарево — к дождю в тот же день, вечернее зарево — к дождю на другой день (яп.)</i>	<i>Дерево, распустившееся раньше срока, предвещает радостное событие (рус.)</i>
Человеческие	
Естественные	Суеверные
<i>Пальцы болят — к ненастью (рус.)</i>	<i>Зачешется рука — что-то хорошее будешь держать (эвенк.)</i>
Табу	
Естественные	Суеверные
<i>Не сей пшеницу прежде дубового листа (рус.)</i>	<i>Не ешь сердце куропатки, а то станешь трусом, как куропатка (эвенк.)</i>
Колдовство	
Естественные	Суеверные
<i>Если бросить в дойницу несколько крупинок соли, молоко долго не скиснет (белорус.)</i>	<i>Если в первый день первой лунь бедняк принесет горсть золы из отхожего места богача и бросит в свое, то у него будет хороший урожай и он разбогатеет (кор.)</i>

12. В логическом плане многообразие примет сводится к трем основным типам.

1) Если есть (существует, происходит, произошло и подобное) **то-то**, будет **то-то**.

2) Если сделать **то-то**, будет **то-то**.

3) Если сделать (не сделать) **то-то**, будет **то-то**. Поэтому **делай (не делай)**. Первые два типа охватывают все приметы — собственно прогнозы, третий — приметы-правила.

Как первый, так и второй типы могут быть только полными, т. е. у таких примет всегда есть как прогнозирующая, так и прогнозируемая части. Это с необходимостью вытекает из того, что прогноз у таких типов, как указывалось выше, единственный функциональный и смысловой признак. Третий же тип встречается в двух усечениях:

а) если сделать (не сделать) **то-то**, будет **то-то**. Отсутствует совет или запрет;

б) **делай (не делай)**. Отсутствует прогноз.

Как видим, усеченный тип «а» примет-правил полностью совпадает со вторым типом примет — собственно прогнозов. Для их различения мы используем усеченный тип «б» примет-правил. Если примета без ущерба для смысла заменяется типом «б», перед нами усеченный тип «а» примет-правил; если же такая замена невозможна, мы имеем дело со вторым типом примет — собственно прогнозов.

Ср.: *Если через перья лука дуть, то лук пойдет в стрелку и пропадут головки* (белорус.);

Если вы (случайно) опрокинули стул, вы не выйдете замуж (не женитесь) в этом году (амер.).

Можно сказать: «Не дуй через перья лука», так как человек волен дуть или не дуть. Но нельзя сказать: «Не опрокидывай стул», так как предотвратить случайное падение стула человек не может. В первом случае перед нами усеченный тип «а» примет-правил, во втором — второй тип примет — собственно прогнозов. Следует отметить, что для различения примет-правил усеченного типа «а» и второго типа примет-прогнозов можно применить лишь **негативный** усеченный тип «б» примет-правил. Применение усечения **позитивного** типа «б» приводит к совершенно иному явлению. Форма «Дуй через перья лука» (чтобы, скажем, навредить соседу), равно как и форма «Опрокинь стул» (чтобы не выходить замуж за нелюбимого человека), возможна. Но в данном случае речь уже идет о трансформации: как примета-правило негативного характера (табу), так и примета — собственно прогноз превратились в примету-правило позитивного характера (колдовство).

Подтверждением тому, что такие превращения возможны не только в эксперименте, но и бытуют, может служить примета — собственно прогноз *На пиру бьется посуда — к счастью хозяина* (рус.). Общеизвестен факт преднамеренного разбивания на пиру посуды с целью обеспечить благополучие хозяина, т. е. примета в данном случае принимает вид: «Разбей на пиру что-то из посуды, чтобы обеспечить счастье хозяину». Перед нами пример трансформации приметы — собственно прогноза в примету-правило позитивного характера (колдовство).

Вопрос о внутривидовой трансформации примет, по нашему мнению, заслуживает самостоятельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. Дандис относит это явление к эволюции примет [17, с. 29].

² Эти две группы примет также различаются по характеру отношений прогнозирующей части к прогнозируемой. А. Дандис, анализируя названные отношения у примет групп «signs» и «magic», приходит к выводу о том, что в группе «signs» — они временные, а в группе «magic» — причинно-следственные [17, с. 30—31]. В наших группах «примет—собственно прогнозов» (= «signs») и «примет-правило» (= «magic») четко прослеживаются эти же отношения.

³ Психофизиологическое состояние человека мы относим к явлениям природы.

⁴ К естественным приметам мы относим и приметы сельскохозяйственного календаря, приуроченные к церковным праздникам, типа *Сорок мучеников — еще сорок утренников* (рус.); *На Сампсона дождь — семь недель тож* (рус.), поскольку приуроченность — явление вторичное, а в своей сути они — обобщение естественных наблюдений. См. результаты проверки некоторых примет, приуроченных к церковным праздникам, в статье Л. Балашева [2, с. 83—86].

ЛИТЕРАТУРА

1. Армянский фольклор. М., 1967.
2. Балашев Л. Народная метеорология. — «Наука и жизнь». 1975, № 9.
3. Вьетнамские народные пословицы и поговорки. М., 1958.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.
5. Державин Н. Очерки быта южнорусских болгар. II. Поверья. — «Этнографическое обозрение». 1898, № 4.
6. Китайские народные поговорки, пословицы и выражения. М., 1958.
7. Корейские народные пословицы, поговорки и выражения М., 1958.
8. Курдские пословицы и поговорки. М., 1972. .
9. Миляко Л. И. Суеверия и приметы. Минск, 1973.
10. Невский Н. А. Фольклор островов Мияко. М., 1978.
11. Пермяков Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда. — «Типологические исследования по фольклору». М., 1975.
12. Романова А. В. и Мыреева А. Н. Фольклор звенков Якутии. Л., 1971.
13. Рукописные фонды Киевского института фольклора и этнографии. Шифры $\frac{ф\ 1-5}{393}$, $\frac{ф\ 1-5}{422}$.
14. Стрижев А. Н. Календарь русской природы. М., 1972.
15. Тертычная М. Миллион снов. Киев, 1912.
16. Шахнович М. И. Приметы в свете науки. Л., 1963.
17. Dundes A. The Structure of Superstition. — «Midwest Folklore». 1961, vol. 11, № 1.
18. Nai-tung Ting. Chinese Weather-Proverbs. — «Proverbium». 1972, № 18.

Приложение

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ 1975 — НАЧАЛА 1982 г.*

*1. Статьи и монографии***

- А й м б е т о в Каллы. Каракалпакский фольклор. Нукус, 1977, с. 86—117 [на каракалпак. яз.].
- А л е к с е е н к о М. А. Паремные новообразования афористического характера в сочинениях В. И. Ленина (1917—1923 гг.). — «Вісник Львівського університету». 1975. Філологія. Вып. 9, с. 9—18.
- А л и з а д е З. А. Отношение пословиц и поговорок к фразеологии (На примере азербайджанского языка). — «Советская тюркология». 1979, № 2, с. 48—59.
- А н и к и н В. П. О «логико-семиотической» классификации пословиц и поговорок. — Русский фольклор. Вып. 16. Историческая жизнь народной поэзии. Л., 1976, с. 263—279.
- А н н а н у р о в А. Специфика синтаксических конструкций, использованных в туркменских пословицах и поговорках (Материал для ист. синтаксиса). — Проблемы исторической грамматики туркменского языка. Аш., 1980, с. 101—125 [на туркм. яз.].
- Б а й м а т о в а Т. А. Оказиональное употребление пословично-поговорочных клише в «Шах-наме» Фирдоуси. — «Известия АН ТаджССР». Отделение общественных наук. 1976; № 1, с. 61—69.
- Б а й м а т о в а Т. А. Текстовые функции изречений-клише в «Шах-наме» Фирдоуси. — «Известия АН ТаджССР». Отделение общественных наук. 1976, № 2, с. 75—81.
- Б а р д а в е л и д з е Д. Ритмическое сложение пословиц. — Грузинский фольклор. 8. Тб., 1979, с. 67—77 [на груз. яз.].
- Б у р х а р д т Д. Пословицы как объект исследования науки о коммуникации и семиотики. — «Български фолклор». Кн. 4, 1980, с. 35—52 [на болгар. яз.].
- Б у ш у й А. М. Принципы отражения немецкой фразеологии в двуязычной лексикографии. Самарканд, 1979, 74 с. [В работе варяду с другими фразеологическими единицами учитываются и паремии нескольких структурно-грамматических типов.]
- Б у ш у й А. М. Паремнологический минимум по немецкому языку для средней школы. — Проблемы методики преподавания различных дисциплин в школе и вузе. Самарканд, 1979, с. 4—29.
- Б ы к о в а А. А. [Рец. на:] Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). — НАА, 1979, № 5, с. 236—239.

* В составлении предлагаемой библиографии приняли участие советские филологи А. М. Бушуй (Самарканд), А. А. Крикманн (Тарту), Л. Р. Концевич и Б. Л. Рифтин (Москва), а также зарубежные ученые Матти Кууси (Финляндия), Агнес Семеркени (Венгрия), Думитру Станчу (Румыния), Йорданка Коцева (Болгария), Богуслав Бенеш (Чехословакия).

** Приведенный ниже список ни в коем случае не претендует на полноту: во-первых, в него не вошли многие публикации, неизвестные или недоступные составителю (в первую очередь зарубежные), а во-вторых, при отборе известного материала предпочтение отдавалось работам, в которых паремии рассматривались не только как фольклорные тексты, но и как языковые образования (знаки языка).

- Быкова С. А. О семантической структуре и выразительных средствах японских пословиц и поговорок. — «Вестник Московского университета». Востоковедение. 1978, № 2, с. 39—48.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Изд. 2-е. М., 1976. 248 с. [гл. «Лингвострановедческий план афористики» — с. 162—195].
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., Прохоров Ю. Е. Лингвострановедческий словарь: к вопросу об учебной паремнографии. — «Русский язык за рубежом». 1975, № 1, с. 81—84.
- Волоцкая З. М. Способы номинации в загадках. К вопросу о произвольности языкового знака. — «Структура текста-81». Тезисы симпозиума. М., 1981, с. 96—99.
- Вяльцева С. И. Замена компонентов как один из способов стилистического использования английских пословиц. — Исследования по лексикологии и фразеологии. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1976, с. 66—90.
- Гацаров С. Синтаксический строй киргизских пословиц и поговорок. Фрунзе, 1979. 140 с. [на кирг. яз.].
- Гвоздев В. В. О структурно-семантических особенностях текста пословиц (на материале французского языка). — Науч. труды МГПИИЯ им. М. Торгеза. Вып. 148, 1979, с. 186—197.
- Гвоздев В. В. О некоторых лексических особенностях французских и русских пословиц. — Науч. труды Курского ГПИ. Т. 48, 1975, с. 13—27.
- Гельгардт Р. Р. Клишированные сочетания слов («беллетризмы») в литературных текстах. — Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. Калинин, 1980, с. 143—162.
- Гплевич Н. С. Поэтика белорусских загадок. Минск, 1976. 127 с. [на белорус. яз.].
- Гиреев В. Ю. Структурно-семантические особенности вайнахских пословиц и поговорок. — Вопросы вайнахского синтаксиса. Грозный, 1980, с. 29—44.
- Григас К. Литовские пословицы. Сравнительное исследование. Вильнюс, 1976. 346 с. [на литов. яз. Резюме на рус. и англ. яз.].
- Григас К. Методологические вопросы сравнительного изучения балтийских и славянских пословиц. VIII Международный съезд славистов. Препринт. Вильнюс, 1978. 29 с.
- Гюльмяниц К. М. К проблеме контрадикторных сравнений. — «Беларуская лінгвістыка». Вып. 9. Минск, 1976, с. 51—56 [на белорус. яз. Резюме на рус. и нем. яз.].
- Давыдова О. А. Числительные в русских пословицах и поговорках. — Специфика фольклорной лексики и фразеологии. — Науч. труды Курского ГПИ. Т. 186. Курск, 1978, с. 15—27.
- Дандис Алан. О структуре пословицы. — Паремнологический сборник. М., 1978, с. 13—34.
- Дьерке З. Некоторые особенности синтаксической структуры русских пословиц и поговорок, представляющих собой простое двусоставное предложение. — A Juhász Gyula tanárképző főiskola tudományos közleményei. Szeged, 1978, с. 55—67 [на рус. яз.].
- Ефимов Ю. Ф. Из наблюдений над вариантностью пословично-поговорочных выражений в чувашском языке. — Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики. Вып. 74. Чебоксары, 1977, с. 69—83.
- Жигулев А. М. Сила образного слова (Крылатые слова, пословицы и поговорки в выступлениях В. И. Ленина). М., 1979. 95 с.
- Илларионова Ю. Г. Учите детей отгадывать загадки. Пособие для воспитателя детского сада. М., 1976. 127 с. [В книге предпринята попытка описать некоторые приемы отгадывания метафорических загадок.]
- Карапетян Г. О. Предисловие. — Армянский фольклор. М., 1979, с. 3—24.
- Карастойчева Цветана. Элементы загадки в молодежном жаргоне. — Язык и поэтика на българския фолклор. София, 1980, с. 152—165.

- К ё н г э с - М а р а н д а Элли. Логика загадок. — Паремнологический сборник. М., 1978, с. 249—282.
- К о к а р е Э. Я. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках. Рига, 1978. 294 с.
- К о к а р е Э. Я. Критерии интернационального и национального характера паремий. — Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: поэтика и стилистика. М., 1980, с. 160—191.
- К о с т о м а р о в В. Г., В е р е щ а г и н Е. М. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре (вступит. ст.). — В. П. Ф е л и ц и н а, Ю. Е. П р о х о р о в. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. М., 1979, с. 3—17.
- К о ч е в Николай. Латинские изречения в сочинениях В. И. Ленина. — «Язык и литература». София, 1980, № 6, с. 1—10.
- К р и к м а н н А. А. Заметки к статье Вильмоша Фойта «Вопросы общей теории пословиц». — Parömiologie-Sitzung des IV. Internationalen Finno-Ugristen Kongresses. «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae». Т. 26, 1977, с. 174—179 [на рус. яз.].
- К р и к м а н н А. А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословиц. — Паремнологический сборник, М., 1978, с. 82—104.
- К у с и Матти. К вопросу о международной системе пословичных типов (Опыт классификации количественных пословиц). — Паремнологический сборник. М., 1978, с. 53—82.
- Л а в о н е н Н. А. Карельская народная загадка. Л., 1977. 132 с.
- Л а з у т и н С. Г. Поэтика русского фольклора. Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М., 1981. 221 с. [В книге рассматриваются сюжет и композиция, язык и поэтический стиль, ритмика и метрика фольклорных произведений, в том числе пословиц и загадок.]
- Л е в и н Ю. И. Семантическая структура загадки. — Паремнологический сборник. М., 1978, с. 283—314.
- Л е в и н Ю. И. Логико-семиотический эксперимент в фольклоре. — «Семиотика и информатика». Вып. 16. ВИНТИ. М., 1981, с. 145—162. [В статье анализируются пословицы с аномальной логической структурой и пословицы-парадоксы.]
- Л и м С у. Предисловие [Об особенностях корейских пословиц, поговорок и близких к ним форм, а также о принятой автором-составителем классификации изречений по признакам их паремнологической и грамматической структуры.] — Корейские народные изречения. На кор. и рус. яз. М., 1982, с. 10—46.
- М а й х р о в и ч С. К. Пословицы и поговорки. Исторический очерк. Минск, 1976. 125 с. [на белорус. яз.].
- М е з е н к о Ю. О. Синонимика в газетном афоризме. — «Журналистика». Вып. 7. Киев, 1979, с. 130—141 [на укр. яз.].
- М и т р о ф а н о в а В. В. Русские народные загадки. Л., 1978. 180 с.
- М у к а н о в М. М. О казахском устном творчестве: пословицах, айтсах в их отношении к трактовке интеллектуальной деятельности (к проблеме психологического подхода в изучении устного творчества в историко-этническом аспекте). — «Психология». Вып. 4, А.-А., 1976, с. 87—101. [В статье, в частности, рассматривается специфическая форма казахских загадок — так называемые «состязательные загадки», исполняемые народными поэтами на поэтических турнирах — айтсах.]
- М у к а н о в М. М., Н у р г а л и е в К. А. Изучение процесса отгадывания загадок в зависимости от языка и контекста (К обоснованию психологического подхода исследования процесса отгадывания загадок). — Исследование интеллектуальной деятельности в историко-этническом аспекте. А.-А., 1978, с. 18—37.
- Н е к л о д о в С. Ю. [Рец. на:] Г. Л. П е р м я к о в. Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1979. — НАА, 1980, № 6, с. 231—234.
- Очерки по истории каракалпакского фольклора. Раздел 13. Пословицы и по-

- говорки. с. 149—161. Раздел 14. Терме и толгау [каракалпакские фольклорные жанры, функционально близкие к пословицам], с. 161—165. Раздел 15. Загадки, с. 165—182. Таш., 1977.
- П а з я к М. М. Проблемы современной паремиологии. [Рец. на:] Паремиологический сборник. М., 1978. — «Народна творчість та етнографія». Киев, 1980, № 1, с. 94—97 [на укр. яз.].
- П а з я к М. М. Интернациональное и национальное в паремиологии. [Рец. на:] К о к а р е Э. Я. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках. Рига, 1978. — «Народна творчість та етнографія». Киев, 1980, № 4, с. 84—87 [на укр. яз.].
- П а з я к М. М. Иван Франко — собиратель и издатель пословиц и поговорок. — «Народна творчість та етнографія». Киев, 1981, № 4, с. 37—46 [на укр. яз.].
- Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст.) Сост., ред. и предисл. Г. Л. Пермякова, М., 1978. 320 с.
- П а р п у л о в а Л. Употребление народных пословиц как форма современного существования фольклора. — «Български фолклор». Кн. 2, 1977, с. 3—13 [на болгар. яз.].
- П е р м я к о в Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда. — Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В. Я. Проппа. М., 1975, с. 247—274.
- П е р м я к о в Г. Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений. — Паремиологический сборник. М., 1978, с. 105—135.
- П е р м я к о в Г. Л. Грамматика пословишной мудрости (вступит. ст.). — Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1979, с. 7—61.
- П е р м я к о в Г. Л. От редактора [о смысловом соответствии уйгурских и русских пословиц]. — Уйгурские пословицы и поговорки. На уйг. и рус. яз. и с рус. параллелями. Собраны М. К. Хамраевым. Сост. и пер. с уйг. М. К. Хамраев и Ю. И. Левин. М., 1981, с. 5—9.
- П е р м я к о в Г. Л. О сборнике Лим Су «Корейские народные изречения». — Корейские народные изречения. На кор. и рус. яз. Сост., пер., примеч. и предисл. Лим Су, М., 1981, с. 5—9.
- П е р м я к о в Г. Л. К вопросу о русском паремиологическом минимуме. — Словари и лингвострановедение. Сб. статей под ред. Е. М. Верещагина. М., 1982, с. 131—137.
- П р я д о х и н М. Г. Китайские недоговорки-иносказания. М., 1977. 148 с.
- Р а й х ш т е й н А. Д. О семантической структуре пословиц. — Теоретические вопросы романо-германской филологии. Республиканский сборник. Горький, 1976, с. 204—214.
- Р о ж д е с т в е н с к и й Ю. В. О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок. — Паремиологический сборник. М., 1978, с. 211—229.
- Р о ж д е с т в е н с к и й Ю. В. Введение в общую филологию. М., 1979. [См. разделы: «Фольклорные правила речевого этикета», где широко учитываются пословицы, с. 20—25; «Паремии о диалоге», с. 30—31; «Паремии о монологе», с. 31—36; «Народная этимология (на примере пословиц)», с. 36—39.]
- Р о й з е н з о н Л. И. К лингвистической интерпретации загадки в связи с некоторыми проблемами фразеологии. — Труды Самаркандского университета им. А. Навои. Вып. 277. Вопросы фразеологии. VII. Самарканд, 1976, с. 18—34.
- Р у б и н ч и к Ю. А. К вопросу о разграничении персидских пословиц и поговорок. — Труды Самаркандского университета им. А. Навои. Вып. 277. Вопросы фразеологии. VII. Самарканд, 1976, с. 186—196.
- С а д о в а я Г. Г. Некоторые лингвистические принципы классификации сентенций. — Сборник научных трудов Ташкентского университета, № 512. Таш., 1976, с. 118—126.
- С а с о в а Е. [Рец. на:] Паремиологический сборник. М., 1978. — «Български фолклор». Кн. 3, 1979, с. 79—80 [на болгар. яз.].

- Секретарь Л. А. К вопросу об актуальном членении пословиц и поговорок. — Семантико-грамматические характеристики фразеологизмов русского языка. Л., 1978, с. 49—54.
- Тарланов З. К. Реликтовые формы в коллекциях русских пословиц по записям XVII—XX вв. — Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1979, с. 60—74.
- Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии», 6—8 февраля 1980 г. Харьков, 1980. [В частности, тезисы докладов Л. Г. Авксентьева, Н. Г. Корж и Ю. В. Цимбалюк о латинских изречениях и их современном использовании в укр. и рус. яз.]
- Федоренко Н. Т. Меткость слова (Афористика как жанр словесного искусства). М., 1975. 255 с.
- Фойт Вильмош. Вопросы общей теории пословиц. — Parömiologie-Sitzung des IV. Internationalen Finno-Ugristen Kongresses. «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae». T. 26, 1977, с. 164—174 [на рус. яз.].
- Харитонов М. Как пользоваться сборником [вступит. ст.]. — Осетинские (дигорские) народные изречения. М., 1980, с. 9—17.
- Христов Пасий. Имплицитное глагольное содержание в безглагольных пословицах и поговорках. — «Български язык». Кн. 2, 1981, с. 123—131.
- Цаллагова З. В. Афористические жанры осетинского фольклора как многовидовая художественная система. — Проблемы литературы и эстетики. Орджоникидзе, 1979, с. 158—167.
- Черепанова О. А. Явление прозопопеи и языковые средства ее реализации в заговорах и заклинаниях. — Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1979, с. 4—12.
- Черкасский М. А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (Пословицы и афоризмы). — Паремнологический сборник. М., 1978, с. 35—52.
- Швыдка Я. И. Анализ структуры значения пословиц и афоризмов английского языка. — Лексико-грамматическая сочетаемость в германских языках. 2. Челябинский ГПИ. Челябинск, 1977, с. 159—167.
- Швыдка Я. И. К вопросу об определении клишированных фраз. — Фразеологическая система немецкого и английского языков. Челябинск, 1979, с. 95—104.
- Швыдка Я. И. Сопоставительный анализ английских и русских пословиц. — Фразеологическая система языка. Челябинский ГПИ. Челябинск, 1976, с. 165—170.
- Abraham R. D. The Complex Relations of Simple Forms. — Folklore genres. Ed. by Dan Ben-Amos. Austin—London, 1976, с. 193—214.
- Alster Bendt. Studies in Sumerian Proverbs. — «Mesopotamia». Vol. 3. Copenhagen, 1975. 157 с.
- Der Aphorismus. Zur Geschichte, zu den Formen und Möglichkeiten einer literarischen Gattung. Hrsg. von G. Neumann. (Wege der Forschung. Bd 356). Darmstadt, 1976. 509 с. [В сб. представлено 18 статей по истории и теории афоризмов, написанных в период с 30-х по 70-е годы.]
- Agora Shirley L. Proverbial Comparisons and Related Expressions in Spanish. Folklore Studies 29. University of California. Berkeley, 1977. 521 с.
- Ваба S. Frazologia jako tworzywo dowcipu jezykowego fraszek i aforyzmów S. J. Leca. — Przegląd humanistyczny. Warszawa, 1979, r. 23, № 9, с. 91—99. [Фразеологический анализ эпиграмм и афоризмов С. Е. Леца.]
- Ваба S. Parafrazy przysłów w stałej rubryce «Ilustrowanego kuriera polskiego». — «Stare przysłowia no powemu». — Poradnik jęz. Warszawa, 1979, r. 8, с. 387—392. [Анализ парафраз польских пословиц и поговорок.]
- Вакос J. Neves megyei szóllások és közmondások. — Magy. nyelvör. Budapest, 1979. 103 évf., 4. sz., с. 452—467. [Стилистические особенности народных венгерских пословиц и поговорок.]
- Варкат Robert A. A Contextual Study of Arabic Proverbs. — FFC, № 226, 1980. 52 с.

- В a r n e s D. R. Telling in Slant: Emily Dickinson and the Proverb. — «Genre». Vol. 12, 1979, № 2, с. 219—241. [Обыгрывание пословиц в письмах и стихах Э. Дикинсон.]
- В a ş ğ ö z I. Riddle-Proverbs and the Related Forms in Turkish Folklore. — «Proverbium». № 18 Реферат на рус. яз. — Паремнологический сборник. М., 1978, с. 317—318.
- В e n - A m o s Dan. Solutions to Riddles. — JAF. Vol. 89, 1976, № 352, с. 249—254.
- В e n t z i e n U. Rätsel. — Deutsche Volksdichtung. Eine Einführung. Lpz., 1979, с. 241—260. [В статье рассматриваются различные формы и функции немецких загадок.]
- В î r l e a Ovidiu. Metafora în zicători, proverbe și ghicitori. — «Poetica folclorică». București, 1979, с. 67—76. [Метафора в поговорках, пословицах и загадках.]
- В u i V ă n N g u y ê n. Âm vang tục ngữ' ca dao trong tho' quốc âm của Nguyễn Trãi. — Ngôn ngữ. Hà-nôi, 1980, № 3, с. 29—37. [Влияние пословиц и поговорок на стихи Нгуен Чая.]
- В u r i d a n t S. Nature et fonction des proverbes dans les «Jeux-Partis». — «Rev. des sciences humaines». Rhétorique du proverbe. № 163, 1976, с. 377—418.
- В u r n s T. A. Riddling: Occasion to Act. — JAF. Vol. 89, 1976, № 352, с. 139—165.
- В ü c k i n g J. J. H. Versuch einer medicinischen und physikalischen Erklärung deutscher Sprichwörter und sprichwörtlicher Redensarten. 1797. Neudruck: Lpz., 1976. 578 с.
- С e r q u i g l i n i J., С e r q u i g l i n i B. L'écriture proverbiale. — «Rev. des sciences humaines». Rhétorique du proverbe. № 163, 1976, с. 359—375.
- Д a n i e l s K. Neue Aspekte zum Thema Phraseologie in der gegenwärtigen Sprachforschung. — «Muttersprache». Wiesbaden, 1976, с. 257—293.
- Ergebnisse der Sprichwörterforschung. Hg. von Wolfgang Mieder. Bern, 1978, 255 с.
- Е v a n s D. Riddling and the Structure of Context. — JAF. Vol. 89, 1976, № 352, с. 166—188.
- Folklore Genres. Ed. by Dan Ben-Amos. Publications of the American Folklore Society. Vol. 26. University of Texas Press. Austin—London, 291 с.
- Г l a z i e r J. and G o r f a i n G l a z i e r Ph. Ambiguity and Exchange: The Double Dimension of Mbeere Riddles. — JAF. Vol. 89, 1976, № 352, с. 189—238.
- Г r a m b o R. Models of Metaphorical Riddles. Preliminary Considerations on Cognitive Folkloristics. — «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae». T. 28, 1979, fasc. 1—4, с. 351—373.
- Г r e e n T. A., P e r i c e l l o W. J. The Folk Riddle. A Redefinition of Terms. — «Western Folklore». Vol. 38, 1979, № 1, с. 3—20. [В работе дается лингвистический анализ загадки.]
- Г r o s s e S. Das syntaktische Feld des Aphorismus. — Der Aphorismus. Darmstadt, 1976, с. 378—398.
- Н a n s e n E. Den sproglige Kliché. En studie i pragmatisk stilistik. — «Dan. Studier». København. Bd 73, 1979, с. 5—23. [Клише как языково-стилистический феномен. На материале датского языка.]
- Н a s a n - R o k e m G a l i t. Proverbs in Folk-Tales: a Structural Semantic Model for Folklore in Context. — «Proverbium Paratum». Bulletin d'information sur les recherches paremiologiques. Budapest, 1980, № 1, с. 36—45.
- Н o r á l e k Karel. Folclorica slavica. Několik stručných marginálií. — «Slavia». Vol. 46, 1977, № 2, с. 215—219: «Příslaví a sémantika textů».
- Ж a e n e s k e - N i c k e l J. Zauberspruch. — Deutsche Volksdichtung. Eine Einführung. Lpz., 1979, с. 195—220. [Об источниках, форме и собирании заклинаний и заговоров.]

- J a k o b s o n R. Notes on the Makeup of a Proverb. — Linguistic and literary studies in honor of Archibald A. Hill. The Hague, 1979, с. 83—85. [Структура пословицы *Первый блин комом.*]
- J a s o n H. Proverbs in Society: The Problem of Meaning and Function. — «Proverbiум». № 17, 1971. Реферат на рус. яз. — Паремнологический сборник. М., 1978, с. 239—240.
- J i g a C. T. Essai d'une typologie sémantique des proverbes portugais et roumains. — «Atti XIV Congr. intern. di linguistica e filologia romanza». Vol. 4. Napoli, 1977, с. 451—459. [Семантическая типология португальских и румынских пословиц.]
- K a e m m e r J. E. Tone Riddles from Southern Mozambique. — Forms of folklore in Africa. Ed. by Bennth Lindfors. Austin—London, 1977, VIII+281 с. [Сборник статей из журнала «Research in African Literature» за 70-е годы.]
- K a i v o l a - B r e g e n h ø j A. The Nominativus Absolutus Formula. — One Syntactic-Semantic Structural Scheme of the Finnish Riddle Genre. Transl. by Sinisalo S. Helsinki, 1978. 127 с. (FFC. Vol. 94, 2, № 222).
- K a l l e n J. L., E a s t m a n C. M. «I Went to Mombasa, there I Met an Old Woman...» Structure and Meaning in Swahili Riddles. — JAF. Vol. 92, 1979, № 363—366, с. 418—444.
- K a n i a S. Przysłowia na lekcjach języka polskiego. — Z teorii i praktyki dydaktycznej języka polskiego. T. 3. Katowice, 1980, с. 221—238. [Рез. на рус. и англ. яз. Формальные, семантические и функциональные особенности пословиц. Использование при обучении польскому языку.]
- K a n y ó Z. A közmondások szemiotikai analizise. — «Ethnographia». Vol. 87, 1976, № 3, с. 389—394. [Семiotический анализ пословиц.]
- K a n y ó Z. Sprichwörter. Analyse einer einfachen Form. Ein Beitrag zur generativen Poetik. Budapest, 1981. 310 с. [Лингвистический, логико-семиотический и художественный анализ пословиц.]
- К и н д с т р а н д J. F. The Greek Concept of Proverbs. — «Eranos». Acta philologica suecana. Vol. 76, 1979, с. 71—85. [О пословицах в текстах древнегреческих авторов и об отношении античных философов к пословицам.]
- К и р с ч е н б л а т т - G i m b l e t t B. Toward a Theory of Proverb Meaning. «Proverbiум». № 22, 1973. Реферат на рус. яз. — Паремнологический сборник. М., 1978, с. 241—244.
- К о р а л и н с к и W. Kot w worku czyli z dziejów powiedzeń i nazw. Warszawa, 1975. 183 с. [Исследование натурализовавшихся в польском языке интернациональных идиом и пословиц.]
- К о с о в á M. Slovenská paremiológia a perspektivy jej ďalšieho rozvoja. — «Slovenský národopis». 1975, № 4, с. 553—565.
- К о с о в á M. Projekt vydania slovenských prísloví. — «Slovenský národopis». 1981, № 4, с. 517—523.
- K r i k m a n n A. Veerev kivi ei sammeldu. — Keel, mida me harime. Koostanud Mart Mäger. Tallinn, 1976, с. 130—140. [На примере пословицы «Катящийся камень мхом не обрастает» демонстрируются аспекты семантической неопределенности пословичного текста: неопределенность денотации, «глубинных функций», инфраструктуры.]
- K r i k m a n n A. Folkloristliku kartograafia töömait. Eskiis hobuse ja härja geograafiast. — «Keel ja Kirjandus». 1978, № 11, с. 665—674. [В статье рассматриваются некоторые аспекты влияния социально-исторических факторов на географическое распространение и распределение фольклорных явлений. В частности, приводятся результаты эксперимента, проведенного автором для выяснения наличия/отсутствия географической корреляции между фактами материальной жизни и фактами фольклора.]
- K r i k m a n n A. Some Aspects of Proverb Distribution. — Symposium «Mathematical processing of cartographic data» (Tallinn, December 18—19, 1979). Summaries. Tallinn, 1979, с. 28—44. [Работа посвящена географическому распределению эстонских пословиц.]
- K u u s i M. Itämerensuomalaisuuden profiili Viron Yleisimmissä sananlaskuissa. —

- «Virittäjä». Helsinki, 1976, № 1, с. 108—125. [Классификация пословиц по степени общности.]
- K u s i M. Southwest African Riddle-Proverbs. — «Proverbium». № 12, 1969. Реферат на рус. яз. — Паремнологический сборник. М., 1978, с. 315—316.
- K u s i M. Suomalaista, karjalaista vai savokarjalaista? Vienen ja Pohjois — Aunuksen sananlaskut ja Kalevalan runojen alkuperäkiista. Suomi, Iyväskylä, 1978. [Финское, карельское или саво-карельское? Пословицы Беломорья и Северного Аунуса и полемика вокруг происхождения калевальских рунических песен.]
- L a u r s o n Juriij u. Marianna. Wanhan Venäjän viisautta, huumoria, uskomuksia. Porvoo, 1978. 77 с. [Мудрость, юмор и суеверия старой России.]
- L a y t o n Monique J. Luba and Finnish Riddles: A Double Analysis. — JAF. Vol. 89, 1976, № 352, с. 239—248.
- L i e b e r Michael D. Riddles, Cultural Categories and World View. — JAF. Vol. 89, 1976, № 352, с. 255—265.
- M e s s e r y A. An Attempt at the Semantic Interpretation of Some English Proverbs. — «Prace jezykoznavcze». Vol. 63, 1979, с. 71—82.
- M i e d e r W. Das Sprichwort in unserer Zeit. Frauenfeld, 1975. 121 с.
- M i e d e r W. Das Sprichwort in der deutschen Prosaliteratur des neunzehnten Jahrhunderts. München, 1976. 200 с.
- M i e d e r W. Der Krieg um den Krug! Ein Sprichwortgefecht. Zum 200. Geburtstag Heinrich von Kleists. — «Muttersprache». Jg. 87, 1977, № 3, с. 178—192 [Статистический анализ пословиц в комедии Г. Клейста «Разбитый кувшин».]
- M i e d e r W. Sprichwörtliche Schlagzeilen in der Wochenzeitung. Untersuchung der «Zeit» für das Jahr 1977. — «Muttersprache». Jg. 88, 1978, № 2, с. 93—105.
- M i l l e r C. H. The logic and rhetoric of proverbs in Erasmus's «Praise of Folly». — Essays on the works of Erasmus. New Haven, London, 1978, с. 83—98.
- M i l n e r G. From Proverb to Riddle and Vice Versa. — «Proverbium». № 15, 1970. Реферат на рус. яз. — Паремнологический сборник. М., 1978, с. 317.
- M l a s e k J. Celostátny seminár o prísloviach. — «Slovenská reč». Bratislava, 1981, № 2, с. 112—114. [Общереспубликанский семинар по пословицам. 27 октября 1980 г. ЧССР.]
- M l a s e k J. Pranostiky a frazeológia. — «Slovenská reč». Bratislava, 1981, № 4, с. 206—212. [Приметы и фразеология.]
- M l a s e k J. Slovenská frazeológia. Bratislava, 1977.
- M o k i j e n k o V. O rusko-českém a česko-ruském slovníku příslovií. — Materiály z II. sympozia o bohemistice v zahraničí. Jaroslav Tax a kolektiv. Universita Karlova. Praha, 1980, с. 68—84. [О русско-чешском и чешско-русском словарях пословиц.]
- M w e l a - U b i K. La proverbe Taabwa. — «Africa». Rome, 35, 1980, № 2, с. 191—216. [Форма и содержание пословиц народа таабва.]
- N a g y Gábor O. A magyar frazeológiai kutatások története. Budapest, 1977. 99 с. [История венгерских фразеологических исследований.]
- N e g r e a n u C. Proverbele românilor. Considerații asupra structurii lor lingvistice și stilistice. Univ. Timișoara, 1979. 200 с. [Диссертация. Румынские пословицы. Исследование их лингвистической и стилистической структур.]
- N ö t h W. Dynamik semiotischer Systeme. Vom altenglischen Zauberspruch zum illustrierten Werbetext. Stuttgart, 1977. VII+204 с.
- O l l i e r M.-L. Proverbe et sentence. Le discours d'autorité chez Chrétien de Troyes. — «Revue des sciences humaines». Rhétorique du proverbe. № 163, 1976, с. 329—357.
- Oral Proverbs Speech and Practice Sayings. M., 1976. 167 с. [Авт.: Афанасьева Н. А., Биренбаум Я. Г., Вященко В. С. и др. Учебное пособие для институтов и факультетов иностр. яз.]
- Parömiologie-Sitzung des IV. Internationalen Finna-Ungarischen Kongresses. «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae». T. 26, 1977, fasc. 1—2, с. 163—184 [на рус. яз.].
- P e l l a t Ch. Sur la formation de quelques expressions proverbiales en Arabe. — «Arabica». T. 23, 1976, fasc. 1, с. 1—12.

- Pe picello W. J. Linguistic Strategies in Riddling. — «Western folklore». Vol. 39, 1980, № 1, с. 1—16.
- Per miakov G. The Logico-Semiotic Level of Proverbs and Sayings: Towards a Classification of the Genre. — Russian Poetics in Translation. Vol. 3. General Semiotics. Ox., 1976, с. 12—32.
- Per myakov G. L. From Proverb to Folk-Tale (Notes on the General Theory of Cliché). Transl. from the Russian by Y. N. Filippov. M., 1979, 286 с.
- Peukes G. Untersuchungen zum Sprichwort im Deutschen. Semantik, Syntax, Typen. — Serie Philologische Studien und Quellen. H. 86. B., 1977. 183 с. [Пословицы и поговорки в системе современного немецкого языка. Синтаксис и семантика, место пословиц в ряду лексико-синтаксических образований.]
- Por M., Ru xandoiu P. Literatura aforistică și enigmatică. — «Folclor literar românesc». București, 1976, с. 230—249. [Афористическая литература.]
- Pr ofantova Zuzana. K poetike pranostik. — «Slovenský národopis». 1981, № 4, с. 530—536.
- Proverbium Paratum. Bulletin d'information sur les recherches parémiologiques. Budapest, 1981, № 2.
- Reiter N. Messen und Werten in Sprache und Sprichwort. — «Zeitschrift für Balkanologie». Jg. 14, 1979, с. 120—151.
- Rhétorique du proverbe. Revue des sciences humaines. Préparé par Claude Buridant, 1976. 160 с.
- Ricks Ch. Clichés. The State of the Language. Berkeley, 1980, с. 54—63.
- Riddles and Riddling. — JAF. Vol. 89, 1976, № 352. Special Editor of this issue and author of the introduction (с. 127—138) Elli Köngäs Maranda.
- Rogoz A. Cimiliturile (ghicitorile) și rădăcinile invariantelor grafematice. — Semiotica folclorului. București, 1975, с. 181—232. [Лингвосемиотическое исследование загадок.]
- Röhrich L. Einleitung (zum Wörterbuch): Lutz Röhrich. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Bd 1. Freiburg — Basel — Wien, 1976, с. 9—34.
- Röhrich L., Mieder W. Sprichwort. Stuttgart, 1977. 137 с.
- Roșianu N. Maxima populară. — «Folclor literar rus». București, 1979, с. 61—81. [Народная максима.]
- Roșianu N. Stereotipie și originaletate în Maxima populară. — Maxima populara Rusă și corespondentele Românești. București, 1979, с. 5—26. [В статье обсуждается вопрос о клишированности пословиц и поговорок, в частности описывается логико-семиотическая классификация изречений.]
- Rozgonyné M. E. A szólások grammatikájához. — A Juhás Gyula tanárképző főiskola tudományos közleményei. Szeged, 1978, с. 127—133. [Грамматическая структура пословиц.]
- Rujan A. Ghicitoarea în folclorul românesc. Univ. Cluj-Napoca, 1979. 200 с. [Диссертация. Загадка в румынском фольклоре.]
- Sandmann G. Studien zu altenglischen Zaubersprüchen. Münster, 1975. 255 с.
- Scherner B. Kumükische Sprichwortsammlungen aus den Jahren 1903, 1911 und 1926. Anmerkungen zur äußeren Form, Sprache und Herkunft mit einem Ausblick auf neuere Sammlungen. — CAJ. Bd 22, 1978, № 1—2, с. 71—101.
- Scott Ch. T. On Defining the Riddle: The Problem of a Structural Unit. — Folklore genres. Ed. by Dan Ben-Amos. Austin — London, 1976, с. 77—90.
- Seitel P. Proverbs: A Social Use of Metaphor. — Folklore genres. Ed. by Dan Ben-Amos. Austin — London, 1976, с. 125—143.
- Setton-Smith B. A Developmental Structural Account of Riddles. — Speech Play: Research and Resources for the Study of Linguistic Creativity. Ed. Barbara Kirshenblatt-Gimblett. Philadelph. Univ. of Pennsylvania Press, 1976.
- Stanciu D. Ecouri ale stăpînirii otomane în parémiologia balcanică. — Anuarul Institutului de istorie și arheologie. Iași, 1977, с. 431—437. [Отзвуки османского господства в балканской паремиологии.]

- Stanciu D. Remarks About Experience of Sea in the Romanian Proverb. — Anuarul Institutului de istorie și arheologie. Iași, 1980, с. 11—20. [Морские мотивы в румынских пословицах.]
- Stanciu D. G. L. Permyakov. From Proverb to Folk-tale. Notes on the General Theory of Cliché. — Studii de Literatură Universală, XXI. Societatea de Științe Filologie din Republica Socialistă România. București, 1980.
- Stanciu D. G. L. Permyakov. From Proverb to Folk-tale. Notes on the General Theory of Cliché. «Ethnologica». Bucuresti, 1981.
- Szemerényi Á. A szólások szemiotikai analízise. — Jel és közösség. Budapest, 1975, с. 57—65. [Семиотический анализ поговорок.]
- Szemerényi Á. A parömiológia néhány kérdése. — «Népi Kultúra-Népi Társadalom». 1977, IX evf., с. 29—37. [Некоторые вопросы паремии.]
- Szemerényi Ágnes. A közmondások használata. — Tanulmányok Nógrádsípek Fölklorjáról. Budapest, 1980, с. 235—267. [Использование пословиц.]
- Tabarcea C. Poetica proverbului. București, 1982.
- Tabarcea C. Statutul semiotic al proverbului. — «Studii și cercetări lingvistice». București, 1977, № 5, с. 509—524. [Резюме на англ. яз. Семиотический статус пословицы.]
- Tabarcea C. Structura semantico-stilistică a proverbelor românești. Univ. București, 1978. 217 с. [Диссертация. Семантико-стилистическая структура румынских пословиц.]
- Tabarcea C. Proverbul și speciile înrudite. — Proverb și zicătoare. — «Analele Univ. București. Limba și literatura română». 1980, с. 95—103. [Лингвистические аспекты паремии.]
- Tamás F. Szólások és használóik. — «Hevesi Szenle». 1979, № 4, с. 48—53. [Поговорки и их использование.]
- Teboul M. Sur une famille d'expressions proverbiales du dialecte de Peking. — BEFEO. Vol. 62, 1975.
- Tröstelova Z. Pravidla verbálního chování v ruských příslovích. — «Ruský jazyk». 1981, № 5, с. 234—236. [Отклик на разделы, касающиеся паремий, в книге Ю. Рождественского «Введение в общую филологию». М., 1979.]
- Vaulet J. Proverbs et diction Rabelaisiens. Vol. 1. Espalion, 1975. 262 с.
- Vöigt V. Új jelenségek a szölkutatásban. — Magyar Nyelv, 1975, с. 404—410. [Новые явления в исследовании поговорок.]
- Vrabie Ch. Discursul gnomie sau sententios. — Reticora folclorului. Bucuresti, 1978, с. 279—288. [Афористическая речь.]
- Winkler L. Deutsches Recht im Spiegel deutscher Sprichwörter. 1927. Neudruck. Лpz., 1977. 272 с.
- Zavarin V., Coote M. Theory of the Formulaic Text. — «Working Papers and Prepublications», № 88—89. Ser. B. Centro Internazionale di Semiotica e di Linguistica. Urbino, 1979. 43 с. [Описание общей теории клише Г. Л. Пермякова, изложенной в книгах «Избранные пословицы и поговорки народов Востока» и «От поговорки до сказки».]
- Žolkovskij A. At the Intersection of Linguistics, Paremiology and Poetics. On the Literary Structure of Proverbs. — «Poetics». Amsterdam, Vol. 7, 1978, № 3, с. 309—332. [О связи между моделью «смысл — текст», паремииологической моделью Пермякова и моделью «тема — приемы выразительности — текст».]
- Zumthor P. L'épiphonème proverbial. — «Revue des Sciences humaines». Rhétorique du proverbe. № 163, 1976, с. 313—328.
- Zvebil K. V. Irula Riddles. BSO(A)S. Vol. 42, 1979, p. 2, с. 361—368. [Публикация и анализ загадок ирула.]

На китайском языке

- В а н Ц и н ь. Яньюй сехоуэй гайлунь (Очерки по пословицам и недоговоркам). Чанша, 1980. 193 с.
- М а Г о - ф а н ь, Г а о Г э - д у н. Сехоуэй (Недоговорки). Хох-Хото, 1979, 299 с.
- М а Г о - ф а н ь. Чэньюй (Устойчивые выражения). Хох-Хото, 1978. 341 с.
- Н и Б а о - ю н ь. Чэньюй бяньси (Анализ устойчивых выражений-чэньюев). Пекин, 1979. 369 с.
- Н и н Ц ю й. Яньюй. Гэань. Сехоуэй (Пословицы. Крылатые слова. Недоговорки). Хубэй, 1980. 77 с.
- С ю й Ч ж а о - б э н ь. Чэньюй чжиши цянътань (Общие сведения об устойчивых выражениях-чэньюях). Пекин, 1980. 199 с.
- У Ч ж а н ь - к у н ь, М а Г о - ф а н ь. Яньюй (Пословицы). Хох-Хото. 1980.
- Ч ж э н Ч ж а о - л и. Сехоуэй цзи ци цзай вэньсюэ-чжунды инюн (Недоговорки-сехоуэй и их использование в литературе). — «Миньцзянь вэньсюэ». Пекин, 1978, № 3, с. 74—84.
- Х у а н С я н - ж у н. Яньюй-ды хуачуань (Об ошибочном употреблении слов). — «Миньцзянь вэньсюэ». Пекин, 1979, № 3, с. 72—73.
- Ш и Ш и. Ханьюй чэньюй яньцзю (Исследование устойчивых выражений-чэньюев китайского языка). Чэнду, 1979. 557 с.

На японском языке

- Котоба-но асоби то гэйдзюцу. — Нихонго-но кодза. Т. 2. Сост. Икэда Ясабуро. Токио, 1976, 250 с. [2-й том шеститомного издания лекций по японскому языку. Статьи японских исследователей Икэда Ясабуро, Накао Тацуро, Такэда Акира, Игути Тацуо, Накаи Кодзиро, Нисимура Тору, Судзюки Тодзо, Цутида Мицүфуми, посвященные изучению словесных игр и языковых клише в фольклоре и литературе.]
- С уд з у к и Тодзо. Котоба асоби (Языковые игры). Изд. 6-е. Токио, 1978. 249 с.
- С уд з у к и Тодзо. Нихонго-но сярэ (Каламбуры в японском языке). Токио, 1979. 367 с.
- С уд з у к и Тодзо. Надзо-но кэнкю (Исследование загадок). Токио, 1981. 381 с.

*II. Авторефераты кандидатских и докторских диссертаций *,
защищенных с начала 1975 по начало 1981 г.*

- А л ь - Д у р и Музхир Нуман. Иракские народные пословицы и поговорки. (Идейно-художественный анализ). АҚД. М., 1979, 25 с.
- Б а й м а т о в а Т. А. Семантико-структурная характеристика пословичных изречений «Шах-наме» Фирдоуси. АҚД. М., 1977. 20 с.
- Б о н д а р е н к о Д. В. Эстетика языка украинских народных пословиц и поговорок. АҚД. Киев, 1977. 25 с.
- Б о н д а р е н к о Л. Ф. Структурно-семантические особенности пословиц как специфического разряда устойчивых фраз современного немецкого языка. АҚД. Киев, 1977. 25 с.
- В я л ь ц е в а С. И. Речевое использование английских пословиц. АҚД. М., 1977. 16 с.
- Е ф и м о в Ю. Ф. Лексико-грамматические особенности чувашских пословиц и поговорок. АҚД. А.-А., 1978. 18 с.

* Автореферат на соискание ученой степени кандидата (филологических) наук в списке обозначен сокращенно АҚД, а автореферат на соискание степени доктора наук — АДД.

- Крикманн А. А. К проблематике исследования содержания и мировоззрения пословиц. АКД. Таллин, 1975. 55 с.
- Лисс А. Н. Использование пословичных фразеологизмов в процессе обучения английской речи на старших курсах языкового факультета (киргизская аудитория). АКД. М., 1976. 25 с.
- Оконов Б. Б. Калмыцкие народные пословицы и поговорки. АКД. М., 1975. 20 с.
- Параскевич Г. В. Структурные особенности и стилистические функции имен существительных в белорусских пословицах. АКД. Минск, 1976. 19 с.
- Перевозчикова Т. Г. Удмуртские народные загадки. АКД. М., 1980, 18 с.
- Прохоров Ю. Е. Лингвострановедческое описание русской афористики в учебных целях. АКД. М., 1977. 25 с.
- Садовая Г. Г. Языковая природа и стилистические функции сентенции (на материале англ. яз.). АКД. М., 1976. 23 с.
- Тяпкина А. С. Устойчивые дефинитивные афоризмы английского языка (функционально-семантический аспект). АКД. М., 1975. 29 с.
- Хисомов Камар. Взаимосвязь таджикских устных и письменных пословиц (Количественный анализ 100 типов). АКД. Душ. 1978. 28 с.
- Цаллагова З. Б. Афористические жанры осетинского фольклора (Поэтика и ист.-этнол. основы). АКД. М., 1980. 16 с.
- Шукрия Р. И. Курдские пословицы и поговорки (Идейно-художественный анализ). АКД. М., 1976. 20 с.
- Янголь А. В. Белорусские пословицы и поговорки. АКД. Минск, 1975. 23 с.

* * *

- Ализаде З. А. Азербайджанские пословицы и поговорки и их лексико-семантический анализ. АДД. Баку, 1981. 55 с.
- Тригас К. Й. Литовские пословицы (Сравнительное исследование). АДД. Вильнюс, 1979. 45 с.
- Жокаре Э. Я. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках. АДД. М., 1979. 30 с.
- Жоломиец Л. И. Фразеология украинского языка второй половины XVI—первой половины XVII в. (генезис и стилистическое использование). АДД. Киев, 1978. 48 с. [В работе широко учитывается паремиологический материал.]
- Рубинчик Ю. А. Фразеология персидского языка. АДД. М., 1975. 41 с. [Часть 4 работы посвящена фразеологизмам-предложениям, в том числе пословицам, поговоркам, проклятиям и другим паремийным формулам, рассматриваемым в рамках фразеологии.]
- Тилавов Б. Современный пословичный репертуар таджикского народа. АДД. Душ., 1975. 44 с.
- Фазылов М. Ф. Персидско-таджикские литературные пословицы и поговорки (материалы и исследования). АДД. Душ., 1976. 109 с.

III. Собрания пословиц, поговорок, загадок и других паремий

- Абдурахимов М. Узбекско-русский словарь афоризмов. Таш., 1976. 216 с.
- Алтайские загадки. Сост., пер. и авт. предисл. К. Е. Укачина. Горно-Алтайск, 1981. 176 с. [на рус. и алт. яз.].
- Армянские пословицы и поговорки. Сост. и пер. Л. Задорожная (Мудрость народная. Сб. 18). Киев, 1976. 135 с. [на укр. яз.].
- Армянский фольклор. Сост. и пер. Г. О. Карапетян. М., 1979. 375 с. [Пословицы, поговорки (с. 209—366), загадки (с. 170—208), одномоментные (односитуационные) анекдоты и побасенки (с. 160—169).]

- В л а х о в С. Русские пословицы с болгарскими переводами и соответствиями. София, 1980. 312 с. [На болгар. яз. Сборник включает 1700 русских пословиц и поговорок и около 2 тыс. их болгарских эквивалентов.]
- В о р о н ц о в В. Служение музам. Афоризмы, изречения, высказывания отечественных и зарубежных авторов о литературе и искусстве. М., 1976. 214 с.
- В о р о н ц о в Вл. Симфония разума. Афоризмы и изречения отечественных и зарубежных авторов. М., 1977. Изд. 2-е. 622 с.
- Вьетнамские пословицы и поговорки. Сост. и пер. М. Кашель (Мудрость народная. Сб. 22). Киев, 1977. 174 с. [на укр. яз.].
- Грузинские пословицы и поговорки. Сост. и пер. Рауль Чилачава (Мудрость народная. Сб. 13). Киев, 1975. 142 с. [на укр. яз.].
- Испанские пословицы и поговорки. Сост. и авт. вступит. ст. М. Жердиневская. Пер. с исп. М. Литвинец (Мудрость народная. Сб. 30). Киев, 1980. 110 с. [на укр. яз.].
- Казахские пословицы и поговорки. Сост. и пер. М. Аккозин. А.-А., 1975. 88 с.
- Казахские пословицы и поговорки. Сост. и пер. Ф. Моргун (Мудрость народная. Сб. 17). Киев, 1976. 126 с. [на укр. яз.].
- Каракалпакский фольклор. Т. III. Каракалпакские народные загадки. Нукус, 1978. 208 с. [на каракалпак. яз.].
- Каракалпакский фольклор. Т. IV. Каракалпакские народные пословицы и поговорки. — Нукус, 1978. 348 с. [на каракалпак. яз.].
- Киргизские пословицы и поговорки. Сост. и пер. М. Гайдай (Мудрость народная. Сб. 21). Киев, 1977. 159 с. [на укр. яз.].
- Киргизско-русские пословицы, поговорки и изречения. Сост. и пер. Сыргабек Шамбаев. Авт. предисл. Сапарбек Закиров. Фрунзе, 1979. 340 с. [на кирг. и рус. яз.].
- К и т и к о в А. Е. Марийские народные приметы. Йошкар-Ола, 1977. [1272 приметы на мар. яз. с рус. пер.].
- К о в а л ь А. П., К о п т л о в В. Р. Крылатые слова в украинском литературном языке. Афоризмы. Литературные цитаты. Образные выражения. Киев. Изд. 2-е, 1975. 335 с. [на укр. яз.].
- Коми народные загадки. Сост. Плесовский Ф. В. Сыктывкар, 1975. 111 с. [на коми и рус. яз.].
- Корейские народные изречения. На корейском и русском языках. Сост., пер., примеч. и предисл. Лим Су. М., 1981. 360 с. [В сборнике представлено более трех тысяч пословиц, поговорок и близких к ним форм, классифицированных по признакам их паремиологической и грамматической структуры.]
- Корейские пословицы и поговорки. Сост. и авт. вступит. ст. В. Иванова. Пер. с кор. В. Иванова и Ф. Скляр (Мудрость народная. Сб. 29). Киев, 1978. 166 с. [на укр. яз.].
- Литовские пословицы и поговорки. Сост. и пер. Н. Непорожная (Мудрость народная. Сб. 14). Киев, 1975. 191 с. [на укр. яз.].
- Малые жанры русского фольклора. Пословицы, поговорки, загадки. Хрестоматия. Сост. В. Н. Морохин. М., 1979. 284 с.
- М а х м у т о в Х. Татарское народное творчество. Загадки. Сост., автор вступит. ст. и примеч. Х. Махматов. Казань, 1977. 272 с. [на татар. яз.].
- М и л е в Ал., П о р т а л с к и М. Латинский язык. Латинские изречения и сентенции. Изд. 2-е. София, 1976. 304 с. [на болгар. яз.].
- Монгольские пословицы и поговорки. Сост. и пер. З. В. Шeverина (Мудрость народная. Сб. 24). Киев, 1977. 119 с. [на укр. яз.].
- Мудрость веков. Мысли, афоризмы, крылатые выражения тридцати столетий. Ред. Т. Боров и др. Изд. 3-е. София, 1979. 640 с. [на болгар. яз.].
- Мудрые советы на каждый день. Собр. М. Григоров. София, 1979. 336 с. [на болгар. яз.].
- Н е в с к и й Н. А. Фольклор островов Мьянма. М., 1978. [Загадки, пословицы, поверья — с. 92—98 и 158—161.]
- Немецкие пословицы и поговорки. Сост. и пер. Ю. Лисняк (Мудрость народная. Сб. 16). Киев, 1976. 167 с. [на укр. яз.].

- Образцы фольклора цыган-кэлдэрарей. Издание подготовили Р. С. Деметер и П. С. Деметер. М., 1981. [Раздел «Пословицы и поговорки» — с. 192—208.]
- Олейник И. С., Сидоренко М. М. Украинско-русский и русско-украинский фразеологический словарь. Киев, 1978. 447 с.
- Оруджев А. А. Азербайджанско-русский фразеологический словарь. Баку, 1976. 247 с.
- Осетинские (дигорские) народные изречения. На осет. (дигорском) и рус. яз. Из собрания Г. А. Дзагурова. Сост. М. С. Харитонов. Пер. М. С. Харитонов по подстрочнику Г. Б. Дзагурова. М., 1980. 355 с. [В сб. представлено около двух тысяч пословиц и поговорок, расположенных по логико-тематическим группам, а также другие виды изречений.]
- Осетинские пословицы и поговорки. Сост. В. М. Гадзаов. Орджоникидзе, 1977. 190 с. [на осет. яз.]
- Пашали У., Маматов Р. Немецкие народные пословицы и поговорки и их эквиваленты в узбекском языке. Самарканд, 1975. 82 с. [на узб. яз.]
- Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М., 1979. 671 с. [Книга посвящена описанию смысловой структуры пословиц, рассматриваемых в двух аспектах — как знаки и модели логических ситуаций и как образные тексты. В результате изложения становится понятной «грамматика пословичной мудрости», т. е. логическая система, организующая пословичные богатства народов. Центральную часть книги составляет собрание пословиц, иллюстрирующее основные идеи автора. В сборнике представлено около двенадцати тысяч пословиц и поговорок. Примерно половина из них на русском языке публикуется впервые.]
- Пословицы, афоризмы. Сост. А. Л. Чавлешвили. Батуми, 1977. 87 с. [на груз. яз.]
- Пословицы и поговорки в двух книгах (Белорусское народное творчество). Сост., авт. вступит. ст. и коммент. М. Я. Грынблат. Минск, 1976. Кн. 1 — 560 с., кн. 2 — 616 с. [На белорус. яз. Наиболее полный научный систематизированный свод белорусских пословиц и поговорок. Содержит 12 463 пословицы и поговорки, извлеченные из старых изданий и архивов, а также из новых записей.]
- Пословицы и поговорки Кубы. Сост. и пер. с исп. М. Москаленко (Мудрость народная. Сб. 20). Киев, 1977. 143 с. [на укр. яз.]
- Пословицы и поговорки народов Востока. [Сокращенный перевод на каракалпакский язык одноименного русского сборника, изданного в 1961 г.] Пер. У. Досманов и А. Турдимуратов. Нукус, 1980. 143 с. [на каракалпак. яз.]
- Пословицы и поговорки сьэрралеонских креолов. На языке крио и русском. Сост., пер., авт. предисл. и примеч. М. В. Дьячков. М., 1977. 104 с.
- Проделки хитрецов. Изд. 2-е. М., 1977. [В приложении дана подборка пословиц о хитрецах, мудрецах и простаках, с. 517—523.]
- Румынские пословицы и поговорки. Сост. и пер. С. Семчинский (Мудрость народная. Сб. 26). Киев, 1978. 223 с. [на укр. яз.]
- Русские народные пословицы и поговорки. Сост. и авт. вступит. ст. В. Г. Бойко. Киев, 1979. 264 с.
- Саха таабырыннара. Якутские загадки. Сост., пер., авт. вступит. ст. и коммент. С. П. Ойунская. Якутск, 1975. 375 с. [на якут. и рус. яз.]
- Слово о науке. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты. Сост., авт. предисл. и введения к главам Е. С. Лихтенштейн. Кн. 1. М., 1976. 302 с. Кн. 2. М., 1981. 272 с.
- Соловьев В. П., Соловьева В. А. Молдавско-русский фразеологический словарь. Кишинев, 1976. 223 с.
- Сулейманов Х. С., Навои А. Афоризмы. Таш., 1977. 151 с. [Текст паралл. на узб., рус., перс., англ., нем., франц., итал., яп. яз.]
- Таджикские пословицы и поговорки. Сост. и пер. О. К. Шокало (Мудрость народная. Сб. 23). Киев, 1977. 175 с. [на укр. яз.]
- Тирукурал. Праведность, мудрость, любовь. Избранные афоризмы. Пер. с тамил. и авт. предисл. А. Ибрагимов. М., 1980. 173 с.

- Туркменские пословицы и поговорки. Сост. и пер. М. Михайлов (Мудрость народная. Сб. 25). Киев, 1978. 150 с. [на укр. яз.]
- Туркменские пословицы и поговорки. Изд. 2-е. Сост., пер., коммент. Б. А. Кар-
рыев. Аш., 1980, 152 с. [на туркм. яз.]
- Уйгурские пословицы и поговорки. На уйг. и рус. языках и с рус. параллелями.
Собраны М. К. Хамраевым. Сост. и пер. М. К. Хамраев и Ю. И. Левин.
М., 1981. 182 с.
- Уйгурские пословицы и поговорки. Сост. и пер. Г. Садвакасов и Ш. Кибиров.
А.-А., 1978. 200 с. [на уйг. и рус. яз.]
- Уральские пословицы и поговорки. Сост. И. Зайцев. Челябинск, 1978. 93 с.
- Фазылов М. Ф. Словарь таджикско-персидских пословиц, поговорок и
афоризмов. Т. 1—3. Душ., 1975—1978 [на тадж. яз.]
- Фелицина В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки
и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. М., 1979. 237 с.
- Цзацзуань. Изречения китайских писателей IX—XIX вв. Изд. 2-е. Сост.
В. А. Вельгус. Пер., авт. предисл. и примеч. И. Э. Циперович. М.,
1975, 135 с.
- Цымбалюк Ю. В., Краковецкая Г. А. Крылатые латинские изре-
чения. Киев, 1976. 192 с. [на рус., укр. и лат. яз.]
- Чешские и словацкие пословицы и поговорки. Сост. и пер. Ю. Лисняк (Мудрость
народная. Сб. 12). Киев, 1975. 191 с. [на укр. яз.]
- Шамбасв Сыргабек, Закиров Сапарбек. Русские паремии с толкова-
нием. Фрунзе, 1976. 279 с. [на кирг. яз.]
- Эстонские пословицы в трех томах. Т. 1. Под ред. А. Крикманна и И. Сарв. Тал-
лин, 1980. 912 с. [на эст. яз.]. [В кн. представлено 5000 пословичных типов
с многочисленными вариантами.]
- Apuței M. Dictionar de proverbe german-român. București, 1978, 232 с.
[Словарь румынско-немецких пословиц.]
- Arvoituksat. Finnish Riddles. Toim. Leea Virtanen. Annikki Kaivola-Bregenh-
øj and Aarre Numan. Helsinki, 1977. 286 с. [Сборник финских народ-
ных загадок с комментариями.]
- Benazegaf R. Refranero. Recueil de Proverbes Judéo-Espagnols du Maroc. P.,
[б. г.] (Prefacio datiert 1975). 150 с. [Сборник пословиц испанских
евреев Марокко.]
- Bhose A. Proverbe și cugetări bengaleze. București, 1975. 156 с. [Бенгаль-
ские пословицы и афоризмы.]
- Bogdan I. Gr. Proverbe și cugetări despre omonie. București, 1975. 268 с.
[Пословицы и афоризмы о человечности.]
- Daniel C. Maxime, sentințe și aforisme, den Egiptul antic. București,
1975. 100 с. [Изречения древнего Египта.]
- Diaconu V., Marinescu-Him M. Proverbe și cugetări latine.
București, 1976. 270 с. [Латинские пословицы и афоризмы.]
- Dobrișan N. Proverbe, maxime și aforisme arabe. București, 1976. 270 с.
[Арабские пословицы и афоризмы.]
- Duduleanu M. Femeia în proverbele lumii. București, 1975. 334 с.
[Женщины в пословицах мира.]
- Duduleanu M. Proverbele lumii despre calități și defecte. București,
1978. 524 с. [Пословицы мира о достоинствах и недостатках.]
- Finnisch-Deutsches Sprichwörterbuch. Suomalais-saksalainen sananlaskukirja.
Hrsg. I. Schellbach-Kopra. Helsinki—Bonn, 1980. 138 с. [В сборнике
представлено 610 финских народных изречений с переводом на немец-
кий язык и частично с немецкими эквивалентами.]
- Freiberg M. Spicuri den înțelepciunea spaniolă. București, 1976, 476 с.
[Сборник испанских изречений.]
- Ghițescu M. Dictionar de proverbe spaniol-portughez-român. București,
1980. 152 с. [Румынско-испанско-португальский словарь пословиц.]
- Gornescu E. Dictionar de proverbe francez-român. București, 1975.
166 с. [Французско-румынский словарь пословиц.]

- G o r u n e s c u E. Dicționar de proverbe roman-francez. București, 1978. 180 с. [Румынско-французский словарь пословиц.]
- G y a r a y G. Ki mondtá? Miért mondtá? (Szeeskó Tamás zajzajval.) Budapest, 1977. 229 с. [Афоризмы в венгерском языке.]
- H o r i l a T. Someron sananparsia. Vammala, 1977. [Пословицы и поговорки, велеризмы и сравнения из Сомеро. Около 6100 паремий.]
- H u l s t a e r t G. Traditions orales Mongo. Bandundu, 1979. 120. [Словарь пословиц и поговорок языка монго с пер. на франц. яз.]
- ... i starca odmłodzi. Przysłowia, aforyzmy, złote myśli, maksymy, sentencje o pracy. Zebr. i wstępem opatrz. Reichhart B. Warszawa, 1976. 159 с. [Пословицы, афоризмы и максимы о труде.]
- J e d r a s z k o Czesław. Łacina na co dzień. Wydanie piąte poprawione i rozszerzone. Warszawa, 1980. 340 с. [Сборник латинских афоризмов.]
- Kajkiž ptačik — tajke hrčnčko. Wie der Vogel — so das Lied. Serbske prištwowa. Sorbische Sprichwörter. Die Auswahl besorgte Isolde Gardoš, die auch das Vorwort schrieb. Die sorbischen Sprichwörter übertrag ins Deutsche Hartmut Oehme. 1 Aufl. Bautzen, 1978, 170 с.
- K o l b e r g O. Przysłowia. Wyd. 2. Warszawa, 1977. 635 с. [Пословицы.]
- K r z y z a n o w s k i J. Madrej głowie dość dwie słowie. Pięć centurym przysłów polskich i diabelski tuzin. T. 1—3. Warszawa, 1975.
- L e i t e r V. Dicționar de proverbe român-englez. București, 1978. 168 с. [Румынско-английский словарь пословиц.]
- Mälv V. Vadja vanasonad eesti, soome, karjala ja vene vastetega. Tallinna, 1977. [Удмуртские пословицы с эстонскими, финскими, карельскими и русскими соответствиями.]
- M i h ä i l e s c u E. Proverbe, cugetări și definiții despre educație. București, 1977. 478 с. [Пословицы и другие изречения о воспитании.]
- M i h ä i l e s c u E. Omul și convieșuirea socială, cugetări, reflecții. București, 1981. 630 с. [Изречения о человеке и обществе.]
- M ü l l e r J. Hinter den Spiegel zu stecken. Aphorismen. B., 1976. 64 с.
- N i c u l e s c u Radu. Bulgare de aur în piele de taur, culegere de ghicitori. București, 1975. 226 с. [«Кусок золота в бычьей шкуре». Сборник загадок.]
- O m i ł o s c i. Sentencje i zmyślenia. Wybór i opracowanie Roman Szymański. Warszawa, 1980. 135 с. [Сборник сентенций и афоризмов о любви.]
- P a n n A. De la lume adunate și iarăși la lume date, ediție îngrijită de Al. Stănculescu-Bîrda. București, 1976. 190 с. [С мира собраны, миру отданы. Сборник изречений.]
- Proverbs and Sayings of Ireland. Ed. by S. Gaffney and S. Cashman. Dublin, 1976. 124 с.
- R a u b J. Plattdeutsche Sprichwörter und Redensarten zwischen Ruhr und Lippe. Münster, 1976. 332 с.
- R ö h r i c h L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. 3. Aufl. Bd 1—2. Herder. Freiburg — Basel — Wien, 1976. 1255 с. Unveränderte Taschenbuch-Ausgabe. Freiburg (u. a.), 1977.
- R o ș i a n u N. Maxima populară Rusă și corespondentel Romanesti. București, 1979. 272 с. [Русские народные изречения с румынскими соответствиями.]
- Sananlaskut. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 346. Aineiston valinneet K. Laukkanen ja P. Hakamies. Johdannon kirjoittanut M. Kuusi. Vaasa Oy, Vaasa, 1978. 598 с. [Пословицы. Ученые записки общества финской литературы, № 346. Книга содержит около 16 000 пословиц.]
- S e l i a n Sergiu. Proverbe și cugetări armenesti. București, 1979. 246 с. [Армянские пословицы и поговорки.]
- S i m e n s c h u T. Un dicționar al înțelepciunii. Vol. 4. Iași, 1975. [Словарь мудрости.]
- S i m o n D. Eine ganze Milchstrasse von Einfällen. Aphorismen von Lichtenberg bis Raabe. 2. Aufl. Erschienen bei Hinstorff. Rostock, 1976. 303 с.
- Stasti par viltu iekiem. Pasaules folkloras miti, pasakas, fabulas un anekdotes parviltu iekiem, gudriniekem un jokdariem. Sastādītājs un ievada autors

- G. Permjakovs. No krievu valodas tulkojuzas A. Feldhone un I. Rozenstrauha. Riga, 1978. 543 с. [«Проделки хитрецов» на латыш. яз.]
- Stochof W. A. L. Woisika riddles. — Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 1. Rodopi, 1980, с. 376—431. [Воисика — один из неаустронезийских языков на о-ве Алор в Восточной Индонезии. В работе публикуется 100 загадок воисика с комментарием и введением автора.]
- Ström F. Svenska ordstäv. Stockholm, 1978. 368 с. [Шведские пословицы и поговорки.]
- [Świrko S.] Na wszystko jest przysłowie. Popularni wybór przysłów polskich w układzie tematyczno-hasłowym. Wybrał, oprac. Świrko S. Poznań, 1975. 319 с. [Сборник польских пословиц, расположенных по тематическому принципу.]
- Välämäki Antti. Täyttä wärkkiä Sananparsia ja kaskuja Ilmajoelta. Ilmajoki, 1977. [Пословицы, поговорки и шутки из Илмайоки. Всего около 900 единиц.]
- Vasile V. Proverbe și cugetări despre patrie. București, 1977. 512 с. [Изречения о родине.]
- Velika enciklopedija aforizama. Red. V. Brodnjak et. al. 3. izd. Zagreb, 1978. 1025 с. [Энциклопедия афоризмов.]
- Virkunen S. Suomalainen fraosisanakirja Kivesta Kekkoeseen. Keuruu, 1975. [Словарь финских фраз. Содержит около 6000 изречений.]
- Virtaranta P. Karjalaisia sananlaskuja ja arvoituksia. Castrenianumin toimitteita 15. Vammala, 1976. [Карельские пословицы, загадки. 1344 изречения с вариантами из разных местностей Карелии.]
- Virtaranta P. Inkeriläisiä sananlaskuja ja arvoituksia. Castrenianumin toimitteita 18. Vammala, 1978. [Ингерманландские пословицы и загадки. 1269 основных изречений и столько же их вариантов.]
- Vogel-Jørgensen T. Bevingede ord: Mere end 12 000 kendte litteratur-citater, hist. ytringer, sprog-klicheer, talemåder, slagord etc. 5. udg. 3. opl. København, Gad, 1979, 589 с. [Толковый словарь крылатых слов, бытующих в Дании, — исконно датских и пришедших из других языков — с указанием их происхождения.]
- Vöbö I. Dicționar de proverbe român-maghiar. București, 1978. 148 с. [Румынско-венгерский словарь пословиц.]
- Wander K. F. W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. (Neudruck d. Ausg. 1867—1880). Bd 1—5. Darmstadt, 1977.
- Whiting B. J. Early American Proverbs and Proverbial Phrases. Cambridge — London, 1977. 555 с.
- Worte wie Nüsse: freches sorbisches Sprichwörterbuch mit vielen Bildern gefestigter Menschen ins Geräpck und ins Gedächtnis. Peter Mahling. Bautzen, 1980. 68 с. [Серболужицкие паремии.]
- Żądło i miód mądrości. Antologia aforyzmu polskiego. Wybrał i posłowie napisał K. Orzechowski. Wrocław, 1977. 143 с. [Антология польских афоризмов.]
- Záturecký A. P. Slovenské príslovia, porekadlá a úsloviá. Ed. M. Kovová, predml. A. Melicherčík. Bratislava, 1975. 760 с. [Словацкие народные пословицы и поговорки.]
- Zelowa Kniźka: maly serbski prísłownik — Das Kräuterbüchlein. Kleine sorbische Sprichwortsammlung. Pětr Malink. 3 nakład. Budyšin, 1979. 110 с. [Малый сборник серболужицких пословиц.]

На китайском языке

- Ван Цзун-цзе и Хун Хуэй-чжень. Чжун го гэянь яньюй сянь да цыдянь (Большой словарь китайских пословиц.) Тайбэй, 1979. 540 с.
- Ляо Юн-минь, Цао И-фань, Чжун Ни. Яньюй сянь (Избранные пословицы). Лоян, 1981. 246 с.
- Миюй дацюань (Полное собрание загадок). Сост. Шэнь Цзян. Чанша, 1981. 165 с.

- Мийоу цзицинь (Собрание загадок). Сост. Су Цинь. Чуньцин, 1981. 233 с.
- Сехоуэй сюаньбянь (Избранные недоговорки). Сост. Сюй Чжэнь-бан. Яньбянь, 1980. 282 с.
- Сехоуэй сюаньбянь (Избранные недоговорки). Сост. Хуан Минь-юй. Наньчан, 1980. 111 с.
- Сычуань чэньюй яньюй сехоуэй юньбэнь (Сычуаньские устойчивые выражения, пословицы и недоговорки, расположенные по рифмам). Чэнду, 1980. 248 с.
- У Ж у й - ш у. Чжунго чэньюй да цыдянь (Большой словарь устойчивых выражений-чэньюев китайского языка). Тайбэй, 1975.
- Хань-фа чэньюй цыдянь (Китайско-французский словарь устойчивых выражений-чэньюев). Сост. словарной группой факультета западных языков Пекинского ун-та. Пекин, 1979. 551 с.
- Хань-э чэньюй сяо цыдянь (Краткий китайско-русский словарь устойчивых выражений-чэньюев). Сост. Цай И, Ли Иннань и др. Шанхай, 1980. 781 с.
- Чжихуэй-ды хуадо (Цветы мудрости). [Избранные недоговорки.] Наньнин, 1980.

На корейском языке

- К и м С о н ь б ъ. Хангук сусуккекки (Словарь корейских загадок). Сеул, 1977. 350 с. [Сборник содержит около 4500 загадок.]
- Л и Г и м у н. Хангугый соктам (Пословичные изречения Кореи). Сеул, 1978. (Серия: Самсонь мунхва мунко, 84.) 200 с.
- Хангук соктам чип. Хангук минсок хакхве пхён (Сборник корейских пословичных изречений). Сост. корейское фольклористическое общество. Сеул, 1975. (Серия: Сомун мунко, 51). 250 с.
- Ч х в е Г ы н х а к. Ёнь-Хан соктам саджён (Англо-корейский словарь пословичных изречений). Сеул, 1977.
- Ч х в е Г ы н х а к. Хангук соктам саджён (Словарь корейских пословичных изречений). Сеул, 1977.
- Ч х в е С а н ь с у. Хангугый сусуккекки (Загадки Кореи). Сеул, 1977. (Серия: Сомун мунко, 93). 250 с.

На японском языке

- Котоба асоби дзитэн (Словарь языковых игр). Сост. и авт. коммент. Судзуки Тодзо. Изд. 22-е. (Изд. 1-е — 1959 г.) Токио, 1976. 966 с. [Сборник содержит загадки, головоломки, каламбуры, полиандромы, скороговорки и др. «языковые игры».]
- Судзуки Тодзо, Хирота Эйтаро. Кодзи котовадза дзитэн. Изд. 87-е. Токио, 1980. 990 с. [Словарь афоризмов, пословиц и поговорок.]
- Судзуки Тодзо. Дзоку кодзи котовадза дзитэн. Изд. 44-е. Токио, 1980. 722 с. [Продолжение словаря афоризмов, пословиц и поговорок.]

IV. Библиографические издания

- Библиография таджикской фольклористики (1872—1968). Кн. 1 и 2. Сост. М. Негматов под руководством и при участии Исидора Левина (АН ТаджССР Институт языка и литературы им. Рудаки). Душ., 1979. Кн. 1 — 259 с., кн. 2 — 293 с.
- Б у ш у й А. М. Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии. Вып. 4. Самаркандский гос. университет им. А. Навои. Самарканд, 1976. («Паремнология» — с. 171—214; «Словари и сборники афоризмов» — с. 155—157.) [Рецензии: Илларионов С. Ф., Попов Р. Н. — НДВШ «Филологические науки». М., 1978, № 2, с. 118—119; Тахохов Б. А. — «Русский язык и литература в таджикской школе». Душ., 1978, № 6, с. 53—54; Dor Remy. — «Turcica». P., 1979, t. 11, с. 277—278; Ehegötz E. — «Zeitschrift für Slawistik». В., 1979, № 4, с. 579—580; Mlacek J. — «Jazykovedný

- časopis». Bratislava, 1977, № 2, с. 200—201; Хорват Я. — «Studia russica». II. Budapest, 1979, с. 366—374.]
- Бушуй А. М.** Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии. Вып. 5. Самаркандский гос. университет им. А. Навои. Самарканд, 1979. (Гл. 27. «Паремиология» — с. 187—202; гл. 28. «Афористика» — с. 203—206. Кроме того, многочисленные работы по паремиологии указаны в других разделах сборника. [Рецензии: Мелкумова И. А. — «Русский язык в грузинской школе». Тб., 1980, № 1, с. 128—130; Медведев Ф. П. — «Прапор». Харьков, 1981, № 3, с. 136—137; Салимова Р. Х. — «Советская библиография». М., 1980, № 1, с. 77—78; Селиверстова Е. И. — «Русский язык в национальной школе». М., 1980, № 6, с. 39; Умаров Э. А. — «Советская тюркология». Баку, 1980, № 2, с. 81—82; Шойхет Л. Я., Салимова Р. Х. — «Русский язык и литература в узбекской школе». Таш., 1981, № 1, с. 75—77.]
- Бушуй А. М., Салимова Р. Х., Иноятова Ф. Б.** и др. Паремиология Узбекистана. Библиографический указатель по паремиологии. Вып. 2. Самаркандский ГПИ им. С. Айни. Самарканд, 1980, 113 с. [Рецензии: Бекбергенов А., Доспанов У. — Газ. «Советская Каракалпакия». Нукус, 1981, с. 4; Насыров Д. С., Бекбергенов А. — Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. Нукус, 1981, № 1, с. 90; Юлдашев Б. — «Советская тюркология». Баку, 1980, № 6, с. 94—95; Dor Remy. — «Turcica». P., 1981, t. 13.]
- Бушуй А. М., Салимова Р. Х., Саттаров Р.** Паремиология Узбекистана. Библиографический указатель литературы по паремиологии. Вып. 1. Самаркандский ГПИ им. С. Айни. Самарканд, 1978, 208 с. [Рецензии: Иноятова Ф., Каримов И. — Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. Нукус, 1979, № 1, с. 76; Мокиенко В. М. — «Советская тюркология». Баку, 1978, № 5, с. 100—102; Юлдашев Б. — «Советская библиография». М., 1978, № 6, с. 86; Dor Remy. — «Turcica». P., 1979, t. 11, с. 277—278; Unger W. — Deutsche Literaturzeitung für Kritik der internationalen Wissenschaft. В., 1978, Н. 9, с. 656.]
- Лавонен Н. А.** Карельская народная загадка. (Библиография — с. 125—133.) Л., 1977.
- Мастепанов С. Д.** О собирании и публикации пословиц и поговорок Чечено-Ингушетии. Библиографический обзор. — Parömiologie-Sitzung des IV. Internationalen Finno-Ugristen Kongresses. Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. 26, 1977, с. 184—192. На рус. яз.
- Пазяк М. М.** Из истории собирания, систематизации и издания пословиц и поговорок. — «Народна творчість та етнографія». Киев, 1977, № 5, с. 78—86 [на укр. яз.].
- Dundes A.** Folklore Theses and Dissertations in the United States. — American Folklore Society, Bibliographical Series. Vol. 27, 1976.
- Kuusi M.** Sananlaskut ja sananparsikokoelmat. — Sananlaskut, Vaasa, 1978 (с. V—XI).
- Mieder W.** International Bibliography of Explanatory Essays on Individual Proverbs and Proverbial Expressions. Frankfurt am Main, 1977. 146 с.
- Mieder W.** Proverbs in Literature, an International Bibliography. Bern, 1978, 150 с.
- Rohrich L.** Quellen und Darstellungen. — Lexikon der sprichwortlichen Redensarten. Herder. Freiburg u. a., 1977. С. 1191—1213.
- Wander K. F. W.** Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. 5 Bd (Neudruck d. Ausg. 1867—1880). Darmstadt, 1977. [Bibliographie: Bd 1 — с. XXX—LI; Bd 2 — с. IX—XIV; Bd 3 — XVII—XXII; Bd 4 — с. VIII—XII; Bd 5 — с. XV—XVII.]

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редколлегии	5
Т. В. П и в ь я н. Предисловие	7

Ча с т ь I

Загадка

Т. Я. Е л и з а р е н к о в а, В. Н. Т о п о р о в. О ведийской загадке типа <i>brahmodya</i>	14
Э. К ё н г э с - М а р а н д а. Теория и практика анализа загадок (пер. с англ. Т. Погибенко)	47
В. П. М а з у р и к. Японская загадка: общее и специфическое	61
А. К. О г л о б л и н. Типы яванских загадок (К вопросу о соотношении формы и значения)	81

Сообщения, рефераты

О логической структуре некоторых русских загадок. К вопросу об основной функции народных загадок и их научной классификации (Сообщение Н. В. Барабановой, вступительный текст Г. Л. Пермякова)	96
К вопросу об определении загадки (Ch. T. S c o t t. On Defining the Riddle. The Problem of a Structural Unit. — «Folklore Genes». Austin — London, 1976) (реферат А. А. Быковой)	105

Ча с т ь II

Пословица

Ю. И. Л е в и н. Провербиальное пространство	108
Н. Б а р л и. Структурный подход к пословице и максиме (пер. с англ. А. Быковой)	127
А. А. К р и к м а н н. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы	149
З. К а н ь о. Мыслительно-языковые условия отображения структуры пословицы (пер. с нем. Е. Саввиной)	179
Е. Н. С а в в и н а. О трансформации клишированных выражений в речи.	200
Е. В. П а д у ч е в а. О семантических связях между басней и ее моралью (на материале басен Эзопа)	223

Выдержки, рефераты, тезисы, сообщения

О семиотическом изучении малых форм (И. И. Р е в з и н. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977, гл. 6. «Некоторые направления семиотических исследований», с. 210—212)	252
Общее и специфическое в пословицах разных народов (Б. Н. П у т и л о в. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976, гл. 3, «Проблемы исторической типологии жанров», с. 109—111)	255
О коммуникативной форме пословиц (Z. K a n y ó. Kommunikationsform der Sprichwörter. Vortrag an der Konferenz «Kommunikation und Rezeption». Halle, 1978. Автореферат) (пер. с нем. Е. Саввиной)	257
К содержанию понятия «подтекст» в аспекте теории коммуникативной деятельности (М. А. Ч е р к а с с к и й. Тезисы доклада на межвузовской конференции. Материал из архива автора)	259
К вопросу о паремиологическом минимуме	262
I. О паремиологическом уровне языка и русском паремиологическом минимуме (G. P e r m j a k o v. On the paremiological level and paremiological minimum of language. Theses for symposium on Paremiology in connection with Sixth International Congress for Folk Nar-	

	ative Research. Helsinki, June 16—21, 1974. — «Proverbium». № 22, 1973, с. 862—863).	262
	II. Русский паремиологический минимум и его роль в преподавании русского языка (А. Барулин. Тезисы доклада. — Второй международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Варна, 3—8 сентября 1973 года. Тезисы. София, 1973, с. 171).	264
	III. О включении наиболее употребительных русских народных изречений в русско-иноязычные словари (Г. Л. Пермяков. Из статьи «К вопросу о русском паремиологическом минимуме». — Словари и лингвострановедение. Под ред. Е. М. Верещагина. М., 1982, с. 131—137).	265
Об	одном методе описания художественной структуры пословиц (Фрагмент статьи румынского паремиолога Д. Станчу «Румынские пословицы на Балканах» [рукопись, 1978 г.] . . . . .)	269
О	«Своде пословиц таджикского народа» (Сообщение Б. Тилавова из Душанбе)	270

Часть III

Паремии, близкие к пословицам

	А. А. Бывкова. Семиотическая структура велеризмов	274
	Е. Г. Павлова. Опыт классификации народных примет	294
	Приложение. Паремеиологические публикации 1975—начала 1982 г.	300

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник статей

*Утверждено к печати редколлегией серии
«Исследования по фольклору и мифологии Востока»*

Редактор И. Л. Елевич. Младший редактор Т. Н. Толстая. Художник Л. С. Эрман.
Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор М. В. Погоскина.
Корректоры Е. В. Анохина и Г. Э. Пабст

ИБ № 14738

Сдано в набор 27.09.82. Подписано к печати 05.11.83. А-13704. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага
типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 20.
Усл. кр.-отг. 20. Уч.-изд. л. 23,73. Тираж 2300 экз. Изд. № 5060. Тип. зак. 1863.
Цена 2 р. 80 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград В-34, 9 линия, 12

